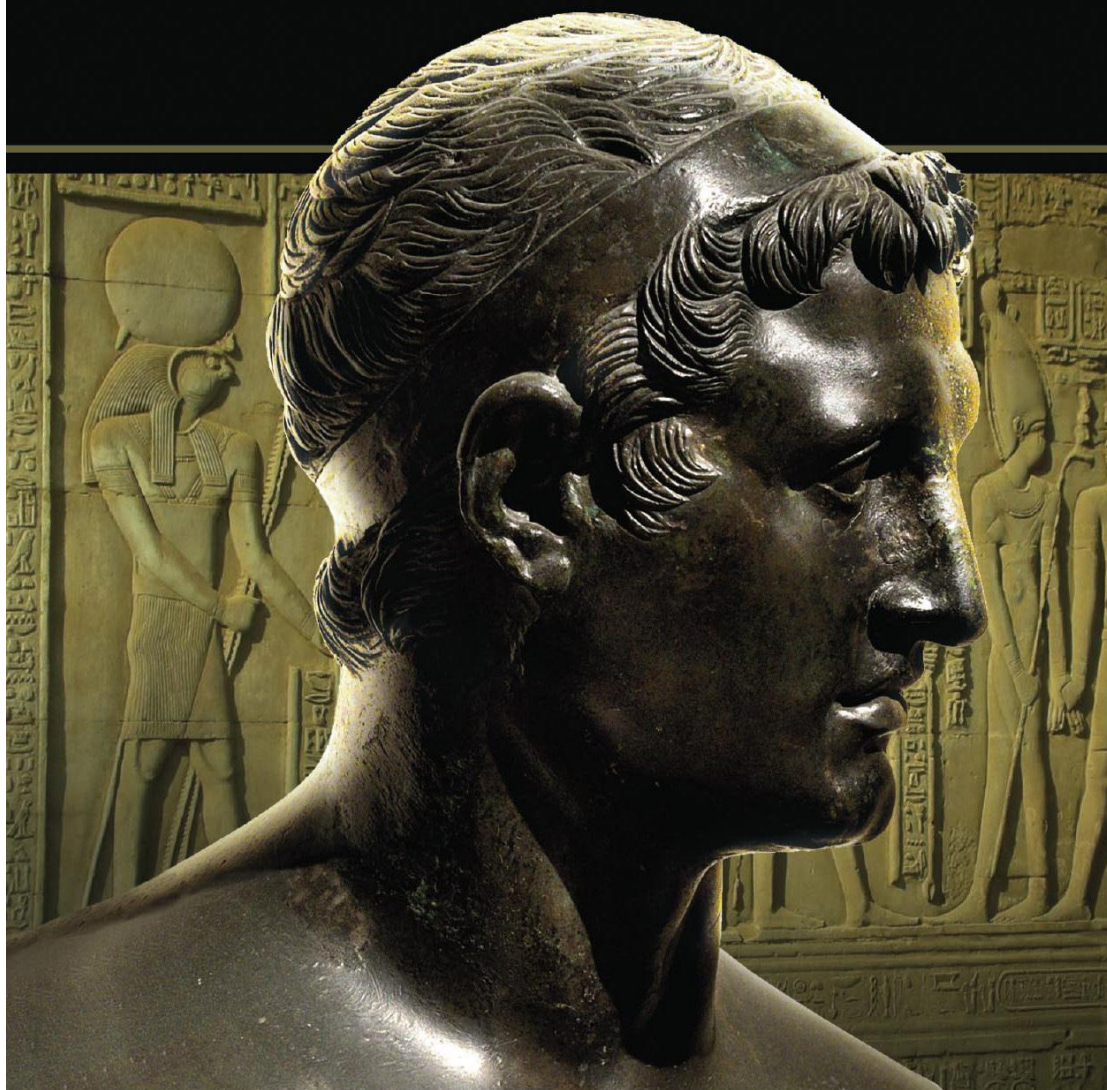

Персиваль Элгуд
Египет под властью Птолемеев. Иноземцы, сменившие
древних фараонов. 325—30 гг. до н.э.

ПЕРСИВАЛЬ ЭЛГУД

ЕГИПЕТ ПОД ВЛАСТЬЮ ПТОЛЕМЕЕВ

ИНОЗЕМЦЫ,
СМЕНИВШИЕ
ДРЕВНИХ ФАРАОНОВ

325—30 ГГ. ДО Н. Э.

ISBN 978-5-9524-5336-4

Аннотация

Египет – страна царей и богов – с незапамятных времен сохранял культурную самобытность, особый уклад и традиции престолонаследования. Покоренная Александром Великим, древняя земля фараонов оказалась под властью чужеземцев – в течение трех столетий Египтом правила могущественная династия Птолемеев. В этой книге вы найдете подробные портреты царей и цариц из македонского рода Лагидов – от Птолемея I Сотера, самого мудрого и гуманного правителя эллинистического мира, до Клеопатры VII, коварной и обольстительной, после гибели которой Египет стал одной из провинций Римской империи. Автор живо и ярко описывает характер и личные взаимоотношения потомков Птолемея I, одни из которых способствовали процветанию государства, а другие, погрязнув в пороках, приближали неминуемый крах монархии.

Персиваль Элгуд Египет под властью Птолемеев Иноземцы, сменившие древних фараонов 325–30 гг. до н. э.

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Центрполиграф», 2018

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2018

Глава 1
Птолемей Сотер
Сатрап с 323 по 305 г. до н. э.
Царь с 305 по 285 г. до н. э.
Умер в 283 г. до н. э.

Царь Македонии Александр, прозванный Великим, в 334 г. до н. э. пересек Геллеспонт¹ и, ураганом пролетев через Малую Азию, Сирию и Финикию, через два года вступил в Египет. В тот момент он находился на перепутье. Он достиг цели, которую поставил перед собой в самом начале, и, если бы захотел, мог бы отправиться домой. Александр вернул свободу греческим городам Малой Азии, освободил Сирию и Египет от власти персов, основал Александрию, город, увековечивший его имя, и, находясь в Мемфисе, получил от верховного жреца Амона-Ра божественные почести, а затем, прибыв в оазис Сива, убедил верховного жреца Зевса-Амона подтвердить его божественное происхождение. Но этого ему было недостаточно. Его воображение рисовало картины огромной державы, занимающей территорию всего неведомого ранее Востока, и весной 331 г. до н. э. он покинул Египет, решив добраться до Индии. Через восемь лет в далеком Вавилоне он умер от лихорадки, и созданное им государство, простиравшееся от Геллеспонта до Инда, от Окса до Нила, распалось. Когда новость о смерти Александра достигла Афин, оратор Демад вопрошал: «Что же будет со всем миром?» Спор между его военачальниками о порядке престолонаследия только добавлял масла в огонь. Последнее слово в утверждении кандидатуры правителя принадлежало рядовым македонцам, и ни один из претендентов на престол не рискнул воспротивиться этой традиции.

Существовал и другой обычай: приближенные покойного царя предварительно определяли, насколько весомыми являются права на трон того или иного кандидата, и, выбрав наиболее подходящего из них, заручались поддержкой войска. Следуя этой традиции, Пердикка собрал соматофилаков, семерых военачальников Александра, чтобы определиться с выбором. Этим людям, относившимся друг к другу с ревностью и подозрением, было нелегко принять какое-либо решение. При жизни Александр не делал различий между соматофилаками – не наделял ни одного из них своим доверием, не

¹ Геллеспонт – древнее название пролива Дарданеллы. (При-меч. пер.)

прислушивался к их советам и не давал возможности проявить инициативу. Верность державе и мечте Александра о всеобщем братстве сошла на нет сразу после его смерти, и каждый из соматофилаков перед походом на совет раздумывал над тем, как использовать смерть правителя в своих интересах.

Но разработать четкие планы удалось только Пердикке и Птолемею. Первого не устраивало положение второго человека после Александра, и, едва тот испустил последний вздох, Пердикка стал мечтать о том, чтобы самому стать его наследником. Наиболее очевидным наследником являлся слабоумный сводный брат Александра Филипп Арридей, но персиянка Роксана, жена покойного царя, была беременна, и Пердикка предложил отложить выборы до тех пор, пока этот ребенок не родится и не выяснится его пол. Его замысел был прост. Он собирался убедить своих товарищей-соматофилаков избрать его на это время регентом, а затем использовать этот пост для того, чтобы обеспечить себя правом на престол, женившись на одной из представительниц македонской царской династии. Клеопатра, сестра Александра и вдова эпирского царя, собиралась выйти замуж во второй раз, и Пердикка стал рассматривать ее в качестве потенциальной невесты.

Члены совета были ошарашены. Пердикка не пользовался большой популярностью, и сразу несколько бывших товарищей готовы были вступить с ним в конфликт. Так поступил Мелеагр. Он вскочил на ноги и стал кричать, что македонские мужчины никогда не ждали, чтобы соблюсти интересы женщин, и что солдаты желают видеть в качестве царя только Филиппа Арридея. Разгорелся жаркий спор. Одни военачальники были готовы ждать, другие заявляли, что необходимо принять решение. Споры продолжались до тех пор, пока Птолемей, человек весьма прямолинейный, пользовавшийся большим уважением, не вызвался помочь бывшим товарищам прийти к соглашению. Они с Пердиккой никогда не питали друг к другу большой любви.

Эти два военачальника вместе штурмовали Скалу Хориена, крепость, мешавшую продвижению Александра к Инду, и Пердикка упорно не желал признавать роль, которую сыграл во взятии этой твердыни Птолемей. При этом последний никогда и ни с кем не ссорился и, уже успев разработать собственный план, намеревался сохранить дружеские отношения с Пердиккой, получившим от умирающего Александра перстень с печатью. По его мнению, членам совета следовало отложить принятие решения до тех пор, пока Роксана не родит. Затем, по его мнению, нужно было поступить так: если на свет появится девочка, то на трон должен будет взойти Филипп Арридей, а если родится мальчик, то наследство Александра будет разделено между ними.

Это был весьма разумный компромисс: отцами обоих наследников являлись цари, а выбирать, какая из их матерей достойнее, не было смысла, так как Филиппа произвела на свет танцовщица из Фессалии, а Роксана была персиянкой, и ее варварское происхождение очень смущало военачальников. Пока же наследника (или наследников) следовало охранять, а территорию державы – разделить между соматофилаками, которые должны будут управлять своими «наделами» и действовать сообща во имя царя царей. Себе Птолемей попросил Египет, далекую и малопривлекательную территорию, мотивировав это тем, что считает себя недостойным нести бóльшую ответственность.

Предложение Птолемея было одобрено всеми членами совета. Каждый из военачальников руководствовался теми же стремлениями, что и Пердикка: все они хотели оказаться как можно дальше от Македонии или получить сатрапию, достаточно большую для того, чтобы в будущем сделать ее независимой. Мелеагр отказался от критики, а Пердикка уверил всех членов совета в своей честности. В итоге последнего избрали главнокомандующим и защитником наследника (или наследников) престола. В благодарность за помощь в разрешении конфликта военачальники постановили отдать Египет Птолемею. Надо сказать, что этот подарок обошелся им довольно дешево, ибо никто, кроме скромного Птолемея, не жаждал управлять территорией, расположенной настолько далеко от центра державы.

Затем соматофилаки приступили к гораздо более приятному занятию – разделу

державы Александра, и надо сказать, что это удалось им без каких-либо конфликтов. Антипатр получил Македонию, Лисимах – Фракию, Антигон – большую часть Малой Азии, Мелеагр – Финикию, Лаомедон – Сирию, а Селевк – Вавилон.

Не успели бывшие телохранители Александра разделить отдаленные азиатские земли, как в македонском лагере раздался шум, из-за которого им пришлось прерваться. Новость о принятом военачальниками решении просочилась наружу. В итоге солдаты, служившие в коннице, и пехотинцы уже готовы были перерезать друг другу глотки. Когда встал вопрос о престолонаследии, противоречия между этими двумя видами войск, не питавшими друг к другу большой сердечной привязанности после недавнего бунта в Опесе, накалились до предела. Воины, входившие в состав фаланги, поклялись, что не будут служить царю, в венах которого течет хотя бы капля персидской крови, а всадники заявляли, что сыну Александра следует дать шанс. Мелеагр вызвался вразумить пехотинцев, и остальные члены совета согласились. Военачальникам следовало выбрать более сговорчивого посредника, так как, оказавшись в лагере, Мелеагр заявил, что поддерживает Филиппа Арридея, и, возглавив фалангу, стал готовиться к нападению. Конница приняла вызов, и на протяжении какого-то времени всем казалось, что стычка неизбежна.

Но затем ситуация стабилизировалась. Пердикка уверил, что достигнутая военачальниками договоренность – всего лишь временная мера, после чего пехотинцы и всадники разошлись по своим частям лагеря. Кризис миновал, но, получив этот урок, новоиспеченные сатрапы стали спешно готовиться к отъезду из Вавилона. Однако ни один из них не собирался покидать город до тех пор, пока Роксана не разрешится от бремени или пока не удастся вытрясти из Пердикки, человека довольно жадного, сумму, необходимую для путешествия в новую сатрапию.

Надо сказать, что в царской сокровищнице было достаточно богатств для того, чтобы покрыть эти расходы. Шестьдесят талантов, хранившихся в войсковой казне Александра, когда он пересекал Геллеспонт, на протяжении всего похода превратились почти в четверть миллиона, но Пердикка ожесточенно торговался и спорил с сатрапами по поводу того, сколько денег он готов им дать и сколько они согласны получить.

Птолемей воспользовался этой задержкой и завладел статуями египетских богов, вывезенными Камбизом и правившими после него персидскими царями из Мемфиса. Пердикка заметил это. Он понимал, какое значение имеют подобные действия Птолемея, но ничего не сказал ни на этот раз, ни тогда, когда будущий правитель Египта решил похоронить Александра в Сиве. Диадохам нужно было выбрать между двумя местами – расположенным в этом оазисе святилищем Зевса-Амона или Эгами, древней столицей Македонии, где по традиции находили свое последнее пристанище члены царской семьи. Довод Птолемея о том, что при жизни Александр часто называл Амона своим отцом, а значит, после смерти сын должен покоиться в храме родителя, показался его товарищам вполне обоснованным. И только один Пердикка продолжал сомневаться. Он не доверял Птолемею, но очень боялся Антипатра, получившего во владение Македонию, и полагал, что в сложившихся обстоятельствах первый из этих двух людей олицетворяет собой меньшее зло. Через некоторое время Роксана родила мальчика, которого назвали Александром, и теперь уже ничто не мешало Птолемею отправиться в Египет.

Тогда ему было около сорока лет. Он находился в самом расцвете сил, был зрелым и уверенным в себе человеком. Годы войны и богатый жизненный опыт закалили его. Широкий лоб Птолемея свидетельствовал о недюжинном уме, резко очерченные скулы и тяжелый подбородок – о сильном характере, а подвижный рот говорил о способности к сопереживанию и пониманию. На монетах того периода (если, конечно, считать их достоверным историческим источником) он изображен с суровым, но в то же время умиротворенным выражением лица. Профиль Птолемея кажется слишком угловатым для того, чтобы его можно было считать красивым. Но так или иначе мы, взглянув на эти изображения, понимаем, что перед нами знатный человек, не чуждый культуре. Птолемей был сыном Лага, ничем не прославившегося землевладельца, и Арсинои, дальней

родственницы македонских царей. Свадьба родителей будущего правителя Египта вызвала всеобщее удивление, и, объясняя этот мезальянс, злобные придворные стали болтать, что Арсиноя могла бы найти более выгодную партию, но не сумела сделать этого из-за подозрений в своей добродетельности. Ходили слухи о том, что эта девушка была одной из многочисленных любовниц Филиппа, и Лаг любезно согласился назваться отцом ее старшего сына. Македонский царь и правда принимал деятельное участие в продвижении Птолемея по службе. Сначала он сделал мальчика одним из «пажей» при своем дворце и так хорошо относился к нему, что позволил дружить с Александром. Мальчики прекрасно ладили, и, когда последний, разозлившись из-за повторного брака отца, тайно покинул двор, верный Птолемей последовал за ним.

Птолемей обзавелся собственной репутацией во время военных походов, предпринятых Александром после восшествия на престол. Он присутствовал при разрушении Фив, руководил конным отрядом в битве при Гранике, командовал одним из подразделений армии при взятии Скалы Хориена, отвечал за арьергард, когда македонское войско двигалось вниз по Инду.

Благодаря этим деяниям он начал продвигаться по службе: сначала стал одним из телохранителей царя (соматофилаком), а затем – конюшим, получив таким образом два самых высоких чина из всех, которые способен был даровать Александр. Но смелость была не единственным достоинством Птолемея. Он также был безупречно честным, презирал всевозможные интриги и ненавидел обман. Короче говоря, будущий правитель Египта совсем не походил на типичного македонянина.

То, что Птолемею повезло оказаться в Египте, имело положительные последствия, ибо терпение жителей этой страны уже готово было лопнуть. Надежды на благосклонного и честного царя, который возьмет власть в свои руки после изгнания персов, рухнули, как и вера в то, что вот-вот наступит золотой век. Едва Александр покинул страну, как чиновники снова стали угнетать и оскорблять население. В этом во многом был виноват сам царь, оставивший египтянам административный аппарат, в теории казавшийся превосходным, но на практике сделавшийся совершенно отвратительным. Полномочия были разделены. Правосудием заведовали представители местной знати, а обороной – два македонских военачальника. Доходы и расходы подсчитывались в древнегреческом городе Навкратисе, колонии, основанной на берегу Канопского рукава Нила представителем XXVI династии Амасисом.

Там Александр познакомился с Клеоменом, пользовавшимся репутацией прекрасного «финансиста» и пообещавшим царю вовремя и в полном объеме собирать и пересылать египетскую дань. Но на самом деле он лгал. Будучи человеком совсем не чуждым коррупции, Клеомен обманывал и без разбора грабил как египтян, так и македонян. Его жажда наживы была неутолимой. Он обложил крестьян огромными податями, не обращая ни малейшего внимания на протесты знати, растратил жалованье солдат, невзирая на возмущение их командиров. Еще больше осмелев, Клеомен начал искать другие источники пополнения своего кошелька. Одним из них стали храмовые сокровищницы, а другим – монополия на все сельскохозяйственные товары. Как только Птолемей ступил на землю Египта, к нему потянулись многочисленные жалобщики на эти и другие действия «министра финансов», и он решил покончить с Клеоменом. Желание расправиться с этим человеком в Птолемея подогревало и то, что Пердикка самоуверенно назначил Клеомена его правой рукой. Таким образом, казнь зарвавшегося грека должна была способствовать выполнению сразу двух задач: с одной стороны, показать египтянам готовность Птолемея очистить административный аппарат, а с другой – напомнить Пердикке, что египетский сатрап имеет право самостоятельно командовать в собственном доме.

Оценив положение в стране, Птолемей остался крайне недоволен. Казалось, будто Египет находится на грани катастрофы. Крестьяне обнищали, торговля и ремесло находились в упадке. Словом, социальная сфера и экономика страны готовы были рухнуть. Было понятно, что корень всех бед следует искать в излишней приверженности традициям. В

Египте все замерло и ничего не менялось. Однако традиции и порядок, сложившиеся в стране при фараонах и прекрасно работавшие в те времена, теперь теряли свою актуальность. Разделение общества на правителя и жрецов, солдат и крестьян устарело. Не менее бесполезным было и подразделение населения страны на пастухов, земледельцев и ремесленников. Считалось, что доходы храмов должны быть меньше, а те, что получал царь, – больше.

Упадок не обошел и религию – египтяне поклонялись в основном местным божествам, а культы общегосударственных богов были почти полностью забыты. Жрецами каждого нома двигали эгоистические и вполне материальные соображения, а в многочисленных храмах поклонялись в основном зооморфным богам. Ради усиления влияния храмов и их служителей прежняя египетская администрация пожертвовала даже армией, которая перестала выполнять функцию военной машины и была уже почти неспособна поддерживать порядок внутри страны. Армейские подразделения не были толком вооружены, и их боевой подготовкой никто не занимался. Рядовые солдаты широко использовались для обработки царских и храмовых земель.

Прочная в древности связь между правителем и его подданными также ослабла. Вера в божественное происхождение царской власти, на которое претендовали первые и которое признавалось вторыми, таяла. Это крайне озадачило Птолемея. Ведь он был сатрапом, а не царем, сыном добропорядочного македонянина, а не отпрыском Зевса-Амона, о праве на принадлежность к числу потомков которого заявлял Александр. Сам Птолемей просто не осмелился заявить о своем божественном происхождении. Его власть над Египтом была довольно шаткой, ведь Пердикка относился к нему не очень дружелюбно, да и Антипатр, Антигон и другие диадохи при случае могли поступить с ним не особенно милосердно. Поэтому Птолемею было очень нужно, чтобы египтяне остались довольны его правлением и одарили его своей преданностью, и он придумал, как достичь этой цели.

По всей территории Азии были разбросаны колонии, созданные Александром, каждая из которых представляла собой уменьшенную модель древнегреческого города-государства. Но эта политика оказалась не очень удачной, так как со временем в подобных поселениях зарождались волнения и мятежи, а Птолемей предпочитал сильную верховную власть, способную ради общего блага диктовать свою волю чиновникам, жрецам, крестьянам и иноземцам, и полагал, что она должна находиться в его руках.

Новый сатрап считал, что Египет должен стать его единоличным владением, но в то же время понимал, что обязан править, не угнетая местное население и не допуская несправедливости. С другой стороны, как ради соблюдения собственных интересов, так и в целях развития страны, Птолемею были необходимы иноземная столица и приток иностранных «мозгов». Первая требовалась для того, чтобы осваивать ресурсы страны, а вторые должны были стать опорой для административного аппарата, который он планировал создать. Птолемей решил, что не вызовет недовольство у местного населения, если позаимствует и столицу, и «мозги» у греков.

К эллинам, приезжавшим в долину Нила в качестве наемников по просьбе фараонов, плативших им, чтобы защититься от вторжения или восстания, и остававшимся там на положении колонистов, в египетской сельской местности уже давно привыкли. Египтяне были гостеприимными, а поселенцы – дружелюбными, и Амасис, весьма дальновидный представитель XXVI династии, стал приглашать в Египет не только греческих наемников, но и торговцев. Для этого он основал Навкратис и даровал его жителям право на самоуправление. За греками последовали и другие переселенцы – ионийцы, критяне и евреи, создававшие собственные политевмы², или поселения с самоуправлением, и женившиеся на египтянках, надеясь таким образом облегчить душевную боль, связанную с жизнью на

² Здесь имеется в виду этническое объединение лиц, находящихся за пределами родины и пользующихся административной и религиозной автономией. (Примеч. пер.)

чужбине. Но их потомки, лишенные необходимого образа мыслей и не имеющие столицы, не подходили Птолемею, и он в поисках нужных ему людей обратил свой взор на Грецию.

Наиболее короткий и прямой наземный маршрут из Вавилона в Александрию пролегал через Мемфис, где Птолемей провел какое-то время, чтобы привыкнуть к египетскому образу жизни. Его прибытие в город совпало со смертью быка Аписа, и Птолемей, с уважением относившийся лишь к немногим антропоморфным богам и не признававший ни одно зооморфное божество, был предельно удивлен, заметив, насколько большой и искренний интерес египтяне проявляют к этому событию. После смерти бык становился Осирисом-Аписом, отождествлялся с Осирисом, повелителем загробного мира и судьей душ умерших. Пока проводилась мумификация, все египтяне оплакивали покойного быка. Затем все жители Мемфиса отправились на похороны последнего Осириса-Аписа, проходившие в подземельях Серапеума. Этот обряд производил сильное впечатление. До края пустыни тело умершего быка сопровождал жрец, изображавший писца священных книг бога Тота, а затем рядом с ним следовал другой священнослужитель, лицо которого скрывалось под маской шакалового бога Анубиса. Не лишенный любопытства Птолемей попросил, чтобы ему объяснили, что происходит, и вместо ответа на этот вопрос жрец прочитал вслух надпись, вырезанную по приказу Псамметиха I у входа в Серапеум: «Послание было принесено Его Величеству. Дом отца твоего Осириса не в самом хорошем состоянии. Взгляни на священные тела [Аписов], в каком ужасном состоянии они лежат». Псамметих был тронут и очень переживал из-за этого бедствия, и «сановнику царя было приказано обложить всех податью на восстановление». Псамметих расширил Серапеум, соорудив новую галерею. Вклад Птолемея оказался более скромным – он пожертвовал на похороны быка пятнадцать серебряных талантов и вернул жителям Мемфиса статуи египетских богов, вывезенные им из Вавилона.

Это был очень щедрый подарок, и жители Мемфиса были бы рады, если бы великодушный иноземец остался в городе еще ненадолго. Но Птолемею было некогда – еще Александр хотел перенести столицу страны из Мемфиса в Александрию, и новый сатрап Египта собирался претворить этот план в реальность. В итоге он сел на корабль и отправился вниз по течению Нила, в сторону моря. Увидев, чего удалось достичь на этом поприще, македонянин был приятно удивлен. На полоске земли, отделявшей озеро Мареотис от моря, рос внушительный город. Его окрестности притягивали взор: на севере простиралось небесно-голубое море, а на юге – пустыня цвета шафрана. Планируя новый город, Александр не скупился на материалы и не экономил пространство. Клеомен выделил на строительство Александрии достаточно денег и рабочих рук. Архитектор Дейнократ и его помощник Сострат Книдский сделали все возможное.

Уже заканчивалось сооружение гептастадия, плотины, которая должна была соединить остров Фарос с материком, и даже самые большие грузовые суда теперь могли вставать на якорь по обе стороны от нее. Александрию делили на части две широкие улицы, одна из которых шла с юга на север, а вторая – с востока на запад, причем каждая из них, окаймленная колоннадами, создававшими тень, заканчивалась прекрасными воротами. Эти главные артерии через равные промежутки прорезали обсаженные деревьями аллеи. Александр представлял себе полиэтничный город, населенный македонянами, греками, евреями и египтянами, а Дейнократ выделил представителям двух последних народов отдельные кварталы. Македоняне и греки могли жить там, где захотят, но евреям следовало держаться собственного квартала, располагавшегося в центре города, а египтянам – обитать в своем, находившемся на побережье озера Мареотис.

Царский дворец архитектор собирался возвести на мысе Лохиада. По всему городу были разбросаны участки, на которых планировались постройка ипподрома, амфитеатра и гимназия, организация акрополя, а на пересечении двух главных городских артерий – Месопедиона, или Канопской дороги, и Аргея – располагалась площадка, предназначенная для строительства Семы – гробницы Александра Великого. Главным достижением Дейнократа, свидетельствующим о его изобретательности и мастерстве, стало сооружение

канала, необходимого для снабжения города пригодной для питья водой. Прежде жители египетской деревни Ракотис брали воду из озера Мареотис, на берегу которого она стояла. Но это был не очень надежный источник, так как озеро пополнялось из Нила, уровень воды в котором был непостоянным и зависел (как и в случае с самим Мареотис) от времени года. Кроме того, вкус у этой воды был неприятным, а иногда она оказывалась солоноватой. Размышляя о том, где найти надежный источник с более чистой водой, Дейнократ обратил свой взор на Нил. Величественный канал начинался в районе Шедиа, проходил по южной окраине Александрии (оттуда по сети водопроводов вода из него распространялась по всему городу), а затем вливался в море в районе западной гавани порта Эвност. Он был достаточно глубоким и широким для того, чтобы из Шедиа и обратно по нему могли плавать лодки, а довольно сильное течение позволяло предотвратить застаивание воды.

Однако всего этого было недостаточно выдающемуся архитектору. Он хотел, чтобы жители построенного им города не только занимались делами, но и могли получить удовольствие от жизни. Дейнократ не довольствовался выделением участков под сооружение общественных зданий, ипподромов, гимнасиев, разбивку садов и т. д. Он решил сделать доступными достопримечательности, располагавшиеся за пределами города. Почти в 20 километрах от Александрии, в устье Нила, располагался город Каноп. Египтяне поклонялись там Исиде, а греки связывали его с именем Менелая. Именно там, по мнению эллинов, последний, возвращаясь из Трои, смог восстановиться и отдохнуть, а его кормчий Каноп умер от укуса змеи. Менелай назвал это место в честь покойного товарища, и каждый благочестивый грек, попав в Египет, очень трепетно относился к данной легенде. Прекрасно помнивший о ней Дейнократ продлил свой канал на восток так, чтобы он втекал в море в районе Канопы. Таким образом он почтил память Менелая, царя Лакедемона и супруга Елены.

Следивший за работой Дейнократа и воодушевлявший его Птолемей решил в свободное время заняться границами своей сатрапии, территория которой показалась ему до смешного маленькой. Ливийская и Синайская пустыни плохо защищали Египет от вторжений извне, а для того, чтобы сделать Александрию процветающим городом, были необходимы новые рынки сбыта. Кроме того, на территории страны отсутствовали определенные ресурсы, крайне необходимые для ее дальнейшего развития, такие как, например, металл и древесина. Единственным решением этой проблемы было расширение египетской сферы влияния, и Птолемей сосредоточил свое внимание на Киренаике, Келесирии³ и Кипре.

Территория Египта простиралась далеко на юг, но была довольно узкой. Представители XX династии вторглись в Судан и заняли Донголу. Но их менее склонные к приключениям преемники считали, что южная граница их владений проходит по первому порогу Нила, и это решение было довольно обоснованным. С географической точки зрения Судан представляет собой довольно унылую пустыню, а пустынь более чем достаточно и в самом Египте. Но на востоке и западе ситуация обстояла совершенно иначе, а Киренаика и Келесирия будто специально ждали, когда их территории кто-либо займет. В первой располагались богатые греческие города, которые можно было заставить покупать избыточные продукты, произведенные в Египте, а вторая могла поставлять в долину Нила столь необходимую древесину, в избытке росшую в ее лесах. Птолемей полагал, что Кирена, столица Пентаполя⁴, станет легкой добычей, – этот город-государство постоянно страдал от внутренних конфликтов. Осуществить план по захвату Келесирии и Финикии было сложнее:

³ Келесирия – плодородная равнина, простирающаяся между двумя хребтами гор в Ливане. На западе она граничит с Финикией, а на юге – с Палестиной. (Примеч. пер.)

⁴ Пентаполь – объединение из пяти городов, созданное по территориальному или институциональному признаку исходя из их торговых, политических или военных интересов. (Примеч. пер.)

их жители были менее уступчивы, а сатрап Сирии Лаомедон не стал бы отказываться от части своих владений без борьбы. Овладеть Кипром Птолемей также не мог до тех пор, пока в его распоряжении не окажется флот, достаточно надежный для того, чтобы проплыть по Эгейскому морю.

На протяжении какого-то непродолжительного времени Птолемей даже хотел отложить нападение на Киренаику, понимая, что не обладает силами, достаточными для того, чтобы вступить в сражение. В его распоряжении находились всего лишь одна или две тысячи македонских пехотинцев и небольшой конный отряд, старые и опытные солдаты, еще в Вавилоне решившие последовать за ним, а также маловразумительные остатки оккупационной армии, оставленной Александром в Египте, чтобы защищать страну и обеспечивать порядок на ее территории. Поспешно собранное во время похода, данное войско называлось греческим и могло похвастаться эллинским духом, но больше от этого народа в нем ничего не было. Половина из входивших в него солдат на протяжении многих лет предавалась безделью в приграничных крепостях, а остальные были расквартированы в Мемфисе, чтобы выполнять приказы Клеомена. Подобных сил было явно недостаточно для ведения боевых действий, и Птолемей стал размышлять о том, как можно исправить ситуацию.

Он вспомнил о Греции, где никогда не было недостатка в сильных мужчинах, готовых служить наемниками, и объявил, что щедро заплатит всем, кто согласится приехать в Египет и служить ему. Правда, Птолемей вполне мог и поскупились на вознаграждение, так как в то время «рынок» наемников, искавших нового хозяина, был переполнен. Гораздо более важной задачей было снабжение, ведь Александр и Дарий погибли, и солдаты тщетно искали новых «работодателей». Кроме того, наемников выталкивали с «рынка» рекруты, которые не могли похвастаться хорошей военной подготовкой, но просили за свои услуги гораздо меньше. Из-за тяжелых экономических условий крестьяне покидали свои земельные наделы. Неспособные производить зерно, достаточно дешевое для того, чтобы конкурировать с импортным, эти люди готовы были взяться за любую работу, способную хоть как-то обеспечить их существование.

Следует сказать и о греческих менялах, ростовщиках и купцах, также искавших новые сферы деятельности. Нескончаемые конфликты между олигархическими и демократическими государствами, а также зависть, которую успехи жителей одних полисов разжигали в сердцах обитателей других, негативно сказывались на доходах этих людей, что заставило их заняться поисками более безопасных и прибыльных способов применения своих талантов. Когда в Египте стал править новый сатрап, они решили, что вполне могут связать с этой страной свои планы на будущее, а Птолемей дал понять, что с радостью примет не только наемников, но и людей, обладающих предпринимательской жилкой.

Египетское войско так быстро пополнилось новыми профессиональными наемниками, что осенью 322 г. до н. э. Птолемей пересмотрел свое решение о походе в Киренаику, а стечение обстоятельств заставило его поторопиться с реализацией своих планов. Дело в том, что незадолго до этого в Кирене произошло восстание, а противники победившей партии бежали в Александрию. История Кирены вообще была полна превратностей. Основанный в VII в. до н. э., этот город успел побывать независимым государством во главе с царем, республикой и городом-государством. При этом каждый раз перемены не приводили ни к чему хорошему, а за ними следовали репрессии и изгнание из города неугодных новой власти жителей. В конце концов власть в свои руки взял простой люд, и представители знати в отчаянии обратились к Птолею, умоляя его о помощи. Он не преминул воспользоваться этой возможностью, пересек во главе своего войска Ливийскую пустыню, покончил с Фиброном, предводителем победивших горожан, и стал считать Кирену своей военной добычей.

С жителями захваченного города Птолемей обошелся довольно снисходительно – он простил повстанцев, восстановил порядок, существовавший в городе до мятежа, и оставил себе только право назначать военного наместника, держать в крепости, расположенной на

территории Кирены, армейский гарнизон и предлагать кандидатов в городской совет. Затем, обрадованный успехом, Птолемей вернулся в Египет.

О поступке египетского сатрапа вскоре узнал Пердикка, находившийся тогда в Малой Азии. Для завистливого регента предпринятый Птолемеем поход был слишком смелым и блистательным. К тому же египетский сатрап не обратился к нему за разрешением на эту кампанию, и Пердикка решил проучить его. Но в то же время он понимал, что ему придется отложить вопрос о наказании Птолемея на будущее, так как тогда регент мог думать только о престолонаследии. Он считал, что трон должен принадлежать ему, и одной из причин, заставивших его покинуть Вавилон, была необходимость встретиться с сестрой Александра Македонского Клеопатрой.

План Пердикки удался – Клеопатра согласилась выйти за него замуж, а ее мать Олимпиада поддержала выбор дочери. В итоге потенциальные новобрачные встретились в Сардах. Этот брак был нужен всем троим. Олимпиада надеялась, что Пердикка поможет ей справиться с давним врагом Антипатром, сатрапом Македонии, регент хотел воспользоваться влиянием Клеопатры на армию, а сама она жаждала заполучить нового мужа и опять стать царицей. Однако брак не состоялся: Антипатр предугадал намерения Олимпиады и предложил Пердикке жениться на его дочери Никее. Регент оказался в замешательстве. Он понимал, что, женившись на Никее, лишит себя гарантированного права занять престол, но, выбрав Клеопатру, станет смертельным врагом Антипатра. На одной чаше весов лежал шкурный интерес, а на другой – благоразумие, и Пердикка стал тянуть время. Затем, наконец, он женился на Никее, но в то же время дал Клеопатре понять, что сразу после смерти Антипатра разведется с женой. Однако для надменной женщины этого оказалось недостаточно. Оскорбленная решением Пердикки, она заявила, что хочет вернуться домой. Но она слишком рано объявила о своих намерениях, из-за чего все дороги в Македонию и Эпир были срочно перекрыты, и сестра Александра из невесты превратилась в пленницу. Пердикка не страдал от избытка моральных принципов и решил, что раз сам не может жениться на Клеопатре, то ему следует сделать все возможное для того, чтобы этого не сделал ни один другой македонянин.

Брак с Никеей не облегчил положения Пердикки. Олимпиада стала считать его трусом, не способным помочь ей в достижении ее целей, а хитроумный Антипатр сомневался в его честности. Другие также не были уверены в Пердикке: все сатрапы и военачальники, жившие к востоку и западу от Евфрата, спрашивали себя о том, сохранил ли он верность наследникам Александра.

Первым голову поднял фригийский сатрап Антигон. Пердикка, все еще остававшийся регентом, приказал ему помочь наместнику Каппадокии Эвмену, но тот наотрез отказался. Получив вызов в Сарды, куда он должен был прибыть, чтобы ответить за свое неповиновение, сатрап Фригии пересек Геллеспонт и стал уговаривать Антипатра напасть на врага прежде, чем тот сам атакует их. Антигона поддержали и другие диадохи, в том числе Птолемей.

В это время Пердикка, жизнь которого висела на волоске, строил планы. В теории его рассуждения звучали довольно здраво: уничтожив одного из союзников, регент собирался таким образом устроить всех остальных и заставить их отказаться от объединения. На роль жертвы он назначил Птолемея. Эвмен должен был перекрыть Геллеспонт, а флотоводец Клит – патрулировать прибрежные воды. Сам же Пердикка в это время собирался вторгнуться в Египет. Перед началом похода он втайне приказал командиру солдат, сопровождавших катафалк Александра, который вот-вот должен был покинуть Вавилон, направить его не в Египет, как решили диадохи во время военного совета, а в Македонию. Офицер не осмелился не повиноваться приказу, но придумал, как сообщить о плане Пердикки Птолемее, и тот встретил катафалк неподалеку от Дамаска. Вскоре конфликт удалось разрешить. Аргументы Птолемея оказались весьма убедительными – у Пердикки не было полномочий на изменение решения, принятого в Вавилоне, а значит, тело Александра должно было отправиться в Сиву.

В результате катафалк направился в Мемфис. Его прибытие в этот город произвело на

местных жителей огромное впечатление. Ни один египтянин не мог поверить, что на свете живет человек, способный создать столь потрясающий катафалк. На огромной колеснице был установлен золотой саркофаг с чеканкой, едва заметный из-под скрывавшей его пурпурной ткани, а над ним возвышался прекрасный балдахин. Катафалк тянули четыре парных упряжки по 16 мулов в каждой, причем на шее каждого животного висели гирлянды из драгоценных камней. На ткани лежали меч и копье, принадлежавшие Александру при жизни, а с ее углов свисали многочисленные золотые колокольчики, мелодично звонившие во время движения катафалка. Для того чтобы усилить впечатление и напомнить всем окружающим о победах, одержанных покойным царем в битвах при Гранике, Иссе и Гавгамелах, сбоку к катафалку были прикреплены изображения сцен из этих сражений. За саркофагом стоял высокий золотой трон, и на ступеньках лесенки, которая вела к нему, были изображены другие достижения Александра.

Когда катафалк въехал в ворота Мемфиса, местные жители вспомнили о прекрасных манерах македонского царя и его гостеприимстве, о том, с каким уважением он отнесся к египетским богам и традициям. Слухи о перехвате каравана в районе Дамаска просочились в народ, и зрители аплодировали при виде катафалка. «Разве Египет не более подходящее, чем Македония, последнее пристанище для тела Александра? – спрашивали люди. – Разве сам покойный герой не хотел быть похороненным в святилище своего отца в Сиве?» Жители Египта прославляли преданного военачальника, исполнившего волю своего царя, и проклинали вероломного регента, пытавшегося помешать этому. Мемфисцы перешептывались и обсуждали, где лучше похоронить Александра – в Сиве или в их родном городе. Оазис находился далеко, и паломничество туда было долгим и трудным, а Птах, по мнению жителей Мемфиса, был божеством более могущественным, чем Амон, и они надеялись, что Птолемей навсегда оставит тело Александра в древней столице Египта. Сомневался только верховный жрец Птаха, беспокоившийся за сохранение верховенства этого бога. «Похороните Александра не здесь, – вскричал он, – а в городе, который он основал в Ракотисе. Там, где упокоится его тело, будут распри и разногласия». Птолемей готов был прислушаться к этому совету, соответствовавшему его собственным планам.

На протяжении какого-то времени сатрап Египта не принимал окончательное решение. Пердикка двигался на юг и, миновав Газу, подошел к Синайскому полуострову, а Птолемей готовился встретить его у Пелусия. Он усилил гарнизон, возвел цепь опорных пунктов, укрепил знаменитую крепость Верблюжья Спина и стал ждать Пердикку. Тот, осадив Пелусий, потребовал, чтобы Птолемей сдался и предстал перед судом за предательство. Ответ давать ему никто не собирался. Сразу добраться до противника Пердикке мешал Нил, благодаря чему Птолемей отнесся к его посланию крайне неуважительно, и македонский регент понял, что впустую теряет время. Сложившаяся ситуация также выглядела малообещающей. Пердикка не сумел произвести должное впечатление на защитников Пелусия. Из-за нехватки припасов он был вынужден тайно свернуть лагерь и направиться вверх по течению Нила, надеясь таким образом обмануть Птолемея. Но тот оказался крайне проницательным и также вывел свои силы из крепости.

Оказавшись на противоположном от Мемфиса берегу реки, Пердикка увидел, что Птолемей опередил его. Для того чтобы захватить город, войску регента пришлось бы форсировать Нил, а затем столкнуться с сопротивлением македонских ветеранов, пользовавшихся полной поддержкой местного населения. Неравенство сил было очевидным. Река была глубокой, с сильным течением, а в ее дне встречались настолько глубокие ямы, что даже слоны теряли точку опоры. Пердикке поставили шах, и он, растеряв остатки своей решимости, приказал войску отступить. Битва была проиграна, и два офицера, разъяренные трусостью предводителя, проникли в его палатку и задушили его, когда он поднялся, чтобы поздороваться с ними.

Между тем Антипатр спешил в Эфес, чтобы лишить Пердикку путей снабжения, а Антигон выступил в поход против Эвмена. Услышав о смерти Пердикки, противники остановили битву, и диадохи отправились в располагавшийся на Оронте Трипарадейс, чтобы

там встретить остатки войска регента, сопровождавшие двух наследников престола. Там же осенью 321 г. до н. э. они перераспределили сатрапии. Регентом и защитником наследников был избран Антипатр, Антигон получил пост военачальника, а права Селевка и Птолемея на их владения были подтверждены. Теперь последнего было практически невозможно потеснить. Ему, владыке Египта, побережья Красного моря, Ливии и Киренаики, оставалось только подчинить Финикию и Келесирию, чтобы находившаяся под его властью территория по площади сравнялась с той, которой правил сам регент.

Птолемей не поехал в Трипарадейс. Он не хотел ни оправдываться за захват Киренаики, ни раскрывать свои планы по овладению Келесирией. Конечно, он вполне мог бы напомнить македонянину, осмелившемуся спросить его о том, по какому праву он владеет одной и претендует на другую, о судьбе Пердикки. Египетского сатрапа совершенно не интересовали наследники Александра и то, кто и как будет их охранять, да и вопрос престолонаследия в целом. Если бы он хотел основать собственную династию, то пошел бы более коротким путем и женился бы на девушке, ведущей свою родословную от фараонов.

Однако помощь и поддержка Птолемея были нужны Антипатру, и для того, чтобы заполучить их, он предложил правителю Египта руку своей дочери Эвридики. Этот союз был очень перспективным, а само предложение – одним из лучших комплиментов, которые когда-либо получал Птолемей, но он все же колебался. Он был весьма доволен своей совместной жизнью со все еще привлекательной Таис, коринфянкой, которая за двенадцать лет до этого пересекла след за ним Геллеспонт. Она родила ему детей, которых он не собирался лишать наследства. Вместе с тем Птолемей не хотел, чтобы Антипатр, друживший с могущественным Антигоном, становился его врагом. В итоге он с тяжелым сердцем отправил любовницу обратно в Грецию и женился на Эвридике. Удовлетворенный Антипатр покинул Трипарадейс, увозя с собой двух наследников Александра, вследствие чего Македония снова стала центром державы.

Встреча в Трипарадейсе принесла Птолемею одни разочарования. Он взял на себя основной удар Пердикки, но в качестве вознаграждения получил только подтверждение своего права на Киренаику, в котором не нуждался, и совершенно не нужную ему жену. Охваченный печалью, он снова вернулся к планам по захвату Келесирии и Кипра. Теперь заполучить обе эти территории было гораздо проще. Птолемей сумел нарастить армию и флот и понимал, что его соседи не станут вмешиваться, когда он выступит в поход. У Антипатра были дела в Греции, Антигон был занят поиском Эвмена, а Селевк занимался управлением своей обширной сатрапией, располагавшейся к востоку от реки Евфрат. Поэтому Птолемей написал письмо Лаомедону, правившему в Келесирии от имени юного царя, и предложил ему отказаться от наместничества за деньги. Но подкупить Лаомедона не удалось, и разъяренный его совестью Птолемей отправил один отряд наемников на захват Келесирии, а второй – в Финикию. Во время похода не пролилась ни одна капля крови – Лаомедон в спешке бежал, а Птолемей получил возможность переключиться на следующую цель.

Кипр, славившийся обилием добывавшихся там металлов и удобных бухт, прорезавших его береговую линию, стоил того, чтобы ради него сражаться. О власти над бассейном Эгейского моря мечтал каждый правитель Египта, Ассирии, Финикии и Персидской державы. Ведь доминирование в регионе, граничащем с восточным побережьем Средиземного моря, во многом зависело от превосходства на море. Именно поэтому Александр, проходя через Финикию, задержался, чтобы вытеснить персов с Кипра. Для него этот остров был «ключом к Египту», а для Птолемея – «ключом к Сирии». После освобождения от персидского владычества на Кипре сформировался ряд мелких государств, и девять их правителей заявили о своей вечной преданности делу Александра. Не забыв об этом своем обязательстве, они осудили действия Пердикки и отказались снабжать его флот. В награду за это их пригласили в Трипарадейс, где Антипатр торжественно заявил об их независимости, и слишком осторожный Птолемей не хотел нарушать это обещание.

После смерти престарелого Антипатра в державе снова начались волнения, и

оставшиеся в живых диадохи забыли о договоренностях, достигнутых в Трипарадейсе. Сбывались слова Демада, говорившего, что «Македония была похожа на ослепленного циклопа». Сын Антипатра Кассандр боролся против Полиперхона, советника своего отца, которому тот очень доверял. В Азии Антигон продолжал преследовать Эвмена, а на фракийское побережье Черного моря совершал набеги Лисимах. Ситуация в Европе, казалось, складывалась в пользу Полиперхона. Его поддерживали армия и греческие государства. Еще бóльшую путаницу в ситуацию внесла Олимпиада, которую Антипатр вынудил укрыться в Эпире и которая решила спешно выдвинуться в Македонию, чтобы позаботиться о своем внуке Александре, сыне Роксаны. В ответ Кассандр обратился от имени юных царей к Антигону и Птолемею.

Правда, этот союз только казался внушительным, на деле же Антигон не относился к нему серьезно, а Птолемей, едва дав ответ, пожалел о своем решении. Он оценил шансы Кассандра и осознал, что они весьма сомнительны, а затем, поразмыслив о мотивах, двигавших Антигоном, понял, что их вряд ли можно назвать достойными. Конечно, его выводы не всегда были точными, но в данном случае он оказался весьма проницательным. Полиперхон провозгласил Антигона предателем, а Олимпиада, вмешавшись в ситуацию, назначила вместо него главнокомандующим Эвмена. Более того, стали поступать сообщения о стремлении Антигона стать правителем всей Азии, а Селевк вступил в тесный союз с Полиперхоном.

Трезво мыслившему Птолемею эта ситуация показалась слишком сложной. Он почувал ловушку и решил, что больше не будет участвовать в выяснении отношений Кассандра и Полиперхона. Руководствуясь этими соображениями, он отозвал флот, который должен был стать угрозой для власти Полиперхона в Греции, и стал готовиться к отбытию из Келесирии, придя к выводу, что лучше будет защищать собственную сатрапию. Но решение это он принял слишком поздно. Вернуться в Египет Птолемею помешал Кассандр, слезно просивший его о помощи. Агенты Эвмена уговаривали македонских аргираспидов, «сереброшитных» воинов, перейти на сторону Полиперхона и требовали, чтобы казначей, следивший за сокровищами Александра, хранившимися в Киинде, открыл сундуки ради общего дела. Птолемей не мог игнорировать этот призыв и, сев на корабль, отправился в Киликию, чтобы помешать ограблению. Но слуги Эвмена уже выполнили свою задачу: ни аргираспиды, ни казначей не усомнились в том, что этот человек, назначенный военачальником по велению матери Александра Македонского Олимпиады, имеет право приказывать. В итоге получилось, что Птолемей зря старался.

Затем в разгоревшейся в Европе войне наметился новый, совершенно неожиданный поворот. Кассандр изгнал Полиперхона из Греции, захватил Афины и назначил своим наместником оратора Деметрия Фалерского. Новость о том, что Эвмен движется к Киликии, привела Птолемея в еще большее замешательство. Он не хотел, чтобы Киинд стал для него ловушкой, снова сел на свой корабль и направился сначала в Келесирию, а оттуда – в Александрию.

Эвмен направился в сторону Вавилона, но, лишенный поддержки со стороны Селевка, двинулся в Мидию. Это решение стало для отважного грека последним. Путь ему преградил безжалостный Антигон, сумевший захватить и убить его. Селевк снова был непоколебим. Сначала он отказал в помощи Эвмену, а затем – Антигону. Опьяненный успехом, последний не скрывал своего желания стать правителем всей державы Александра. Он считал, что может на вполне законных основаниях заявлять свои права на Египет, а в Птолемея видел всего лишь сатрапа, которого следует сместить.

Селевк понял, что скоро очередь дойдет и до него, и тайно предложил Птолемею свою защиту. Сатрап Египта отнесся к предупреждению Селевка спокойно. Подобно последнему, он планировал как можно дольше воздерживаться от участия в споре между другими диадохами. В правильности этого решения он еще раз убедился, когда узнал от своих агентов в Македонии, что Филипп Арридей был убит по приказу Олимпиады, стремившейся таким образом расчистить путь к престолу для своего внука Александра, и что Кассандр,

спешно выдвинувшийся из Греции, покончил, в свою очередь, с Олимпиадой и взял в плен Александра и его мать Роксану.

Птолемей решил воспользоваться передышкой в войне и заняться реформами в собственной сатрапии. Он начал с административного аппарата и попытался упорядочить его структуру. Птолемей не был ярким борцом с предрассудками и не собирался эллинизировать Египет или уничтожить его традиции. Он был человеком скромным и не вмешивался в чужие дела в степени большей, чем необходимая для достижения его собственных целей. Поэтому Птолемей старался как можно меньше менять существовавшие устои. В «провинции» власть осталась в руках египтян. Административно-территориальными единицами остались ном, или провинция, и топархия, или округ. Были сохранены привилегии жречества, а взиманием податей продолжили заниматься местные чиновники. Однако если при поверхностном взгляде казалось, будто все осталось неизменным, в реальности в стране имели место масштабные перемены. В административный аппарат был добавлен новый, едва заметный элемент. Власть египетских номархов и подчинявшихся им топархов была ограничена. Рядом с каждым из первых постоянно находился грек, отвечавший за порядок в номе, а с каждым из вторых – еще один эллин, занимавшийся сбором государственных доходов. Оба они были обязаны сообщать о ходе исполнения своих обязанностей напрямую в Александрию.

Государство постепенно превращалось в высокоорганизованный институт, в существовании которого принимали участие только люди, входившие в административный аппарат. Птолемей лично курировал вопросы, связанные с войной, государственными финансами и внешними сношениями, поручив грекам надзор за работой административного аппарата.

В Александрии, ставшей новой столицей страны, необходимо было организовать все совершенно по-другому. Основатель этого города хотел, чтобы жизнь в нем была устроена в соответствии с греческими традициями, и местные власти, по крайней мере в теории, руководствовались мнением широкой общественности. Каждый македонянин или грек благодаря своей этнической принадлежности становился гражданином и получал право носить оружие, а также жаловаться на то, что его не устраивает, во время народного собрания. Но Птолемей не пошел дальше этого. Граждане могли носить оружие, но не имели права его использовать. Он разрешил обсуждения во время народных собраний, но этот орган не должен был настаивать на принятии правителем тех или иных политических решений. Птолемей хотел править, а не становиться марионеткой и, зная не понаслышке обо всех трудностях управления городом-государством, не собирался сталкиваться с ними в Александрии.

Сатрап поселил в Фиваиде македонских ветеранов, назвав эту местность Птолемаидой, и дал поселенцам право на самоуправление. Но данное решение было принято исходя из военных соображений, а значит, искать общие черты, объединяющие Птолемаиду и Александрию, бессмысленно.

В Александрии не было ни совета старейшин, ни других городских институтов, за исключением деления жителей на филы и демы. Греки не жаловались на чрезмерно сильную центральную власть. Удовлетворенные чувством превосходства над египтянами, александрийские эллины покорно позволили Птолемею взять всю полноту власти в свои руки. В общем, благородной мечте Александра о единстве народов, пользующихся одними и теми же правами, не суждено было сбыться ни в столице, ни за ее пределами. Возможно, для ее претворения в жизнь необходимы были более яркое воображение и широкий взгляд на мир, чем те, которыми обладал Птолемей, но так или иначе это не было невыполнимой задачей. Если первый из Птолемеев решился бы на отход от греческой традиции и признал бы право детей от смешанных браков на получение гражданства, мечту Александра можно было бы реализовать, и история Египта данного периода стала бы совершенно другой. Но возможность была упущена, и ни один из Птолемеев, правивших после диадоха, так и не осмелился попытаться сделать это.

Глава 2 Птолемей Сотер (продолжение)

Управление государством – занятие в лучшем случае весьма однообразное, и Птолемей очень быстро захотел переключить внимание. Как и многие мужчины до и после него, правитель Египта нашел отдушину в любви. Он, несомненно, был человеком довольно увлекающимся. Имея за плечами два брака, он собирался заключить третий. Выполняя приказ Александра, в Сузах Птолемей женился на Артакаме, дочери персидского вельможи Артабаза, затем, уступив Антипатру, он взял в жены его дочь Эвридику. Теперь же правитель Египта решил побаловать себя и сделал своей избранницей Беренику, подругу и доверенное лицо Эвридики⁵. По отношению к последней это было очень несправедливо. Ведь она не сделала ничего, чтобы заслужить развод. Эвридика была для Птолемея прекрасной женой, родила ему сына Птолемея, по прозвищу Керавн, и двух дочерей. Она простила бы мужу новый династический брак, но не интрижку со своей собственной придворной дамой. Но наш мир несовершенен, и никто не застрахован от ударов судьбы. Поэтому Эвридика, чувствуя, что больше никогда не увидит мужа, покинула Египет. Ничего другого сделать было нельзя, ведь Птолемей не относился к числу людей, способных с легкостью изменить решение. Он всегда брал то, что хотел, и не переживал из-за последствий.

«Никогда прежде ни одна женщина не вызывала такого восхищения, как возлюбленная жена Птолемея Береника», – писал Феокрит. Беренике и правда удалось до самой своей смерти оставаться предметом сильнейшей любви ветреного Птолемея. Она, несомненно, была очень привлекательной женщиной. Ее глубоко посаженные глаза, короткий прямой нос и чувственный рот не могли не вызывать восхищение. Высокий лоб и выступающий подбородок свидетельствовали об уме и твердом характере. Эта вдова македонского вельможи приехала в Египет вместе с Эвридикой и поняла, что правитель страны в ее вкусе. В данном факте нет ничего удивительного. Птолемей испытывал страсть к приключениям, а такие мужчины обычно очень привлекают женщин. В итоге Береника, очевидно, полюбила Птолемея всем сердцем. Этот брак также позволял решить проблемы, связанные с престолонаследием. Береника родила Птолемею четверых детей: двоих сыновей – старшего Птолемея, позже известного как Филадельф, и Аргея – и двух дочерей: старшую Арсиною, ставшую женой сначала правителя Фракии Лисимаха, а затем своего брата Филадельфа, и Филотеру, самую младшую из всех.

Ни один македонянин не способен ограничиться одной лишь любовью, и Птолемей вскоре стал размышлять над тем, как увеличить объем египетского экспорта. Пока Александрия не оправдывала его ожидания. Стоянка на якоре здесь была безопасной, а местонахождение самого города – весьма удачным, однако Тир и Родос продолжали занимать лидирующее положение в торговле в бассейне Эгейского моря, а купцы из Эллады предпочитали торговать во всех странах, кроме Египта. Сделав этот вывод, Птолемей испытал крайнее разочарование. Пытаясь найти причины данного явления, он предположил, что проблема заключается в том, что в Александрии не чеканятся собственные монеты. В Египте сохранялась существовавшая еще в эпоху правления фараонов практика натурального обмена. Металл могли принять в качестве платы за какой-либо товар, но только после очень долгого спора о его чистоте и весе. Осознав это, предприимчивый торговец испытал стыд за страну, жители которой никак не могут отказаться от этих

⁵ Мы точно не знаем, когда именно был заключен этот брачный союз. Некоторые историки, такие как Белох и Тарн, предположили, что в 316–315 гг. до н. э. Береника была любовницей Птолемея, а их свадьба состоялась гораздо позже. (Примеч. авт.)

примитивных обычаев. На греческих островах и в городах-государствах чеканили собственные монеты, и Птолемей решил, что Александрия вполне может последовать этому примеру.

Важных причин, не позволявших сделать это, не было бы, если в распоряжении государства имелось бы достаточное количество золота и серебра, а государственный банк⁶ контролировал бы монетную чеканку. К несчастью, в Египте не было ни того ни другого. Огромные количества золота и серебра без дела лежали в храмовых сокровищницах, а на рынке обращалось множество иноземных монет. Но ни консервативные жрецы, ни невежественные торговцы не собирались отказываться от своих запасов, взамен на обещание, что позже им вернут все отданное, но уже в виде денег. Создать государственный банк было еще сложнее. Банковской системы, успешно существовавшей в Греции, в Египте не было, а без нее невозможно было создать собственную валюту.

Сначала Птолемей попытался отчеканить несколько монет с именами юных царей, но быстро отказался от этого эксперимента. На аверсе монет, отчеканенных позднее, но все еще в тот период, когда Птолемей был сатрапом Египта, изображен профиль Александра Македонского, на плечи которого накинута шкура слона или льва, а на реверсе – Зевс или Афина, стоящие напротив орла или корабля. Став царем, сын Лага приказал поменять изображения на монетах. Теперь на аверсе изображался его собственный профиль с диадемой на голове и эгидой на плечах, а на реверсе, внутри окантовки из слов «Царь Птолемей», помещалось изображение орла, стоящего на молнии, – своего рода семейный герб. Монеты чеканились в самом Египте, на Кипре, в Малой Азии, в Финикии и Киренаике. Стандарт варьировался от аттического до родосского, от родосского до финикийского. Птолемей успел поэкспериментировать с пятью разными типами золотой и серебряной монетной чеканки. Эти деньги охотно принимали по всему бассейну Эгейского моря – их вес соответствовал стандарту, а в чистоте металла никто не сомневался.

Птолемеему приходилось решать и другие проблемы. Одной из них стало обожествление Александра, а второй – создание нового культа, который станут отправлять и греки, и египтяне. Выполнить первую задачу было проще. Ни один военачальник не относился к памяти об Александре с таким уважением и не оплакивал его смерть с такой искренней печалью, и Птолемей решил установить культ, способный увековечить имя Александра в основанном им городе. Возможно, покойный правитель сам захотел бы обрести подобную посмертную судьбу – стать олицетворением божества, которым его назвали в Египте. В итоге верный Птолемей приступил к строительству в Александрии святилища, или Семы, где должно было упокоиться тело Александра, стал мечтать о том, чтобы все македоняне и греки увидели в умершем военачальнике сына Зевса, и объявил, что 25-й день месяца тибхи, в который была основана Александрия, должен стать общенародным праздником. Приверженцы этого культа должны были признать, что, во-первых, Александр после смерти воссоединился со своим небесным отцом, а во-вторых, своими прижизненными поступками заслужил звание героя.

Для того чтобы лучше обосновать второе, к Семе пристроили небольшую часовню, посвященную двум божествам в облике змеи – Агатодемону и Агатотюхе. В том или ином виде и в Египте, и в Греции с большим уважением относились к змеям, считавшимся духами – хранителями домашнего очага. Идея Александра о том, чтобы сделать Агатодемона богом – покровителем основанного им города, была удачной, причем в той же мере, что и решение Птолемея, пожелавшего связать память Александра с этим божеством.

Строительство Семы вызвало протесты в Мемфисе, и верховный жрец Птаха отказался от слов: «Там, где упокоится его тело, будут распри и разногласия», сказанных им ранее. Под

⁶ Перевод здесь сделан дословный, однако стоит отметить, что банков в нашем нынешнем понимании в древности не было. В Греции, которую автор упоминает ниже, существовали менялы, занимавшиеся обменом одних монет на другие (что-то вроде современного обмена валюты). Они же (а также ростовщики) могли брать деньги на хранение и давать их в долг под определенный процент. (Примеч. пер.)

угрозу была поставлена репутация Мемфиса, считавшегося центром египетского благочестия, и верховный жрец стал уговаривать Птолемея похоронить Александра в древней, а не в новой столице. Узнав об этом, правитель Египта снова замешкался. Он мог позволить себе не прислушиваться к возражениям простых египтян, но не хотел противопоставлять себя жречеству, единственному хорошо организованному египетскому институту, который к тому же пользовался большим уважением.

Каждым храмом управлял эпистат. Ему помогал заместитель, которого принято было называть «пророком» и который отвечал за функционирование оракула. Ниже их в иерархии располагались хранители нарядов, статуй и святилищ богов, жрецы, следившие за жертвоприношениями и совершавшие их, составители гороскопов, а также музыканты и певцы. Низшие ступени жреческой иерархии занимали жрецы, носившие священные лады, следившие за обиталищами умерших и занимавшиеся бальзамированием. Жрецы пользовались огромным влиянием и значительными привилегиями. Почти треть пригодной для обработки земли принадлежала тому или иному храму, а в сельской местности акты, издававшиеся в храмах, имели силу законов. Вполне понятно, что Птолемей совершенно не хотел ссориться со столь могущественной структурой.

Правитель приостановил строительство Семы и попытался задобрить жрецов, тщеславие которых определенно было задето, засвидетельствовав свое почтение древним святыням. Он уже вернул законным владельцам «изображения богов, найденные в Азии, и всю обстановку и свитки храмов Верхнего и Нижнего Египта», а теперь занялся украшением Фив, причем за свой собственный счет. Он почтил память Филиппа Арридея, приказав построить в Карнаке святилище и вырезать рельеф, на котором тот был изображен перед богом Тотом, а статую Александра, сына Роксаны, установили в большом зале храма. Над входом в святилище Мут Птолемей приказал вырезать рельеф, на котором перед богиней стоят он сам, его супруга и дочери, причем правитель держит в руке сistr, его жена играет на арфе, а дочери бьют по барабанам, чтобы отогнать злых духов.

Иными словами, Птолемей сделал все возможное, чтобы понравиться египетским жрецам. Вместе с женой и детьми он принял участие в ритуалах праздника сед, прошел через обряд коронации, получив взамен обещание вечной молодости и «миллионов лет». Возможно, его стали считать воплощением Хора или Осириса. В 311–310 гг. до н. э. он от имени сына Роксаны вернул жрецам расположенного в Дельте города Буто доходы, которых лишил их неблагочестивый Ксеркс. Это стало кульминационным моментом в демонстрации уважения, которые Птолемей испытывал к египетской религии – «храмам Хора и Буто, бога и богини Пе и Деп, перешли все города в местностях Пе и Деп, их жители, пастбища, воды, птицы, стада и все сделанные там вещи».

Для Птолемея все это также стало прекрасной возможностью продемонстрировать египетскому жречеству собственное благочестие, и он не преминул сделать это. Себя он называл «великим наместником Египта» и «человеком, полным сил, осторожным разумом, неизменным храбростью, стоящим прочно на ногах». Жрецов Пе и Деп он также уверял, что «не было подобного ему среди иноземцев». В кои-то веки Птолемея обуюло ощущение собственного всемогущества.

Страна, где огромным влиянием обладает жречество, не способное похвастаться ни моральностью, ни щедростью, представляет собой весьма печальную картину. Птолемей не был враждебно настроен в отношении религии в целом. Он, наоборот, искренне верил, что ни одно государство не будет процветать без нее. Однако из этого убеждения он делал собственные выводы: религия должна быть общей для всех жителей страны и находиться под контролем государства. В этом не было ничего, что противоречило бы египетским догматам.

Религия в те времена являлась, несомненно, основой общества Египта (да и любого другого), а Осирис вполне заслужил право называться общенародным богом. Но предрассудки и легковерие уничтожили все самое хорошее, что было в древнеегипетской религии, и от культа Осириса, судьи мертвых, даровавшего надежду на возрождение,

египтяне перешли к почитанию местных божеств, изображавшихся в виде животных. Если любой уважающий себя философ считал глупым стремление греков наделять богов человеческими страстями, то желание египтян снабдить животных божественной сущностью и поклоняться им могло показаться ему еще более абсурдным. По мнению Птолемея, египетская религия быстро вырождалась из-за излишнего влияния храмов и слабости государства.

Поразмыслив над всем этим, Птолемей решил не вмешиваться в сложившуюся ситуацию тотчас же. Это было очень взвешенное решение с точки зрения политики, ибо и на востоке, и на западе назревали большие проблемы. В Греции царили волнения, Антигон с нетерпением ждал возможности напасть на Египет, и Птолемей не хотел разжигать беспорядки в собственной сатрапии. Персы однажды уже пренебрегли этой опасностью и поплатились за свою неосмотрительность. В итоге более рассудительный Птолемей отказался поддаваться этому соблазну. Вместо этого он занялся поиском того общего, что могло бы объединить всех жителей Египта, несмотря на их этническую принадлежность и традиции. Для этого он создал культ, соединивший в себе элементы египетской и греческой религий.

Нечто подобное было крайне необходимо в Александрии, разношерстные жители которой уже начали конфликтовать друг с другом из-за того, что обладали разными взглядами на некоторые вопросы религиозной доктрины. Греки с недоверием относились к евреям, а египтяне – и к тем и к другим. С иудеями ничего было нельзя поделать – их религия устоялась, и они соглашались поклоняться только своему собственному богу. Но греки и египтяне были более гибкими, и Птолемей, заметив это, объединил черты и атрибуты Зевса и Гадеса, Ра и Осириса, богов, которым поклонялись обитатели этих двух столь разных миров, создав единое божество, почитать которое могли представители обоих народов. Так появился культ Сераписа, продолжавший существовать даже после установления христианства и оказавший огромное влияние на весь мир.

Греки первыми стали поклоняться этому богу. Признавая существование всех своих богов, но сомневаясь в их добродетели, эллины готовы были включить в свой пантеон любое божество, способное предложить им нечто новое. К тому же Сераписа связывали с Осирисом, к которому греки относились с большим почтением. отождествив этого бога со своим собственным Дионисом, они сделали уверенный шаг вперед и стали ассоциировать Осириса с Гадесом. К тому времени религиозный синкретизм получил широкое распространение в греческой среде, а обитатели египетской Александрии получили непаханое поле, на котором можно было спокойно практиковаться в изобретательности. Амона-Ра они стали называть Зевсом, Хатхор – Афродитой, Нейт – Афиной. Эллины соотнесли египетский город Уасет (современный Луксор) со своими Фивами, Абеджу, где хоронили первых египетских фараонов, – с Абидосом, а Кануб – с кормчим Менелая Канопом.

Вместе с тем для египтян синкретизм не имел никакого значения. Но так как Осирис считался богом – покровителем Ракотиса, александрийского квартала, где жили египтяне, а Серапис был связан с этим божеством, они тоже приняли этот новый культ. Убедить поклоняться Серапису египтян, обитавших за пределами Александрии, было сложнее. Будучи людьми более простыми, они продолжали почитать своих зооморфных богов, и приверженцы культа Сераписа появились только среди иноземных жителей Мемфиса.

Мы не можем делать точные выводы ни о том, отождествлялся ли Серапис с каким-либо другим богом, ни о происхождении его имени. В источниках содержатся лишь очень сомнительные, зачастую чрезмерно романтизированные, сведения на этот счет. Тацит и Плутарх, два античных автора, пользовавшиеся огромным уважением, начинают свой рассказ с описания сна, в котором Птолемею явился загадочный юноша, приказавший забрать свое изваяние из Понта и доставить его в Александрию. Произнеся эти слова, незнакомец исчез в пламени. Птолемей собрал самых мудрых египетских жрецов и попросил их расшифровать сон. То, что незнакомец имел в отношении Птолемея добрые намерения,

было очевидно. Но никто так и не решился отправиться в путь, ибо жрецы ничего не слышали о Понте и не знали, какому богу поклоняется местное население. В Александрии тогда находился Тимофей, афинянин, посвященный в разного рода мистерии, и Птолемей обратился к нему. Тот знал больше – путешественники, отправлявшиеся в путь в поисках приключений, часто рассказывали ему о Синопе, богатом городе, стоявшем на побережье Черного моря, и о расположенном в нем храме повелителя загробного мира Гадеса и его супруги Прозерпины. Птолемею этих слов оказалось вполне достаточно. Он отправил Тимофея в Синоп, снабдив его подарками для местного правителя, и велел любой ценой привезти оттуда в Александрию статую.

Но погода была неблагоприятной, и, чтобы избежать кораблекрушения, путешественники вынуждены были остановиться на острове Делос. Там располагалось святилище Аполлона, и посол Птолея решил воспользоваться ситуацией и спросить совета у оракула. Предсказание оказалось вполне обнадеживающим: Тимофей должен был продолжить путешествие, забрать статую Гадеса, а изваяние Прозерпины оставить жителям Синопа. Очевидно, то, что в Синопе находятся два изваяния божеств, а в Александрии, городе, основанном таким выдающимся человеком, как Александр Македонский, нет ни одного, выглядело несправедливым. Успокоенный этой мыслью, Тимофей продолжил свое путешествие.

Прибыв в Синоп, Тимофей с разочарованием узнал, что местные жители не разделяют его убеждения, а правитель, с радостью согласившийся принять подарки Птолея, не собирается отдавать статую. Переговоры, впрочем так и не приведшие к какому-либо результату, продолжались три года, пока терпение Птолея не лопнуло и он не отправил в Синоп новое посольство с более ценными подарками. Царь благосклонно встретил посланцев Птолея и принял новые подарки, но продолжал придумывать все новые поводы, якобы вынуждающие его оставить статую в Синопе. Прошло еще три года, а Тимофей уже находился на грани отчаяния. Но бог решил проблему самостоятельно и сам перешел на корабль.

Существует и менее определенная версия о том, что Серапис был связан с Осераписом (Осирисом-Аписом), быком Аписом, отождествленным после смерти с Осирисом, и с небольшим холмом Синопейон, расположенным неподалеку от Мемфиса, где стоял Серапеум. Имеется и более современная гипотеза о том, что Птолемей позаимствовал имя Сераписа в Вавилоне. Если верить Арриану, приводившему в своем сочинении довольно достоверные сведения, в этом городе существовало святилище Сераписа. Именно туда отправились Селевк и другие военачальники накануне смерти Александра, чтобы попросить бога сохранить ему жизнь. Когда Птолемей, возможно принимавший участие в этом событии, стал придумывать имя для созданного им бога, он мог вспомнить о вавилонском божестве.

Каким бы ни было происхождение имени александрийского Сераписа, при изображении его облика использовался греческий, а не египетский канон – внешне этот бог напоминал скорее Зевса, чем Осириса. У него была борода, а на голове возвышался калаф, или корзина. В руке он держал скипетр, а у его ног сидел трехголовый Цербер, свидетельствующий о том, что Серапис считался правителем загробного мира. Вскоре к нему присоединилась Исида, великодушная юная богиня-мать, с головой, увенчанной полумесяцем, держащая на руках младенца Хора. Так образовалась александрийская триада. Живший в более поздний период Апулей вложил в ее уста следующие слова: «Вот я пред тобою, Луций, твоими тронутая мольбами, мать природы, госпожа всех стихий, изначальное порождение времен, высшее из божеств, владычица душ усопших, первая среди небожителей, единый образ всех богов и богинь, мановению которой подвластны небес лазурный свод, моря целительные дуновенья, преисподней плачевное безмолвие»⁷.

⁷ Данный фрагмент «Золотого осла» приведен в переводе М. Кузмина. (Примеч. пер.)

Птолемей построил для триады на возвышении, расположенном на территории александрийского Ракотиса, храм, получивший название Серапеум⁸ и представлявший собой упорядоченное скопление поражающих своей красотой святилищ и часовен, соединенных вместе гранитной колоннадой, в центре которой был образован прямоугольный двор. Попасть в храм можно было по широкой лестнице из ста ступеней. В центре двора располагалось святилище Сераписа, где стояла статуя бога с распростертыми руками. Казалось, будто он готов принять в свои объятия любого грешника.

В то время как Птолемей занимался этим, остальные сатрапы были вовлечены в нескончаемые конфликты друг с другом. Правивший Македонией Кассандр воевал с Полиперхоном, под властью которого находилась Греция. Лиси-мах, управлявший Фракией, вступил в союз с первым, а Антигон, владения которого располагались в Малой Азии, – со вторым, и все они просили Птолемея о помощи. Правителю Египта приходилось быть очень осторожным, так как ситуация осложнилась настолько, что ни один из военачальников Александра теперь не мог доверять соседу, не говоря уже о том, чтобы прийти ему на помощь. Все диадохи поголовно руководствовались собственными эгоистическими интересами. Ни Кассандр, ни Антигон не заслужили помощи Птолемея. Первый убил одного из наследников престола и, очевидно, ждал, когда же наступит подходящий момент для того, чтобы разделаться с оставшимся. Второй открыто говорил о том, что собирается захватить Египет и покончить с его сатрапом.

Это заставило Птолемея принять решение: он пообещал Кассандру поддержку и стал ждать нападения Антигона. Но последний не был готов к боевым действиям. Сначала ему следовало построить флот, чтобы отобрать у противника Родос и Кипр, а затем убедить Полиперхона, находившегося тогда на Пелопоннесе, прийти на помощь. Устав ждать, Кассандр, Лисимах и Птолемей выдвинули ультиматум: если Антигон хочет мира, то получит его лишь в том случае, если отдаст Кассандру Каппадокию и Ликию, Лисимаху – Лидию, Селевку – Месопотамию, а Птолемею – Сирию. Оскорбленный этим унижительным предложением, Антигон нанес ответный удар, пообещав даровать самоуправление всем греческим городам, которые согласятся оказать ему помощь, призвав всех македонян покинуть убийцу Филиппа Арридея и начав приготовления к выступлению против Птолемея. Но правитель Египта в ответ на слова противника уверил всех греков, что жаждет их свободы «так же сильно, как Антигон», и отправил своего брата Менелая в сопровождении сотни кораблей и 10 тысяч солдат на помощь Селевку, по его просьбе удерживавшему Кипр.

Военные действия начались в 311 г. до н. э. и поначалу были довольно вялыми. Селевк осадил Тир, не позволяя новому флоту Антигона выйти в море. Птолемей уже стал думать, что война на этом и закончится, но удача отвернулась от него. Из-за плохой погоды Селевк был вынужден снять блокаду, и флотоводец Антигона отгеснил противника к Кипру. Ситуация изменилась на 180 градусов. Флоту Антигона из 250 кораблей Селевк, даже несмотря на помощь Менелая, мог противопоставить более чем вдвое меньшее число судов. Решив не рисковать своей эскадрой, он перенес ее базу на Лемнос. Это не заставило Птолемея впасть в отчаяние. Он приказал Менелая высадиться на Кипре и отправить часть войск к Пелопоннесу, чтобы вытеснить оттуда Полиперхона.

Сам Птолемей отправился в Киликию, чтобы помочь Кассандру справиться с ситуацией в Малой Азии. Больше он ничего не мог сделать – в Киренаике началось восстание, и стоявший там македонский гарнизон оказывал яростное сопротивление. Оказавшись таким образом между двух огней, Птолемей решил выждать. Он хотел проконтролировать подавление восстания и даже готов был простить зачинщиков, если Киренаика добровольно сдастся. Но его предложение было отвергнуто, а обещание помилования было расценено как признак трусости. Предводители мятежа жаждали лишь полной независимости, и толпа буквально разорвала на части шестерых посланцев,

⁸ В настоящее время на его месте стоит так называемая колонна Помпея. (Примеч. авт.)

отправленных Птолемеем в Киренаику, чтобы определить, чем вызвано недовольство ее жителей. Больше Птолемей не мешкал и не собирался никого прощать. Он приказал Магасу, сыну Береники от первого брака и своему пасынку, привести этих зарвавшихся людей в чувство. И тот делал это до тех пор, пока жители столицы Киренаики Кирены, сокрушенные и униженные, не взмолились о пощаде.

Их повинование позволило Птолемею переключиться на более масштабную войну. К этому времени горизонт очистился. Полиперхон, придя к соглашению с Кассандром, отвернулся от Антигона и ушел с Пелопоннеса. Благодаря этому Менелай, выдвинувшись с Кипра и не найдя противника, снова пересек Эгейское море, чтобы совершить набег на Памфилию. За этой приятной новостью последовала еще более радостная – флот Антигона удалось застать врасплох, когда суда стояли на якоре, и почти полностью уничтожить. С другой стороны, Кассандр утратил позиции в Греции, и Антигон воссоздал союз Кикладских островов, сделав его столицей Делос. Под его покровительством в итоге оказались все греческие острова и Кипр.

Птолемей с удовольствием принял бы этот вызов, но тем самым он поставил бы под удар Египет. В итоге благоразумие заставило его сосредоточить внимание на Кипре. Проблему греческих островов можно было решить потом, но Птолемей не мог отказаться от Кипра без борьбы. Он высадился на острове и, низложив всех девятирех правителей, провозгласил, что сам берет Кипр под свое покровительство. Воодушевленный легким успехом, правитель Египта отправился в путь и, напав на Родос, высадился на берег в Киликии. Там ему никто не оказал сопротивления. Все внимание Антигона было сосредоточено на действиях его противников в Европе, а его сын Деметрий был слишком увлечен разорением Греции. Поэтому Птолемей с легкостью разграбил окрестности, провел какое-то время в столице Киликии Мал-лосе, а затем вернулся в Египет. Поход получился удачным и стал предупреждением Антигону о том, что за ситуацией в тылу тоже необходимо следить.

Мировоззрение Птолемея изменилось. Времена, когда он считал войну единственным достойным занятием для мужчины, прошли, и теперь гораздо больший интерес для него представляло более однообразное занятие – управление государством. Но неподалеку от Египта жил обладавший даром убеждения Селевк, бывший непримиримым врагом Антигона, который уговорил Птолемея выступить в поход и вернуть себе контроль над Келесирией и Финикией. Ситуация казалась благоприятной. Основные силы Антигона находились на Геллеспонте, а в Сирии осталась только небольшая часть его армии. Поэтому Птолемей во главе 18-тысячной пехоты и 4-тысячной конницы, состоящих из македонян и наемников, пересек Синай и вторгся в Газу. Но Антигон узнал о походе и, не желая отвлекаться от боевых действий, которые он на тот момент вел, приказал своему сыну Деметрию оказаться в Газе раньше Птолемея.

Деметрий, высокий и красивый юноша, человек весьма предприимчивый и смелый, позже получивший прозвище Полиоркет, Осаждающий, был любимцем отца. Тогда он был совсем юным – поход в Газу стал его первым заданием, а грозный Птолемей – первым врагом. Из-за этого Деметрий не знал, как лучше поступить – вступить в бой или начать отступление. Военные советники предложили ему выбрать второй вариант. Но пока он стоял и в растерянности и нерешительности рассматривал внушительные силы Птолемея, выстроившиеся в боевом порядке, его солдаты как один закричали: «Прояви храбрость!» И воодушевленный этим призывом Деметрий отбросил все сомнения. Расположение его войск было неудачным. Левый фланг не был защищен, а в центре и на правом фланге наблюдалось беспорядочное скопление конницы, слонов, тяжело- и легковооруженной пехоты, и все они толкались и мешали друг другу.

Заметив слабость противника, опытный военачальник Птолемей переместил собственного коня с левого фланга в правый и одним ударом смял левый фланг войска Деметрия. Слоны не смогли помешать пехоте Птолемея. Спрятавшись за наскоро возведенным частоколом, воины из фаланги сбили наездников, и слоны, испуганные

уколами копий и стрел, обратились в бегство, параллельно окончательно нарушив боевой порядок сил Деметрия. Юный военачальник даже не попытался собрать своих пехотинцев. Решив, что битва проиграна, он бросился вон с поля боя, не останавливаясь до тех пор, пока не добрался до Ашдода, расположенного почти в 50 километрах от места сражения. Тир был взят приступом, Иерусалим был вынужден капитулировать из-за хитрости Птолемея⁹, Финикия и Келесирия также сдались.

Однако продлилось это всего лишь пару месяцев. Сначала Селевк, основной союзник Птолемея, отправился в Вавилон, чтобы создать там собственную державу, а затем Деметрий устроил полководцу своего противника Киллу ловушку, в которую тот сам поспешно и глазом не моргнув забрался. Успех сына обрадовал старого Антигона. «Вот юный герой, – вскричал он, охваченный отцовской гордостью, – способный носить корону!» Деметрия, несомненно, нельзя было обвинить в нехватке мужества. Он заключил выгодный для себя и своего отца мир с Nabateйским царством, столицей которого являлась Петра, а затем двинулся в сторону Вавилона. Однако Деметрий не сумел захватить город, даже несмотря на отсутствие Селевка, находившегося в тот момент в Гималаях, и, вернувшись домой, дерзко предложил вторгнуться на территорию Греции. Но Антигон, все еще страстно желавший захватить Египет, мешкал. Он хотел застать Птолемея врасплох, сделав Петру своей передовой базой, но когда Деметрий опробовал на собственной шкуре боевые качества набатеев, Антигон отказался от этого плана и решил двинуться в сторону Нила по приграничной дороге, проходившей через Газу.

Передававшиеся из уст в уста слухи об этих приготовлениях дошли до Птолемея, находившегося в тот момент далеко от своих владений, и заставили его поволноваться. Лишившись солдат, ушедших с Киллом, он получил важный урок и решил вернуться в Египет. Птолемей считал, что сделал достаточно для того, чтобы обрести славу и получить выгоду. Он выяснил, как его войско ведет себя в бою, и решил, что оно обладает превосходным боевым духом. До этого Птолемей включил в состав своей армии 8 тысяч военнопленных и убедил или заставил некоторых евреев сменить Иерусалим на Александрию. Правда, многие из них, несомненно, очень охотно перебрались в новое место жительства. Александрия славилась по всей Азии. Говорили, будто ее улицы вымощены золотом, и все знали, что там всегда рады новым жителям независимо от этнической и религиозной принадлежности.

Не успел Птолемей вернуться в Александрию, как в 311 г. до н. э. был заключен мир, который должен был продлиться до совершеннолетия юного Александра. Диадохам нужно было передохнуть – годы войны изнурили их, заставили всех бывших военачальников Александра возжаждать мира. Антигон, которому было уже больше семидесяти лет, хотел набраться сил для последнего сражения с Птолемеем, Кассандр и Лисимах собирались провести в своих сатрапиях преобразования, а Птолемей – завершить реформу административного аппарата. В итоге союзники и противники сложили оружие, согласившись отказаться от притязаний, которые они не способны были реализовать, и от не принадлежавших им территорий. Так, Кассандр отказался от претензий на Грецию, Лисимах – от своих планов на окрестности Геллеспонта, Антигон – от вторжения в Египет, а Птолемей – от владений в Финикии и Келесирии.

Но мир оказался непрочным, так как ни один из диадохов не собирался исполнять свои обязательства, а Кассандр без зазрения совести совершил одно из многочисленных преступлений, омрачающих историю Македонии. Александр, ставший единственным наследником престола, был скорее пленником, чем воспитанником Кассандра, призванного

⁹ Иосиф Флавий так описывает это событие: «Он же овладел хитростью и обманым образом также и Иерусалимом, а именно, вступив в город в субботу под предлогом принести жертву, он не встретил со стороны иудеев ни малейшего к тому препятствия (они нисколько не предполагали в нем врага) и, вследствие того, что они ничего не подозревали и проводили этот день в беззаботном веселье, без труда овладел городом и стал жестоко править над ним» (Иудейские древности. XII,1). (Примеч. пер.)

его защищать, и половина жителей Македонии перешептывалась о том, насколько это несправедливо. Ходили слухи о заговоре, участники которого якобы собирались убить Кассандра и посадить его воспитанника на трон. Но дальше разговоров дело не пошло. У Кассандра были сторонники, такие же придирчивые, как и он сам. Эти люди, многие из которых были офицерами, сомневались в наличии у мальчика способности управлять государством и подчеркивали, что у руля должен стоять сильный кормчий. Сам Кассандр думал, что существование Александра угрожает его собственным планам на будущее, и приказал тюремщику, следившему за ребенком и его матерью, убить их обоих¹⁰.

Уничтожение потомка Александра ознаменовало начало новой эры. Теперь во главу угла вставал вопрос превосходства, а каждый из диадохов мог стать полноправным правителем такой территории, которую был в состоянии удержать. Но договор 311 г. до н. э. ненадолго «пережил» ужасное преступление Кассандра. Заключившие его диадохи с самого начала не соблюдали ключевое условие этого перемирия – требование освободить греческие города-государства. Ни один из сатрапов, во власти которых они находились, не отказался от контроля над ними. Кассандр сохранил свою власть над Афинами, Лисимах продолжил контролировать территории в районе Геллеспонта, Антигон оставил свои военные гарнизоны в городах-государствах Малой Азии, а Птолемей сохранил контроль над Кипром.

Вряд ли правитель Египта мог поступить как-то иначе. Теперь центр державы располагался в Средиземноморье, и полновластие зависело от превосходства не только на земле, но и на море. Это заставляло каждого из диадохов пытаться распространить свое влияние на города, расположенные на морском побережье, создавать новые столицы – на этот раз с выходом к морю. Кассандр начал судорожно строить на берегу залива Термаикос город Фессалоники, Лисимах – Лисимахию в Херсонесе, а Селевк – Антигонию в Сирии, на берегу реки Оронт. Птолемей стал единственным диадохом, не нуждавшимся в строительстве новой столицы, но, осознавая важность превосходства на море, он усилил контроль над Кипром.

Положение правителя Египта на Кипре было ненадежным, власть над этим островом находилась под угрозой. Причиной этого во многом были действия Антигона. Мене-лай, назначенный Птолемеем наместником на Кипре, сообщал ему, что один или несколько правителей расположенных на острове государств, плативших Египту дань, переписываются с этим заклятым врагом Птолемея, а остальные собираются последовать их примеру. В ответном письме Птолемей приказал Менелаю проучить главного предателя, и наместник предложил царю Пафоса Никоклу сделать выбор – либо он покончит жизнь самоубийством, либо погибнет от рук палача. Никокл не мешкая выбрал первый вариант, и его жена вместе со своими придворными дамами последовала его примеру. Это событие стало одним из самых трагичных и печальных эпизодов в истории Кипра. В это время Леонид, еще один полководец Птолемея, отправленный им в Киликию, столкнулся с трудностями, и правитель Египта отправился на помощь. Он изгнал из Фаселиса, Ксанфа и других греческих городов Малой Азии солдат Антигона, даровал Памфилии, Ликии и Карии самоуправление, предусмотренное договором 311 г. до н. э., и захватил остров Кос. Иными словами, он всячески подчеркивал, что является поборником свободы греков.

Затем летом 308 г. до н. э. он отправился в Грецию. Понять причины, заставившие правителя Египта вторгнуться на территорию, прежде интересовавшую его только как колыбель торговцев, чиновников и солдат, довольно трудно. Его соперники, несомненно, тоже нуждались в мозгах и мышцах греков, и, соответственно, спрос стал превышать предложение. Пожалуй, только это предположение является достаточно обоснованным объяснением того, почему Птолемей внезапно заинтересовался Грецией. Возможно, правитель Египта решил опередить других сатрапов и занять «рынок», открыто заявив о том,

¹⁰ Мы не знаем, когда именно это произошло. П. Жуге предполагает, что Кассандр совершил данное преступление в период между 311 и 309 гг. до н. э. (*Примеч. авт.*)

что разделяет чаяния и стремления греков. Никогда прежде Птолемей не оставлял Египет без защиты и теперь, решив сделать это, очень рисковал.

Менее правдоподобной выглядит гипотеза о том, что Птолемей заразился широко распространенной в то время болезнью – жаждой власти над обширной державой – и хотел получить поддержку со стороны греческих городов. Такие амбиции явно не соответствуют политике, которую он последовательно проводил до этого. Птолемей не пытался захватить какие-либо территории, за исключением Келесирии, Кипра и Киренаики. Он даровал Андросу право чеканить собственные деньги, Делосу, Мегаре, Коринфу и Сикиону – самоуправление. На Коринфском перешейке Птолемей задержался, чтобы посмотреть Истмийские игры и встретиться там с представителями городов-государств.

С точки зрения Птолемея, эти переговоры прошли не очень успешно. Он говорил, что ему нужны припасы и люди, эллины внимательно его слушали, но никто из них не предложил ему помощь. Тем не менее он не хотел возвращаться в Египет с пустыми руками и, возможно, решил избежать позора, заключив брак. Сестра Александра Македонского Клеопатра все еще была вдовой. На ее руку в разное время претендовали Кассандр, Лисимах и Антигон, но неудачный брак с Пердиккой заставил ее с сомнением относиться к женихам-сатрапам, пока предложение ей не сделал Птолемей. Он, пользовавшийся славой здравомыслящего, честного и щедрого человека, был наиболее удачным кандидатом в мужья. В итоге, немного помешкав, Клеопатра согласилась стать его женой. Вряд ли этот союз основывался на любви – жениху было за шестьдесят, да и невеста не могла похвастаться молодостью. Скорее всего, Птолемей и Клеопатра заключали вполне характерный для того времени династический брак, и, будучи типичным македонянином, правитель Египта, выбирая себе новую невесту, даже не думал о том, какие чувства испытает, узнав о свадьбе, Береника. Но этот брак так и не был заключен. Клеопатра снова отправилась в Сарды, но удача опять отвернулась от нее – Антигон, не желавший, чтобы такой ценный приз достался Птолемею, приказал убить ее.

После совершения этого преступления шаткому миру между Птолемеем и Антигоном пришел конец, и каждый из противников стал ждать, когда другой сделает первый ход. На протяжении какого-то времени никто из них ничего не предпринимал. Антигон занимался украшением своей новой столицы Антигонии, а Птолемей был слишком осторожным человеком для того, чтобы переходить в наступление. Затем напряжение ослабло. Антигон решил перенести театр военных действий в Грецию и приказал своему сыну Деметрию захватить Афины и изгнать из этого города солдат Кассандра. Молодой человек отплыл из Эфеса во главе флотилии из 250 боевых кораблей, обогнул мыс Сунион, высадился в Пирее и завел разговор о возвращении городу прежних свобод. Военачальник Кассандра Деметрий Фалерский отошел к Фивам, а гарнизон, осажденный в крепости Мунихия, был вынужден сдаться. Охваченные радостью афиняне осыпали победителя и его отца всевозможными почестями. В частности, каждый из них был назван царем, а о них обоих граждане Афин говорили как об освободителях от македонской тирании.

Деметрию настолько понравилось в Афинах, что он дважды вступил там в брак, а также имел многочисленные связи с менее добропорядочными женщинами. Вино и женщины всегда были его главными пристрастиями, и в Греции (как, впрочем, и везде) он самозабвенно предавался обоим этим излишествами. Прелестное личико и кувшин вина действовали на Деметрия подобно яду. Однажды из-за этого ему даже стало настолько плохо, что он вынужден был лечь в постель, и Антигон лично отправился к нему, чтобы поинтересоваться состоянием его здоровья. Зайдя в спальню сына, он увидел, как кто-то закрытый покрывалом торопливо выбегает из комнаты. «Лихорадка теперь уже ушла», – хрипло прошептал Деметрий, приподнимаясь в постели, чтобы поприветствовать отца. «Конечно, ушла, сынок, – ответил Антигон, – и даже только что встретила меня в дверях»¹¹.

¹¹ Эта цитата из «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха приводится в переводе С. П. Маркиша.

Следующим на очереди был Птолемей. Воодушевленный успехом в Греции, Деметрий напал на Кипр. Менелай не ожидал появления у берегов острова вражеского флота. В его распоряжении не было ни кораблей, ни войск, способных помешать Деметрию высадиться на берег, и, отправив в Александрию письмо с просьбой и о том и о другом, он укрылся на Саламине. Птолемей выполнил просьбу своего наместника и отправил на Кипр все транспортные корабли, стоявшие в порту, посадив на них 10 тысяч наемников, и 140 военных судов, на одно из которых сел сам. Он высадился у Китиона, но опоздал. Деметрий осадил Саламин и с суши, и с моря, и Птолею ничего не оставалось, кроме как попытаться прорвать блокаду. Но силы противника намного превосходили имевшиеся у него в распоряжении. Деметрий имел преимущество на море как по числу кораблей, так и по вооруженной силе.

Командуя левым крылом своего флота, Птолемей подал сигнал к атаке, и корабли противников начали быстро сближаться. Избежать битвы было невозможно – когда их весла сцеплялись, корабли не могли двинуться ни вперед, ни назад. Сражение продлилось до заката, когда Птолемей, потеряв половину транспортных судов и треть боевых, решил отступить. Это был конец боевых действий – Деметрий одержал окончательную победу, и Птолемей был вынужден покинуть Кипр.

Когда Антигон узнал об одержанной сыном победе, его сердце исполнилось гордости. Он принял царский титул, водрузил на свою голову диадему, широко распространенный в Азии символ царской власти, и стал ждать, что Птолемей станет умолять его о милосердии. Но это было пустое тщеславие – повинование было последним, о чем думал тогда Птолемей.

Вернувшись в Египет, он собрался с силами и стал восстанавливать флот, собирать и обучать новое войско. То, что Антигон объявил себя царем всей Азии, в то время как владел всего лишь небольшим уголком этого континента, казалось трезвомыслящему Птолею глупым. Но сама по себе эта идея ему понравилась – он был готов назваться царем Египта. Так как Птолемей ничего не делал наполовину, он захотел, чтобы жрецы составили для него соответствующие картуши, традиционные для Египта рамки, в которые заключались царские имена. Эта древняя практика развивалась на протяжении столетий. Первые фараоны, восходя на престол, довольствовались тем, что имя каждого из них заключалось в один картуш. Более высокомерные представители XII династии добавили к своей титулатуре второй картуш – с указанием тронного имени. Александр последовал этому примеру, взяв тронное имя и придав своему личному египетскую форму Алегсендрес. Птолемей поступил так же – стал называть себя Птулмисом, возлюбленным Амоном, сыном Ра, и наделил свою любимую жену, превратившуюся в царицу, собственным картушем, в который было вписано имя Береника.

Вслед за ним царский титул приняли Кассандр, Лисимах и Селевк. В итоге там, где раньше не было ни одного царя, их стало целых четверо. Слова Плутарха о том, что «один льстивый голос полностью изменил мир», представляют собой весьма достойную эпитафию.

Антигон решил, что пришло время наказать этих дерзких подражателей, и предложил начать с Птолемея. Теперь ему уже не нужно было рассчитывать на удачу. Имевший в своем распоряжении 80-тысячную пехоту, 8-тысячную конницу и 83 слона, он считал, что противник не сможет оказать ему сопротивление. Но поход, предпринятый Антигоном в 306 г. до н. э., оказался более трудным, чем он предполагал изначально. Его военные и транспортные корабли надолго застряли в Газе, а затем из-за недостатка питьевой воды и продовольствия его войско с огромным трудом преодолело пустынный Синайский полуостров.

С появлением в поле зрения Нила проблемы Антигона не закончились. Река разлилась, и перейти ее вброд было невозможно, а сильное прибрежное течение в море помешало Деметрию выгрузить на сушу припасы и боевые машины. Запасы начинали заканчиваться, и как солдаты, так и офицеры, привлеченные денежными посулами противника (две мины

каждому из первых и один серебряный талант – каждому из вторых), перебежали к нему.

Более того, Птолемей вместе со своей армией укрепил позиции на противоположном берегу реки, и Антигону пришлось бы, форсировав Нил, пройти через линию оборонительных сооружений. Пав из-за этого духом, Антигон созвал военный совет и спросил, как ему лучше поступить – остаться и сражаться или отступить обратно в Сирию и вернуться, когда разлив Нила закончится. Ответ дался воинам легко: исход битвы был не очевиден, и отступление казалось им более обоснованным с точки зрения тактики. Птолемей ликовал, ведь Нил снова стал его надежным союзником.

Разочарование только усилило гнев Антигона, который тот решил излить на друзей и союзников Птолемея. Первой его жертвой стал Родос. Между этим островом и Александрией существовала здоровая конкуренция, в то же время не мешавшая их дружеским отношениям. И Родос, и Александрия были транзитными портами и получали выгоду от соперничества друг с другом. Так, египетские товары, перевезившиеся на Восток, доставлялись туда через Родос, а родосские, шедшие на Запад, – через Александрию. Антигон решил разорвать эту связь, для чего он собирался перехватить египетские и родосские торговые суда прямо в море, и Птолемей сделал все возможное, чтобы защитить свои корабли. Родосцы попробовали возмутиться, правда, попытка эта получилась довольно робкой. Но никакие протесты не могли остановить Антигона, и летом 304 г. до н. э. Деметрий выдвинулся с Кипра во главе флота из 200 военных кораблей и подверг остров блокаде.

Старейшины Родоса не упали духом и стали готовиться к войне. Они обратились за помощью к Птолемею, призвали к оружию всех граждан, пообещав почести всем, кто погибнет, защищая остров, и приданое девушкам, которые выйдут замуж за выживших. Деметрий, в свою очередь, стал спешно готовить нападение. Он неплохо разбирался в осадных орудиях и приказал сделать осадные башни и тараны, в два раза превосходившие огромный элеполис, построенный по его указу для осады Саламина. Боевые корабли и машины нужны были ему для того, чтобы они могли оказать поддержку в ходе наземной операции.

Удача улыбалась то родосцам, то Деметрию. В ответ на нападение жители острова предприняли вылазку; чтобы противостоять метательным машинам, родосцы строили дополнительные укрепления. В итоге, несмотря на численное превосходство и невиданные прежде осадные орудия, Деметрий не смог сломить оборону непокорных островитян. По его приказу стали сооружаться более крупные и тяжелые «черепахи» и осадные башни, и, пока шло их строительство, он попытался подкупить кого-то из родосцев. Но это ни к чему не привело. Деметрий выбрал македонянина, ученого, которого Птолемей прислал на остров для участия в строительстве оборонительных сооружений, и тот сразу же рассказал о планах захватчика старейшинам острова.

Птолемей изо всех сил старался помочь осажденным. Он сумел прислать им 30 тысяч тонн зерна и большой отряд отборных солдат. Правитель Египта уже собирался пойти на еще большие жертвы, когда Деметрий, потеряв терпение, предложил заключить мир. Родосцы обратились к Птолемею за советом, и он рекомендовал им принять предложение Деметрия. В итоге сын правителя Антигона сел на корабль и направил остатки своего флота в сторону Греции. Благодарные родосцы отдали Птолемею дань уважения – назвали его Сотером, или «Спасителем», установили на рыночной площади его статую и посадили священную рощу, призванную увековечить память о нем.

Избавившись от необходимости блокировать Родос, Деметрий добрался до Греции, где заставил Кассандра снять осаду с Афин, изгнал врага с Пелопоннеса, возродил Коринфский союз (302 г. до н. э.) и направился в Македонию. Эти его успехи доказали тщетность ожидания мира при условии, что война была для Антигона и Деметрия смыслом жизни, а Кассандр, Лисимах, Селевк и Птолемей заключили союз, целью которого стала окончательная победа над отцом и сыном. На этот раз сложились весьма благоприятные для союзников условия, и они решили, что смогут запереть Антигона в Сирии и остановить продвижение Деметрия по территории Греции. Лисимах во главе войска выдвинулся в

сторону Малой Азии, а Селевк направился вверх по течению Евфрата. Птолемей занял Келесирию, а Кассандр должен был сдерживать Деметрия.

Однако Антигон, которому уже исполнилось восемьдесят лет, не потерял свою интуицию, не раз помогавшую ему во время войн. Приказав Деметрию покинуть Грецию, он пересек Тавр и атаковал войско Лисимаха с фланга. Затем, объединив силы с сыном, Антигон вступил со своими врагами в битву при Ипсе (301 г. до н. э.). Но возраст уже сказывался, и Антигон позволил сыну самому управлять всем ходом сражения. Деметрий не был ровней своих противникам, обучавшимся военному делу под руководством непревзойденного Александра Македонского. Потрясенный поражением, Антигон пал на поле боя. Деметрий, осознав, что битва проиграна, бежал в Грецию. Но афиняне не хотели, чтобы в их городе появлялись новые «освободители» или «цари», да и пелопоннесцы в том же духе ответили на просьбу беглеца о помощи.

Птолемей внес в создание союза лишь незначительный вклад и не принимал участия в битве при Ипсе. Как только Антигон пересек Тавр, правитель Египта неторопливо направился в Сирию. Этот поход оказался довольно легким, так как жители Тира, Сидона и Библа сами открыли ворота своих городов, а на дороге, ведущей в Малую Азию, не оказалось никого, кто мог бы оказать Птолемею сопротивление. Но вместо того чтобы захватить ее, диадок оставался в Тире до тех пор, пока не пошел слух о том, что Антигон победил Лисимаха во Фригии. Услышав об этом, Птолемей поспешил отступить. Уходил он с радостью, так как не хотел участвовать в операции против Антигона. В союз он вступал с опасением. Он надеялся, что Антигон будет наказан, но судьба этого непримиримого врага не интересовала Птолемея до тех пор, пока тот не посягал на границы Египта. К тому же он затаил обиду на Кассандра и его союзников. Никто из них не пришел ему на помощь, когда за пять лет до этого Антигон вторгся в Египет. Птолемей понимал: никто из них (и Птолемей прочувствовал это на собственной шкуре) и пальцем не пошевелит, если в будущем ему понадобится поддержка.

В конце концов это решение дорого обошлось Птолемею. Он забыл урок, который получил после заключения мира в Трипарадесе в 321 г. до н. э. Тогда во время раздела державы Александра Птолемея не стали принимать в расчет. Диадокси, одержавшие победу в битве при Ипсе, поступили точно так же. При разделе доставшейся им добычи Кассандр, Лисимах и Селевк позабыли о Птолемее. Он напрасно говорил им о том, что должен получить в качестве награды за участие в союзе Келесирию. В ответ бывшие соратники утверждали, будто он не заслужил ее. Пораженный этим ответом, Птолемей спешно снова оккупировал Келесирию, и Селевк, которому ее отдали, долго думал, как ему лучше поступить – выгнать старого друга или позволить ему нарушить свои права. В конце концов перевесила необходимость отдать старый долг, ведь когда Антигон пытался убить его, Птолемей предоставил ему убежище и помог вернуть Вавилон. Селевк не смог забыть это. В итоге он позволил старому союзнику владеть Келесирией, пообещав себе, что «придумает, как ему следует обойтись с друзьями, захватившими то, что им не принадлежало по праву». Так эта область отошла под власть Птолемеев и принадлежала им до тех пор, пока один из представителей этой династии окончательно не лишился ее.

Окрыленный победой, Птолемей переключился на поддержку наук. Его, выросшего при дворе, где было принято покровительствовать ученым и книголюбам, привлекало все связанное с культурой, и теперь, став царем, он решил последовать примеру Филиппа и его сына Александра Македонского. Став правителем и обретя новые идеалы и амбиции, Птолемей сделал еще один шаг вперед. Если прежде он относился к Александрии только как к центру торговли, то теперь решил, что должен заставить греков признать ее превосходство и в сфере науки.

Время для этого новый правитель Египта выбрал крайне благоприятное. Афинская культура была в упадке – достойных последователей гениальных Платона и Аристотеля не нашлось, а драматургов больше не посещало вдохновение, столь же яркое, как снисходившее на Эсхила, Софокла и Еврипида. Больше не было ораторов, достойных славы Демосфена, и

историков, подобных Фукидиду. К тому же Птолемей понял, что вполне может заинтересовать философов и ученых мужей и сделать так, чтобы они переехали в Александрию. Благодаря новому административному аппарату, ориентированному на честную работу, в Египте произошло настоящее чудо: доходы государства росли, и у Птолемея появилась возможность откладывать довольно крупные суммы. Он считал, что убедить ученых, пользовавшихся прочной репутацией в научном мире того времени, будет несложно, так как культура оказалась в весьма плачевном состоянии – учителя не могли найти учеников и наоборот.

От теории Птолемей быстро перешел к практике, и в Александрию хлынули целые толпы ученых мужей, специализировавшихся в той или иной области знаний, которые надеялись стать гостями этого щедрого и радушного хозяина. Одними из первых в Египет прибыли художники Апелл и Антифил, математик Евклид, врач Герофил, историк Гекатей, ритор Диодор, философы Стильпон и Феодор, поэт Фи-лет и филолог Зенодот. Большинство из этих людей с удовольствием оставалось в Александрии, радуясь комфорту, который им мог предложить царский двор. Другие, не желавшие жить за счет подачек Птолемея, выражали ему свое почтение и откланивались. К числу этих немногочисленных людей относился Стильпон из Мегары, человек весьма интересный, который вызывал у Птолемея здоровое любопытство и которого тот с радостью оставил бы в Египте. Люди, вступавшие в словесную перепалку с этим несдержанным философом, ядовитый язык и остроумие которого беспокоили даже его самых верных почитателей, обычно быстро начинали сожалеть о своей неосмотрительности. Одним из последних его жертв стал сын Антигона Деметрий. Во время разграбления Мегары его войском Деметрий пришел к Стильпону, чтобы спросить, не лишился ли тот чего-то из своего имущества. «С чего бы? – ехидно поинтересовался философ. – Я не видел никого, кто похищал бы знания».

Не все гости Птолемея были выше того, чтобы выяснять друг с другом отношения. Стильпон испытывал неприязнь к Диодору, Антифил завидовал Апеллу, а Птолемей со злорадством подпитывал эту зависть. Возможно, он заботился от Антифиле потому, что тоже недолго любил Апелла. Но последний сумел очень изощренно отомстить. Обиженный художник уехал на Кос и изобразил Птолемея, радостно принимающего клевету, которой он придал облик Антифила, за которой следовали олицетворения зависти, хитрости и обмана. Эта история всплыла наружу, и некоторые ученые мужи отказались от посещения Александрии. Ехать туда, в частности, отказались ученик и преемник Аристотеля Теофраст и крупный мастер новоаттической комедии Менандр, о пьесах которого один критик смог сказать лишь одно: «О Менандр, где жизнь, а где вымысел?»

Однако гостеприимство Птолемея имело и обратную сторону. Современники негативно относились к свойственной ему любви к хвастовству и показушничеству. В частности, столовой посуды было так мало, что главный управляющий дворцовым хозяйством был вынужден брать тарелки и чаши на время у своих друзей. При дворе Птолемея не проходили такие обеды, как тот, что устраивал молодой македонянин Каран накануне своей свадьбы, во время которого гости на память получали прекрасные серебряные чаши и золотые венки и ели гусятину, крольчатину, куропаток и горлиц, а также целого жареного кабана и множество сладостей. Своим гостям царь предлагал миску чечевицы и блюдо с рубцом, «тушенным в уксусе». Запивать эти кушанья предполагалось местным вином, а приправой к ним служила душевная беседа. Евклид, приглашенный принять участие в одной из подобных трапез, на заданный ему вопрос о самом коротком пути к освоению математики ответил: «К геометрии нет царской дороги».

Из всех ученых, приезжавших в Александрию по приглашению Птолемея, нам больше всего известно именно о Евклиде. Этот поистине гениальный человек был уникальным. Возможно, его предшественники наметили ему путь, но их логика была не столь безупречной, а сделанные ими обобщения – менее точными. Следующими по заслугам можно считать двух лекарей – Герофила из Халкидона и Эразистрата с острова Кос. Доктринерству Герофил предпочитал наблюдения, а эмпирическому пути – опыт.

Исследования этого первого врача, начавшего изучать анатомию, были посвящены мозгу, нервной системе, печени и легким. Эразистрат продолжил исследования Герофила, выяснив истинные функции мозга, подчеркнув важную роль нервной системы и подвергнув осмеянию принятую в то время практику кровопусканий.

Вместе с тем ни в одном из сочинений античных авторов не говорится о присутствии за столом Птолемея хотя бы одного египтянина. Царь, судя по всему, избегал египетских жрецов, некогда считавшихся главными хранителями знаний, хотя Манефон, египтянин, знавший греческий язык и служивший жрецом в Гелиополе, написал «Историю Египта», посвященную им времени правления в этой стране фараонов.

Застолья и развлечения не могли сделать Александрию главным центром привлечения интеллектуальных ресурсов. Птолемей понимал: если он хочет этого, то должен создать дом для носителей культуры и знаний, а затем обеспечить его материальную поддержку. Эта задача была для него слишком сложной, и он решил найти грека, который смог бы руководить ее выполнением. Идеальным кандидатом на то, чтобы сыграть эту роль, являлся Деметрий Фалерский, философ, управленец, писатель и оратор, некогда бывший наместником Кассандра в Афинах. В сфере ораторского мастерства Деметрий, отличавшийся изысканной манерой выражаться и умением использовать метафоры и аллегии, на голову превосходил многих своих современников. Он обладал энциклопедическими знаниями в области философии и литературы. Не было ничего, что у Деметрия не получилось бы, а его эрудиция потрясала как тех, кто его слушал, так и тех, кто читал его произведения.

Птолемей с благодарностью принял совет Деметрия, предложившего ему построить в Александрии Академию или храм муз. В результате рядом с дворцом выросло весьма внушительное здание Мусейона. Пройдя через прекрасный двор, закрытый от солнца благодаря посаженным в нем деревьям и обрамленный изящной крытой галереей, посетитель попадал в обширный зал с высоким потолком, разделенный на небольшие отсеки, в которых учителя могли что-то рассказывать, а ученики – слушать их. Учителя и ученики питались за счет дворца, дискутировали, прогуливались по галерее или обдумывали в ней что-то. В Мусейоне существовали правила, по которым определялось старшинство, а возглавлял его человек, называвшийся жрецом муз. Эта задумка, дань уважения, которое Птолемей испытывал в отношении культуры, была весьма амбициозной.

Незадолго до своего 80-летия царь стал задумываться о престолонаследии. После себя он оставлял наследство, способное стать лакомым кусочком для любого царевича, – централизованное процветающее царство, где не происходили волнения и жили мирные и трудолюбивые люди. Претендовать на трон могли два сына Птолемея, носившие такое же имя: сын Эвридики по прозвищу Керавн («Молния») и сын Береники, которого впоследствии станут называть Филадельфом. Отец никак не мог решить, кого из этих двоих ему следует сделать своим наследником. В целом первый из двух сыновей Птолемея обладал более весомым правом на престол. Законность его рождения не оспаривалась, а его матерью была сестра Кассандра, ставшего царем Македонии. К тому же он был старшим из двух братьев. Но этот юноша был подвержен страстям и отличался злопамятностью, принимал весьма сомнительные решения и не считался человеком осмотрительным. Филадельф же унаследовал от матери ровный характер, а от отца – здравый смысл, из-за чего Птолемей полагал, что младший сын будет держать бразды правления более уверенно. В то же время он сомневался, что македонские солдаты, за которыми оставалось последнее слово, одобряют выбор, нарушающий право первородства. Это приводило его в замешательство, и он обратился за советом к Деметрию Фалерскому.

В душе Деметрий соглашался со словами Аристотеля о том, что власть станет разумной лишь в том случае, когда «цари начнут философствовать, а философы станут царями». Но так как в этом несовершенном мире невозможно было удостовериться в правдивости данной гипотезы, он полагал, что первородство является более весомым аргументом для того, чтобы занять трон, чем внешний вид и манеры. В итоге совет, который он дал Птолемию, звучал совсем не так, как тот хотел услышать. Деметрий одобрил его решение отречься от престола,

но попросил его выбрать Керавна. Благодаря своей эрудированности он проиллюстрировал совет цитатами из различных произведений, согласно которым игнорирование прав старшего наследника может повлечь за собой различные бедствия.

Тогда Птолемей прислушался к другим советчикам. Придворные, не желавшие служить жестокому Керавну, вежливо попросили царя вспомнить примеры из жизни богов. «Разве сам Зевс, – спрашивали они, – не был младшим сыном Кроноса?» Намек был понят, и македонские солдаты признали сына Береники своим будущим правителем.

В итоге в 285 г. до н. э. Птолемей покинул трон, со свойственной ему скромностью объявив, что «быть отцом царя лучше, чем владеть самому любимым царством». Он лишил себя даже привилегий, связанных с царской властью. Избавившись от них, он стал одним из дворцовых телохранителей, превратился в скромного солдата, приветствовавшего и провожавшего своего сына, ставшего царем.

Глава 3 **Птолемей Филадельф** **285-47 гг. до н. э.**

Филадельф¹², сын Птолемея Сотера и его жены Береники, родился под счастливой звездой. В возрасте двадцати пяти лет он оказался на троне, его право на который не оспаривали другие претенденты, и наслаждался наследством, свободным от каких-либо обязательств. Но это было не единственным, в чем ему повезло. Филадельф был молод, здоров и обаятелен, обладал приятной внешностью и прекрасными манерами. Но все эти качества не способны облегчить жизнь правителя, если, конечно, не сочетаются с такими важными для него чертами, как здравомыслие и сильный характер, которыми Птолемей Филадельф вряд ли обладал в первые годы своего царствования. Полностью поглощенный стремлением доставлять удовольствие и получать его, молодой царь отлынивал от исполнения более важных обязанностей. Возможно, причиной тому был не только он сам – окружение, в котором он провел первые годы своей жизни, было способно погубить любого. Рожденный зимой 309/308 г. до н. э. на острове Кос, он провел детство в окружении целой толпы обожавших его женщин.

Когда любимая жена Птолемея Береника родила сына, сам царь на это никак не отреагировал. Новорожденный был всего лишь одним из многочисленных детей, как законнорожденных, так и побочных, претендовавших на то, чтобы называться его отпрысками, и Птолемей не обращал внимания на росших во дворце малышей. Но до правителя Египта быстро дошли слухи, и он приказал жене вернуться в Египет и привезти ребенка, но было уже слишком поздно. В Александрии младенец превратился в эгоистичного капризного мальчика, и Птолемей, решив, что лучше всего характер сына исправит учеба, стал подбирать ему наставника.

Недостатка в кандидатах не было – свои услуги поспешили предложить практически все обитатели Мусейона, и Птолемей, рассматривая список претендентов, должно быть, оказался в замешательстве. С одной стороны, он должен был определить, кто из них более достоин обучать царевича, а с другой – понять, кому ему следует доверить это дело – философу, поэту или филологу. Следуя сложившейся в Македонии традиции, он должен был выбрать первого, но личные пристрастия вынуждали его остановиться на втором. Раньше Птолемей не медлил бы, но теперь он стал царем и лишился части своей уверенности. Философы отказались от слепого следования максимам Аристотеля. Сложилась новая школа, представители которой сомневались в божественности права на престол, в существовании людей, превосходящих в чем-то остальных. Тогда, доверившись своей интуиции, Птолемей

¹² Современники называли его просто «Птолемеем, сыном Птолемея». Прозвище Филадельф принадлежит скорее его сестре и второй жене Арсиное II. (*Примеч. авт.*)

выбрал Стратона из Лампасака и Филита Косского, которые должны были учить мальчика вместе. Но наставники были не способны что-либо изменить. Первый был врачом, а к науке Птолемей питал настоящую слабость. Грамматик Филит был настолько немощным, что везде носил с собой груз, не позволявший ветру поднять его на воздух.

Следуя традиции, Птолемей сообщил придворным о восшествии на престол Филадельфа и призвал войско, чтобы оно утвердило его выбор. В Македонии эта церемония проходила быстро и без особых изысков. Солдаты выстраивались таким образом, чтобы кавалерия находилась справа, тяжелая пехота – в центре, а легкая – слева. Кандидат проезжал верхом вдоль строя, а затем возвращался и выслушивал вердикт. Птолемей не собирался придумывать что-то другое, но ситуация изменилась и простота вышла из моды.

В правление Птолемея Сотера Александрия была крайне унылым местом, и греки с ностальгией вспоминали веселую жизнь в Афинах и Коринфе, на каждой улице которых толкались гетеры и атлеты, философы и матроны. Они могли только сделать выбор между посещением театра или рассматриванием молодых девушек, двигавшихся в процессии в сторону храма Афродиты. Эти развлечения можно назвать по меньшей мере малосодержательными, и жители Александрии завидовали своим более удачливым египетским соседям, обитавшим за ее пределами. В их календаре было множество дней, посвященных различным божествам, и эти крайне религиозные люди старательно соблюдали все связанные с этими датами ритуалы и обычаи. «Тогда почему же, – шептались греки, – Птолемей так скуп на разные праздники и торжества?» Их разочарование росло еще и из-за того, что они зарабатывали деньги, которые их женщинам не терпелось потратить. Даже египтянам, населявшим Ракотис, один из кварталов Александрии, жилось ненамного лучше. Их сородичи, обитавшие по всему Египту, в том числе в Мемфисе и Фивах, постоянно отмечали тот или иной праздник, и только жители Александрии не могли последовать их примеру.

Заметив это недовольство и поддавшись стремлению давать и получать удовольствие, Филадельф решил отметить свое восшествие на престол, устроив нечто большее, чем скромный парад. Он собирался предложить александрийцам зрелище более великолепное, чем то, которое они могли увидеть в любом греческом городе, пышное торжество, главным участником которого должен был стать он сам. Отца эта его идея, впрочем, не очень впечатлила. Будучи рассудительным и бережливым македонянином, он полагал, что деньгам можно найти лучшее применение, чем организация развлечения для пустоголовых людей. По его мнению, лечь в постель без ужина было лучше, чем проснуться бедняком. Но он был стар, и спор утомил его, вследствие чего Филадельф добился своего.

Это празднество было первым и самым пышным из многочисленных торжеств, которые он устраивал на протяжении всего своего длительного царствования. Неподалеку от стадиона на высоте в 15 локтей был растянут огромный навес, под которым должны были разместиться выдающиеся иноземцы. Он был украшен малиновыми драпировками, а земля под ним была посыпана лилиями и розами, благодаря чему гостям, когда они шли к своим ложам, казалось, будто они находятся на прекрасном лугу. Поприветствовал посетителей Птолемей, Береника и Филадельф заняли свои места в пышной процессии, и она сдвинулась с места. Вереницу египетских и греческих богов, в том числе вынесенных из храмов изваяний Осириса и Птаха, Диониса и Зевса, возглавил Люцифер, утренняя звезда, а замыкал Геспер, вечерняя звезда.

Дальше шли силены, одетые в пурпурные и красные наряды, затем следовала компания сатиров, за которыми шли мужчина огромного роста, державший в руках золотой рог Амалфеи, и женщина поразительной красоты, несшая в одной руке пальмовую ветвь, а в другой – венок из персеи. Затем следовало изваяние сидящего на золотом троне Диониса в полный рост, которое несли 180 рабов. Его сопровождало множество жрецов, жриц и новопосвященных, а за ними несли изображение спальни Семелы, супруги бога. Вино лилось рекой, а музыка то затихала, то снова начинала играть. Каждый участник шествия казался зрителям более удивительным, чем предыдущие. Все соглашались, что такой великолепной

процессии не было никогда прежде и не будет никогда впредь.

Но самое захватывающее зрелище было впереди. За всеми этими мифологическими персонажами следовала процессия зверей и птиц, никогда прежде не виденных в Египте. Сначала шла сотня массивных слонов, запряженных в колесницы по четверо, за ними следовали многочисленные буйволы, антилопы, сернобыки, страусы, гну, зебры и козы, на которых восседали мальчики, одетые колесничими, и, наконец, львы, пантеры, тигры, носорог и белый медведь. За животными шествовали слуги, которые несли попугаев, павлинов и фазанов из Эфиопии, скотники, которые вели быков из Индии, Аравии и с Кавказа, и пастухи, пригнавшие овец из Греции и Эфиопии.

Затем в шествии наметился небольшой перерыв. Радостные крики и перешептывания стихли, ведь приближалась царская семья. Наконец на улице появились Птолемей, Береника и Филадельф, шедшие за изваянием Александра, сделанным в полный рост. В толпе раздались радостные крики. Возгласы стали еще громче, когда прошел слух о том, что на голове Птолемея надета корона из 10 тысяч золотых деталей, затем зрители увидели другие золотые короны и венки на головах пажей и придворных дам, повозки, нагруженные золотом, и серебряный кратер, громыхавший позади одной из них. Процессия обошла город кругом, вернулась к стадиону, где задержалась для последнего действия. Птолемей в сопровождении телохранителя вышел в центр арены и получил от представителей стран и городов, освобожденных Александром от персидского владычества, в подарок золотые короны, которые должны были служить напоминанием о великой услуге, оказанной выдающимся полководцем всему миру.

Это стало прощальным жестом Птолемея, умершего уже через несколько месяцев. Смерть мудрого и доброго правителя оплакивали все жители Египта. Когда встал вопрос о месте, где должно быть погребено его тело, александрийцы были единогласны. Сема, построенная для того, чтобы стать гробницей Александра, тело которого все еще находилось в золотом саркофаге в Мемфисе, оставалась пустой, и македонские солдаты, последовавшие когда-то за Птолемеем в Египет, громко кричали, что их предводитель должен покоиться там же, где он жил. Сема стояла в центре города, выходя фасадом на улицу, на которой располагался храм Тюхе. Спустившись по лестнице в подземелье, благочестивый странник попадал, пройдя через некое подобие атриума, в саму гробницу. Над погребением возвышалась прекрасная часовня, к которой примыкали второстепенные святилища.

Ритуал погребения обоих тел, сопряженный с последним путешествием двух царей, первый из которых заложил этот город, а второй – достроил, получился крайне трогательным. Но эта церемония не была единственным проявлением сыновней любви Филадельфа к отцу – молодой царь провозгласил умершего богом-спасителем, установил в его честь государственный культ и приказал проводить в каждом четвертом году праздник в честь Птолемея Сотера. Александрийцы вполне одобрительно отнеслись к решениям Филадельфа и его пониманию сыновнего долга. Отец, ставший при жизни героем, заслужил приобщение к числу олимпийских богов после смерти. Ни греки, ни египтяне не видели ничего кощунственного или безосновательного в посмертном обожествлении, что подтвердил на практике и сам Птолемей, обожествив Александра. Конечно, в каждом из этих двух случаев обожествления некоторую роль играла политика. Первый представитель династии Птолемеев стремился объединить греков и египтян, а его сыну необходимо было упрочить права своего семейства на египетский престол.

Тем временем в эллинской ойкумене снова разразилась война. Как и предвидел Птолемей, союз между Лисимахом и Селевком долго не продержался. Из всех диадохов, деливших в Вавилоне державу Александра, в живых остались только эти двое. Первый из них правил к северу от Геллеспонта, а второй – к югу от него. После гибели Антигона в битве при Ипсе в 201 г. до н. э. два оставшихся в живых диадоха были заняты объединением своих владений, а Лисимах, добавивший к Фракии Македонию, надеялся заключить с Птолемеем полезный для себя союз, женившись на его дочери Арсиное. Позже, чтобы еще больше укрепить узы, связывавшие две семьи, Лисимах предложил женить Филадельфа на

другой Арсиное – его дочери от Nikeи, и Птолемей с готовностью согласился. Этот брак был очень удачным с точки зрения возраста и положения жениха и невесты, которая к тому же имела собственные причины для того, чтобы вступить в него. На Македонской ярмарке женихов Филадельф был весьма ценным товаром, общество египетских придворных привлекало девушку больше, чем компания суровых фракийцев, к тому же замужество позволяло ей вырваться из когтей чересчур властной мачехи¹³. Что касается Филадельфа, то его положение не позволяло ему возражать. Вопрос о престолонаследии не был еще решен, и Керавн, все еще находившийся в Александрии, надеялся, что Птолемей сделает своим наследником именно его. Брак мог бы получиться не таким удачным, но молодым людям было вполне комфортно вместе. Арсиноя родила мужу троих детей: Птолемея, прозванного Эвергетом, Лисимаха и дочь Беренику, впоследствии вышедшую замуж за правителя Сирии Антиоха, сына Селевка.

Затем, в 281 г. до н. э., разразилась настоящая буря. Селевк и Лисимах набросились друг на друга и оба погибли в этой борьбе. Ответственность за смерть Селевка лежит на Керавне. Когда вопрос о престолонаследии решился в пользу Филадельфа, тот, стряхнув с себя египетскую пыль, стал подначивать Селевка напасть на Египет. Но правитель Сирии, нацелившийся на захват Египта, не сдвинулся с места, и Керавн обратился к Лисимаху, при дворе которого ему могли быть рады, ведь царицей там была его сводная сестра Арсиноя, а родная сестра Лисандра являлась женой Агафокла, сына и наследника царя. Но там широко были распространены и заговоры, убийства и клевета. Лисимах был марионеткой собственной жены, а Агафокл – ее доверенным лицом, а возможно, и любовником. Но потом любовники рассорились, Агафокл был казнен, а его вдова Лисандра бежала к Селевку.

Этот ее поступок стал удобным поводом для правителя Сирии выступить против Лисимаха. Враги встретились в битве при Курупедионе в Лидии (281 г. до н. э.). Удача отвернулась в тот день от Лисимаха, и Селевк неторопливо двинулся в Европу. Он уже принял решение: Македонией он собирался править самостоятельно, Фракию хотел отдать детям Лисандры, а Сирию и Месопотамию – завещать своему сыну Антиоху. Правда, знаменитый милетский оракул советовал ему поступить иначе. «Не пересекай Геллеспонт, – сказал он Селевку. – Азии для тебя должно быть достаточно». Лучше бы он прислушался к словам оракула, ибо едва он двинулся в Европу, как погиб от руки Керавна. Затем, водрузив на свою голову корону, убийца призвал выживших в битве при Курупедионе, чтобы те признали его своим царем. Но ему следовало побороть могущественных врагов, среди которых оказалась его сводная сестра Арсиноя, считавшая, что на трон должны претендовать дети, рожденные ею от Лисимаха, и Керавн решил покончить со всем этим семейством. Однако Арсиноя укрылась в Кассандрии, и он не смог до нее добраться.

Время поджимало. Против Керавна выступили еще один претендент на македонский престол Антигон Гонат, внук диадоха Антигона, и сын Селевка Антиох. Это заставило сына Птолемея сменить тактику. Он предложил своей сводной сестре выйти за него замуж и обещал назначить наследником ее старшего сына. Арсиноя поспешно согласилась с этим предложением, и это был единственный раз, когда ее интуиция дала сбой. Пройдя через никем не охранявшиеся ворота, Керавн оказался в Кассандрии, убил двух младших детей Арсинои, а ее саму заставил бежать в Самофракию. Это убежище было не очень безопасным, и Керавн уже собирался преследовать жену, когда вторжение галлов в Македонию заставило его задуматься о собственной безопасности. Он выступил против захватчиков, но потерпел поражение и лишился жизни.

В Самофракии овдовевшая Арсиноя II смогла найти только убежище и ничего больше. На острове царица, покинутая друзьями и лишившаяся мужа, оказалась самой несчастной из всех обездоленных женщин. И ждало ее отнюдь не самое светлое будущее. Македонию

¹³ Для того чтобы избежать путаницы, историки обычно называют Арсиною, являвшуюся супругой Лисимаха, Арсиной II, а ее падчерицу, ставшую первой женой Филадельфа, Арсиной I. (Примеч. авт.)

захватил Антигон Гонат, и выгнать его оттуда без могущественного союзника было невозможно. Арсиною охватило отчаяние; возможно, она даже рада была бы умереть. Затем ей в голову пришла мысль о повторном браке. Она все еще оставалась богатой и достаточно красивой, чтобы привлечь внимание потенциальных женихов. Но в том безумном мире, где она жила, добыть мужа с хорошей репутацией было сложно, поэтому Арсиноя решила искать не любовь, а новый дом. В ее сердце амбиции уже давно заняли место страсти, и она научилась всматриваться в будущее, опираясь именно на них.

Арсиноя не могла ничего предложить своим могущественным соседям – правителю Македонии Антигону Гонату и сыну Селевка Антиоху. Таким образом, оставался только ее брат Филадельф, при дворе которого она, по крайней мере, могла найти более безопасное убежище, чем в Самофракии. Женщина не сомневалась, что ее хорошо примут в Александрии. Они с Филадельфом всегда дружили. Когда он был мальчиком, Арсиноя обожала его и была готова продолжить любить уже взрослого мужчину. Она считала, что молодой и неопытный Филадельф, очевидно, нуждается в том, чтобы рядом с ним находилась проницательная женщина, и собиралась отправить скучную девчонку Арсиною I, жену брата и собственную падчерицу, заботиться о детях, в то время как сама она сохранит власть, влияя на царя из-за его трона.

В итоге вдова Лисимаха Арсиноя отправилась в Египет, где была с радостью встречена Филадельфом. Однако его жене не понравилось находиться под опекой мачехи, и некоторые придворные стали уговаривать ее не сидеть сложа руки. Арсиноя I неосмотрительно слушала эти разговоры, пока, разъяренная словами военачальника Аминты и врача Хрисиппа, не попала в ловушку. Начали ходить слухи, и Арсиноя II нанесла ответный удар, публично обвинив падчерицу в измене. Это ужасное слово испугало Филадельфа, и в итоге соучастников арестовали и казнили, а Арсиною I отправили в ссылку в Коптос, где бывшая царица провела остаток жизни. В ссылке женщине жилось очень тоскливо, и ее дни скрашивало лишь внимание Шену-Шера, верховного жреца и наместника, «человека расчетов, самого Тота в четкости», о котором говорится, что «не было красоты рядом с ним». Добрый Шену-Шер приказал вырезать на базальтовой плите текст, чтобы отдать дань уважения опальной царице, «владычице Обеих Земель, которая носит две короны, главной царской жене».

Таким образом Арсиноя расчистила себе путь и поспешно вышла замуж за своего брата Филадельфа. В глазах греков это был инцест, но Зевс некогда женился на собственной сестре Гере, и льстивые александрийские придворные приветствовали этот брачный союз. Только Деметрий Фалерский и поэт Сотад рискнули назвать его преступлением против богов, и оба дорого заплатили за свою опрометчивость. Обиженный неодобрением Деметрия, не стеснявшегося в выражениях, и разозленный грубыми остротами Сотада, Филадельф изгнал первого из Египта и приказал своему флотоводцу Патроклу утопить второго.

Что касается египтян, то они считали женитьбу на сестре не только законной, но и желательной, ведь она позволяла обеспечить божественность происхождения наследника престола. Эта традиция была настолько сильной, что права на престол дочери, рожденной главной женой царя, при отсутствии прямого наследника мужского пола были более весомыми, чем те, которыми обладал сын царской наложницы. Подобная практика находила подтверждение и в религии. Царь, женившийся на сестре, следовал примеру Осириса, взявшего в жены свою сестру Исиду.

В нашем распоряжении нет источников, рассказывающих о вопросах, связанных с этим браком. Не знаем мы и о том, в каких отношениях друг с другом находились супруги, хотя, скорее всего, они были братско-сестринскими, и, пока Филадельф предавался утехам с любовницами, Арсиноя занималась управлением государством. Но их брачный союз, по крайней мере, стал поводом для еще одного дорогостоящего празднества, во время которого царь олицетворял для греков Адониса, его жена и сестра – Афродиту, а для египтян они были Осирисом и Исидой. Таким образом, торжественная процессия знаменовала как земной союз, так и связь с божественным началом. Царскую чету, сидевшую на золотых тронах, пронесли

по улицам города. Перед ними шли ставшие уже привычными жрецы, а за ними – столь же традиционные диковинные звери и птицы. Рядом с царским тронном шли верховные жрецы храмов, причем некоторые из них несли драгоценные свитки Тота, а другие – изображения греческих и египетских богов. За царем и его супругой следовали многочисленные певцы, прорицатели, писцы, хранители храмовых одеяний, пророки и толкователи оракулов.

За этим празднеством последовали другие торжества. Жена Птолемея I и мать Филадельфа и Арсинои II Береника скончалась, и придворные тунеядцы стали перешептываться о том, что Исида перенесла покойную царицу на небеса. Праздник в честь Осириса стал удобным поводом для того, чтобы отметить данное событие, и венценосные супруги решили обставить это торжество с подобающей ему пышностью. Все жители города собрались, чтобы посмотреть на торжественную процессию и хотя бы мельком взглянуть на царя и царицу. Среди зрителей оказались две дамы – Горго и Праксиноя. Увидеть процессию было непросто – толпа была такой плотной, что женщинам с трудом удалось найти себе местечко. «Ах, злополучная я! – расстроилась Праксиноя. – Разорвала я летнее платье! – А затем задумчиво добавила: – «Наши все дома», – так сват говорит, заперев новобрачных»¹⁴.

Наконец они смогли протиснуться, найти место и стали наслаждаться потрясающей процессией. Их выкрики и замечания сначала развлекали людей, стоявших по соседству, а затем стали их раздражать. «Да перестаньте, болтушки, трепать языком бесконечно», – потребовал один мужчина. Но дамы были родом из Сиракуз, а сиракузянки привыкли отвечать на оскорбления такими же выпадами. Горго¹⁵ холодно взглянула на обидчика и с презрением в голосе поинтересовалась у подруги: «Что это? Кто ты такой? Мы болтливы?

Тебе что за дело?» Возможно, она сказала бы что-то еще, если бы певица из Аргоса не начала петь гимн в честь Адониса. Если в словах певицы отразилось общественное мнение того времени, то в тщеславии Филадельфа нет ничего удивительного – еще ни один смертный при жизни не удостоивался такой сладкой лести. «Мне ты сделал добро, Птолемей, – говорит Горго¹⁶, – с той поры, как родитель / Твой сопричислен к богам!» Затем она прошептала на ухо подруге: «Ах, Праксиноя, подумай, не прелесть ли женщина эта? / Знает, счастливица, много и голосом сладким владеет». Торжество завершилось, но дамам еще было на что поглазеть, и они потеряли счет времени.

Внезапно Горго заметила, что время обеда уже прошло, и неожиданно осознала, что муж ждет ее возвращения. «Он и всегда-то как уксус, – отметила она, – а голоден – лучше не трогай». Собравшись уходить, дамы обернулись в сторону царского дворца и прокричали: «Радуйся, милый Адонис, и к нам возвращайся на радость!»

Это было последнее из дорогостоящих торжеств, проведенных при жизни Арсинои, разделявшей нелюбовь отца к показушничеству и его уверенность в том, что доходы государства можно потратить на что-то более подходящее, чем бесполезные праздники и процессии. Брат и сестра поспорили по этому поводу, но Арсиноя вышла из этого спора победительницей, и Филадельфу пришлось подчиниться, хотя он наверняка был этим крайне недоволен. Убедить царя в необходимости экономить было нелегко – он считал взгляды, которых придерживался его отец, старомодными и превратно толковал причины, заставлявшие сестру гордиться ими. Главной целью правителя, по его мнению, было

¹⁴ Данные цитаты из Идиллии XV Феокрита приведены в переводе М. Е. Грабарь-Пассек.

¹⁵ В русскоязычном переводе этой идиллии данные слова принадлежат Праксиное, которая высказала соседу еще многое о том, что они с подругой родом из Коринфа (выходцы из этого города основали Сиракузы, откуда, судя по всему, и приехали дамы) и, будучи дорянками, не подчиняются никому, кроме царя. (*Примеч. пер.*)

¹⁶ В переводе идиллии на русский язык эти слова принадлежат опять же Праксиное. Следует также отметить, что разговор между двумя кумушками разворачивался, судя по переводу М. Е. Грабарь-Пассек, в несколько иной последовательности, чем та, в которой автор данной книги приводит цитаты из идиллии. (*Примеч. пер.*)

увеличение популярности, а основной задачей – устройство пышных и радующих глаз зрелищ. Организованные им празднества ошеломляли зрителей и стали его настоящим триумфом – никогда прежде Филадельф не чувствовал себя царем в большей степени, чем тогда, когда играл роль Адониса, и он надеялся, что александрийцы разделяют это его ощущение. Но переубедить Арсиною было невозможно: доходы Египта не были неиссякаемыми, и суммы, потраченной на одно торжество, было бы достаточно, чтобы удвоить численность армии или в четыре раза увеличить количество кораблей в составе флота.

Арсиною понимала: если границы Египта, нуждавшегося в новых рынках, расширятся, то потребуется большее число людей и кораблей. Первый представитель династии Птолемея присоединил к своим владениям Кирену, Финикию, Келесирию и Киклады, и царица убеждала брата в необходимости захватить западное побережье Красного моря и пройти дальше – во внутренние районы. Этот поход позволил бы лишить державу Селевкидов контроля над торговлей с Востоком. До этого времени никто не был в силах нарушить данную монополию: караваны из Индии отправлялись в Дамаск через Вавилон, а арабы добирались туда же через Петру и Иерусалим. Появление безопасных гаваней в Красном море и дорог, соединяющих порты выгрузки с Нилом, могло убедить торговцев предпочесть длительным караванным перегонам более дешевый и быстрый морской путь. Затем Александрия должна была заменить Дамаск в роли центра, из которого восточные торговцы станут разъезжаться в нужных им направлениях, что позволит египетской казне значительно обогатиться за счет транзитных пошлин.

Новых доходов должно было хватить для того, чтобы содержать эскадры и гарнизоны, необходимые для удержания береговой линии, а экономия могла покрыть стоимость развития захваченных территорий. Для того чтобы объяснить на Востоке преимущество морского транспорта над наземным, Филадельф отправил Дионисия в очень опасное путешествие. Тот должен был добраться до Черного моря, обогнуть расположенное с ним по соседству Каспийское и, двигаясь по следам Александра, попасть к Инду. Кроме того, царь приказал ему узнать у индийских князей, смогут ли они продать Египту боевых слонов. В долине Нила не было ни одного подобного животного, а победа Селевка в битве при Ипсе убедительно доказала, что слоны способны сыграть важную роль в победе в бою. Вряд ли Дионисию удалось бы достичь успеха на этом поприще – индийские правители соблюдали непонятную верность Селевкидам, которые были последними из всех соседей Птолемея, кто согласился бы протянуть ему руку помощи.

К счастью, Индия была не единственной страной, на которую мог обратить взор правитель Египта, отправивший экспедиции на поиски новых «охотничьих угодий». Пока предводитель первой из них, Аристон, изучал берег Аравийского полуострова, проплыв через Красное море в Баб-эль-Мандебский пролив, лидер второй, Сатир, исследовал африканское побережье в поисках мест для стоянок на якоре, размещения гарнизонов и строительства дорог, изучал существующие порты и участки, где можно построить новые. Потом усталые странники, ковылявшие по пустыне, благодарили Филадельфа за его предусмотрительность. Одним из них стал Сотерик, отвечавший за добычу мрамора и его доставку из холмистой местности неподалеку от Коптоса, который вырезал на камне свою «благодарность Пану, хранителю хорошей дороги, и всем другим богам», а вторым – Пергай, сын Аполлония, также поблагодаривший этого бога за спасение от падальщиков.

Таким образом Герополис у входа в Суэцкий залив стал Арсиной, самым северным портом в Красном море. На юге корабли могли остановиться в Куссейре, Миос-Гормосе и Беренике Золотой (Суакин). Между этими портами располагалась местность, получившая название Троглодитика, в которой жили загадочные народы, называвшиеся ихтиофагами («поедателями рыб»), хелонофагами («поедателями черепах»), ризофагами («поедателями корней»), спермофагами («поедателями семян»), цинамологами («доильщиками самок»), элефантофагами («поедателями слонов»), и струтофагами («поедателями птиц»). К югу от этого недружелюбного берега обитали дикие лесные и болотные звери – носороги и слоны,

львы и леопарды, жирафы и бизоны. Но Троглодитика настораживала, и Филадельфу пришлось установить свой район охоты в Птолемаиде, расположенной на 17-м градусе северной широты.

Захваченный перспективой получить слонов и охваченный тщеславием, Филадельф стал говорить, что лично поведет армию на завоевание Эфиопии. Но это было лишь пустой болтовней, ибо Филадельф предпочитал вести войну через доверенных лиц. Вполне вероятно, что во время этого похода он добрался до Первого порога Нила, так как по его приказу на острове Филэ был отремонтирован храм Исиды, но вряд ли царь двинулся дальше. Негостеприимная Нубия не могла привлечь правителя, на протяжении всей своей жизни предпочитавшего дворец военному лагерю, а кровать – бивачному расположению. Филадельфа и правда интересовала больше организация похода, чем его проведение, и он много сил вложил в перевозку грузов от Красного моря к Нилу. Поход получился коротким, но очень трудным. На протяжении двенадцати дней люди продвигались по пустыне, полностью лишенной растительности, где в достатке водились только полезные ископаемые и драгоценные камни. Дорога в Коптос предназначалась для доставки золота, изумрудов и порфирита, добытых на рудниках и каменоломнях. Но за пределами этих рассредоточенных поселений в пустыне не было ни малейших признаков жизни.

Для того чтобы облегчить путешествие караванам, которые, как планировал Филадельф, должны будут двигаться туда и обратно по этой местности, лишенной растительности и воды, он приказал разбить четыре постоянные стоянки и выкопать глубокие колодцы. Затем он с огромным энтузиазмом взялся за выполнение второй задачи – вербовку новых наемников для службы в районе Красного моря и корабелов для строительства второго флота. Добровольцы откликнулись довольно охотно. Египетский царь пользовался репутацией «лучшего из работодателей для свободного человека», и Феокрит искренне советовал молодым и смелым людям отправиться в Египет. Так Филадельф превратился из ленивого и бесполезного царевича в жесткого правителя и любителя интриг. Этот период стал поворотным в его жизни. Филадельф отказался от легкомысленных порывов и с тех пор посвятил себя делу, которым должен заниматься хороший царь, – заботе о своей стране.

Не успело завершиться сооружение сети дорог в пустыне, как Филадельф потерял к нему интерес. В лучшем случае она превращала короткий караванный маршрут в более длинный, и правителю хватило ума понять, что в подобных условиях торговцы вряд ли захотят отказаться от пути, верой и правдой служившего им на протяжении столетий. Планы правителя изменились. Он все еще собирался убедить восточных торговцев в том, что Александрия – более подходящий для них перевалочный пункт, чем Дамаск, но стал думать, как объединить Средиземное и Красное моря с помощью Нила.

Это была неплохая, но не новая идея. Реализовать ее, вероятно, пытался представитель XIX династии Сети¹⁷, а Нехо (XXVI династия) и персидский царь Дарий, несомненно, хотели соединить эти два моря с помощью канала, который вытекал бы из большого озера, питаемого Нилом и расположенного неподалеку от Бубастиса (современный Заказик), пересекал бы местность Гошен и заканчивался бы в районе древнего Патума, построенного на южной оконечности Горьких озер. Но ни Нехо, ни Дарий не сумели выполнить эту задачу. Первый, прислушавшись к словам оракула о том, что помогает варварам, трусливо забросил ее выполнение; второй, которому сообщили, что уровень Красного моря выше, чем тот, где находится местность Гошен, остановил работы, ограничившись тем, что сообщил потомкам о своем намерении. «Я перс Дарий, – говорится в надписи на стеле, установленной рядом с местом проведения работ, – Египет завоевал, постановил этот канал прорыть. Затем я

¹⁷ Рельеф на северной стене Большого гипостильного зала в Карнаке, на котором этот фараон изображен получающим поздравления от подданных на берегу канала. (Примеч. авт.)

прокричал: «Иди, уничтожь половину его», ибо такова была моя воля»¹⁸.

Филадельфу не было дела до предупреждений оракулов, и он начал снова выкапывать устье этого канала с пресной водой¹⁹. Он был достаточно широким для того, чтобы две триремы могли проплыть по нему бок о бок, и достаточно глубоким для экспедирования грузов. К тому же навигация в нем была открыта на протяжении двух третей года с помощью примитивных шлюзов, представлявших собой тяжелые деревянные балки, наложенные одна на другую.

Правитель пал жертвой собственных амбиций. Он жаждал заполучить власть над Аравией, Сирией, Малой Азией и даже Грецией и Македонией. И это его желание не было невыполнимым. Его войска стояли в Келесирии, Финикии и Палестине, а корабли патрулировали Эгейское и Красное моря. Сестра и жена Филадельфа Арсиноя II оставалась правительницей Самофракии и Самоса, а также расположенных в Малой Азии Лидии и Кари. Помимо всего прочего, его сосед Антиох, сын Селевка, был занят попытками вытеснить за Геллеспонт многочисленных галлов. Соответственно, Филадельф мог спокойно строить свои планы.

Северный Синай, по его мнению, был наиболее подходящим местом для начала вторжения, и царь решил организовать довольно скромный поход в страну набатеев, прошедший без кровопролитий. Договорившись с набатеями, военачальник Филадельфа двинулся дальше на север, оставил гарнизоны в Идумее и в земле аммонитян, построил Филадельфию (Рабат-Аммон), добрался до Дамаска и провел разведку в долине Тигра и Евфрата. Но продолжить поход не удалось. Опасаясь лишиться путей сообщения, Антиох поспешил на помощь, и рассудительный египетский военачальник решил отступить.

Вряд ли походом руководил сам Филадельф, но хвастался им он так, будто лично командовал солдатами. К тому же царь разрешил жрецам из Пифома вырезать на стеле текст, в котором в самом почтительном тоне выражалась благодарность царю за то, что тот вернул в их храм изваяния богов, украденные Камбизом.

Хотя этот герой, «умелый во владении копьем», не разделил со своими солдатами все тяготы, связанные с военным походом, следует признать, что стратегия, разработанная им для флота, была превосходна. Он продемонстрировал мощь своего флота неподалеку от побережья Малой Азии, а его действия в Палестине заставили Антиоха вступить с ним в переговоры. Из установившегося после этого мира (271 г. до н. э.) Филадельф извлек большую выгоду. Возможно, благодаря слухам его достижения стали казаться еще более значительными, и Феокрит, возможно, краснел, когда писал: «Все море и земля у несущихся рек находятся во власти Птолемея». Тем не менее под власть Египта, очевидно, перешло юго-западное побережье Малой Азии.

Глава 4 Птолемей Филадельф (продолжение)

Перемирие было выгодно обеим сторонам конфликта, хотя Малой Азии пришлось дорого за него заплатить. Египетская администрация предпочитала более жесткие, чем прежняя

¹⁸ Русскоязычный перевод текста этой стелы выглядит несколько иначе: «Я перс из Персии... Египет завоевал, постановил этот канал прорыть из реки по названию Пирава [то есть Нил], которая в Египте течет, до моря, которое из Персии идет. Затем этот канал был прорыт так, как я постановил, и корабли пошли по этому каналу из Египта в Персию так, как моя воля была». Таким образом, Дарий I завершил работы по строительству канала, начатые Нехо (*Авдиев В. И. История Древнего Востока. М., 1970. С. 493–494.*) (*Примеч. пер.*)

¹⁹ Птолемей Филадельф, соответственно, занимался обновлением этого канала, который, очевидно, не обслуживался со времени правления Дария и мог быть занесен илом и т. п. (*Примеч. пер.*)

селевкидская, методы управления, и подати, которые должно было платить местное население, заметно возросли. Жители территории Азии, оказавшейся под властью Птолемея, вынуждены были платить установленную им дань и содержать египетские гарнизоны, что наверняка заставило их пожалеть о смене правителя. Исчезли последние остатки их самоуправления – оставаясь в Александрии, царь контролировал каждый шаг местной администрации. Для того чтобы построить новый гимнасий, жители Галикарнаса должны были сначала получить от царя соответствующее разрешение; если в Самофракии считали необходимым контролировать экспорт зерна, им следовало убедить Филадельфа в необходимости данной меры. При этом подобные предприятия оказывались довольно дорогостоящими – правителя нужно было умиловить, подарив ему золотые венцы, а его придворным следовало дать взятки. Иначе подобные вопросы в пользу просителей не решались.

Филадельф нуждался в короткой передышке, чтобы сделать египетскую экономику более продуктивной. Его доходы достигали 14 тысяч талантов и 150 миллионов артабов зерна, что для того времени было довольно неплохо. Но и расходы царской казны увеличивались семимильными шагами. Контроль над побережьем Красного моря, походы в Сирию и Малую Азию, развитие Александрии, содержание дорогостоящих двора и административного аппарата и покровительство писателям и философам – все это проделало в царской казне большую дыру, и Арсиноя, жена и сестра Филадельфа, посоветовала ему урезать расходы.

Экономить было можно и нужно, и одним из способов добиться этой цели стало сокращение двора. За счет царя жила целая армия тунейдцев и их семей. Количество сородичей царя, первых и вторых царских друзей, телохранителей, пажей и приближенных царицы все возрастало. Все македоняне и немалое число египтян, занимавших определенное положение в социальной иерархии, относили себя к одной из этих категорий. Поступить таким же образом следовало и с административным аппаратом, состоявшим из греков, погрязших в обмане и коррупции и нещадно обиравших крестьян. Во главе этой системы стояли диойкет (верховный казначей) и хранитель главной царской печати, которыми, сменяя друг друга еще со времен Клеомена, наместника Александра, становились греки.

Продолжить эту практику было вполне логично, но идея эллинизации всего бюрократического аппарата сверху донизу кажется менее обоснованной. Вполне возможно, что Птолемей Сотер, слишком увлекшись ведением войны, не знал о происходящем. С политикой, которой он придерживался в других сферах, лучше соотносится система, при которой эллины занимали бы только наиболее высокие должности, а их подчиненными были бы египтяне. Несомненно, Клеомен и его преемники могли настаивать на том, что, раз официальным языком в стране был греческий, то и их подчиненные должны были говорить на нем. Такого объяснения могло быть вполне достаточно. При дворе говорили на греческом, чиновники, занимавшиеся делами казны, вели свои записи на этом же языке, на нем же вели дела и составляли договоры купцы, а египтяне прикладывали к своим обращениям их перевод на греческий язык. Филадельф не мог придумать аргументы более сильные, чем этот, из-за чего царская администрация никак не могла вырваться из этого порочного круга.

Впав в отчаяние, Филадельф попытался обратить внимание на имевшиеся у него источники дохода. Подати, которые платили земледельцы, и без того уже были довольно высокими, но Аполлоний, бывший в тот период диойкетом, не сомневался, что с земли можно собирать суммы, вдвое превышавшие уже шедшие в царскую казну. Обширные неплодородные территории нуждались в улучшении, а людям, имевшим деньги, необходим был только стимул для того, чтобы организовать ширококомасштабные сельскохозяйственные работы.

В теории вся земля принадлежала царю, но на практике для него обрабатывались только царские земли, занятые арендаторами, а остальные участки передавались в пользование подданным в обмен на плату, принимавшую частично натуральную, а отчасти денежную форму. Размер платы зависел от плодородия почвы, которая, в свою очередь, была обусловлена уровнем ежегодного разлива Нила. Была разработана четкая классификация

орошаемой земли. К первым двух категориям относились участки, покрывавшиеся водой регулярно, затем следовали поля, находившиеся на краю разлива, и, наконец, те, где почва была слишком соленой для того, чтобы приносить урожай, позволявший вносить арендную плату.

Но средства и правильный подход к делу могли сотворить в Египте настоящее чудо, и диоикет Аполлоний убедил своего господина, что орошение и более правильный подход к системе каналов позволят ввести пустынные и заболоченные земли в сельскохозяйственный оборот. В долгих поисках людей, обладавших достаточными денежными средствами или желавших стать колонистами, не было необходимости. В Александрии было достаточно богатых купцов, готовых выгодно вложить свои средства, а в армии служило множество наемников в возрасте, желавших уйти в отставку. Способность наемников стать поселенцами вызывала определенные опасения, но так или иначе было понятно, что, уйдя из армии и осев на земле, они принесут выгоду государству, у которого появится бесплатный запас прекрасно обученных резервистов, крепко привязанных к Египту.

Аполлоний планировал предложить людям, обладавшим деньгами, неосвоенные участки земли площадью более 10 тысяч арур, а бывшим наемникам – наделы, площадь которых варьировалась от 10 до 100 арур. Государство не требовало со всех них вкладываться в строительство ирригационных сооружений и взялось за ремонт всех имевшихся каналов и водоотводов. С другой стороны, оно ожидало, что владельцы будут вкладывать средства и труд в улучшение своих земельных участков. Для того чтобы убедить наиболее нерешительных «инвесторов» рисковать сбережениями, Аполлоний взял себе неосвоенный участок земли, располагавшийся в номе Моэрис (современный Фаюм), площадь которого составляла почти 8 квадратных километров.

Это, несомненно, было своего рода аферой, но Аполлоний вскоре сумел более чем просто компенсировать свои расходы. Обладая упорством настоящего грека, он сделал так, чтобы его земли, расположенные неподалеку от новой столицы нома Филадельфии, приносили значительную прибыль. Его корабли перевозили бобы и лук в Финикию и Малую Азию. В Смирне их нагружали маслом и вином, которые по возвращении в Александрию выгодно продавались. Аполлоний, несомненно, был врожденным торговцем – он открывал новые рынки сбыта и сумел обеспечить себе монополию на продажу некоторых приносящих большой доход товаров.

Филадельф никогда не сомневался в осмотрительности и честности этого диоикета, и Аполлоний, несомненно, соблюдению интересов государства уделял столь же пристальное внимание, как и собственных. Круг его полномочий был весьма широким: он конфисковал имущество нечистых на руку и некомпетентных чиновников, приказывал казнить преступников, обвиненных в совершении мошеннических действий в отношении государства, и наказывал тех, кто опрометчиво взялся защищать этих правонарушителей в суде. Пытаться обжаловать его решения было бесполезно. Царь ничего не желал слушать, и жалобщик ничего не получал за свои страдания. «Пошли его к нам под конвоем, – написал по поводу одного такого случая раздраженный Филадельф. – И заberi его имущество».

Несмотря на то что Аполлоний стал крайне властным правителем нома, он также тщательно следил за соблюдением интересов земледельцев. Под руководством весьма умелого грека по имени Клеон в номе была создана целая система дренажей и каналов. За реализацию проектов брались подрядчики, а рабочую силу предоставляли ближайшие деревни. Возделывание земли в номе, представляющем собой глубокую низменность, богатую известняком, покрытую отложениями нильского ила, сразу же стало окупаться отчасти благодаря созданной Клеоном системе каналов, частично из-за того, что Аполлоний настаивал на научном подходе к земледелию и необходимости севооборота. В дополнение к ячменю и маису^[20] крупных и мелких землевладельцев убеждали сеять культуры, способные приносить больший доход, в частности оливы и клещевину для получения оливкового и касторового масел, фруктовые деревья и виноградники, выращивать более дорогостоящие породы скота, экспериментировать с разведением пчел. Аполлоний озаботился покупкой

неизвестных прежде в Египте растений и семян, привез быков, кабанов и баранов, которые должны были улучшить местные породы. Он обладал неисчерпаемой энергией, постоянно плыл вверх и вниз по Нилу, наносил непродолжительные визиты в Палестину и на греческие острова, проверяя работу своих многочисленных агентов, воодушевляя компетентных подчиненных и порицая некомпетентных.

Аполлоний слыл верующим человеком, которым вполне мог быть, если, конечно, считать признаком благочестия пожертвования различным храмам и святилищам. С особым почтением диоикет относился к Исиде – где бы он ни был, Аполлоний вкладывал средства в проведение праздника в ее честь. Вероятно, от человека его положения и состояния ждали выполнения этой обязанности, а Аполлоний, деливший свое время между торговыми предприятиями и выполнением чиновничьих функций, несомненно, был очень состоятельным человеком.

Должность диоикета была, очевидно, довольно прибыльной, если не из-за жалованья, то благодаря дополнительным доходам, и расположения Аполлония пытались добиться довольно высокопоставленные люди. Одним из них был наследственный правитель Трансиордании Тувия, который, отправляя в Александрию дань, просил диоикета принять маленький подарок в знак своего уважения. Однажды он подарил Аполлонию красивых чернокожих рабов, а в другой раз – мирру и специи. Более скромные люди в надежде заслужить благосклонность диоикета присылали ему побеги грушевого дерева, овец и крупный рогатый скот редких пород.

Для поддержания столь крупного и серьезного хозяйства, как то, которым владел Аполлоний, несомненно, были необходимы солидные доходы. Диоикету под надзором управляющего служили церемониймейстеры, слуги, в том числе пробовавшие вино и пищу, конюхи, распорядители, личные врачи, арфисты, флейтисты, танцовщицы, певцы. Среди многочисленных слуг были как лично свободные люди, так и рабы. За пределами хозяйства Аполлонию подчинялись администраторы, каждый из которых имел собственных писцов и счетоводов и которые отвечали за доставку и торговлю, а также агенты. Для того чтобы прокормить такую армию иждивенцев, нужно было обладать определенными умениями, и управляющий Аполлония выбивался из сил, стараясь добиться этого. Продовольствие поступало из других регионов, и агент Аполлония не был чересчур пунктуальным, когда переправлял его.

Аполлонию в конце концов удалось упорядочить запутанную систему управления финансами. В Александрии находились два его заместителя – главный казначей и глава административной службы, в распоряжении каждого из которых имелись бесчисленные местные контролеры. В номе на основе александрийской системы была создана собственная, несколько отличавшаяся от сформированной в деревнях. Сбором податей в номах занимались антиграфей, которым помогали экономы и подчиненные им чиновники, надзиравшие за деревенскими писцами, ситологами, или чиновниками, ведавшими запасами, принимавшими плату натурой, и трапезитами, принимавшими плату в виде денег.

Затем возникли проблемы, связанные с деньгами, предвидеть которые высшие чины не могли. Больших запасов золота почти не было, а то, которое не хранилось в храмовых сокровищницах, находилось в руках торговцев, не желавших менять его на монеты местной чеканки, способные обесцениться. Имелось и еще одно затруднение. Несмотря на настоятельные просьбы Деметрия, руководившего царским монетным двором, Аполлоний упорно отказывался создать пробирную контору, без которой Деметрий не мог проверить чистоту предоставлявшегося ему золота. Из-за этого в хоре все операции проводились посредством меди, а медная драхма, стоимость которой варьировалась от 1/120 до 1/300 ее серебряного аналога, осталась расчетной денежной единицей.

Для того чтобы собирать подати деньгами, были необходимы специалисты и банки, которые вели бы учет не только государственных средств, но и денег частных клиентов. Эта задача оказалась для местных чиновников слишком сложной, из-за чего со временем сложилась практика откупов. Это была прекрасно организованная система, характерная для

Египта эллинистического периода. Государство продавало право откупа – для проведения соответствующих «аукционов» была создана специальная комиссия. У победителя должны были иметься гаранты, а себе он забирал процент от собранных сумм налогов. Прибыль откупщиков варьировалась от 5 до 10 процентов, что было совсем незначительной компенсацией за выполнение данных обязанностей. Более того, власти (возможно, небезосновательно) видели в каждом откупщике потенциального вора и нещадно изводили их. За ним по пятам ходили многочисленные инспекторы и писцы, и за любое отклонение от утвержденной казначеем процедуры было предусмотрено суровое наказание. Например, если откупщик не сообщал о платеже налога местным властям, он должен был заплатить штраф в пятидесятикратном размере от этой суммы.

Будучи в теории собственником всей земли в стране, на практике царь требовал лишь право на долю сельскохозяйственной продукции. Размер этого налога в натуральной форме зависел от планируемых расходов государства на следующий год. Очевидно, это было слабым утешением для арендаторов, ибо расходы имеют свойство увеличиваться, но никак не уменьшаться. Более того, средства из царской казны почти не вкладывались в развитие сельского хозяйства, за исключением сооружения новых каналов и дамб и расчистки существующих от наносов, хотя и в этих случаях деревенским жителям приходилось платить по счетам – предоставлять рабочую силу. Они бы несли свою ношу с большей покорностью, если бы не необходимость платить множество других податей, как совсем неприятных, так и совершенно незначительных.

От орлиного взора Аполлония не укрылся ни один новый источник дохода. Земледельцы были вынуждены платить государству за право хранить собственное зерно, вырубать собственные кустарники, скотоводы – за возможность пасти свой скот, а пастухи – за право кормить стадо. Аналогичные ограничения существовали и в сферах торговли и ремесла. Прежде чем начать чем-то заниматься, нужно было получить на это разрешение, и цирюльники, ткачи, красильщики, портные, сапожники, аптекари, ювелиры, погонщики ослов, грузчики, владельцы постоянных дворов и лодочники – все они дорого платили за возможность следовать своему призванию. Но это еще не все. Передвижения каждого человека тщательно записывались, а его доходы пристально изучались. Не получив разрешение от государства, он не мог ни уехать из деревни, ни оставить место своего нахождения. Короче говоря, жители египетской хоры стали жертвами бюрократии, аналогов которой в мире никогда не существовало^[21].

Государство ловко создало целую сеть монополий, в частности на разработку рудников и рыболовство, производство оливкового масла и вина, ткачество и пивоварение, изготовление папируса и одежды, куплю-продажу благовоний и косметических средств. Потребность в драгоценных металлах и камнях, таких как золото из Нубии и Эфиопии, жемчуг из Персидского залива, рубины, топазы, изумруды и аметисты с побережья Красного моря, и в таких строительных материалах, как гранит, базальт и алебастр, добывавшихся в Верхнем Египте, существовала всегда. Все это покупали там, где цены были наиболее низкими, и продавали на рынках, позволяющих получить максимальную выгоду. Жесткая монополия была установлена и на покупку и продажу благовоний. Ни один житель Египта независимо от его возраста, пола или этнической принадлежности не обходился без набора помад и духов, а работа бальзамировщиков была невозможна без мирры, доставлявшейся с Аравийского полуострова.

Государство продавало монопольные права на производство или продажу некоторых товаров. В качестве примера можно привести монополию на рыбную ловлю. Претендент, предложивший самую высокую цену, получал соответствующее право, выплачивал государству 25 процентов ежедневного улова, засаливал остальное и по реке в принадлежавших государству лодках отправлял в Александрию. Еще одним примером является монополия на алкоголь. Любой житель страны мог варить и продавать всем желающим пиво из забродившего ячменя, напиток, изготавливавшийся в Египте с незапамятных времен и пользовавшийся там неизменным спросом. Но государство

контролировало объемы производства пива, причем не столько в целях поддержания трезвости народа, сколько для того, чтобы получить часть от прибыли пивовара.

С монополией на вино дело обстояло несколько сложнее. В эпоху фараонов в Египте оно было источником дополнительного заработка для местных храмов, продававших право на выращивание виноградников в обмен на 1/6 урожая. Эта апомайра традиционно использовалась в качестве карманных денег для египетских цариц.^[22] Теперь же в процесс вмешались откупщики, проверявшие размер урожая, следившие за отжимом виноградного сока, делавшие записи о количестве получившегося вина и, наконец, продававшие его на открытых торгах.

В той или иной степени существовала также царская монополия на маслоделие. Выращивать масличные деревья можно было свободно, но производством самого масла могло заниматься только государство. Чиновники определяли, в каких местностях следует разрешить высаживать маслины, платили крайне низкое жалованье работникам и передавали откупщикам выручку от продажи. Ни масло, ни вино не отличались высоким качеством, и покупатели, желавшие получить более качественные товары, вынуждены были дорого платить за свою прихоть. Высокие таможенные пошлины приводили к снижению импорта большинства товаров, ибо свободной торговле не было места в бюрократизированном государстве, которым правил Филадельф.

Занятый этими экспериментами, он не заметил ухудшения здоровья сестры. Она проболела несколько месяцев и в 270 или 269 г. до н. э., ослабев духом и телом, умерла. Историки поступили с женой и сестрой Филадельфа очень несправедливо, зафиксировав ее прегрешения и позабыв о добродетелях. Она, несомненно, была человеком жестокосердным и безжалостным, и люди, как мужчины, так и женщины, перебежавшие ей дорогу, дорого за это заплатились. Но в этом отношении Арсиноя была всего лишь женщиной своего времени, и потомкам следует рассматривать ее дела именно с этой точки зрения.

По крайней мере, она была верной женой и любящей матерью, и муж, сын и брат, в свою очередь, относились к ней с уважением и восхищались ею. Арсиноя очень многое сделала для своего сына Птолемея, рожденного ею от Лисимаха и чудом избежавшего смерти от рук Керавна в Кассандрии. Он был наследником македонского престола, который до этого занимал его отец. Но путь к трону ему преградили сначала Антигон, а затем Керавн, и Филадельф не стал вмешиваться в сложившуюся ситуацию. Линия поведения Арсинои, несомненно, была крайне эгоистичной – в ее основе лежало страстное желание править, причем, по возможности, единолично, а если это не удастся, то в роли «серого кардинала», стоящего позади трона. И на протяжении первых лет их с Филадельфом брака она оказала на супруга огромное влияние. Арсиноя будила в нем амбиции и сознательность до тех пор, пока он не избавился от детского тщеславия. Царь понимал, чем обязан жене, и воздавал ей многочисленные почести. При жизни царицы он основал культ в ее честь, назвавшись вместе с ней «богами Филадельфами», а после ее смерти придал ее культу общегосударственное значение, назначил для его отправления специальную жрицу и отождествил Арсиною с Афродитой. С того времени жившие в Египте греки отдавали почести богам Филадельфам и Арсиное-Афродите. Калликрат Самосский, командовавший египетским флотом, в честь новой богини установил в Олимпии две статуи, построил в Канопе в ее честь храм Зефирий.

К памяти об Арсиное с глубоким уважением относились повсеместно. Одну ее статую афиняне установили в Одеоне, а вторую – в роще на склоне горы Геликон. В Египте на средства различных объединений, в том числе профессиональных, строились часовни в ее честь, а жрецы вырезали на стенах своих храмов надписи, где восхвалялись добродетели обожествленной покойной царицы. «Наша царица скончалась!» – кричали люди, и все жители Египта воистину были глубоко тронуты ее смертью.

Стремясь увековечить память сестры, Филадельф направил на поддержание ее культа налог в 1/6 часть урожая винограда, сменил названия нома Моэрис, который отныне стал называться Арсиноитским, и приказал своему архитектору построить святилище, способное соперничать по своему великолепию с Семой, гробницей Александра Македонского. Этот

приказ, должно быть, очень понравился престарелому, но все еще сохранившему подвижность Дейнократу, придумавшему концепцию, которая должна была поразить весь мир.

Его идея, несомненно, была весьма оригинальной. Он собирался разместить на потолке своего творения, над железным изваянием Арсиной, магниты, достаточно мощные для того, чтобы держать статую в воздухе, заставив таким образом посетителей поверить, что обожествленная царица находится между небом и землей. Но Дейнократ ошибся в расчетах и до смерти, последовавшей вскоре после этого, пытался с ними разобраться. Его ученик и преемник Сатир, человек более приземленный, не стал продолжать попытки воплотить в жизнь идею своего учителя. Вместо этого он установил перед святилищем Арсиной высокий обелиск, вырезанный по приказу последнего египетского фараона Нектанеба, желавшего таким образом увековечить собственную память.

Македонянин, ставший вдовцом в возрасте до сорока лет, редко решал остаться в одиночестве до конца своих дней, и Филадельф вскоре снова начал интересоваться женщинами. Через год после смерти жены он нашел себе новую спутницу – женщину по имени Билистиха, девушку атлетического сложения, присуждавшую и завоевывавшую награды на Олимпийских играх. Для того чтобы все окружающие точно заметили красоту ее тела, эта женщина предпочитала носить просвечивающие одеяния. Приверженцам Арсиной не приходилось обижаться – подобные временные союзы стали весьма характерны для Александрии, и даже трезво мыслявший Птолемей Сотер не видел ничего дурного в содержании нескольких фавориток. Строгие дамы старшего возраста, должно быть, фыркали при виде этих гетер, но Лаис и Фрина, жившие еще ранее, были выдающимися в своем роде женщинами, а жители Александрии, города любви, последовали образцу коринфян. Но Билистике было далеко до Аспасии, и ее соперницы и преемницы определенно не подражали знаменитой возлюбленной Перикла.

Филадельф постепенно становился все менее требовательным при выборе подруг. Он лишился осмотрительности и приближал к себе в основном простых женщин и рабынь, таких как флейтистки Мнесида и Пофина или певица Миртия. К их числу принадлежали также полногрудая египтянка Дидима, возможно больше всего привлекавшая царя, и Клино, любившая изображать из себя вторую Арсиною. Правда, последней это не очень удавалось, и александрийцы громко смеялись, когда маленькая кравчая выходила в город, увенчав голову двойным рогом изобилия, символом покойной царицы. Но Филадельф уже не был пленен ни этими женщинами, ни характерным для него в юности убеждением о том, что правитель должен доставлять и получать удовольствие. С ними он просто отвлекался от государственных дел, ставших для него смыслом жизни.

В то время Египет действительно нуждался в том, чтобы им правил хладнокровный человек. Наместник Кирены Магас говорил и вел себя так, будто был независимым правителем. Сын Селевка Антиох готовился вернуть себе Киликию и Финикию, а в Афинах Хремонид призывал сограждан сбросить македонское иго. Слова Хремонида о том, что Филадельф, следуя примеру своих предков и намерениям сестры, готов с рвением защищать свободу греков, ободряли эллинов и приводили в уныние их врагов. Правда, самого Птолемея они тоже огорошили, так как он не собирался проникаться к грекам более теплыми, чем уже имевшиеся, чувствами. Но его уже взяли в оборот, и Хремонид не собирался оставлять царя в покое до тех пор, пока к Пирею не подплывет эскадра египетских кораблей. Но она прибыла слишком поздно – Афины уже были осаждены, и флотоводец Патрокл не рискнул высаживать солдат на берег. В конце концов Афины сдались, и Филадельф перестал интересоваться их судьбой. Тогда он думал не столько о Греции, сколько об Италии.

На протяжении жизни уже более чем одного поколения там господствовал Рим, превосходство которого в конце концов смогли сдержать только галлы на севере и греческие города-государства на юге. Первой причиной для неизбежной борьбы стал Тарент, жители которого обратились к царю Эпира Пирру с просьбой о помощи. Последний хорошо знал

Египет – он уже успел насладиться местным гостеприимством, был женат на родственнице египетских царей и дружил с сыном и наследником Птолемея Филадельфом. Поэтому он смело обратился к правителю Египта за помощью. Но тот не хотел вмешиваться в чужую войну и, посоветовавшись с Арсиноей, пропустил слова Пирра, просившего предоставить ему корабли и деньги, мимо ушей. Благодаря этому в конце войны Филадельф мог с чистой совестью поздравить римский сенат с победой.

За этим последовал мирный договор между Римом и Египтом. В Рим отправилось египетское посольство, а затем римляне отдали долг вежливости. Надвигалась война с Карфагеном, и власти Республики были рады заполучить нового союзника в бассейне Эгейского моря. Филадельф гостеприимно встретил римских послов и стал упрашивать их принять скромные подарки. К его удивлению, трое римлян вежливо, но твердо отказались, заявив, что за свои труды им достаточно признания Республики. Союз сохранился, и, когда карфагеняне попросили Филадельфа позаимствовать им 3 тысячи талантов, тот пожалел о том, что римляне первыми обеспечили себе его дружбу. Но со временем оказалось, что принятое им решение выгодно Египту – через сто лет сенат вернул долг, приказав правителю Сирии Антиоху IV выбирать: либо он уходит из Египта, либо римский народ объявляет ему войну.

Сорвав маску, наместник Кирены Магас объявил Филадельфу войну, поклявшись, что окажется в столице Египта и будет оттуда сам диктовать условия. Филадельф с презрением отнесся к этой похвальбе и, высмеяв угрозу Магаса, назвал его наместником, которому следует преподать урок хороших манер. Эти слова оказались опрометчивыми, ибо Филадельф понял, насколько большая угроза над ним нависла, только тогда, когда Магас миновал Параитонион (Мерса-Матрух) и уже подходил к Александрии. Но противникам не довелось встретиться. Между Киреной и Параитонионом появились враждебно настроенные кочевники, и Магас вернулся, опасаясь, что они перережут его пути снабжения. Окрыленный этой неожиданной удачей, Филадельф сам выступил в поход, но его продвижение, в свою очередь, остановил бунт.

Ситуация вышла крайне некрасивая. Одно из подразделений египетского войска состояло из галатов, или галлов, свирепых, но недисциплинированных наемников, отказавшихся двигаться вперед, пока не получат щедрое вознаграждение. Филадельф повел себя очень решительно. Сначала он остановился и вступил с бунтовщиками в переговоры, а затем, осознав, что его слова на солдат не действуют, притворился, будто сдается, и приказал своей армии отступить. Галаты попали в эту ловушку. Филадельф приказал загнать их на остров посреди озера Мареотис и оставил их там умирать от голода.

Таким образом, конфликт закончился, не успев толком начаться. Магас вернулся в Кирену, а Филадельф – в Александрию. Но подобное положение дел не могло сохраняться вечно, и страдавший от старости и болезней Магас придумал решение этой проблемы: если его дочь Береника выйдет замуж за сына и наследника Филадельфа Птолемея, который впоследствии получил прозвище Эвергет, то их отцы смогут уладить свои разногласия. Филадельф был так же рад перемирию, как и сам Магас, так как в тот период ему нужно было беречь военные ресурсы, ибо правители Сирии и Македонии заключили союз, направленный на его уничтожение и представлявший для него серьезную угрозу.

Каждый из этих двух правителей имел с царем Египта личные счеты. Сирийский царь Антиох II был тестем Магаса, а правитель Македонии Антигон Гонат не простил Филадельфа за вмешательство в дела в Греции. Война продолжалась на протяжении пяти или шести лет. Успех переходил то к одной из сторон, то к другой до тех пор, пока удача окончательно не оказалась на стороне Филадельфа. После сражения у острова Кос, имевшего место в 258 г. до н. э., Антигон получил господство в Эгейском море и на Кикладских островах. Последовавшее за этим перемирие оказалось недолгим. Воспользовавшись передышкой, Филадельф снарядил второй флот и вернул себе власть над островами.

Ни один союз между Македонией и Сирией не просуществовал долгое время. Так было и в этом случае, и, воспользовавшись временным затишьем, Филадельф вступил в переговоры

с Антиохом. Последний слушал правителя Египта с большим удовольствием, так как, несмотря на успехи в Малой Азии, находился в отчаянном положении. На протяжении нескольких предшествовавших этому лет держава Селевкидов распалась. Она уже давно потеряла контроль над землями к востоку от Тигра, а ее верховенство над территориями, расположенными к западу от него, оказалось под угрозой. Антиох не надеялся на дружбу с Македонией, так как интересы, которые преследовали правители державы Селевкидов и македонские цари, всегда были прямо противоположными, и каждый из них с подозрением относился к другому.

Благодаря этому Филадельфу удалось без труда убедить Антиоха в том, что союз с Египтом для него более логичен и что женитьба на египетской царевне сможет укрепить их дружбу. Правда, заключению этого брака мешало одно препятствие – у Антиоха уже были жена и сын, наследник престола. Но эта проблема, достаточно широко распространенная в тот период, казалась Филадельфу и его дочери Беренике вполне решаемой. Последней уже было больше тридцати, и, не найдя себе как можно быстрее мужа, она рисковала умереть в одиночестве.

Судьба Береники вполне могла сложиться подобным образом, так как жена Антиоха Лаодика, дама весьма упорная, отказывалась с ним разводиться. Филадельф был крайне удивлен. То, что женщина заступала дорогу мужу, считалось в обществе македонян неприличным, и, решив, будто слухи об этом беспочвенны, египетский царь приказал дочери собирать вещи и отправляться в путь. Тем временем новоиспеченный жених пытался переубедить жену. Эта задача оказалась довольно трудной – на Лаодику, твердо решившую остаться в Антиохии, не действовали ни уговоры, ни посулы. Ее супругу оставалось одно – применить силу, и в 253–252 гг. до н. э. Лаодику с детьми перевезли в Эфес.

Там бывшая жена Антиоха сосредоточилась на размышлениях о мести, возможно утешая себя мыслями о том, что она, будучи самой богатой женщиной в Азии, не столкнется с нехваткой поклонников. Антиох в данном случае не поспешил, ведь приданым невесты стали доходы от Келесирии. Береника попрощалась с отцом в Пелусии и в сопровождении Аполлония, принесшего Египту значительную пользу, продолжила свое путешествие. «Когда я писал, мы приближались к Сидону, сопровождая царицу до границы», – сообщал Артемидор, главный приказчик Аполлония, своему другу Зенону, оставшемуся в Египте.

Помимо всего прочего, Филадельф в свободное время занимался поддержкой наук. Всем связанным со знанием он интересовался так же живо, как и его отец. Как и Птолемею, ему часто приходилось давать приют ничем не примечательным ученым. Другие независимые государства, такие как Македония, Сирия и Пергам, избрали тот же путь, и теперь поэты, философы и физики, обладавшие прочной репутацией, получили возможность выбирать. Многие старались избегать Александрию. Филадельф платил щедро, но ожидал, что поэты будут постоянно восхвалять его добродетели, а историки – его отвагу, а на это был согласен далеко не каждый поэт или историк. Для того чтобы перебороть нежелание людей науки приезжать в Египет, царь решил собрать библиотеку, достаточно обширную для того, чтобы привлечь даже самых выдающихся ученых. С этой идеей носился еще его отец, и Деметрий Фалерский по его приказу приобрел множество ценных свитков. Но эти сокровища, лишенные крова, не изученные и не классифицированные, не привлекали ученых, что заставило Филадельфа построить в квартале Брухий одну библиотеку, впоследствии известную как Большая библиотека, а в Ракотисе – вторую, получившую название Малой библиотеки, и приказать Зенодоту изучить и каталогизировать свитки.

Филадельф был не первым правителем Египта, создавшим и содержавшим библиотеку. Рамсес II, выдающийся представитель XIX династии, вероятно, имел собственную библиотеку. По крайней мере, в надписи из Гебель-эс-Сильсилы об этом фараоне говорится следующее: «Я знаю, что написано в свитках, хранящихся в библиотеке». Творение Филадельфа было связано с более благородным устремлением – сделать тексты доступными всем желающим.

В том, что Мусейон и библиотека не могли постоянно обогащать мир науки, винить Филадельфа также не следует, ибо александрийская поэзия была паразитической, философия – упаднической, а история – не воодушевляющей. Проблема заключалась в дурном окружении. Для Мусейона была характерна закрытость, подвизавшиеся в нем люди слишком большое внимание уделяли форме и стилю, из-за чего он не породил ни одного выдающегося писателя или поэта. Исключениями из общего правила, возможно, являются Феокрит и Каллимах, но их современники и последователи потеряли во время поисков новых способов выражения старых идей оригинальность и искренность. Эрудиция была для них губительной: как бы александрийские поэты ни сопротивлялись, они не могли избавиться от излишней привязанности к прошлому.

Но так или иначе александрийские ученые принесли пользу научному миру, усовершенствовав технику стихосложения, историописания и возродив интерес к литературным шедеврам. Без энтузиазма и богатой казны Филадельфа все это было бы невозможно. За пределами Египта пошли слухи о том, что в Александрии есть покупатель, готовый приобрести любой текст, и торговцы из Афин и Вавилона поспешили занять этот рынок, привезя в столицу Египта свои сокровища.

Снова и снова сделки заключались без участия руководителя библиотеки Зенодота, опять и опять в библиотеке оказывались некачественные копии текстов. Но подобные случаи не заставили Зенодота впасть в уныние и не остудили его пыл. Возможно, он считал, что если достать оригиналы невозможно, то сойдут списки, как хорошие, так и плохие. Короче говоря, создание библиотеки способствовало душевному подъему, принесшему значительную пользу последующим поколениям. Находясь в ней, ученый, обладающий критическим мышлением, мог очистить тот или иной текст от ошибок и исправлений, сделанных предыдущими переписчиками. Но ее недостатком стало поощрение плагиата, являющегося порочным побочным эффектом активного чтения. Плагиат получил широкое распространение, и честолюбивые философы и поэты не испытывали чувства вины, присваивая идеи и стихотворные размеры, созданные их умершими предшественниками, и выдавая их за свои. Разоблачение этих людей не пугало, и мораль, связанная с литературой, пала в Александрии так низко, что критики, анализировавшие новые работы, считали это преступление простительным.

Несомненно, имели место случаи, когда один из судей выступал против данной практики, подобно юному Аристофану, осмелившемуся сделать это во время проводившегося в театре соревнования на лучшую оду в честь Диониса. Судьей его избрали благодаря случайности: не пришел один из членов коллегии, и охваченные нетерпением зрители пригласили Аристофана занять его место. Поэты читали свои оды, и зрители активно аплодировали до тех пор, пока не пришла очередь последнего из соперников. Его выступление не понравилось публике – зрители со злостью поднялись со своих скамей и освистали несчастного человека, стоявшего на сцене. Затем, ко всеобщему удивлению, выяснилось, что Аристофан громко аплодирует. Когда его попросили объяснить, у него хватило смелости для того, чтобы сказать: «Соглашусь, что стихотворный размер отвратителен, а задумка автора недостойна. Но они самобытны, в то время как его соперники позаимствовали свои идеи и стихотворные размеры у других».

Перед Зенодотом стояла очень сложная задача. Он должен был тщательно изучить полмиллиона свитков, оставляя оригиналы в библиотеке и передавая хорошие списки в Малую библиотеку, и найти ученых, достаточно хорошо знающих греческий язык для того, чтобы перевести на него работы, написанные на древнеегипетском, персидском и иврите. Сначала свитки с текстами делили на «простые и разделенные», которые оказалось около 90 тысяч и среди которых были оригинальные сочинения, или свитки с одним произведением одного автора, и «смешанные» (примерно 40 тысяч свитков), представляющие собой копии текстов, или свитки, содержащие несколько произведений разных авторов.

Одновременно с этим Зенодот сопоставлял поэтические труды, а также драматургические произведения Ликофрона с Эвбеи и Александра Этолийского. Все трое были выдающимися

критиками и писателями, входили в Плеяду – в число семерых наиболее выдающихся александрийских литераторов. Зенодот считался прекрасным специалистом по поэмам Гомера – он убирал из них бессмысленные повторы и разъяснял отдельные фрагменты текста. У него были свои недоброжелатели – коллеги, считавшие любое толкование сочинений Гомера дерзостью. Одним из них был философ Тимон. Когда его спросили, какой из свитков с поэмами Гомера из хранящихся в Большой библиотеке он считает лучшим, философ ответил: «Тот, который меньше всего подвергся изменениям». Рядом с Зенодотом всегда пребывал Каллимах Киренский, методично, хотя и без критического подхода, оценивавший каждый свиток. Он оказался прекрасным приобретением: он очень хорошо относился к людям и нуждался в деньгах, а концы с концами Каллимах сводил, преподавая в небольшой школе в пригороде Александрии Элевсине, где его и нашел Зенодот. Он составил каталог, в котором свитки с текстами были разделены на шесть типов, что позволяло с легкостью найти сочинения определенного автора. Под именем каждого из них Каллимах указывал, где тот получил образование, и приводил общее количество строк, содержащихся в соответствующем произведении.

Лишь несколько ученых из всего множества тех, кто пользовался покровительством Филадельфа, сумели избежать забвения. К их числу относятся поэты Феокрит и Каллимах, историки Манефон, Каллисфен и Петосирис, философы Колот и Менедем, географы Ктесий и Страбон, астрономы Арат, Аристарх и Антилл, механики Герон и Филон. Это совсем немного, даже если вспомнить врача Аполлодора, художницу Елену, ритора Сосибия и, возможно, переводчиков Ветхого Завета, имена которых до нашего времени не сохранились.

Особое место в этой группе избранных занимал Феокрит из Сиракуз, приехавший в Александрию в 273 г. до н. э. Именно там он сочинял свои идиллии, превозносил простую сельскую жизнь, восхвалял любовь Титира к Амариллис и дружбу Дамета и Дафниса, пересказывал разговор Батта с Коридоном, описывал красоту Евники. Возможно, что-то он позаимствовал у Филета, но его стихи всегда оставались нетривиальными и самобытными. «Никогда не притязал я на какую-либо музу, за исключением своей собственной», – утверждал он, и слова эти были искренними, ибо он создал жанр буколической поэзии, в котором впоследствии работал Вергилий, многое взявший у Феокрита, но в то же время превзошедший его. Сочинения Феокрита действительно гениальны, и ни один подражатель не способен с ним тягаться. В них нет деланости, подчеркивается необходимость свободно выбирать диалект и стихотворный размер, лучше всего подходящие к замыслу, они полны живого юмора и глубочайшего сочувствия к хрупкости человека.

На следующей ступени стоит Каллимах Киренский, менее самобытные и образные произведения которого все же стали образцами для Овидия и Катулла. Его отношения с Феокритом для нас малопонятны. В одной из своих эпиграмм он пишет:

Смуглый меня Феокрит ненавидит... Четырежды, Отче Зевс, ненавидь ты его... Если полюбит – люби!^[23]

Но, судя по всему, этим двум поэтам часто был свойствен одинаковый ход мыслей. Оба они считали, что «длинная работа – великое зло», что дни нескончаемого эпоса, основанного на мифах, сочтены; оба были весьма плодовитыми авторами и с поразительной легкостью сочиняли гимны, элегии, эпитафии и трактаты. Поэтические сочинения Каллимаха частично дошли до нашего времени, но его проза не сохранилась. Ничего не осталось от его каталога – истинной энциклопедии по истории древнегреческой литературы. Та же печальная судьба постигла и сделанное им описание Мусейона.

Тщеславие Каллимаха вполне могло соперничать с его образованностью. Но если он притворялся, что обладает энциклопедическими знаниями и исключительным правом на информацию, то, по крайней мере, в написании эпитаграмм ему не было равных. Его взгляды на длину стихотворного произведения вызвали волнения в среде современников, привыкших судить сочинение по длине, а не по качеству, и Аполлоний Родосский, автор изумительной поэмы «Аргонавтика», испытал на себе остроту языка Каллимаха, но затем нанес ответный удар. «Мерзость, потеха и лоб деревянный зовутся Каллимах»^[24], – писал он. Это была

совершенно недостойная ссора. Каллимах ударил противника его же оружием, написав поэму «Ибис», в которой сравнил своего оппонента с этой птицей, считавшейся нечистой. Вскоре все посетители Мусейона обменивались эпиграммами и памфлетами, полными взаимных обвинений и выпадов. Противоборство продолжалось до тех пор, пока мрачный Аполлоний не вернулся на Родос. Перебранка развлекала жителей Александрии, всегда с некоторым презрением относившихся к поэтам, и критиков, часто слонявшихся по Мусейону. Их гонор и деланость вызывали отвращение, и сатирик остроумно подшучивал над ними. Тимон из Флиунта сравнивал Мусейон с плетеной корзиной, а его обитателей – с не замолкающей ни на секунду домашней птицей:

Много теперь развелось в краю многолюдном Египта
Книжных ученых тычин, грызутся они беспрестанно
В птичьей корзинке Мусея^[251].

Если говорить об историках Манефоне и Петосирисе, то первый, верховный жрец из Себеннита, определенно был египтянином. Второй, очевидно, также принадлежал к числу представителей этого народа. Они оба прекрасно знали древнегреческий язык и иероглифику. Археологи в огромном долгу перед Манефоном, так как исследователи до сих пор придерживаются принятого им разделения древнеегипетской истории на династии. О его сочинении нам известно только из трудов других авторов. Из него многое позаимствовал Иосиф Флавий, а ранние Отцы Церкви основывали свои хронологии на таблицах, составленных Манефоном. Он не ограничивался историей. Этот человек прекрасно разбирался в поэзии и имел склонность к астрологии. Манефон посвятил Филадельфу написанный гекзаметром трактат о небесных телах, в котором заявил, что их определенное положение предсказало будущее величие правителя. Петосирис, с другой стороны, астрономом был более хорошим, чем историком. Ни один из его трудов до нашего времени не сохранился, но Плиний считал их достойными того, чтобы использовать в своем сочинении рассчитанное Петосирисом расстояние от Солнца до планет.

Арат из Сол, что на Сицилии, заслужил репутацию разносторонне одаренного человека^[261]. Ему удавалось делать значительные успехи во всех областях знаний. Он был математиком, астрологом и астрономом. Арат хотел в стихах познакомить непосвященных людей с тайнами небес, описать планеты и созвездия, дать названия группам звезд. Его поэма «Явления» оказалась плохой как поэтическое произведение и заслуживающей право на существование как научная работа, и апостол Павел, два столетия спустя стоя на Марсовой горе и обращаясь к слушавшим его афинянам, процитировал строку из нее.

Более самобытным талантом обладал Аристарх Самосский. Он первым предположил существование Солнечной системы, а также то, что Земля движется вокруг Солнца, предвосхитив, таким образом, открытие Коперника. Тем самым он опередил свое время и так и не смог убедить современников в том, что Земля, ежегодно огибая Солнце, по сравнению со звездами напоминает точку на поверхности круга по сравнению со всей его длиной. Из всех его сочинений до нашего времени сохранился только трактат, посвященный размерам Солнца и Луны и их удаленности от Земли. Его расчеты были верны с точки зрения геометрии, но оказались неточными из-за ограниченных возможностей наблюдения и несовершенных инструментов. Вся его жизнь была полна разочарований, ибо александрийцы смеялись над его знаниями и с недоверием относились к разработанным им теориям. Тем не менее астрология, это прославленное занятие древних египтян, вероятно, многое позаимствовала из произведений Аристарха, и Птолемей убеждал молодых математиков стать его учениками.

Египет, несомненно, был идеальным местом для наблюдений и науки. Первому способствовал климат, а второму – наличие библиотеки. К числу людей, решивших воспользоваться приглашением царя, относились Тимохар и Аристилл. Первый создал

каталог неподвижных звезд и определил положение каждой из них в пространстве. Второй помогал другу, проводя наблюдения.

Однако информированием и написанием полезных трудов деятельность тех, кто был вхож в Мусейон, не ограничивалась. В нем часто зарождались бесстыдные шутки, и приближенные царя поддерживали эту тенденцию – смеялись над остроумными репликами Тимона, хихикали над грубыми колкостями Сотада. Но последний зашел слишком далеко, сделав своей жертвой Филадельфа и высмеяв добродетельность правителя, допускающего инцест и возводящего храмы в честь своих любовниц. Эти слова стали последней ошибкой Сотада – флотоходец Патрокл, правильно поняв намек царя, утопил его обидчика. Более приемлемым был сумбурный трактат придворного врача Аполлодора Гелия, считавшего себя человеком, разбирающимся в винах. Доктор не рекомендовал местные вина, ибо они плохо сказываются на пищеварении и портят аппетит. Поэтому Аполлодор советовал царю пить только вино, привезенное с греческих островов и с южного побережья Черного моря.

О философии, истории и искусстве в правление Филадельфа и его преемников мы можем сказать несколько меньше. Двум первым требовалось больше свободы выражения, чем та, которую был готов предоставить любой представитель династии Птолемеев, а последнее медленно, но верно приходило в упадок под влиянием египетского искусства. Философские учения Платона и Аристотеля уступили место школе Эпикура, да и от нее в том виде, в котором она существовала в Афинах, в Александрии сохранилось совсем немного. Ученик Эпикура Калот умудрился превратить идеи своего учителя в учение, основанное на неприкрытой чувственности, и александрийцы с радостью одобрили эту интерпретацию.

Со скульптурой дело обстояло не лучше. Сложившаяся в Древнем Египте практика изображения человеческого тела путем рисования его по квадратам была несовместима с древнегреческими традициями, но, в отличие от архитекторов, александрийские скульпторы опрометчиво попытались совместить эти две методики. Эксперимент привел к полному провалу, породив стиль, который можно назвать низкосортным, о чем свидетельствуют статуи некоего македонского царя (возможно, Александра, сына Роксаны, персиянки, ставшей женой Александра Македонского) и греческого сановника из Навкратиса, хранящиеся в Каирском музее.

О достоинствах и недостатках Мусейона было уже сказано достаточно. Об этом храме муз следует добавить, по крайней мере, то, что люди, находившиеся на содержании Филадельфа, сумели сохранить эллинскую культуру как в самом Египте, так и за его пределами. Цари, правившие по соседству, последовали примеру Птолемеев – стали покровительствовать ученым и создавать библиотеки, стремясь таким образом поддержать науку в целом, в то время как в Египте рассредоточенные сообщества грекоязычных людей: македонян, пелопоннесцев, критян и ионийцев и т. д. – со вновь разгоревшимся пылом читали и обсуждали шедевры аттической литературы. Например, в Эль-Хибе существовала немногочисленная группа людей, получавших удовольствие от чтения не только поэм Гомера, сочинений Софокла, Еврипида и Платона в оригинале, но и речей забытых ораторов и риториков. Кроме того, они с рвением слушали высказывания мудрецов, умерших и похороненных за многие годы до этого. Свет культуры уверенно горел, поддерживаемый усилиями этих изгнанников.

Наиболее выдающимся достижением в сфере литературы того периода можно считать перевод на греческий язык книг Ветхого Завета, называемых Септуагинтой в честь числа переводчиков. Античные авторы приписывали идею подготовки этого перевода Филадельфу, основываясь на письме, которое, как считается, было написано при жизни Аристея, эллинизированного еврея, вероятно служившего при царском дворе, но более тщательное изучение текста данного письменного источника позволило исследователям усомниться в его подлинности. Мы вполне можем допустить, что Септуагинта была создана в Александрии несколькими людьми, но остальные связанные с ней сведения крайне противоречивы. Ученые не могут сойтись во мнении даже о том, в правление какого из Птолемеев был сделан данный перевод.

Александр и Птолемей Сотер, несомненно, обязали или убедили многих евреев перебраться в Александрию. Не менее ясно и то, что Филадельф продолжил эту практику. Таким образом, в Египте выросло целое поколение эллинизированных евреев, считавших своим родным языком греческий и не понимавших иврита, на котором были написаны их священные книги. Так был сделан шаг к эллинизации, совершенно неприемлемый, по мнению евреев старшего поколения. Если эти люди могли допустить, что их сыновья, больше не полагающиеся на родную веру, требовали, чтобы Ветхий Завет перевели на греческий, так же возможно, что сами патриархи, считая, что выступать против мнения царя рискованно, поддержали эту просьбу. Положительно отнестись к перспективе создания перевода могли даже думающие евреи, жившие в Палестине, так как там также активно шла эллинизация, во многом связанная с осуществлявшимся по приказу Филадельфа строительством новых и перестройкой старых городов на берегах Галилейского моря и на южной границе Сирии.

Какой бы ни была история, рассказанная Аристеем, – правдивой или ложной, ее стоит пересказать. Этот живший в Александрии еврей по приказу любопытного Филадельфа отправился в Иерусалим, чтобы привезти оттуда свиток с текстом Ветхого Завета. Аристей вернулся не только со свитком, но и с семьюдесятью евреями, «мужьями добрыми и благородными», знавшими иврит и древнегреческий, которые как раз и должны были выступить в качестве переводчиков. Александрийцы, встречая выдающихся гостей, были полны оптимизма. Главный распорядитель Никанор и управляющий Доситей нарушили правила этикета, касающиеся царской аудиенции, и Филадельф пригласил иноземцев на ужин. Во время застолья он задавал вопросы, на которые получал весьма достойные ответы. Наконец, повернувшись к Никанору, правитель произнес: «Меня поразили добродетель и мудрость этих мужей Иерусалима». Семьдесят два иудея ужинали за царским столом и ночевали во дворце в течение шести вечеров и ночей. На седьмой день Доситей проводил гостей на остров Фарос и велел им приступать к работе. На этом короткий рассказ Аристеем, изобилующий маловероятными подробностями и несостыковками, но в то же время яркий и драматичный, написанный не столько для того, чтобы помочь историкам, сколько затем, чтобы возвеличить еврейский народ, завершается.

Несмотря на все свои недостатки и упущения, Филадельф на протяжении всей своей жизни восхищался культурой и стремился к прекрасному. Везде, куда бы он ни отправлялся, по его приказу строились и восстанавливались храмы и святилища. Так, в Себенните (Саманнуд) он восстановил святилище, возведенное Нектанебом, посвятив его Исиде – покровительнице города Хебет – и Хору; в Навкратисе он велел отремонтировать Эллений, храм богов, которым поклонялись все греки; а в Танисе по его приказу было построено святилище, стены которого покрыли росписями с изображением египетских царя и царицы, одетых в греческие наряды и поклоняющихся Осирису, Исиде и Хору. С особой нежностью Филадельф относился к Филэ, острову, посвященному Исиде, которой он посвятил святилище с изящным входом. В Александрии царь строил храмы в честь как египетских, так и греческих богов, следуя своим прихотям, расширил дворец, углубил верфи и сделал очень многое для украшения города.

Наиболее выдающимся достижением Филадельфа стало строительство в восточной оконечности острова Фарос знаменитого маяка. Это производившее сильное впечатление пятиэтажное сооружение из сверкающего мрамора, сужающееся кверху, стало апофеозом развития инженерного дела. Первый и два следующих этажа были квадратными в плане, четвертый был восьмиугольным, а пятый – круглым. На крыше располагались металлические зеркала, выставленные таким образом, чтобы в них отражались корабли, незаметные с берега. Ночью на крыше зажигали яркий огонь, помогавший штурманам, не уверенным в правильности выбранного курса. Моряки нуждались в помощи, ибо залив, ведущий в Большую гавань, был узким, а течение у берега – опасным. Если верить надписи: «Эту башню принес в дар Сострат из Книда, друг царей, ради спасения мореходов»^[271],

содержание которой было пересказано Страбоном, Фаросский маяк спроектировал архитектор Сострат.

После смерти Арсиной здоровье царя ухудшилось. Он постоянно болел и временами, очевидно, был даже на волоске от смерти. Тогда все жители Египта объединялись и начинали молиться за его выздоровление. Данный факт свидетельствует о том, что Филадельфу удалось сохранить популярность в народе, несмотря на многочисленные недостатки. В свою очередь, сам он возлагал ответственность за свое выздоровление на какое-нибудь египетское божество. До нашего времени сохранилась одна из подобных посвячительных надписей, в которой упоминаются Хонсу, почитавшийся в Фивах и считавшийся богом-целителем, и обожествленная Арсиноя II. В ней Филадельф благодарит «Хонсу, великого бога, изгоняющего демонов, спасшего Его Величество от загробного мира». Однако ни Хонсу, ни какое-либо другое египетское или греческое божество не способно даровать бессмертие, да и сам Филадельф, ослабленный из-за потакания своим желаниям, не смог противостоять старости. Но в глазах подданных он до самого конца оставался героем, обладающим наполовину божественной сущностью, и прощальные слова Феокрита: «О Филадельф, о тебе я буду говорить, как и о других полубогах», вероятно, выражали общее мнение.

Приближался конец царствования Филадельфа – дни его жизни были сочтены. Он все еще обладал живым умом и крепко держал в своих руках бразды правления, но на его лице и теле оставили следы беспутный образ жизни и потакания желаниям. Светловолосый юноша превратился в уродливого лысого старика, не способного передвигаться без посторонней помощи. Царь страдал от подагры и ожирения. Его лицо стало красным, глазные яблоки выдalisя наружу, а кожа вокруг рта растянулась. Он хватался за жизнь, моля богов о бессмертии, с завистью смотря на здоровых бедняков, отдохавших на берегу моря. «Несчастный я! – воскликнул он. – Почему не могу я быть одним из них!» Какой печальный конец...

Глава 5

Птолемей Эвергет

247–221 гг. до н. э.

После смерти Филадельфа на египетский трон сел Птолемей Эвергет, старший из сыновей, рожденный ему Арсиной I. Это был красивый и добродушный македонянин, несмотря на массивную шею и рябое лицо. В его праве на престолонаследие никто и никогда не сомневался. Филадельф отверг Арсиною, но не ее детей, и его новая жена и сестра Арсиноя II не ставила под сомнение их право на трон. Эта женщина с материнской заботой относилась к молодежи. Она была добра к собственным детям, рожденным от Лиси-маха, и стала такой же прекрасной мачехой для произведенных на свет первой Арсиной, место которой она заняла. Она следила за состоянием их здоровья, обучением. Впоследствии Эвергет признавал, что многим обязан этой женщине, называя себя «сыном Птолемея и царицы Арсиной, божественных брата и сестры».

Смерть Арсиной II стала большой потерей для царской семьи – Филадельф отдал детей на попечение слуг, и Эвергет так и не сумел простить это отцу. Повзрослев, он стал своевольным юношей и начал с презрением относиться к порокам своего отца. Но александрийцы испытывали к нему симпатию, и Филадельф, завидовавший популярности сына, стал раздумывать над тем, как бы отправить наследника куда-нибудь подальше от столицы.

Такая возможность ему подвернулась благодаря смерти правителя Киренаики Магаса. Туда необходимо было послать нового наместника, и Эвергет в 259–258 гг. до н. э. отправился в Кирену. Это назначение было вполне легитимным. В результате похода Филадельфа против Магаса стало понятно, что тот должен сохранять власть над Киренаикой до конца своих дней, а его единственная дочь Береника – выйти замуж за наследника

Филадельфа, вследствие чего Киренаика снова присоединится к Египту. Однако дальше помолвки дело не зашло. Потенциальные жених и невеста были детьми, Магас сомневался в том, что его подданные одобряют этот союз, а Филадельф – в верности сына.

Задержка едва не привела к потере Египтом Киренаики. Тело Магаса еще не похоронили, а его подданные обратились к его вдове Апаме с просьбой расторгнуть договор, и та стала искать другого претендента на руку дочери. Она обратилась к правителю Македонии Антигону Гонату, и тот охотно сделал ей одолжение, отправив в Кирену, столицу Пентаполя, своего привлекательного сводного брата Деметрия. Но этот выбор оказался неудачным. Уже через несколько недель Деметрий захотел вернуться в Грецию, осознав, что место на троне достается ему слишком большой ценой. В Кирене, не способной затмить собой Коринф и другие полные веселья греческие города, ему было невыносимо скучно. Здесь ему приходилось коротать время в обществе невзрачного ребенка и престарелых философов, которые не могли заменить на все согласных любовниц и остряков. В поисках развлечений Деметрий стал приглядываться к придворным дамам и обратил внимание на сумевшую сохранить привлекательность и остававшуюся желанной Апаму. Во дворце стали болтать об этой интрижке, и в какой-то момент Береника узнала, что Деметрий находится в комнате ее матери. Она побежала в спальню Апамы, распахнула дверь и увидела своих мать и жениха в объятиях друг друга. Затем в комнату вбежали стражники, оттащили соблазнителя от любовницы и зарезали сначала его, а затем и Апаму. Береника тщетно пыталась спасти мать^[28]. Никто не прислушался к ее крикам, и израненная и бездыханная Апама упала на тело своего любовника. Александрийцы искренне восхищались силой духа своей будущей царицы. «Отважная дева, – писал о ней Каллимах, – восхитительное преступление помогло тебе получить своего жениха».

Узнав о трагедии, киренцы перестали выступать против присоединения к Египту и скрепя сердце признали необходимость брака между Береникой и Эвергетом, опасаясь, что иначе потомков Магаса будут ждать новые беды. Пока они продолжали спорить, в город неожиданно вошел Эвергет, выступивший перед киренцами и пообещавший Киренаике независимость. Услышав об этом, а также о том, что новый наместник не хочет отказываться от договоренности, достигнутой между его отцом и Магасом, и желает тотчас же жениться на Беренике, обрадованные люди стали аплодировать. Правда, с этим Эвергет поторопился – Филадельф уже успел передумать, а без его согласия наследник престола жениться не рискнул. Да и сама Береника дала задний ход. Вероломство Деметрия, должно быть, пошатнуло ее веру в мужчин, и она не хотела снова испытывать судьбу. В итоге заключение брачного союза было отложено, но Эвергет, несмотря на то что церемония бракосочетания не была проведена, стал называть себя супругом Береники.

Этот компромисс оказался довольно удачным. Назвавшись царицей Киренаики, Береника стала чеканить собственные монеты и позволила Эвергету править от своего имени. Наместник сдержал обещание и предоставил области самоуправление – все внутренние дела решались буле, или государственным советом, и герусией, или народным собранием^[29], и в истории Киренаики начался мирный период, столь непривычный для ее жителей.

Однако быть наместником в подобных обстоятельствах – не самое интересное занятие, и Эвергет с радостью вернулся в Александрию, узнав, что Филадельф находится при смерти. Береника последовала за ним, и долгая помолвка подошла к концу. Этот брак оказался счастливым. И Эвергет, и Береника пали жертвами прегрешений своих родителей, но оба они были достаточно молоды для того, чтобы забыть прошлое. К счастью, нужды в долгом медовом месяце у молодоженов в сложившихся обстоятельствах не было, да и у Эвергета не было на него времени.

Он получил огромное наследство, которое, однако, было сопряжено с такой же большой ответственностью. Египет владел Ливией, Киренаикой и Эфиопией, Финикией и Палестиной, Кипром и Кикладскими островами, а также некоторыми районами в юго-западной части Малой Азии. Для поддержания порядка на этой территории требовались

регулярная армия из 200 тысяч солдат и флот из 1500 кораблей. Помимо этого, правителю еще приходилось следить за работой египетского административного аппарата.

К счастью, Эвергету не приходилось беспокоиться из-за денег – в казне хранился внушительный резервный фонд в размере 70 тысяч талантов, а ежегодные доходы страны стабильно возрастали. Во всех других отношениях государственный аппарат, если судить по жалобам и обращениям, остро нуждался в преобразованиях. В последние годы жизни Филадельф, больной и ко всему равнодушный, отошел от государственных дел, чем не преминули воспользоваться чиновники. Эвергет очень хорошо знал, что, когда речь заходила о внутренних делах Кирены, ее жителей сложно было упрекнуть в излишней добродетели, но египетские чиновники сумели превзойти их во всем связанном с коррупцией. Египетский административный аппарат всецело погряз в злоупотреблениях. Особенно дурной славой пользовался диойкет, и Эвергет решил показать на примере Аполлония, все еще занимавшего эту должность, что может произойти с нечистыми на руку чиновниками. Но когда он придумывал диойкету наказание, его слуха достиг призыв о помощи, с которым к нему обратилась его сестра Береника, выданная замуж за правителя Сирии Антиоха II.

Царь не мог не помочь сестре. Птолеми не редко оказывались неверными мужьями и бессердечными отцами, но между братьями и сестрами, как правило, существовала загадочная тесная связь. К Беренике Эвергет испытывал такую же сильную привязанность, как та, что испытывал его отец к Арсиное II. В итоге он спешно отправился в Сирию, стремясь помочь сестре. Когда заключался брак между Береникой и Антиохом, была достигнута договоренность о том, что последний разведется со своей женой Лаодикой и отречется от ее детей. Сама Лаодика при этом отбыла в Эфес. Но, находясь там, она, переполненная жадной мести, начала переписываться с бывшим мужем, и эти письма становились все более похожими на страстные любовные послания. Совсем недолго пожив с египетской царевной Береникой, дочерью Филадельфа, постоянно сравнивавшей египетский и сирийский дворы, причем не в пользу последнего, Антиох с готовностью стал отвечать Лаодике в том же ключе и в конце концов отправился к ней в Эфес. Там в 247 г. до н. э. он умер, а Лаодика, провозгласив сирийским царем своего сына Каллиника, приготовилась покончить с соперницей. Добиться этого было несложно. Обстановка сирийского двора не могла не сказаться на чувстве собственного превосходства Береники, из-за чего жители Антиохии выгнали ее из города. Вместе с маленьким сыном она бежала к священной роще Дафны, нашла убежище в храме Диониса, где и погибла.

Тем временем Эвергет во главе прекрасно оснащенного войска двигался на север. Но он опоздал – Береника уже была мертва, и организованный им поход из спасательного превратился в карательную экспедицию. От Кипра на помощь сухопутному войску отправился мощный египетский флот. Высадившиеся с кораблей солдаты заняли Киликию, тем самым перерезав пути сообщения, соединявшие Антиохию и Эфес. Оставив десант, осаждавший Эфес, флотоводец направился к устью Оронта, захватил портовый город Селевкию Пиерию и решил остаться там, чтобы дожидаться Эвергета. Затем начались ожесточенные сражения за Антиохию, и, осажденный с суши и с моря, этот город вскоре оказался в бедственном положении. Его жители обратились за помощью к Лаодике, но царица, заблокированная в Эфесе, оказалась в такой же печальной ситуации, как и ее подданные, в конце концов впавшие в отчаяние и вынужденные просить о пощаде. Но разъяренный смертью сестры Эвергет не хотел и слышать ни о чем подобном и отдал город на разграбление своим войскам. Но этого было для него недостаточно – египетский царь решил захватить всю территорию державы Селевкидов к востоку от Евфрата.

Вавилон сдался без сопротивления, парфяне и бактрийцы радушно встретили египетских послов, жители Суз и Персе-поля отдали победителю сокровища, которых не видел сам Александр Македонский, – 40 тысяч серебряных талантов и множество изваяний божеств, увезенных Камбизом из Египта за три столетия до этого. Казалось, будто до Индии можно достать рукой, но Эвергет не был Александром – он решил вернуться в Сирию, где его ждали хорошие новости. Его флот изгнал противника с острова Кос, и, продвигаясь на север,

египетский военачальник занял прибрежную линию Херсонеса, современного Галлипольского полуострова. На этом война вроде бы должна была завершиться – Лаодика была заблокирована в Эфесе, а ее сын Каллиник бежал и пытался мутить воду в Малой Азии.

Однако надвигалась новая туча. Начались волнения в расположенных в Азии греческих городах. Сначала их жители положительно отнеслись к походу Эвергета, но затем, увидев, каких масштабов способна достигать его месть, испугались, что он может переключиться на них. Их беспокойство разделяло и население островов, расположенных в Эгейском море. Превосходство египтян на побережье могло нанести непоправимый урон их торговым операциям, и вместо того, чтобы смириться с этим, родосцы стали готовиться к войне.

Это был грозный враг. Родосские корабли наводили ужас на всех пиратов, а их морской закон приняли все народы, активно плававшие по морю. Жители острова снарядили эскадру, прорвавшую египетскую блокаду Эфеса. Их пример вдохновил правителей Понта и Каппадокии на заключение союза с Каллиником. Ход игры изменился. Сначала Каллиник очистил Киликию и долину Евфрата от египетских гарнизонов, а затем вступил в Антиохию. Эти его успехи знаменовали конец войны, и вскоре был заключен мир (240 г. до н. э.). Эвергет смог удержать только Эфес и Селевкию Пиерию, служившую портом Антиохии. Таким образом, столь блистательный поначалу поход завершился провалом. Сирия, лакомый плод победы, пала жертвой стремления создать в Азии державу, которую Египет все равно не смог бы сохранить.

Эвергет не остался в Сирии, не стал следить за окончанием войны. Получив весьма печальные известия из Египта, он, захватив с собой добычу, отправился обратно в Александрию. Вернулся царь очень вовремя – то тут, то там в долине Нила разгорались беспорядки. Страна была разорена из-за голода и разбоев, а Береника, которую царь оставил вместо себя на троне, не могла побороть ни то ни другое.

В этот критический момент Эвергет предпринял крайне решительные действия – он раздал голодающим пшеницу и ячмень, привезенные им из Сирии, и приказал своим опытным солдатам жестоко наказать разбойников.

Тем временем сам правитель снова наслаждался обществом своей возлюбленной жены. Пятилетняя разлука не убавила ее любовь и не ослабила ее верность. Береника забыла о мести после трагической гибели матери, но с грустной улыбкой на устах позволила мужу свершить свое мщение, раз он так этого хотел. Но затем ее охватило беспокойство. Пока Эвергета не было в Египте, она ежедневно отправлялась в паломничество в Каноп, где стоял храм, посвященный Арсиноэ-Афродите. Там она вставала на колени и молилась, упрашивая богиню защитить Эвергета от связанных с войной опасностей. В надежде растрогать обожествленную Арсиноэ, Береника оставила в храме длинный локон своих волос. Ее мольбы были услышаны, а подношение – принято.

Однако, вернувшись домой, Эвергет нежно пожурил супругу за ее глупый обет и велел ей забрать волосы из храма. Покорная царица повиновалась, но, придя в святилище, узнала, что локон пропал. Поднялись крики и плач, но придворный астроном Конон, осматривая небо, обнаружил внутри треугольника, образованного Львом, Девой и Большой Медведицей, прежде незамеченное созвездие и назвал его Волосами Береники. История стала обрастать новыми подробностями – пошли слухи о том, что сама обожествленная Арсиноэ спустилась на землю и забрала с собой подношение. Услышавших об этом александрийцев охватила радость, а Каллимах написал посвященное чуду стихотворение:

Тот же Конон и меня увидал – Косу Береники, —
Между небесных огней яркой пролившую свет...^[30]

И эта история, созданная воображением поэта, очень понравилась Эвергету.

К несчастью, она была понятна только грекам, и царь задумался о том, как лучше выразить благодарность, испытываемую Береникой в отношении богов Египта. Возможно, он хотел убить одним выстрелом сразу двух зайцев – заодно создать для своей власти более

прочную основу, чем право наследования. Оказавшийся лицом к лицу с той же задачей первый представитель династии Птолемеев надеялся объединить два народа благодаря основанию культа Сераписа. Но интерес египтян к этому богу был чисто формальным, и Эвергет решил, что ему и его потомкам следует почитать египетского бога Осириса. Поэтому он приказал построить в Канопе святилище, по размеру и красоте во много раз превосходившее храм Афродиты-Арсинои, и заложить под алтарь золотую пластину^[31] с надписью: «Царь Птолемей, сын Птолемея и Арсинои, божественных брата и сестры, и царица Береника, его сестра и жена, посвятили этот храм Осирису».

Этот эксперимент оказался менее удачным, чем ожидал Эвергет. Жрецы из хоры^[32] даже жаловались на то, что правители чересчур благоволят Александрии. Тот факт, что этот быстрорастущий город, главенствующее положение в котором занимали греки, отобрал у Мемфиса роль столицы, и без того воспринимался египтянами болезненно, а перенос в него главного жилища самого почитаемого в Египте бога казался им настоящим позором. Эвергет с негодованием прислушивался к тому, о чем перешептывались люди. Не он ли кормил всех жрецов во время недавнего голода? Не он ли вернул фиванским жрецам изваяния божеств, украденные Камбизом, и внес свой вклад в рост доходов священного быка Мемфиса? Более благопристойным для тех, кто получил что-либо от щедрот Эвергета, было бы последовать примеру Адулиса, малопримечательного поселения на побережье Красного моря. Там, в дикой и недружелюбной стране троглодитов, почитатели Эвергета установили поразительный мраморный трон, на ступенях которого записали количество слонов, переданных на службу Птолемею, и рассказ о его завоеваниях в Вавилонии, Сузиане, Малой Азии, Фракии и Эфиопии^[33].

Эти достижения, вероятно, были несколько преувеличены, так как в Малой Азии и Фракии Эвергету удалось занять только побережье, а в Эфиопии – лишь территорию, граничившую с Красным морем.

Царь не хотел ссориться со жречеством, так как нуждался в поддержке священнослужителей для проведения реформы, которую считал крайне необходимой. Она была связана с изменением системы летосчисления, подразумевавшим замену старого календаря, служившего египтянам на протяжении нескольких тысячелетий, на новый. Прежде год в Египте делился на 12 месяцев по 30 дней каждый, к которым прибавлялись пять дополнительных дней. Но в какой-то момент накопилась значительная погрешность, так как Земле для того, чтобы обернуться вокруг Солнца, требуется не 365 дней, а примерно на шесть часов больше. В итоге древнеегипетский календарь отставал от реального течения времени на один день каждые четыре года.

Возможно, жрецы знали правду, но столь незначительные отклонения мало значили для них, а земледельцев летосчисление не интересовало. Год для последних состоял из сезонов: половодья, всходов и засухи, и их совершенно не интересовали вычисления, придуманные учеными мужами. Путаница охватила и летосчисление, использовавшееся в государственных и торговых целях, – тексты огульно датировались в зависимости от года правления, с указанием финансового, египетского или македонского года. Гениальный Эратосфен сумел зародить в Эвергете желание сделать летосчисление более точным, а для этого царь нуждался в помощи египетских жрецов. Поэтому в 238 г. до н. э. он собрал в Канопе верховных жрецов, пророков, хранителей облачений богов, тех, кто носил опахала, писцов и второстепенных священнослужителей из всех крупнейших египетских храмов.

Потомки по непонятным причинам предали забвению вклад Эратосфена в развитие научного знания, но его самобытный ум и безграничная эрудиция заслуживают лучшей участи. Он жадно впитывал в себя любые знания. Эратосфен был и астрономом, и математиком, и географом, и историком, и философом, и критиком. Его знания и занятия были настолько разносторонними, что почитатели таланта этого ученого называли его пентатлосом, повелителем муз, а недоброжелатели – бетой^[34], то есть вторым во всех областях знаний, не способным достичь первенства ни в одной из них.

Рожденный в Кирене в 276 г. до н. э., Эратосфен отправился в Александрию вслед за Каллимахом, завершил образование в Афинах и остался бы там, если бы не получил льстивое послание от Эвергета, предлагавшего ему вернуться в Египет и работать библиотекарем. Там, избавившись от необходимости зарабатывать на жизнь преподаванием, он посвятил себя научным исследованиям. Эратосфен написал исторический труд, повествование в котором начиналось с осады Трои, сочинения о древней комедии и о географии Древнего мира, трактат, посвященный измерениям и математике, и описание планет и неподвижных звезд. Эти труды вполне оправдывали его притязания на гордое звание филолога – Эратосфен стал первым из получивших его александрийцев, но при этом он никогда не претендовал на то, что знает абсолютно все. Когда один из соперников ученого, завидовавший ему, предложил ему проследить маршрут странствий Одиссея, тот ласково ответил: «Можно найти местность, где странствовал Одиссей, если найдешь кожевника, который сшил мешок для ветров»^[35]. Его основное достижение состояло из двух частей. Во-первых, он сумел рассчитать длину земного меридиана, причем полученная им цифра незначительно отличается от результата современных измерений. Во-вторых, Эратосфен убедил Эвергета реформировать календарь. В том, что этот эксперимент провалился, не был виноват ни сам ученый, ни его повелитель.

Жрецам понравилось жить в Канопе. Пожилые священнослужители были рады, что он расположен вдалеке от Александрии и ничто не отвлекает их от размышлений, а жрецы помоложе с удовольствием пользовались гостеприимностью этого полного мишуры города. Последние попали в новый мир. Жизнь провинциального жреца была достаточно монотонной. Эти люди выполняли простую, но однообразную работу, и каждый день был копией предыдущего. Утром они посвящали себя возлияниям, подношениям и ритуалам, а днем составляли ответы на вопросы, заданные храмовому оракулу.

Обитатели Мусейона ограничились изучением достижений греческой культуры и не снисходили до знакомства с египетской. Среди них не было второго Геродота, способного составить описание этого народа. Возможно, в этом нет ничего странного, так как все отношения между Александрией и хорой ограничивались торговлей, а власть занималась в первую очередь сбором податей. В итоге брошенные на произвол судьбы египетские жрецы потеряли интерес к получению новых знаний. В своих разговорах они ограничились пересказом слухов, а единственным их стремлением стало желание занять более высокую жреческую должность.

Оказавшись в Канопе, где их разместили в весьма комфортных условиях и сытно кормили за счет царской казны, жрецы провели несколько приятных недель, не забывая при этом записывать результаты своих размышлений. В итоге появился пространный декрет, в тексте которого признавалась божественная сущность правящего царя, названного вместе с супругой богами-Эвергетами, то есть «Благодетелями». В нем перечислялись достоинства и подвиги правителя и увеличивалось число божественных почестей, которых должна была удостоиться царская чета. Так, в декрете постулировалось создание пятой категории жречества – «жрецов богов-благодетелей», устанавливались божественные почести, которые следовало оказывать умершей девочке – дочери Эвергета Беренике, к тому времени уже обожествленной и объявленной базилиссой. Первый день египетского месяца паини, «когда восходит звезда Исиды», должен был стать священным. Реформа календаря, как сказано в декрете, была необходима для того, «чтобы времена года правильно совпадали с устройством мира». В данном источнике также предписывалось «через каждые четыре года добавлять один день, праздник богов – благодетелей, после пяти добавочных дней».

Однако это правило не исполнялось. Власти тщетно призывали всех жителей Египта использовать новый календарь и признать 311 г. до н. э., когда умер Александр, сын Роксаны, отправной точкой для нового летосчисления. В Александрии все тексты, как и прежде, датировались по македонскому лунному календарю, а в хоре продолжили определять ход времени, основываясь на неточном солнечном календаре. Традиционализм одержал победу.

Собрание было распущено, жрецы отправились домой, а боги-благодетели задумали строительство нового храма, призванного превзойти по своим размерам все древние святилища. Царская чета долго размышляла над выбором места для храма и божества, которое будет в нем почитаться. Они отказались от Мемфиса и Фив, от Осириса и Исиды, так как связь первых с фараонами, а вторых – с Александрией была слишком тесной.

В поисках места, слава которого померкла, и бога, доблесть которого была позабыта, они вспомнили о Верхнем Египте. То, что Эвергет и Береника искали, находилось посередине между Филэ и Фивами. Это был древний город Эдфу, где, как считалось, Имхотеп, архитектор и целитель, живший во времена представителя III династии Джосера, возвел святилище Хора, почитавшегося здесь в облике сокола. Легенда понравилась царской чете, и они приказали построить в Эдфу храм, до сих пор противостоящий воздействию времени.

Эвергет решил провести архитектурный эксперимент и в Фивах. Его буквально очаровал Карнак со своими боковыми приделами, возвышающимися обелисками и многочисленными святилищами. Пройдя вокруг стен храма, царь увидел массивный пилон, построенный по приказу Рамсеса II, и решил превзойти своего великого предшественника. Он мог присвоить себе один или два рельефа, вырезанные на пилонах, как делали прежде некоторые фараоны, приказывавшие стереть старый текст и заменить его новым – посвященным их собственным подвигам. Но Эвергет не хотел грабить мертвых царей и не был хвастуном, охваченным жадной прославления собственных побед. Его подношение Хонсу, третьему представителю фиванской триады, было довольно скромным и ограничилось сооружением нового входа в храм, увенчанного изображением Хора Бехдетского, распростертые крылья которого защищали богов-благодетелей.

Затем царь отправился к первому порогу Нила и воспылил искренней любовью к прелестному острову Филэ. Впечатленный красотой этого места, Филадельф решил возвести храм Исиды, божественной покровительницы острова. Но вскоре его интерес к строительству храмов ослаб, и претворением идеи отца в жизнь занялся только его сын.

На обратном пути в Александрию Эвергет проезжал мимо поселений евреев, трудолюбивых и мирных людей, поклонявшихся единому богу и заключавших браки только друг с другом. Интерес к судьбе этих людей царь унаследовал от деда, оказывавшего им покровительство, и отца, выкупившего за довольно внушительную сумму 120 тысяч еврейских военнопленных. Эвергет долго размышлял о причинах этой необычной щедрости, а по прибытии в Мемфис узнал, что иерусалимский первосвященник Хоний категорически отказался платить Египту дань в размере 20 талантов.

Настроение царя переменилось. Из-за этого акта демонстративного неповиновения Эвергет впал в ярость и предложил Хонию сделать выбор – или он платит, или египетские солдаты оккупируют Иерусалим. Испуганный первосвященник повелел своему племяннику Иосифу спешно отправиться в Египет и объяснить царю, что единственная причина его отказа платить заключается в бедности Иерусалима. Будучи человеком, умеющим снискать расположение, Иосиф произвел при дворе прекрасное впечатление. Он ночевал во дворце в Александрии, ел за царским столом, короче говоря, из смиренного просителя превратился в уважаемого гостя. О дани не было сказано ни слова. Иосиф (возможно, по просьбе самого Эвергета) тратил свое время на то, чтобы присутствовать на аукционах по продаже права сбора налогов.

Это занятие стало приносить откупщикам больше выгоды, чем государству, и царь заподозрил существование какого-то сговора. Проницательный Иосиф вскоре уверился в обоснованности этих подозрений, а в Мемфисе во время торгов по продаже права на откуп податей в Самарии и Финикии у него появилась возможность доказать свою правоту. Когда конец торгам положило предложение намного меньшее, чем реальная сумма, Иосиф начал действовать. Он вышел вперед и удвоил сумму с 8 до 16 тысяч талантов. Ведущий торгов был ошеломлен. Затем, придя в себя, он воскликнул: «Назови своих поручителей!» И разъяренные откупщики стали повторять эти слова. «Царь Египта», – ответил Иосиф^[36].

Надо сказать, что любой правитель, живший в тот период, охотно стал бы поручителем человека, готового заплатить в казну целых 8 тысяч талантов.

О первых годах своего правления Эвергет вполне мог вспоминать с чувством удовлетворения. Он продемонстрировал полководческие умения, проявил уважение к религии, и теперь ему оставалось только провести чистку административного аппарата. Правда, с выполнением этой задачи царь несколько опоздал. Занятый другими делами, он закрыл глаза на увеличение числа злоупотреблений со стороны чиновников, и некоторые государственные институты уже не заслуживали этого названия. Одной из таких проблемных сфер была охрана правопорядка. Эвергету удалось покончить с шайками разбойников, но жизнь и имущество все еще оставались в опасности. Филадельф планировал в целях соблюдения порядка создавать по всему течению Нила поселения для отставных наемников, но постоянные военные действия привели к тому, что ветеранов снова пришлось вернуть в строй, а сирийский поход самого Эвергета еще больше обострил эту проблему. Большая часть из этих некогда процветавших поселений исчезла, а местные власти без помощи их жителей не могли ни поддерживать порядок, ни заставлять земледельцев платить подати.

Понимая необходимость усиления власти стратегов номов, Эвергет создал «полицию», куда набирали греков, критян и персов, людей, которые не могли нести военную службу, но были в состоянии обеспечивать порядок. Помогать им должны были деревенские сторожа, назначавшиеся на местах. Это была многочисленная, но малоэффективная служба. Теперь даже в самой непримечательной деревне должны были находиться 10 «полицейских» и множество сторожей. С другой стороны, вместо того чтобы стать для государственной казны статьей расходов, «полиция» превратилась в источник доходов. Стражам порядка не требовалась ни одежда, ни плата, ни пайки. Вместо этого им предлагалось занять незаселенные участки земли, возделывать их и отдавать государству определенную часть урожая. «Полицейские» громко протестовали, и, чтобы снизить их недовольство, власти обязали деревни, пользовавшиеся особым покровительством, вносить свой вклад. Ничуть не обрадованные этой новостью, крестьяне поворчали, но повиновались до тех пор, пока не был издан указ, обязывавший их снабжать войска, передвигавшиеся из одного места в другое, питанием, жильем и средствами транспорта. Однако в тяжелом положении оказались не только земледельцы. Местные власти стали требовать, чтобы жрецы тоже вносили свой вклад, и некоторые государственные повинности пользовались в эллинистическом Египте не большей народной любовью, чем современные.

Необходимость предоставлять средства транспорта и припасы была лишь одним из многочисленных поводов для недовольства земледельцев. Вторым, вызывавшим еще большее раздражение, являлась сложившаяся практика оценки урожая злаков для целей обложения податями еще тогда, когда растения находились на поле. Земледелец опять становился жертвой процедуры. Фактически полученный урожай редко соответствовал подсчетам чиновников, и крестьянину приходилось компенсировать недостачу кунжутным и кротоновым маслом. Доходы, которые получали земледельцы, были крайне малы. После того как государство собирало с них подати в размере от трети до половины урожая и апомойру, составляющую еще 1/6, крестьянину оставалось совсем незначительное вознаграждение за его труды. Вместо того чтобы подчиниться, жители деревень оставляли свои поля и укрывались в близлежащем храме, обладавшем правом выступать в качестве убежища.

В эллинистическом Египте сажать зерновые культуры и собирать их урожай действительно было не особенно выгодно – либо государство забирало весь урожай, либо крестьянину приходилось менять ту его часть, которая была отложена на семена. К тому же он не мог самостоятельно решать, какие культуры ему следует сажать. У нас нет сомнений в том, что подобная ситуация сложилась в царских владениях, и существует большая вероятность того, что впоследствии она распространилась и на другие земли. Вопросы, связанные с севооборотом, решало государство, и даже могущественный диоикет был

вынужден повиноваться соответствующим царским указаниям. «Царь повелел нам засеять землю дважды, – писал он своему управляющему. – Так что, как только соберешь урожай, ороси почву вручную или, если это невозможно, установи для этого шадуфы. Пусть вода остается на полях на протяжении только пяти дней, а затем посеи пшеницу». Перед нами одна из первых попыток создания системы круглогодичного орошения.

Если верить сведениям, содержащимся в прошениях, то можно предположить, что государство само страдало от бюрократизма. Во многом эта проблема была связана со стремлением большинства чиновников заниматься частной торговлей. Диойкет Филадельфа Аполлоний создал прецедент, которым охотно стали руководствоваться его подчиненные. Встревожившись по этому поводу, Филадельф в последние годы своего правления отстранил его от обязанностей, связанных со сбором податей, и перевел на чисто административную работу. Но нарушитель не прислушался к этому предостережению – на новом месте работы он получил еще больше возможностей для обмана государства и сумел стать самым могущественным человеком в Среднем Египте. Эвергет отправил Аполлония в отставку, но его подручные остались на своих местах и продолжали оказывать влияние на местную администрацию.

Примером этого могут служить Филадельфия и Мемфис, столицы двух номов – Арсиноитского и Мемфисского, где важную роль играл управляющий бывшего диойкета Зенон. Этот проницательный человек родом из Карики знал все углы и закоулки административного аппарата лучше, чем кто-либо. Он вполне был способен на это, так как его господин использовал его в государственных делах. Зенон был очень удобным доверенным лицом – в зависимости от обстоятельств Аполлоний мог или приказывать ему, или делать вид, будто не знаком с ним.

Владения Аполлония в Арсиноитском номе, которыми управлял Зенон, процветали. Поначалу все было хорошо. Целинная почва позволяла получать огромные урожаи пшеницы, ячменя и кукурузы. Но затем начался период низких разливов Нила и гибели урожая, и не сумевшие расплатиться с собственником своих участков арендаторы стали умолять его об отсрочке. Но Аполлоний, которому нужно было вернуться в свою столицу, не собирался давать им время и приказал Зенону не щадить должников. Поэтому Зенон ставил их перед выбором: «Платите, или отправитесь в тюрьму», и арендаторы томились в заключении.

Писать жалобы в Александрию было бессмысленно. Без арендной платы царь не сможет собрать подати. В итоге раздраженный Филадельф писал на прошениях, авторы которых умоляли его вмешаться: «Пришлите написавшего к нам под конвоем и продайте с торгов все пожитки мошенника». Столь же бесполезной была надежда на знакомство с Зеноном, на которое ссылался некий Каллипс. «Ты что, Зенон, уснул? – жалобно спрашивал он. – Несмотря на то что я сижу в тюрьме? Подумай об уже собранном сене, которого, по моим подсчетам, 3 тысячи вязанок. Подумай о скоте». Затем Каллипс добавил постскриптом. «Послушай, – убеждал он Зенона. – Не можем ли мы решить эту маленькую проблемку полюбовно? Предположим, ты отпустишь меня и моя жена отправится в тюрьму, ну так что же?» Вместо ответа Зенон поторопился продать сено и скот Каллипса.

Постепенно ситуация в сельском хозяйстве наладилась, но Зенону от этого не стало легче. Он был не только управляющим, но и главным поставщиком для дома Аполлония в Александрии, и некоторые из членов семьи и слуг бывшего диойкета считали, будто Зенону больше нечем заняться, кроме как выполнять их поручения. «Почему ты не прислал достаточно сена? – спрашивал его разъяренный конюх. – Его нам не хватит и на день, и лошади уже заболевают». «Я хочу, чтобы ты тотчас же купил мне того черного жеребца с раздувшейся ногой, которого я заметил, причем позаботься о том, чтобы он обошелся как можно дешевле», – требовал Артемидор, один из многочисленных врачей, служивших в доме Аполлония. А в конце стояла приписка, содержащая приказ «отправить тотчас же партию свиней в жертву Исиде».

Эти поручения, связанные с Исидой, наверняка заставили Зенона провести множество ночей без сна. По мере приближения праздника дамы, жившие в доме Аполлония, также

присылали управляющему свои распоряжения: «Пусть Зенон тотчас же пришлет всю сухую древесину, которая у него есть, в Александрию, чтобы сжечь ее во время праздника», – было сказано в одном письме, в то время как в другом содержалось требование отослать «фригийского флейтиста Петия и женоподобного Зенобия с его барабанами, цимбалами и кастаньетами. Пусть он наденет лучший наряд, ибо женщины хотят, чтобы он танцевал на празднике». Как управляющий мог свести баланс, если свиньи, которых он откармливал, чтобы продать на рынке, и древесина, с помощью которой он собирался починить свое речное судно, погибали в огне, чтобы люди могли оказать почести языческой богине?

К слову сказать, Зенон не разбрасывался собственными деньгами. Он давал их в долг, но требовал за это 25 процентов от суммы задолженности. Одного из своих заемщиков по имени Филом он заставил не только заложить свою заработную плату за год вперед, но и добавить к ней двух рабынь. К тому же Зенон не доверял женщинам, причем не только в денежных вопросах, но и в том, что касалось их добродетели. К примеру, Асклепиаде так и не удалось ничего из него вытянуть. Эта женщина отправилась вверх по течению реки, чтобы поймать сбежавшего мужа. Ничего нового о нем она не узнала и, добравшись до Фив, сама оказалась на мели. Асклепиаде не хватало денег даже на то, чтобы вернуться в Мемфис. «Не согласится ли Зенон, – с почтением писала она, – прийти мне на помощь?» Но Зенон не собирался делать этого. Он знал, каким характером обладает эта дама, и сочувствовал в сложившейся ситуации не ей, а ее мужу.

Кроме того, широко было распространено мнение о том, что Зенон держит среднеегипетских чиновников, ведавших пошлинами, под каблуком. В итоге совершенно незнакомые ему люди, как и те, кого он знал, ничуть не смущаясь, просили его повлиять на этих чиновников. Стремление избежать внутренних таможен и транзитных пошлин вполне можно было понять. Обложению пошлинами подлежал любой товар, на что жаловались все торговцы поголовно. «Ты, Зенон, должно быть, удивлен, – с раздражением писал управляющему Аполлония александрийский торговец, – что я вроде как не знаю, будто одежда облагается пошлинами. Конечно же, это мне прекрасно известно. Но я также знаю, что ты можешь избавить меня от этой неприятности». Контрабанда в эллинистический период была распространена довольно широко, но честь людей того времени ничуть не страдала от получения или дачи взяток. Сами чиновники далеко не всегда были непогрешимы. В качестве примера можно привести указания, которые начальник давал своему подчиненному относительно платы. «Как только соберешь достаточно пошлин за товары, заплати Крату 75 драхм за вычетом четырех. Но заставь его сделать расписку, где будет сказано, что он получил все 75. Кажется мне, – пишет разозленный начальник, – что ты пренебрегаешь своими возможностями».

Возвращаясь к Зенону, следует сказать, что его добросердечие имело границы. К примеру, он не собирался прочесывать всю сельскую местность для того, чтобы добыть горшок с аттическим медом, который был нужен какому-то незнакомцу, причем независимо от того, что автор письма уверял его, будто «боги провозгласили, что именно этот мед вернет мне зрение». Не собирался он идти на поводу у автора другого письма, просившего его достать «кувшин сладкого вина», несмотря на то что в постскриптуме говорилось: «Если бы я мог купить вино на рынке, я бы не беспокоил тебя». Между прочим, этот человек стал исключением – другие не были достаточно смелыми для того, чтобы извиниться, и достаточно учтивыми для того, чтобы отправить хотя бы одну строчку с благодарностью. Были даже те, кто с негодованием жаловался на то, что Зенону для выполнения их поручений потребовалось слишком много времени. Довольно беспардонный человек по имени Дейнократ дал ему настоящий нагоняй за задержку с отправкой новых шестов для палатки и кувшинов для вина и грозно требовал от Зенона объяснений.

Иными словами, Зенон сумел определить какую-то границу. Он мог за деньги помочь знакомому пристроить сына на государственную службу, но с ребенком друга знакомого ситуация обстояла совершенно иначе. «Друг, знающий твой добрый нрав, – пишет ему страж порядка Платон, – просит меня рассказать тебе о своем сыне. Мальчику нужны работа и

жалованье». Но Зенон не собирался просить об одолжении, которое могло поставить под удар его отношения с государством, лишь для того, чтобы помочь простому «полицейскому».

Зенон не вел дневник, а если он все-таки делал это, то его дневник не пережил испытания столетиями. Но о складе ума этого человека свидетельствуют документальные папирусы. Каждое утро он фиксировал в журнале сведения об исходящей и входящей корреспонденции, проверял сводки своей конторы, составлял планы на следующий день, варьируя от покупки козьих шкур и найма животных до продажи тощих свиней и скисшего вина, от встречи со стратегом нома, топархом или комархом до раздачи семенной пшеницы арендаторам. С особенным вниманием Зенон относился к своему гардеробу. Периодически он инвентаризировал его содержимое, внимательно осматривая каждое одеяние, помечая в зависимости от состояния вещи, нужно ли ее постирать, а также то, какая она – новая или немного ношенная. Занятие это было довольно утомительным, ибо число накидок, плащей, туник, мантий, носков, поясов (светло-бурых на зиму и белых для лета), наволочек, покрывал и других вещей, необходимых Зенону, было слишком большим для простого управляющего.

Он был очень занятым человеком и постоянно перемещался между своим и соседними номами. В один день он торопился в Мемфис, чтобы проследить за перекраской царского постоянного двора, а на следующий – неся в Филадельфию, где жил, опасаясь, что его могут обмануть. Там Зенона ждал Паис, заверявший, что не может видеть, как его грабит подлый соперник. Он клялся, что Зенона обманывают с коврами, которые намочили, чтобы подогнать их к стандартам, и шокированный Паис выразил готовность только ради дружбы соткать 14 ковров вместо 10 из того же исходного материала. Горшечник Поэсис также не мог смотреть на то, как обманывают Зенона. На этот раз речь шла об обмазывании сосудов для вина смолой, и, опасаясь того, что Зенона обманет конкурент, Поэсис пообещал, что справится с этим заданием более качественно и за меньшие деньги.

Быть занятым человеком в то время было неплохо, так как в египетской хоре царила страшная скука. В деревне было мало развлечений – о том, что время не стоит на месте, свидетельствовало только то, что разлив сменялся сбором урожая и отдыхом пашни. Даже свадьба была событием довольно прозаическим – простым подписанием договора с участием шести свидетелей. Согласно договору, жених не должен был допускать двоеженства и неверности и обязывался обеспечивать будущую жену всем необходимым, а жена брала на себя обязательства во всем подчиняться мужу и выходить из дома, только получив его разрешение. Развод был не менее утилитарным – жена получала назад свое приданое и могла снова выйти замуж. Довольно широко распространенным явлением были браки между родственниками. Греки, критяне и персы, жившие в хоре, женились на египетских девушках, и их дети получали как египетские, так и греческие имена, причем их выбор был совершенно случайным.

Драки разгорались постоянно, и излюбленным местом битвы становились общественные бани, о чем свидетельствует опыт некоего чиновника, отвечавшего за государственные склады. Этот уважаемый чиновник, «будучи серьезно болен», решил, что ему не помешает побаловать себя походом в баню. Лучше бы он остался дома, ибо едва он вышел на улицу из здания бань, как его враг, «без оглядок на благопристойность», как он впоследствии жаловался, ударил его и пнул в живот, а «его спутники присоединились к нападению». Эти агрессивные люди нападали даже на женщин. Греческая дама по имени Филиста обрела такой же печальный опыт, о чем свидетельствует папирус, хранящийся в Каирском музее. Она собиралась покинуть бани, когда служитель решил, что «было бы забавно (по ее собственным словам. – П. Э.) вылить на меня кипящую воду, обжигая мою кожу и ставя под угрозу саму мою жизнь».

Поливание врага водой всегда было довольно популярным способом мести. Обольщенная Гераклидом юная египтянка Пенобастис отомстила за оскорбление, выплеснув из окна верхнего этажа на бывшего возлюбленного ведро помоев. Но этого было недостаточно. Пока

мужчина пытался вытереть глаза, девушка выбежала из дома, схватила его за шею, плюнула ему в лицо, порвала его накидку и прокляла его отца и мать. Конечно, Гераклид заслужил все это, но, когда Пенобастис оказалась в тюрьме, у нее появилось достаточно свободного времени для того, чтобы понять: столь возвышенное отмщение – прерогатива богинь, а не смертных женщин.

Чинимое государством беззаконие было неисчерпаемой темой для разговоров деревенских жителей. У крестьян, несомненно, были основания для жалоб – из-за откупов, монополий и необходимости выходить на общественные работы, за которые им не платили, государство обирало селян до нитки. Особое недовольство у них вызывало изъятие имущества для нужд армии, и они по возможности старались избегать этого. «Если власти думают, что мы с братом предоставим солдат с транспортом, то они ошибаются», – писал один разозленный земледelec, тотчас же переехавший со своими урожаем и скотом в соседнюю деревню.

Виноватым обычно считали комарха. Очевидно, эти люди не всегда были неподкупны, и у властей, несомненно, были причины полагать, будто он вступил в сговор с крестьянами. «Ты определенно единственный человек, постоянно игнорирующий наши срочные распоряжения, – писал разозленный инспектор одному из подчиненных ему комархов. – Несмотря на то что мы постоянно писали тебе, ты не обращаешь внимания на наши приказы». С другой стороны, часть ругани, адресованной комарху, возможно, была необоснованной. «Значит, ты не можешь выращивать в своей деревне телят? – насмешливо заявлял другой раздраженный чиновник. – Ты что, для того, чтобы кормить животных, заставляешь их сидеть на бобах? – Затем он предостерегающе добавил: – Ты строишь из себя дурачка, хотя рискуешь собственной шеей, а не моей».

Но Эвергету не было дела до мелких грешков Зенона и ему подобных – он сосредоточил свое внимание на государственных чиновниках. Хорошей работы от ленивых и некомпетентных людей ожидать не приходилось. Наиболее высокое положение из них занимал эконо, бывший отчасти управленцем, а отчасти – инспектором. От него зависели благосостояние каждой деревни, счастье каждого крестьянина, и первым шагом Эвергета стало издание инструкции, которой эконом «должен был руководствоваться во всем». Это был кодекс поведения, а не перечисление обязанностей, в чем отразилась сама философия греческой бюрократии. «Во время обследовательского объезда, – говорилось в нем, – стремись обходить всех по отдельности, подбадривать их и поднимать их настроение. Если кто-нибудь из них жалуется на писца или начальника деревни относительно вопросов, связанных с земледелием, разбирай это и по мере возможности приостанови»^[37]. Эконом всегда должен был помнить о той важной роли, которую земледелие играло для государства. В документе содержалось предписание тщательно «обследовать зерно», «когда посев закончен».

У эконома были и другие обязанности. В источнике содержалось указание на то, что ему не следует забывать о работе ткачей, необходимо всеми правдами и неправдами выяснять местонахождение незаконно созданных производств масла и проверять списки доходов одной деревни за другой. «В этом, – говорилось в источнике, – нет ничего невозможного для вас». В конце текста царь кратко излагал свое представление об обязанностях чиновника: «Я полагаю, что самое главное, чтобы ты поступал заботливо, честно и наилучшим образом... Вторым требованием считаю держать себя хорошо и прямодушно в своей области, держаться в стороне от дурного общества». Жители Египта, возможно, были бы гораздо счастливее, если бы чиновники прислушались к этому совету.

Эксперимент не особенно удался. Причиной провала отчасти стали личная заинтересованность и традиционная нелюбовь к переменам, а отчасти – то, что в последние годы своего правления Эвергет стал намного менее активным. Его умственные способности и характер ухудшились, и добродушный царевич превратился в мрачного и подозрительного правителя, думавшего больше о запретах, чем о преобразованиях. В те суровые времена

жизнь и имущество любого жителя Египта постоянно находились под угрозой. Весьма разочаровывающее окончание столь многообещающего поначалу царствования...

Развеселить этого разочарованного человека могла только Береника. Когда однажды вечером они играли в кости, царю в руки вложили документ. Это был список несчастных, приговоренных к смерти из политических соображений. Выругавшись из-за того, что ему пришлось прерваться, Эвергет уже был готов поставить на свиток свою печать, даже не взглянув на написанный на нем текст, но Береника схватила список и, спрятав его у себя на груди, вскричала: «Царю следует думать о жизни больше, чем об игре в кости!» Эти прекрасные слова, возможно, стали последним предостережением, полученным Эвергетом. Изнуренный телом и разумом, он умер в 221 г. до н. э., процарствовав двадцать пять лет.

Глава 6

Птолемей Филопатор

221–203 гг. до н. э.

После смерти своего отца на трон взошел Филопатор, старший из четверых детей, младшим из которых был Маг, родившийся после двух сестер – Береники и Арсиной. Он получил неплохое наследство. Ситуация была весьма стабильной, а наиболее опасные соседи Египта – правитель Сирии Антиох, который позже получит прозвище Великий, и царь Македонии Филипп – играли в расстановке сил второстепенную роль. Мы не знаем, когда именно родился Филопатор, но при вступлении на престол ему, очевидно, было двадцать пять лет, то есть он был в таком возрасте, когда от правителя вполне можно ждать осмотрительности. Но, к несчастью, надежды на это не оправдались.

Молодой царь был жестоким и безнравственным юношей, неоднократно заставлявшим мать горевать, а своего терпеливого учителя Эратосфена – впадать в отчаяние. Филопатор не слушал ни упреков первой, ни советов второго, предпочитая слушать лесть из уст окружавших его приятелей, молодых, но уже успевших закоренеть в пороке. Они научили его восхищаться распущенностью и презирать добродетель. Ничто не должно было мешать Филопатору получать удовольствие. Посольства, прибывшие в Александрию, чтобы поздравить его с восшествием на престол, уезжали, так и не увидев царя, и пристыженные горожане уже сожалели о том, что некогда жестоко критиковали Эвергета. Угроза жизни людей и их имуществу ослабла. «Но надолго ли? – спрашивали себя александрийцы. – Если учесть, что нашей страной правит царь, который якшается с распутными мужчинами и падшими женщинами».

В этих обстоятельствах все взгляды были прикованы к Беренике. Поговаривали даже, что царица, впад в отчаяние, задумалась о том, чтобы посадить на трон своего младшего сына, и александрийцы от всего сердца желали ей достичь в этом успеха.

Слухи о заговоре достигли ушей Сосибия, бывшего в тот период самым могущественным человеком, и этот хитрый и амбициозный грек приготовился последовать за тем из претендентов, кто пообещает ему власть и достойное место в обществе. Его взлет по карьерной лестнице был головокружительным. Из смиренного тунейдца он превратился в главного советника царя. Это был талантливый, но совершенно беспринципный человек, считавший, будто цель оправдывает средства, и не церемонившийся с теми, кто переходил ему дорогу.

Так или иначе, но будущее выглядело весьма неопределенным. На протяжении последних лет правления Эвергета Сосибий постоянно помнил, что царь может вскоре умереть. Для того чтобы обезопасить себя, когда это произойдет, он старательно обхаживал наследника престола, придумывал для него развлечения и подначивал его с возмущением реагировать на попытки матери вмешаться в его жизнь. Но новые цари предпочитают новые лица, и человек, ставший фаворитом одного правителя, редко сохраняет свое положение в царствование другого. Зная это, Сосибий стал обдумывать, какой путь станет для него наиболее безопасным. Он размышлял над тем, как ему лучше поступить – стать

незаменимым для старшего сына или поддержать Беренику, если она решит посадить на трон вместо Филопатора Мага, более молодого и уступчивого. Каждый из этих вариантов был связан с определенным риском. Царь мог не обращать внимания на попытки Сосибия завязать дружбу, а царица – предать его. В конце концов время для размышлений истекло. Царедворец выбрал первый вариант и положил наживку в свою ловушку.

Сосибий решил, что сначала должен завоевать доверие царя. Эта задача оказалась совсем несложной, и царедворец очень быстро составил полное представление о своей жертве. Он выбрал очень хитрую тактику – в своей речи стал вполне логично перескакивать от беспрестанной критики Береники и Эратосфена к философским размышлениям о них. Сосибий не запугивал правителя и не читал ему нотации. Наоборот, всем своим видом и речью он выражал смиренное восхищение словами, слетавшими с губ царя. Но этого было недостаточно – чтобы закрепить свое превосходство, Сосибию требовался еще один человек, причем достаточно молодой, тот, которому царь доверит свои потаенные мысли.

Занять это место могла только женщина, и Сосибий занялся поисками девушки, способной разжечь страсть, но в то же время достаточно беспринципной для того, чтобы использовать возникшее чувство в интересах своего работодателя. Ему не пришлось долго искать – в Александрии жило множество на все согласных дев, желавших в зависимости от обстоятельств стать женами или гетерами. Однако в этом случае о свадьбе не могло идти и речи. Родители Филопатора решили его судьбу уже за много лет до этого – в соответствии с египетской традицией он должен был жениться на своей сестре Арсиное. Ведь Филадельф взял в жены другую Арсиною, и египтяне с одобрением отнеслись к этому союзу. В интересах династии наследник Эвергета должен был последовать примеру своего деда.

В итоге в Александрии нашлась именно такая девушка, которая требовалась Сосибию. Все признавали ее ум и красоту, а ее мать Энанфа как раз пыталась пристроить свою дочь Агафоклею, рассматривая все варианты – как законные, так и не очень. Вскоре дело было сделано. Царя познакомили с Агафоклеей, и та переехала во дворец. Эта девушка с удовольствием «служила двум господам» – она оказалась очаровательной любовницей и прекрасным шпионом.

Теперь Сосибий мог беспрепятственно заняться устранением Береники, мешавшей ему стать чуть ли не единоличным правителем Египта. Царедворец не стал избавляться от нее без согласия царя и приказал Агафоклее заручиться им. Девушка хорошо знала свое дело. Она стала оговаривать Беренику, рассказывать царю о ее безграничном вероломстве, и пришедший в ужас от мыслей о заговоре Филопатор неохотно согласился на это преступление. Время для полумер прошло – нужно было покончить с двумя другими членами семьи, каждый из которых являлся потенциальным врагом. В итоге вслед за Береникой в царство мертвых отправились Лисимах, дядя Филопатора, и его брат Маг.

Теперь Сосибий мог вздохнуть полной грудью. У него оставался единственный потенциальный соперник – бывший спартанский царь Клеомен, некогда бежавший в Египет и пользовавшийся в Александрии значительной популярностью. Но расправу с ним Сосибий оставил для более подходящего момента.

Потерпев поражение в битве при Селасии в 222 г. до н. э., Клеомен, не прислушавшись к совету верного друга, сел на корабль, при этом сказав: «И получше нас воины уступали врагу», и направился прямо в Александрию. Умиравший Эвергет благосклонно принял его, предоставил ему щедрое содержание и туманно пообещал помочь вернуть власть. Затем Клеомена настигла судьба, характерная для всех свергнутых с престола правителей.

Возможно, испытывавший угрызения совести после убийства матери Филопатор не спешил одобрять новое преступление до тех пор, пока некий непредвзятый советник не подтвердил, что ради сохранения безопасности старшего брата Мага следует убить. В итоге он стал рассказывать Клеомену о своих вымышленных сомнениях в верности Мага, причем Филопатор строил речь таким образом, чтобы бывший царь понял, какого ответа от него ожидают, и намекнул на выгоду, которую тот получит, одобрив это преступление. Но Клеомен, будучи человеком слишком честным для того, чтобы ввязаться в эту авантюру,

ответил: «...если бы только это было возможно, следовало бы взрастить для царя побольше братьев – ради надежности и прочности власти»^[38]. Разъяренный Филопатор отпустил спартанца и больше его никогда не видел.

Осознав, куда дует ветер, Клеомен вскоре попросил разрешения вернуться на Пелопоннес. Не получив ответа на свое обращение и считая Сосибия другом, бывший спартанский царь попросил царедворца вмешаться. Сосибий не знал, как поступить. Он с радостью избавился бы от Клеомена, так как «лев и ягненок не могут жить вместе». С другой стороны, он полагал, что бывший царь будет представлять для него меньшую угрозу, находясь в Египте, чем на спартанском троне. Клеомен почувствовал его сомнения и попросил Сосибия не бояться. Бывший царь неосторожно сказал, что среди наемных солдат больше 3 тысяч – пелопоннесцы, которые ему вполне преданы и, стоит ему только кивнуть, немедленно явятся с оружием в руках. Эта похвальба привела Клеомена к гибели.

Однажды, прогуливаясь по набережной, Клеомен встретил земляка, капитана, привезшего в Александрию лошадей. Он засмеялся и промолвил: «Лучше бы ты привез ему арфисток и распутных мальчишек – царю сейчас всего нужнее именно этот товар». Эта колкость стала передаваться александрийцами из уст в уста, и Сосибий встретился с Никагором, намекнув в беседе на то, что ему хорошо заплатят, если он составит письмо, где будет сказано, будто Клеомен готовится предать египетского царя^[39]. Это письмо было написано и передано царю. В итоге Клеомена арестовали.

Он провел в тюрьме несколько недель и в какой-то момент, осознав, что не дожидается освобождения, стал планировать побег. Пустив слух, будто его вот-вот освободят, он пригласил стражников отпраздновать эту прекрасную новость. Тех не пришлось просить дважды, и они радостно пили за здоровье Клеомена. Но в вино был подмешан наркотик, и, выскользнув через черный выход, бывший царь воссоединился со своими друзьями. Он прошествовал по улицам во главе своих верных солдат, призывая всех граждан присоединиться к нему.

Когда Клеомен выступал со страстной речью перед кучкой людей, к этому месту подъехал александрийский градоначальник Птолемей. Колесницу остановили, а самого чиновника вытащили наружу и объявили заложником. Новости распространялись по городу со скоростью пожара. Евреи и египтяне, жившие в городе, забаррикадировались в своих домах, македоняне создали совет. Они не питали большой любви к полностью разложившемуся Филопатору, занимавшему трон, но их предводители стали задаваться вопросом о том, что произойдет, если они помогут спартанцу низвергнуть македонскую династию. На этот вопрос существовал лишь один ответ, и македоняне последовали примеру египтян и евреев.

Для Клеомена это был конец. Не сумев взять крепость штурмом, он вместе с друзьями укрылся в соседнем доме. План не удался, и заговорщики, обнажив мечи, закололи друг друга, умерев, как пристало «храбрым людям и спартиатам». Царь приказал Панфею убедиться, что все они мертвы и не подвергнутся постыдной публичной казни, и тот, переходя от одного тела к другому, протыкал каждое из них кинжалом. Сев рядом с Клеоменом, Панфей поцеловал его в губы, обнял его и, погрузив кинжал в собственное сердце, замертво упал поверх тела своего предводителя.

Более серьезную опасность представляла ситуация, сложившаяся на севере. Правитель Сирии Антиох III, увидевший в Филопаторе слабого противника, стал собираться с силами, надеясь вернуть территории, которые его предок Селевк завещал своим потомкам. Решив, что театр боевых действий будет слишком велик для одного полководца, Антиох разделил обязанности между своими военачальниками. Военными действиями в Сирии и Финикии, завоеванных Эвергетом и все еще находившихся под властью его сына, сирийский царь решил руководить самостоятельно, а кампании в Малой Азии и на территории вдоль Евфрата должны были возглавить три полководца. Если бы он лучше знал историю, то не стал бы брать на себя риск, связанный с разделением обязанностей главнокомандующего.

Молон и Александр, которым было доверено проведение операций в районе Евфрата, объявили о своей независимости, а Ахей, отправленный в Малую Азию, предал своего господина и вступил в переписку с египтянами. Сначала Антиох выступил против двух первых изменников и наголову разбил их и, решив отложить наказание Ахея на будущее, вступил в войну с Египтом. Первой его задачей стало возвращение Селевкии Пиерии, порта столицы Сирии Антиохии, самого явного и очевидного доказательства успешности похода, предпринятого Эвергетом за много лет до этого. Антиох не мог оставить этот город во власти египтян, особенно при условии угрозы с тыла, которую для него представлял Ахей, и осадил Селевкию с суши и с моря. Осада затянулась бы на многие месяцы, если бы подкупленный комендант города Леонтий не сдался бы после первой же осады. Стратег Финикии Теодот с большим облегчением поддался тому же соблазну. Таким образом Антиох без борьбы занял не только Селевкию Пиерию, но и всю Келесирию, откуда открывалась прямая дорога в Египет. Но он не рискнул ступить на этот путь. Египтяне подначивали Ахея отвлечь Антиоха, и последний, опасаясь этого, вынужден был отступить.

Эта новость очень обрадовала Филопатора, который по настойчивой просьбе Сосибия отправился в Мемфис. Ничто не могло заставить его приблизиться к врагу хотя бы на один шаг, и теперь, получив заверение о том, что опасность миновала, царь поспешил обратно в Александрию. Сосибий отпустил его, возможно решив, будто отъезд царя – это то самое худо, без которого нет добра. Проницательный вельможа знал, что опасность лишь отсрочилась. Гораздо лучше, чем царь, знакомый со слабыми местами Египта, он осознавал острую потребность страны в кораблях и военачальниках. То, что Леонтий и Теодот перешли на сторону Антиоха, говорило само за себя, но Сосибию требовалось время на строительство флота и поиск для него людей, на выбор и наем опытных командиров. Сейчас больше всего царедворцу было нужно время, и для того, чтобы получить его, он обманул Антиоха, заставив того поверить, будто египтяне охотнее сдадутся, чем станут сражаться. Сосибий отправился в Антиохию для ведения переговоров об условиях капитуляции, пригласив принять в них участие родосцев, афинян и коринфян. Возрождение войска он перед отъездом доверил Агафоклу, брату любовницы Филопатора.

Это было сложной задачей. Агафокл распустил наиболее слабые армейские подразделения, восстановив другие по территориальному признаку. Старых и некомпетентных офицеров отправили в отставку, а молодым и более энергичным велели заняться обучением египетских новобранцев. Для того чтобы воодушевить новичков, было сделано все возможное. Когда они стояли в строю, перед ними с речами выступали ораторы, а ветераны, спешно вызванные из своих клерухий, или колоний, поднимали их боевой дух. Более неожиданным стало решение использовать египтян на линии фронта. Прежде этой чести удостоивались исключительно наемники, а покорных египтян приписывали к тому или другому вспомогательному подразделению. Такой подход был весьма сомнительным и приводил к бессмысленной трате качественного человеческого ресурса. Узнав, что правившим в эпоху Нового царства Тутмосу и Рамсесу помогали одерживать головокружительные победы войска, состоящие исключительно из египтян, Сосибий принял вполне логичное решение о необходимости вернуться к практике, распространенной в Египте во времена фараонов.

Так, армия одним махом превратилась в вооруженные силы страны, и теперь внутри фаланги плечом к плечу маршировали египтяне и македоняне. Нововведение напугало наемников, придерживавшихся старомодных взглядов, испытавших еще большее возмущение, когда Агафокл ввел нескольких отобранных им новобранцев в состав агемы^[40].

Армия все еще была организована по тому же принципу, что и войско, которое вел за собой Александр. Главкомандующим являлся царь, ему подчинялись военачальники – стратег, гипостратег и эпистратег. Tактической единицей конницы были ила, а административной – гиппархия; в пехоте таковыми являлись синлагма и синтагма. Грамматевс, или казначей, выдавал солдатам довольствие, часть которого имела денежную форму, а часть – натуральную, а гиперест, то есть интендант, – пайки.

Каждый солдат при себе имел документ, удостоверяющий его личность, где были записаны его имя, то, как звали его отца, название страны, из которой прибыл он сам или его предки, и номер его подразделения. Если не считать платы, то можно говорить о том, что египтяне, очевидно, не испытывали неудобств. Возможно даже, что их не притесняли и в этом, так как наемник, поступивший на службу добровольно, вполне мог требовать для себя более высокую плату, чем египтянин, скорее всего призванный на военную службу. В других сферах Агафокл нивелировал различия между этими солдатами. Каждый из них был вооружен македонской пикой и служил под командованием офицеров того же этнического происхождения.

В Птолемаиду, расположенную в Эфиопии, срочно были отправлены охотники, которые должны были способствовать усилению отрядов боевых слонов. Считалось, что в войске должен быть один слон на тысячу солдат, и рассудительные командиры не торопились выйти на поле боя с меньшим их количеством.

Вполне вероятно, что это занятие не пользовалось большой популярностью, хотя командир охотничьей экспедиции Арканан считал иначе. Очевидно, скудный рацион и изнуряющий климат вызывали недовольство охотников. Иначе один из офицеров по имени Менес не стал бы направлять своему командиру, ожидавшему на побережье Красного моря, письмо с просьбой проявить терпение. Он заверял, что их подкрепление находится в пункте отправления, охотников уже выбрали, а корабли с зерном из Героополя и транспортные суда из Береники получили приказ отплывать.

Не меньшую неприязнь вызывала служба на флоте. Жизнь была более тяжелой, а риск – более значительным. Македонянам не нравилось первое, а египтян ужасало второе. За то, что у него вообще был флот, Филопатор должен был благодарить своего деда Филадельфа, про которого говорили, будто он «превзошел всех по числу кораблей». Этот царь, несомненно, много внимания уделял строительству флота – число его боевых и транспортных кораблей, варьировавшихся от судов с одной скамьей для гребцов до 30, в определенный период его царствования достигло 4 тысяч.

Однако страсть к плавучим машинам охватила все государства, имевшие выход к Средиземному морю. Царь Сиракуз Гиероним, правитель Сирии Антиох I и другие цари увлеченно строили корабли, а трирему, некогда бывшую линейным кораблем, заменили квинтиремы и суда с еще более крупным корпусом. Нам неизвестно точное значение понятия «трирема». Одни ученые считают, что все дело в трех скамьях для гребцов, расположенных одна над другой в шахматном порядке; другие склоняются к более простой версии: на этом корабле служили три подразделения гребцов – на верхней палубе, в междупалубном пространстве и на нижней палубе^[41].

Переговоры, ведшиеся в Антиохии, затянулись. Вынужденный под влиянием обстоятельств отказаться от похода на Египет, Антиох теперь стремился убедить всех в справедливости своих притязаний на Келесирию. «Разве не эта территория, – спрашивал он со страстью в голосе, – перешла к моему предку Селевку после победы в битве при Ипсе? Разве имели египтяне право оспаривать решение, принятое за столетие до этого?» Но на это Сосибий давал не менее обоснованный ответ: «Разве Птолемей не помогал тому самому Селевку, явственно понимая, что господство Египта в Келесирии никогда не будет оспорено?» Спор продолжался до тех пор, пока разъяренный Антиох не предложил Сосибии выбирать между войной и миром. Вместо ответа египетский царедворец уехал из Антиохии. Он понимал, что ничего не получит, если диалог продолжится. Он уже достиг своей цели – потянул время, чтобы Агафокл мог реорганизовать армию, и теперь был готов проверить ее в действии.

Не успел Сосибий вернуться в Александрию, как у него появилась такая возможность. Антиох, снова выступив в поход, заставил стратега Келесирии отступить за Иордан и направился в сторону Египта. Эта новость взволновала даже вялого Филопатора. Воодушевленный своей младшей сестрой Арсиной, он отправился в Пелусий, пересек Синай и разбил лагерь неподалеку от Рафии, где его уже ждал Антиох.

У царя Египта было незначительное численное преимущество – он возглавлял войско из 65 тысяч пеших солдат, включая 25-тысячную фалангу, на 4/5 состоявшую из египтян, поддержку которой оказывали отряды фракийцев, критян, пелопоннесцев, персов, ливийцев и галлов, 5-тысячной конницы, состоявшей из македонян и фессалийцев, и 73 африканских слонов. В распоряжении Антиоха имелось на 1000 меньше пехотинцев, но это компенсировалось более многочисленной конницей и бóльшим числом индийских слонов.

На протяжении недели солдаты двух армий просто глазели друг на друга из-за ограждений – каждый полководец ждал, когда другой развернет боевой строй. Но затем 22 июня 217 г. до н. э., на рассвете, египтяне снялись с лагеря и стали передислоцироваться – конницу и слонов размещали по флангам, фаланга расположилась в центре, часть легковооруженных пехотинцев закрыла собой дыры в строю, а другая отправилась в тыл. Антиох последовал этому примеру, приспособив расположение своих войск к строю противника. В это время Филопатор проехал вдоль первой линии своего войска, задерживаясь то тут, то там, чтобы обратиться к солдатам с речью. Рядом с ним с волосами, развевавшимися на ветру, и горящими от чувств глазами ехала юная Арсиноя, представляя собой весьма живописное и неожиданное на поле боя зрелище и дополняя слова брата собственными. Завершив объезд, Филопатор и Арсиноя вернулись на свое место на левом фланге, и битва началась с выдвижения обоими противниками слонов.

Силы оказались не равны. Охваченные ужасом из-за громкого рева индийских слонов, их африканские собратья бросились наутек. Ничто не могло остановить панику, в которую они впали. Они врезались в строй собственного войска, разбрасывая коней и всадников, а Антиох вызвал во вражеских рядах еще большее смятение, возглавив ожесточенную атаку конницы. Охваченный пылом погони, он неосмотрительно стал преследовать убегающего врага, потеряв таким образом свое преимущество. Это была серьезная ошибка – из-за погони центр его строя обнажился и стал доступен для контрудара. Этой возможности с нетерпением ждал Эхекрат, хладнокровный и изобретательный военачальник, получивший командование правым крылом войска Филопатора. Как только Антиох исчез из вида, Эхекрат приказал своим людям выступить. Выдвинув пехотинцев вперед, он вывел конницу направо, незаметно изменил позицию и ударил противника в левый фланг. Данный маневр оказался успешным, и Эхекрат, обогнув тыл вражеской фаланги, снова изменил позицию. После этого он остановился, а потом резко погнал лошадей вперед, перерезая таким образом противнику пути к отступлению.

Поступок Эхекрата стал блестящим источником для вдохновения, примером того, как искусный ответный удар может изменить ход боя. До этого в сражении с обеих сторон участвовала только конница, но теперь настала очередь тяжеловооруженной пехоты. Прежде обе фаланги стояли неподвижно и безмолвно наблюдали за ходом ожесточенной битвы, разворачивавшейся на флангах. Антиох исчез из вида, а Филопатор прятался за собственной фалангой, где его и нашел командовавший ею Сосибий. Убедить царя покинуть укрытие оказалось непросто. Однажды он уже чудом избежал смерти и не собирался снова рисковать своей жизнью. Пока Сосибий и Арсиноя уговаривали Филопатора возглавить фалангу и выступить против врага, время, представлявшее тогда огромную ценность, уходило впустую. Эхекрат уже стал бояться, что напрасно предпринял свою отчаянную атаку.

Однако, к счастью, военачальник Антиоха замешкался. Он, видя, что оба его фланга изолированы, поддержки ждать неоткуда, и опасаясь искать пути отступления, ничего не предпринимал до тех пор, пока не услышал, как кто-то из его собственных воинов кричит от страха, и не принял решение. По направлению к сирийской фаланге двигалась сплоченная группа людей, скрывавшаяся под лесом из пик, и, охваченный внезапным приступом паники, вражеский военачальник отдал приказ к отступлению. В это время Антиох, оказавшийся уже довольно далеко от поля боя, остановил лошадей, чтобы дать им отдых. Увидев, как над Рафией поднимается облако пыли, он понял, что его фаланга спешно отступает. Он слишком поздно осознал, чем грозит ему сложившаяся ситуация. Продолжать борьбу ему было невыгодно – слишком большие потери понесла сирийская армия, дух выживших был

сломлен, и Антиох, оказавшийся во главе остатков своего войска, имевших крайне понурый вид, отправился обратно в Антиохию.

Сосибий хотел довершить триумф, отправившись в погоню за врагом и таким образом заставив его принять новый бой или сдаться, но Филопатор предпочел без дела слоняться по Келесирии и Финикии. Эта прогулка оказалась весьма приятной – местные жители уважительно приветствовали его и бросали ему на колени подарки – золотые диадемы и кошельки, туго набитые деньгами, а сам Филопатор подчеркнуто наслаждался своей победой. Он уже пресытился войной. Он одержал победу в решительном бою, одолел противника, называвшего себя Великим, и два этих достижения вполне удовлетворяли его амбиции. К тому же Филопатор хотел вернуться к своей любовнице Агафоклее, а также избавиться от убедительных, но столь же утомительных речей Сосибия и призывов Арсиной, жаждавшей новых свершений. Он был готов принять помощь Сосибия, когда это было необходимо, и в назначенный час жениться на сестре, но до этого обществу Сосибия и Арсиной царь предпочитал компанию Агафокла и Агафоклеи соответственно.

Вследствие этого Сосибий отправился к Антиоху, чтобы договориться об условиях перемирия, а одержавшее победу войско снова пересекло Синай, и Филопатор вернулся в Александрию, пройдя через Иерусалим. Синедрион страстно просил царя посетить этот город, и тот, охваченный любопытством, милостиво принял приглашение. Высокопоставленного гостя у ворот Храма встретил первосвященник, обратившийся к нему с настоятельной просьбой принести жертву богу Израиля, дарующему победу. После ритуала раздались громкие аплодисменты, и первосвященник направился к выходу. Но Филопатор остановил его. Он хотел знать, где находятся главные святыни еврейского народа – ковчег и скрижали Завета, жезл Арона и золотая чаша для манны небесной.

Первосвященник мягко сказал, что ни один глаз, кроме его собственного, не должен видеть их и ни одна рука, кроме его собственной, не может поднимать завесу, ведущую в Святая святых, куда помещены реликвии. Филопатор истолковал этот ответ превратно и решил, что он и еврейский закон не имеют никакого отношения друг к другу. «Если другим не позволено входить, то мне можно», – со злостью в голосе ответил он и отвел завесу в сторону. Снаружи раздался крик ужаса, евреи упали на колени и стали умолять бога Израиля защитить свое святилище. Мольба была услышана. Едва только приподняв вторую завесу, царь упал на землю без сознания. Так сбылись слова пророка Исая: «Придет отмщение, воздаяние Божие».

Филопатор выздоровел и, возвращаясь в Египет, стал придумывать наказание для этого высокомерного народа. Сначала он прибыл в Мемфис, и воодушевление жителей этого города прервало его мрачные размышления. Царя встречали почти так же, как Александра за сто лет до этого. Верховный жрец приветствовал его, называя возлюбленным Исиды, горожане видели в нем выдающегося полководца. Победа была увековечена на стеле с изображением царя с македонской пикой в руке, без седла сидящим верхом на боевом коне, позади которого едет Арсиноя с развевающимися волосами. У ног Филопатора изображен азиат на коленях, справа от него стоит Арсиноя, «владычица Обеих Земель», а слева – божественная триада, состоящая из Осириса, Исиды и Хора. Затем следовала надпись, составленная от имени собрания египетских жрецов, в которой прославлялись добродетель и доблесть «царя Птолемея, мстителя за своего отца» и содержалось указание о необходимости установить в каждом храме статую царя, которая должна стоять рядом с изваянием местного божества, подносящего правителю «меч победы». Изображение и текст на стеле искажали исторические события, ведь истинным героем битвы при Рафии был не Филопатор, а Сосибий.

Царь поплыл вниз по течению реки на своем огромном таламеге – судне для развлечений, в каюте которого была оборудована царская опочивальня и которое представляло собой уменьшенную копию таламега, построенного дедом Филопатора. Он пришвартовывался в Саисе и других портовых городах, где выслушивал поздравления. Все это путешествие было придумано для того, чтобы позволить александрийцам подготовиться к встрече своего

правителя. Филопатор все еще не удовлетворил свою жажду похвалы, но Агафоклея умела устраивать пышные торжества, и ее любовник целый день со счастливым видом гордо выступал по улицам, усыпанным зрителями, нещадно толкавшими друг друга, чтобы только мельком увидеть вернувшегося с победой царя. Победа при Рафии заставила людей позабыть о преступлениях и безрассудстве, и правитель воспользовался этой возможностью, чтобы принять прозвище Филопатор, «сын возлюбленного отца»^[42].

Царь поблагодарил солдат за старания, пожелал им счастья и здоровья, а победу приписал «невидимой помощи наших богов и нашей собственной храбрости». Это скромное признание зародило надежду на то, что Филопатор отвернулся от зла. Однако это было не так. Во время праздника он размышлял о том, как бы проучить еврейскую общину, жившую в Египте, отплатив ее членам за унижение, которому ему пришлось подвергнуться в Иерусалиме.

Половина жителей хоры и все александрийцы, несомненно, готовы были поддержать его в этом стремлении. В столице у евреев было немного поклонников, а друзей – еще меньше. Ведь они конкурировали с другими жителями Египта в торговых делах. К тому же их презирали, относясь к ним как к своего рода отбросам. Еще большее раздражение вызывало их нежелание поклоняться другим богам, кроме собственного, и греки с пренебрежением говорили о членах общины, не желавших сделаться «участниками истонного жречества».

С воодушевлением узнав об этом, Филопатор приказал арестовать «этих нечестивых подлецов, предателей и врагов, прячущихся за нашими спинами», связать им руки и вместе с семьями доставить в Александрию. Там, загнанные на ипподром, где всем им едва нашлось место, несчастные изнемогали, ожидая, пока царь наконец не успокоится. Когда на арене больше не осталось места, Филопатор призвал Ермона, «заведовавшего слонами», и приказал ему накормить животных ладаном и напоить вином, после чего, обезумевших, их следовало по сигналу выпустить на евреев, чтобы они до смерти раздавили этих отвратительных людей. Но в час, назначенный для совершения преступления, царь спал, и никто не осмеливался разбудить его. Он проснулся ближе к закату и перенес казнь на следующее утро.

На рассвете Ермон вывел 500 слонов на арену и выставил их в линию. Евреи, находившиеся внутри, поняли, что их ожидает. Мужья в последний раз обняли своих жен, матери – детей, а воздух наполнился криками ужаса и горькими рыданиями. Но престарелый священник Елеазар в какой-то момент приказал своим сородичам замолчать. Затем он сделал несколько шагов вперед, упал на колени и обратился с последней молитвой к богу Израиля. Тотчас же на землю из небесных врат «сошли два славных и страшных Ангела» и стали против взволнованных слонов. Испуганные этим явлением, огромные животные двинулись к выходу, и зрители задержали дыхание. С этим небесным знаменем вынужден был считаться сам Филопатор, и все евреи целыми и невредимыми вернулись домой^[43].

Сосибий в это время находился в Сирии, где обсуждал с Антиохом III условия перемирия. Мир был крайне необходим им обоим: одному – чтобы разобраться со своим вероломным наместником в Малой Азии Ахеем, а второму – чтобы следить за ходом Второй Пунической войны, в которой, пока она была в самом разгаре, удача, казалось бы, склоняется в сторону Карфагена. Ганнибал успешно проник в Италию и собирался заставить врага сдаться. Но Рим еще не был повержен: в бассейне Эгейского моря у сената были не только враги, но и друзья, и его члены обратились к Египту за помощью.

Для египтян этот вопрос был крайне деликатным. На протяжении всего конфликта между Римом и Карфагеном Египет сохранял благожелательный нейтралитет, и Сосибий не хотел менять эту ситуацию. Но так или иначе Египет симпатизировал Риму, считался «другом» Республики, что было крайне выгодно как самому государству, так и его жителям с политической и торговой точек зрения. Но эти неформальные отношения Сосибий решил оставить в запасе. Он не хотел, наладив дипломатические связи с Римом, тем самым рассориться с карфагенянами или нарушить нейтралитет. Из-за этого неожиданное прибытие в Александрию двух римских послов, которые должны были возродить дружбу между двумя

народами, заставило Сосибия столкнуться с проблемой, осложнившейся тем, что Филопатор принял подарок от римского сената – красивую тогу и цепь из слоновой кости, а Арсиноя – пурпурное одеяние.

Это были поразительные подарки, отказ от которых мог показаться невежливым, а приняв их, царская чета брала на себя обязательство отправить в Рим один или два корабля с зерном, по сути нарушая таким образом нейтралитет. Очевидно, римские послы знали, как избавить египтян от сомнений. Возможно, Филопатору слишком нравилась его цепь из слоновой кости, Арсиною чересчур поразило пурпурное одеяние, чтобы отказаться от этих прекрасных вещей, а у Сосибия, очевидно, нашлись собственные побудительные мотивы. Так или иначе, сенат получил зерно, а послы привезли домой еще и радостную новость – римскому народу не следует бояться развращенного царя, ставшего марионеткой в руках продажного грека.

Александрийский дворец вернулся к привычной жизни. Оргии следовали одна за другой, и Агафоклея блистала на всех них. Рядом с ней сидел Филопатор, хваставшийся своим происхождением от Диониса и водрузивший на лоб венок из плюща, символизовавший этого бога. Сделав это, он отошел от семейного предания, согласно которому Птолеми возводили свое происхождение к Гераклу и которое, очевидно, было создано для того, чтобы легализовать династию в глазах македонян, сделав ее представителей родственниками Александра Македонского по прямой линии. Но убеждения предков ничего не значили для четвертого Птолемея, да он и не собирался делать культ Диониса общенародным. Скорее он хотел, чтобы этому богу поклонялись немногочисленные избранные, в обществе которых он мог наслаждаться таинствами Диониса, проводившимися в театре.

В религиозной сфере Филопатор не был склонен к предрассудкам и с радостью поддерживал Агафоклею, страстную почитательницу Исиды. Эту поблажку любой мужчина давал своей жене или любовнице, ибо в тот период Исида была единственной божественной защитницей женщин. Торжества в ее честь всегда отмечались с общенародным размахом. Правительственные учреждения закрывались, и все жители Египта на протяжении трех дней чтили память богини, искавшей мертвое тело своего мужа Осириса. Затем все александрийцы отправлялись в Каноп, чтобы посмотреть на отплытие священной ладьи Исиды. Главным действующим лицом во время этого праздника всегда была Агафоклея. Она возглавляла гуляния, вела за собой процессию хористов, дев и почтенных матрон, а также посвященных – целый полк женщин, сопровождавших изображение богини по пути из храма на побережье.

Арсиноя, сестра и жена царя, устранилась от нескончаемых торжеств и празднеств, постоянно сменявших друг друга. Свадьба с братом оказалась ошибкой^[44] – Филопатор не собирался ни оставлять любовницу, ни изгонять из дворца ее приспешников. Арсиноя тщетно умоляла мужа заменить продажного Агафокла на более честного человека; говорила ему, что алчность Сосибия заставляет жителей Египта усомниться в своей верности правящей династии. Предостережения и упреки не помогли: Филопатор не собирался ни оставлять любовницу, ни разрывать отношения с ее друзьями, и Арсиноя перестала протестовать. В 209 г. до н. э. она родила сына и, выполнив главную обязанность царицы, покинула двор. Она перестала получать удовольствие от жизни и погрузилась в мир собственных размышлений.

Однажды утром царица бродила в окрестностях дворца и вдруг заметила, что осталась одна. Царь и придворные уехали в Каноп, и, очевидно, все жители города последовали их примеру. В этот день отмечали праздник Лагинофорий (Кувшинов) – Птолемей создал его, чтобы в очередной раз почтить Диониса. Оказавшись у ворот, Арсиноя остановила прохожего и спросила его о том, куда и зачем он направляется. Незнакомец сказал ей, что в этот день люди лежат на соломе и каждый ест то, что принес с собой, и пьет из собственного кувшина. Арсиноя впала в задумчивость, а затем с презрением пробормотала: «Грязный же будет у них сброд! Толпа всякого звания и еда несвежая, приготовленная кое-как»^[45].

Царь становился все менее популярным. Здравомыслящие домочадцы с тревогой следили за тем, как он ведет столь распущенный образ жизни, и более смелые, чем остальные, «родственники» один за другим осторожно говорили о своей обеспокоенности. Для таких высказываний требовались смелость и подходящий момент, ибо Филопатор был крайне вспыльчив и негативно реагировал на советы, которые ему не нравились. Особое отвращение у него вызывали государственные дела. Он ставил печати на документах, не вникая в их содержание, утверждал расходы, не проверяя, действительно ли они необходимы.

Помимо пиршеств и пьянок, Филопатора интересовали только слухи о нем самом. Он искренне, но ошибочно верил, что его все еще обожают и считают отцом народа. Виноват в этом был не только царь, ибо единственным чтивом, к которому он обращался, были отчеты шпионов и агентов, собиравших информацию в столице и хоре, которые, прежде чем попасть на его стол, значительно перерабатывались. Неудивительно, что страдавшие от голода люди нашли корень всех своих бед в личности правителя. Эвергет справился с разразившимся до этого голодом, накормив подданных за счет царской казны. Но его сын поступил более опрометчиво, возложив ответственность за это на Агафокла, занявшего должность диойкета. Голодающие жители Египта, испуганные несколькими низкими разливами Нила, тщетно искали поддержки у государства. Ждать помощи не приходилось, так как Агафокл категорически отказался кормить население. Он сказал Филопатору, что люди должны сами искать себе пропитание, и царь опрометчиво прислушался к этому совету.

Вскоре правителю пришлось пожалеть о своей слабости. По всей стране начались беспорядки, и стратеги, один за другим, стали обращаться к царю с просьбой прислать войска, чтобы подавить мятежи. Филопатор слишком поздно заменил Агафокла на бесцеремонного вояку Глеполема, которого он наделил чрезвычайными полномочиями, передав царскую печать. Неискушенный в делах, связанных с управлением государством, и не знавший причин недовольства, Глеполем сумел придумать лишь одно решение проблемы – жестокое подавление мятежей. Эти контрмеры не всегда оказывались успешными, и в какой-то момент стало понятно, что в государстве началось широкомасштабное восстание.

В Египте воцарилось горе. Во всей долине Нила господствовала анархия, а трон Птолемея пошатнулся. К счастью для царя, в Александрии было спокойно. У горожан не было причин для возмущения, так как Глеполем, оказавшийся несколько более дальновидным, чем его предшественник, накормил их, при этом продолжая подавлять мятежи, разгоравшиеся на остальной территории страны, с помощью весьма примитивных методов.

В хоре беспорядки приняли широкомасштабный характер. Руководство сопротивлением взяли на себя бывшие армейские офицеры, разочарованные вознаграждением, полученным ими после битвы при Рафии. Это сражение зародило надежды, которые советники Филопатора не сумели предвидеть. Египтяне искренне поверили, что победа стала возможна благодаря храбрости местных офицеров и новобранцев, которыми они командовали, а не наемникам и что власти умышленно проигнорировали претензии первых на повышение.

Это убеждение, несомненно, было искренним, но истинную причину беспорядков, вероятно, следует искать в усилившихся злоупотреблениях чиновников. Если в правление двух предшественников Филопатора коррупция процветала, то в его царствование ситуация еще больше ухудшилась. Под влиянием Сосибия этот царь добавил целый ряд новых податей и монополий к тем, которые придумал Аполлоний и которых и без того было бесчисленное множество, из-за чего несчастные крестьяне едва сводили концы с концами. Преобразования Эвергета, ставшие проявлением его малодушия, долго не просуществовали, а Филопатор даже не пытался возродить их. Пока казна пополнялась доходами, он не задумывался о том, откуда они берутся. Такое пренебрежение дорого стоило его преемникам: спустя столетие мятежи стали привычным для Египта явлением.

Вряд ли наука могла процветать, если ее покровительство взял на себя такой правитель, как Филопатор. Так оно и вышло. Лишь немногие из ученых, посетивших Александрию в период его правления, решили там остаться, еще меньшее их число внесло вклад в

процветание Мусейона и библиотеки. Свет знаний сохранял Эратосфен, оставшийся практически единственным прославленным ученым в Египте. Когда он не занимался научными исследованиями, он посвящал себя размышлениям о том, как разграничить претензии на бессмертие, которыми обладали выдающиеся и ничем не примечательные авторы.

Потомки претворили его мысли в жизнь. Так возникла созданная в Александрии классификация великих поэтов, историков, ораторов, философов и драматургов прошлого. Естественно, список поэтов возглавлял Гомер, в честь которого по просьбе Эратосфена царь даже построил в Александрии святилище. В центре здания была установлена статуя поэта, окруженная изваяниями семерых людей, преклоняющихся перед ним и олицетворявших семь городов, претендовавших на почетное звание малой родины Гомера. Очевидно, это был единственный вклад, который Филопатор внес в развитие культуры. Как только строительство этого святилища было завершено, царь, очевидно, потерял интерес к науке.

Правление Филопатора закончилось так же, как и началось, – конец ему положило страшное преступление. В начале его царствования погибли мать царя Береника, ее брат Лисимах и младший сын Маг, и теперь настала очередь Арсинои. Родив наследника, она сделала все, что от нее требовалось, и Агафоклея вполне могла посоветовать царю избавиться от жены, целомудрие и добродетель которой были немым упреком всему александрийскому двору. По крайней мере, жители столицы считали именно так и называли Филопатора «милостивым убийцей». Вероятно, Сосибий не был причастен к этому преступлению. Он перестал интересоваться тем, что происходило во дворце, и полностью сосредоточил свое внимание на политической обстановке, сложившейся в бассейне Эгейского моря, в которой не было ничего утешительного.

Римляне вот-вот должны были одержать победу над Карфагеном и задумались о расширении своих владений на Восток, правители Македонии и Сирии задумали разделить Египет, а Пергам стал представлять непосредственную угрозу для Афин. Сосибий понимал: если войны удастся избежать, правители восточных государств сумеют согласовать свои интересы – и убедил хиосцев и родосцев присоединиться к переговорам о достижении всеобщего мира. Но из этого ничего не вышло: цари Македонии и Сирии не отказались от своих планов, а римляне не собирались им в этом мешать.

Филопатор не унаследовал ни достоинство первого из Птолемеев, ни красоту второго. В его бегающих глазах читалось недоверие, над его неловкой шаркающей походкой смеялись, а нос картошкой и отвисшие губы только усиливали неприятное впечатление от его внешности. На публике он вел себя не более достойно, чем в домашней обстановке. Царь был неловок и косноязычен. Очевидно, в своей тарелке он чувствовал себя только за закрытыми дверями, в обществе наиболее близких людей. Если бы Филопатор мог получить по заслугам, то вполне достойный конец его жизни положил бы кинжал или яд, но в Александрии личность царя считалась неприкосновенной, а его слабости прощались. Так или иначе, но невоздержанность оказала крайне негативное воздействие на здоровье царя, и он умер на тридцать девятом году жизни, пав жертвой собственных пороков.

Глава 7

Птолемей Эпифан

203–181 гг. до н. э.

Смерть Филопатора привела в ужас Сосибия и двух его сообщников. Они не почувствовали ее приближение и ничего не сделали для того, чтобы обезопасить себя. Для всех троих наступил критический момент. Языки александрийцев развязались, и они стали открыто называть троих доверенных лиц царя его злыми гениями. Еще большую тревогу вызывали слухи о судьбе сестры и жены царя Арсинои. Ее смерть была загадочной, и люди требовали объяснений. Жители Александрии с нежностью относились к царице. Они помнили, как смело она повела себя во время битвы при Рафии, преклонялись перед трезвым

и добродетельным образом жизни, который она вела при дворе. Прежде Сосибий быстро разобрался бы с соперниками, с помощью кинжалов заставил бы замолчать предводителей недовольных и колесовал бы их приспешников. Но теперь это стало невозможно. Он отдал царскую печать другому человеку, а с ней лишился и власти.

Сосибий струсил и бежал из дворца, решив подумать над сложившейся ситуацией дома. Там решимость вернулась к нему, и он собрался подделать завещание Филопатора, в котором тот якобы назначал его самого, Агафокла и Агафоклею защитниками своего наследника Эпифана, единственного ребенка Филопатора и Арсинои, и регентами до тех пор, пока юный царь не достигнет совершеннолетия. Он понимал, что до этого никому не следует знать о смерти Филопатора, а врагов нужно подкупить или запугать, заставив покинуть Александрию. Сосибий разделил сферы ответственности. Агафокл должен был избавиться от надоедливых противников, сам он взял на себя написание завещания, которое даже самый придирчивый писец сочтет подлинным. Агафокл начал с Тлеполема, в руках которого находилась царская печать.

Он сообщил ничего не подозревавшему Тлеполему о смерти царя, пересказал ему содержание завещания и попросил держать этот разговор в тайне. Затем Агафокл намекнул, что если Тлеполем хочет обрести новые лавры на военном поприще, то у него есть такая возможность. Царь хотел снова завоевать Сирию и назначил Тлеполема главнокомандующим, а Сосибий позволил другим понять, что поход состоится. Вояка не задавал вопросов. Охваченный жаждой снова искупаться в славе, он вернул Сосибии царскую печать и отправился в Пелусий. Провернуть все остальное было несложно. Заговорщики сделали так, что новость о готовящемся походе в Сирию стала общеизвестной, и людей достаточно могущественных или подозрительных для того, чтобы усомниться в подлинности завещания, убедили взять на себя различные полномочия. Самый опасный из их противников, Скопас, поехал на Пелопоннес, чтобы там на вербовать наемников; Филамон стал наместником в Киренаике; александрийский градоначальник Птолемей возглавил посольство, отправившееся в Македонию, а его брат был направлен с той же миссией в Рим. В это время Агафокл и его сестра Агафоклея распространяли слухи о том, что Филопатор слег в постель после более тяжелого, чем обычно, запоя, а Сосибий сосредоточился на написании фальшивого завещания.

Когда троица закончила с делами, по городу разъехались глашатаи, призывавшие македонян и греков прибыть во дворец и послушать официальное объявление. Двор перед дворцом наполнился людьми, а воздух – слухами. Говорили, будто Тлеполем уехал на войну, а Сосибий овладел царской печатью, но пока еще никто не произнес ни слова о смерти царя. Разговоры прекратились, как только Агафокл поднялся на помост. На протяжении какого-то времени он стоял молча. Его губы дрожали, а мышцы лица резко дергались. Затем он приподнял уголок своего плаща, чтобы стереть слезу, бежавшую по его щеке, после чего, запинаясь, сообщил о смерти царя и царицы и объявил, что настало время всеобщего траура. После этого Агафокл наклонился и забрал у сестры мальчика – наследника престола, надел на его голову царскую диадему и вытянул вперед руки, не отпуская при этом малыша, чтобы люди могли посмотреть ребенку в лицо, а затем стал ждать привычных криков.

Однако во дворе воцарилась тишина. Сбитые с толку и не понимавшие, чему верить, люди молчали. Растерянный Агафокл спешно вернул наследника престола сестре, зачитал текст поддельного завещания и призвал всех македонян и греков оставаться преданными новому правителю и регентам. Никто так и не произнес ни слова, и Агафокл продолжил действовать по сценарию. Он достал две серебряные урны и, держа их в руках, громко воскликнул: «В эти урны помещен прах царя Птолемея и царицы Арсинои!»

Это был конец спектакля. Брат и сестра ушли во дворец, а люди разделились на группы, чтобы обсудить услышанные ими новости. Языки снова развязались, и александрийцы открыто спрашивали соседей, верят ли они в правдивость слов Агафокла. «Умерли ли царь и царица своей смертью, или кто-то им в этом помог? – спрашивали люди. – Честно или обманом Сосибий заполучил обратно царскую печать?» Уверенно ответить на эти вопросы

не мог никто, и люди перешли к обсуждению регентства. Они признавали, что само по себе оно необходимо, но не были уверены в правильности того, что царская власть окажется в руках нечестного сановника, падшей женщины и развратного мужчины.

Как только раздались эти слова, люди успокоились. Одно дело – критиковать низвергнутых фаворитов, но провоцировать регентов, в руках которых находится царская печать, – занятие гораздо более опасное. Несколько граждан Александрии отправились в Пелусий, чтобы рассказать о своей обеспокоенности Тлеполему, но большинство осталось дома, опасаясь, что неосторожные слова могут вызвать подозрение, и надо сказать, что последние поступили более мудро. Везде рыскали шпионы, и с людьми, о которых говорили, будто они критиковали регентов, не церемонились. Агенты дворца набрасывались на преступников, а Агафокл приказывал казнить несчастных.

Египту грозила новая эпоха террора, и осторожные александрийцы доверились не блиставшему умом, но пользовавшемуся популярностью Тлеполему. Эта уверенность оказалась вполне своевременной. Тлеполем понял, что его обманули, как только принял командование. Узнав о завете, он разозлился еще сильнее и во всеулышание поклялся, что Сосибий и его приспешники подделали этот документ и что сам он не собирается повиноваться их приказам. О его резкой критике узнали во дворце, но Агафокл не затыкал врагу рот до тех пор, пока Тлеполем не приказал своим слугам во время каждого приема пищи пить за «служанку и девочку, играющую на цитре».

Это оскорбление подтолкнуло Агафокла к действию. Скопас, не питавший теплых чувств к Тлеполему, возвращался в Египет во главе многочисленного отряда наемников, и Агафокл нанес удар. Он заявил, будто Тлеполем вступил в союз с врагом Египта, правителем Сирии Антиохом III, и призвал жителей страны отречься от предателя. Это был дерзкий, но неэффективный удар, так как ни один македонянин, грек или египтянин не собирался шевелить и пальцем ради спасения Агафокла и его сестры. Приближалась кульминация.

Воодушевленный сообщениями, авторы которых выражали свою солидарность с ним, и обещаниями поддержки, Тлеполем выдвинулся в сторону Александрии. Его небольшой отряд быстро превратился в настоящее войско, так как к нему присоединились отдельные гарнизоны, стоявшие в Дельте, а солдаты, расквартированные в Александрии, вышли из города ему навстречу. В это время Агафокл и Агафоклея в смятении носились по городу, призывая граждан вооружиться и защищать царскую династию. Но это было бессмысленно. Каждый здравомыслящий македонянин думал о том, что даже если Тлеполем претендует на царскую диадему, он, по крайней мере, станет гораздо лучшим правителем, чем недостойный Агафокл.

Брат с сестрой, вслед которым неслись насмешки, вернулись во дворец. Пока первый собирал телохранителей, вторая привела из детской малолетнего царя. Агафокл, держа в руках ребенка, обратился к телохранителям с просьбой: «Возьмите дитя, которое отец перед смертью отдал на руки ей и доверил вам, македоняне! Если для благополучия младенца значит что-нибудь любовь этой женщины, то теперь судьба его в вас и в ваших руках»^[46]. Мужчина затих, ожидая криков согласия, но воины молчали, и он разыграл свой последний козырь. Агафокл вскрикнул прерывающимся от рыданий голосом: «Всякий здравомыслящий человек видит давно уже, что Тлеполем жаждет власти, ему неподобающей, а теперь назначил даже день и час, когда желает возложить на себя царский венец». Подозвав к себе этого человека, регент велел ему говорить. Но Критолаю не дали высказаться – телохранители начали кричать, не желая его слушать, и Агафокл, закрыв лицо руками, убежал вглубь дворца.

Тем временем его сторонники на каждом углу обращались к слушавшим их с угрюмым видом александрийцам со страстными речами, заявляя, будто Тлеполем собирается заставить город сдаться, заморив его жителей голодом. Но на них шипели и забрасывали всем, что попадалось под руку. Никто из горожан не верил, что Тлеполем, накормивший александрийцев тогда, когда Агафокл заставил их и всех жителей страны голодать, захочет победить такой ценой, и никому не было дела до судьбы Агафокла и Агафоклеи.

Чувствуя себя во дворце в безопасности, брат и сестра стали планировать месть. Данаю, любимую тещу Тлеполема, выволокли из храма Деметры, потащили с открытым лицом через город и бросили в темницу. Одного из телохранителей по имени Мойраген, заподозренного в переписке с Тлеполомом, схватили и притащили в пыточную. Там главный палач Никострат раздел и связал его, а другие палачи стали при нем проверять орудия пытки. Мойрагена спасло чудо. Когда Никострат велел своим людям приготовиться, в комнату вошел слуга и позвал его следовать за собой. Никострат так и не вернулся, и его помощники один за другим стали покидать комнату. Пленник сумел извлечь выгоду из своего везения. Избавившись от пут, он поднялся по лестнице и бросился в объятия своих товарищей. Рассказав им свою историю, он вскочил на ноги и вскричал: «Сейчас или никогда, о македоняне... Пришло время избавить Александрию от кровожадного Агафокла». К его словам прислушались. Схватив свои пики, телохранители вышли в город.

Начались беспорядки. Услышав о том, как поступили с Данаей, и увидев в этом кощунство, половина жителей Александрии высыпала на улицы, где стали раздаваться призывы к отмщению. Мать Агафокла Энанфа поступила крайне неблагоразумно, покинув свой дом, чтобы укрыться во дворце. Едва она закрыла за собой дверь, как раздались крики, и, испугавшись преследования, женщина укрылась в храме, который, впрочем, оказался плохим убежищем. Уже через мгновение жаждавшие крови Энанфы преследователи окружили святилище. Несколько добрых женщин протолкались через толпу, вошли в храм и попытались успокоить обезумевшую мать, распростершуюся перед алтарем. Но Энанфа закрыла глаза руками и отмахнулась от доброхотов, вскричав: «Не подходите ко мне, звери! Я прекрасно знаю вражду вашу к нам, знаю, что и богов вы просите ниспослать на нас величайшие напасти. Однако я дождусь еще, если то угодно богам, что вы будете пожирать ваших собственных детей». Спас женщину отряд дворцовых телохранителей.

Это было началом конца. На рассвете следующего дня разъяренная толпа двинулась в сторону дворца, а добравшись туда, стала призывать Агафокла и Агафоклею выйти. Агафокл был настроен решительно. Разбудив сестру, он приказал ей одеть маленького Эпифана и последовать за ним по крытому переходу, соединявшему дворец с театром. Его построили для исключительных случаев, подобных этому. Наличие усиленных заграждений с обоих концов и посередине перехода мешало врагам проникнуть внутрь. С криком «Покажите нам царя!» телохранители прорвались через первую дверь и прошли бы сквозь вторую, если бы Агафокл не предложил вступить в переговоры. Он обещал отказаться от всех почестей и денег, если ему и его сестре сохранят жизнь, и сдать наследнику престола, если телохранители пообещают защитить ребенка. Предводитель последних пообещал исполнить второе условие, но заявил, что принимать решение по поводу первого предложения Агафокла должны горожане.

Угрюмые александрийцы двинулись в сторону стадиона, и телохранители последовали за ними. Их появление было встречено одобрительными криками, еще больше усилившимися, когда в середину вывели лошадь с сидящим на ней юным царем. Тысяча голосов стала призывать сдать людей, причинивших вред этому ребенку и его матери. Мальчика спросили об этом, но он не понял вопроса и, испуганный целым морем из человеческих лиц, смущенно оглядывался вокруг. Один из воинов прошептал ему на ухо, что надо кивнуть, что послушный ребенок и сделал.

Вокруг раздались еще более яростные, но в то же время радостные крики, ведь царь принял сторону народа, и толпа снова двинулась в сторону дворца, ворота которого оказались открыты, а телохранители остались на стадионе. Первыми погибли Агафокл, Агафоклея и Энанфа, тела которых буквально разорвали на части. Но люди еще не удовлетворили свою жажду мести. В такие моменты человек убивает ради убийства, а погибают не только виновные, но и невинные. Жаждавшие новых жертв люди переключились на сторонников и слуг своих врагов. В конце концов во дворце воцарилась неразбериха, а по водоотводным трубам потекла кровь. Полибий был прав, когда, описывая эту сцену, сделал следующее отступление: «Вообще египтяне в ярости страшно свирепы».

Регентство жители Александрии доверили Тлеполему и Аристомену родом из Акарнии, одному из телохранителей. Выбор оказался довольно удачным, так как последний был честным человеком и имел некоторые представления о том, как следует управлять государством. Но, к несчастью, применить свои знания на практике ему не позволили. Тлеполем, с подозрением относившийся ко второму регенту, не выпускал бразды правления из собственных рук. Эта неприятность имела бы меньшее значение, если бы сам Тлеполем обладал склонностью или умением править колесницей государства. Но успех вскружил ему голову, и этот воин, ставший образцом для подражания, герой толпы, заняв место регента, превратился в существо такое же праздное, каким был до этого Филопатор, и столь же жестокое, как Агафокл. Он упорно называл себя спасителем Египта, что было пустой похвалой, ибо уже через несколько месяцев жители Александрии горячо молились о его смерти.

Тлеполем достаивал своего внимания только восхвалявших его нахлебников. В Александрию снова потек поток льстецов, жаждавших получить деньги и теплое место под солнцем, и регент встречал их всех с распростертыми объятиями. Его расточительство привело к тому, что казна опустела, и, не послушав совета своего соправителя, Тлеполем решил наполнить ее за счет повышения податей. Это была последняя капля. Александрийцы взяли в руки оружие не для того, чтобы оказаться во власти второго Агафокла, и, осознав, что ему грозит, Тлеполем отошел от дел.

Более многообещающим регентам – Аристомену и Скопасу – удалось исправить ситуацию. Первый обладал воображением, столь необходимым хорошему управленцу, а для второго была характерна жажда приключений, свойственная военным. Для того чтобы успешно выйти из положения, в котором оказались новые регенты, требовались одновременно проникательность и готовность действовать. Правитель Сирии Антиох III и достигший совершеннолетия царь Македонии Филипп V решили избавить Египет от его владений. Для них ситуация складывалась весьма удачно – ослабленный внутренними проблемами, Египет был легкой добычей. Первый быстро очистил территорию Ливана от египетских гарнизонов, занял Палестину и заблокировал Газу; второй отвоевал Херсонес, захватил Самос и вторгся в Малую Азию.

Возмущенные александрийцы стыдили регентов, так легко смирившихся с поражением, и Аристомен велел своему соправителю вернуть территории, захваченные врагами. Участвовавший в битве при Рафии Скопас, с теплотой вспомнив это сражение, с воодушевлением направился в сторону Пелусия. Он, ничего не любивший так сильно, как деньги, считал, что этот поход окажется весьма прибыльным. Скопас руководствовался еще одним, на этот раз менее очевидным, доводом. Как и все греки, независимо от их политических предпочтений, он с подозрением относился к римлянам, считая, что они собираются распространить свое влияние на государства, расположенные в бассейне Эгейского моря. С помощью этого похода Скопас собирался продемонстрировать им, что по крайней мере одна держава, имеющая выход к этому морю, не нуждается в их покровительстве.

Александрийцы всецело разделяли данные убеждения. По их мнению, римляне, настойчиво требовавшие от правителей Египта советоваться с ними по вопросам внутренней политики, зашли слишком далеко, а то, что римский сенат незадолго до этого приказал изучить вопрос о том, стоит ли Египту помогать Афинам в борьбе с Македонией, вызвало у них еще большее раздражение. Аристомен, несмотря на свое эллинское происхождение, являвшийся человеком более широких взглядов, не разделял данную точку зрения. Наоборот, он считал усиление римского влияния на Востоке неизбежным и полагал, что через некоторое время существование Египта как независимого государства будет обуславливаться покровительством римского сената.

Неожиданное прибытие в Александрию римских послов во главе с Эмилием Лепидом, приехавших, чтобы объявить о победе над Карфагеном, поблагодарить египтян за то, что во время конфликта они придерживались нейтралитета, и пообещать поддержку в случае, если

царь Македонии решит вторгнуться на территорию Египта, еще больше убедило Аристомена в правильности его точки зрения. В связи с этим он продолжил придерживаться в отношениях с римлянами той же политики, что и Птолеми, правившие до этого.

В это время Скопас во главе с 6 тысячами пешими и 500 конными наемниками, которых он набрал в Греции, вступил в Иерусалим и, не ощутив ни малейшего сопротивления, занял Келесирию. Как он и ожидал, поход оказался приятной прогулкой, и регент отправился в Александрию, где собирался пожинать лавры своей победы. За этим последовали разговоры о новых походах на территорию Сирии, захвате ее столицы Антиохии или возвращении городов Малой Азии. Но Скопас хорошо знал свое дело и категорически отказался идти дальше на север до тех пор, пока не получит подкрепление.

Пока Аристомен размышлял над тем, как удовлетворить требования соправителя, стало известно, что Антиох покинул Малую Азию, прошел через территорию Сирии и движется в сторону Палестины, и в 198 г. до н.э. Скопас поспешно вернулся туда. Две армии встретились возле Паниона (в Новом Завете этот город назван Кесарией Филипповой). Антиох, войско которого по численности значительно превосходило египетское, приказал своим солдатам обойти армию Скопаса с флангов и вытеснить их в центр. Осознав, что битва проиграна, последний увел своих людей с поля боя. Они, преследуемые Антиохом, бежали в сторону Сидона. После продолжительной осады Скопас был вынужден сдаться и, получив прощение, вернулся домой. Египет лишился своих владений в Азии, которые захватывали, теряли на непродолжительное время и снова возвращали себе предыдущие представители династии Птолемеев. В принципе данное явление было вполне закономерным – с географической точки зрения Келесирия примыкает к Сирии, а не к Египту.

Привыкшие объяснять поражения в битвах неблагоприятными побуждениями военачальников, александрийцы обвинили Скопаса в том, что он получил от своего соперника взятку. О его выдающемся корыстолюбии знали многие, и это делало обвинение еще более правдоподобным, хотя Скопас, несмотря на всю свою жажду денег, не был способен на то, чтобы запятнать честь солдата. Аристомен заявил, что к поражению привело неумелое командование Скопаса. Если бы он не вступал в битву до прибытия подкрепления, то Египет не потерпел бы это позорное фиаско. Аристомен всегда относился к своему соправителю с неприязнью, постоянно умалял его заслуги, а теперь настал удобный момент для того, чтобы лишить Скопаса регентства.

Скопас тщетно спорил с ним и просил вернуть ему статус регента. Аристомен был непреклонен и требовал, чтобы бывший соправитель вернулся в Этолию или жил в Египте на правах обычного грека. Смирив свой гнев, Скопас вышел из дворца и разыскал своих старых знакомых, которым рассказал, что Аристомен собирается захватить власть, и намекнул, что сам он станет более достойным защитником для юного царя. Его неосторожные слова передали регенту, и однажды утром дом Скопаса окружил отряд пехотинцев, усиленный несколькими слонами. Командир солдат вошел в дом и сообщил бывшему регенту, что его вызвали во дворец. Его привели в зал для аудиенций, и Аристомен в присутствии совета, состоявшего из «родственников», и этолийского посольства, случайно оказавшегося в это время в Александрии, обвинил Скопаса в подстрекательстве к мятежу. Затем его объявили виновным и отвели в тюрьму, что было равнозначно смертному приговору, ибо той же ночью он был отравлен.

Из всей этой истории Аристомен сумел извлечь урок. Пока регентство находится в одних руках, заговоры будут плестись с завидной регулярностью. На то, что он пришел к данному выводу, повлияли и другие причины. Заботы о государстве оказались слишком тяжелыми для того, чтобы один человек мог нести их на своих плечах. Ожесточилось соперничество в религиозной сфере: жрецы мемфисского бога Птаха боролись за превосходство против своих «коллег» – служителей фиванского бога Амона-Ра, подбрасывая тем самым дров в костры, разгоравшиеся то тут, то там в долине Нила, и еще больше усиливая недовольство в обществе. Беспорядки негативно сказывались на доходах государства. Чиновники, отвечавшие за казну, которая и без того заметно опустела, лишившись дани с Финикии и

Палестины, больше не могли свести баланс доходов и расходов, и Аристомен, плохо разбирающийся в цифрах, стал искать нового соправителя, знающего толк в финансах.

Регент вспомнил о наместнике Кипра Поликрате из Аргоса, благодаря умелому руководству которого остров достиг значительного процветания. Поликрат не только вывел Кипр на самокупаемость, но и время от времени заметно пополнял египетскую казну. К тому же этот человек сумел проявить себя не только в управлении государством – он сражался в битве при Рафии, а Аристомен питал слабость к людям, участвовавшим в ней вместе с ним. К тому времени жизнь удалось сохранить лишь немногим воинам, сражавшимся при Рафии. Рядовые участники этой битвы пропали из виду уже давно, а из числа военачальников в живых уже не было ни Сосибия, ни Тлепола, ни Эхекрата, ни Скопаса.

В итоге Поликрат прибыл в Александрию и выслушал рассказ Аристомена. Он считал, что знает, как решить эту проблему. По его мнению, заговоры и недовольство не утихнут до тех пор, пока царь не взойдет на трон. Тогда, в 197 г. до н.э., Эпифану было всего тринадцать лет. Но Поликрат уверял, что мальчик достаточно вырос для того, чтобы водрузить на голову царскую диадему, и Аристомен прислушался к этому совету.

Обряд коронации провели по македонскому образцу. Войско выстроилось на парад, юноша проехал вдоль рядов солдат, которые затем назвали его царем. Зрители зааплодировали и приветствовали своего нового правителя, назвав его Эпифаном, «Явленным богом». Но Птолемеем уже не было достаточно ритуала, которым довольствовались македонские цари. За сто лет до этого Птолемей Филадельф, прадед юного царя, устроил в Александрии пышное шествие, а Аристомен решил провести обряд коронации в Мемфисе, обеспечив таким образом юному правителю расположение могущественного египетского жречества.

Осенью того же года двор перебрался в Мемфис, и Аристомен призвал своего подопечного терпеливо переносить утомительные церемонии, связанные с обрядом коронации, проводимым по египетскому образцу. Юноша должен был взять себя в руки и безропотно пройти обряд, начинавшийся на рассвете с объятий жреца Птаха и заканчивавшийся на закате посещением храма Исиды. Между этими двумя событиями Эпифан должен был проехать вдоль городских стен, сидя на носилках, завешанных прекрасным балдахином, перед которыми шли жрецы, несшие изображения священных животных и птиц, в частности льва, сфинкса и сокола, и за которыми следовали люди, несшие царские одеяния, опахала и перья. На эту поездку требовался целый день, так как Мемфис мог похвастаться периметром от 24 до 26 километров. Процессия периодически останавливалась, и царь выходил из носилок и совершал жертвоприношения. В храме Птаха царю пришлось задержаться на более долгое время. Там верховный жрец водрузил на его голову короны Верхнего и Нижнего Египта, лоб украсил уреем, или изображением кобры, а в руки вложил плеть и изогнутый посох Осириса.

Впоследствии, во время праздника сед, древнего обряда, направленного на обновление жизненной силы фараона, жрецы получили возможность увековечить коронацию юного правителя, «царя, подобного солнцу, возлюбленного Птахом бога Эпифана», описав ее в надписи, вырезанной на камне. Записанный на трех языках, этот текст, известный потомкам как Розеттский декрет^[47], получился еще более напыщенным и многословным, чем Канопский. В нем перечислены еще более пышные почести в адрес царя и его недавние победы. Во всем остальном он неотличим от Канопского декрета Эвергета, а его бóльшая известность связана с тем, что именно в результате изучения данного текста Шампольон сумел расшифровать египетские иероглифы.

Не унаследовав вечную подавленность матери и стремление отца к удовольствиям, Эпифан стал жизнерадостным и довольно-таки лихим юношей, преклонявшимся перед физической силой. Заметив это, хитроумный Аристомен пытался подвести своего воспитанника к мысли о том, что быки являются олицетворением силы. Таким образом он хотел убедить Эпифана отождествить себя с каким-нибудь египетским божеством и считать,

что единственным богом, способным привлечь внимание юноши, является священный бык. Сложность заключалась в необходимости выбора между тремя священными для египтян быками. С кем из них следует отождествить себя Эпифану – с гелиопольским Мневисом, мемфисским Аписом или с быком – покровителем Гермонта (современный Армант)?

В конце концов Эпифан отправился в Гермонт, где отдал дань уважения местному священному быку. Сделав этот выбор, Аристомен поступил мудро. С одной стороны, царь доставил удовольствие жителям Фиваиды, а с другой – у самого Аристомена появилось время на то, чтобы подобрать своему воспитаннику невесту. Выбор, правда, был невелик. В Египте не было женщины, которая могла считаться сестрой или даже кузиной царя и которую можно было сделать его супругой. В результате Аристомену пришлось обратить внимание на царевен, живших в других странах, и он вспомнил про Сирию. Ее беспокойный правитель Антиох III очень хотел помочь египетскому царю в решении этой проблемы, ибо считал, что свадьба правителя Египта на его дочери более чем соответствует его интересам.

Антиох III в тот момент оказался не в самой удачной для себя ситуации. Очистив Финикию от египетских гарнизонов, он уже собирался захватить побережье Киликии, но в его планы вмешался Рим, и сенаторы, воодушевленные победой над Филиппом V в битве при Киноскефалах, приказали Антиоху вернуть все военные трофеи Египту и покинуть территорию Македонии к югу от Геллеспонта. Антиох возразил, заявив, что ситуация в Азии не касается римлян, а у сената не больше прав выяснять, чем там занимается Антиох, чем у Антиоха – разбираться, что в Италии делают римляне. К тому же он дал римлянам понять, что по собственной воле установил дружественные отношения с Египтом и даже договаривается с правителем этой страны «вскорости породниться».

С помощью этой уловки Антиох III хотел выиграть время. Услышав слух о том, что юный Птолемей скончался и в Александрии вот-вот случится государственный переворот, он, не проверив эти сведения, отправился в Египет. Это путешествие было обречено на неудачу. Слухи оказались ложными. Из-за бунта Антиоху пришлось отложить отплытие, а шторм заставил его прервать путешествие, и разочарованный царь оставил надежду на захват Египта. В итоге Антиох III, считавший каждую свою дочь ценной шахматной фигурой, благосклонно отнесся к предложению Аристомена.

Старшая из его четырех дочерей была выдана замуж за собственного брата, наследника трона, вторая и третья стали женами царей Каппадокии и Пергама, а теперь пришла очередь самой младшей из них. Антиох нуждался в зятях и стал спешно готовиться к помолвке своей дочери Клеопатры^[48] с царем Египта Эпифаном. В качестве приданого невесты он предложил доходы от Келесирии, Финикии, Самарии и Иудеи. Это была прекрасная наживка, и в 192 г. до н. э. в Рафии был заключен брак. Союз египетского царя и сирийской царевны оказался счастливым: жених и невеста прекрасно подходили друг другу, они были молоды, здоровы и отважны. Но никакой династический брак не мог помешать потомкам диадохов Александра Македонского схватить друг друга за горло, и при жизни следующего поколения над Египтом нависла угроза превращения в придаток Сирии.

Под влиянием пугающих новостей придворные вернулись в Александрию. Беспорядки снова переросли в восстание, центром которого на этот раз стала Дельта, а именно Ликополь, и Поликрат, собрав столько солдат, сколько смог, поспешил к этому городу, чтобы начать его осаду. Взять его приступом было крайне трудно из-за слишком сильного разлива Нила, а уменьшался уровень воды очень медленно. В начале осады Поликрат перерезал сообщение Ликополя с внешним миром как со стороны суши, так и по воде, надеясь, что, когда начнется голод, его жители сдадутся. Но горожане были готовы к осаде, и Поликрату пришлось сменить тактику. Он приказал запрудить устья каналов, по которым вода попадала на покрытые разливом земли, в том месте, где они отходят от Нила, а затем, когда они высохли, прошел по ним вместе со своими солдатами, подвел их к городским стенам и дал команду к началу приступа. Но этим кровопролитием дело не ограничилось.

В Верхний Египет вторглись малозначительные нубийские князьки, и в Нижний Египет опять двинулись повстанцы, возглавляемые новыми предводителями. Поликрат был

вынужден предпринять еще один поход. Захватчиков вытеснили назад, а восставших заставили подчиниться в обмен на прощение. Обещание дал им сам царь, и египтяне не усомнились в правдивости его слов. Но Поликрат не собирался рисковать. Он понимал, что бунтарь представляет гораздо меньшую угрозу, когда он мертв, и, заманив вожаков мятежников в Саис, привязал их обнаженные тела к колесам своей колесницы, на которой затем пронесся вдоль городских стен.

Эпифан при этом не присутствовал. Возможно, подобно Филадельфу, он предпочитал подавлять восстания руками доверенных лиц, а может, как и Филопатор, не хотел, чтобы что-либо мешало ему получать удовольствие. Царь страстно любил охоту, и его смелость не раз становилась предметом для разговоров александрийцев. Еще с незапамятных времен охота (обычно на кабанов, леопардов, диких кошек и волков) пользовалась большой популярностью у египтян. В Абидосе, в часовне Хора, входящей в храмовый комплекс царя Сети, сохранилась надпись, оставленная примерно в тот же период несколькими галлами и посвященная охоте на лису. «Мы, Фоант, Каллистрат, Аканнон и Аполлоний, – говорится в ней, – пришли и добыли лису». Однако, к несчастью, Эпифан не понимал, что у правителя, помимо развлечений, есть еще и обязанности, выполнению которых очень мешало его пристрастие к охоте. Он мог пропадать где-нибудь на протяжении нескольких недель, и срочные государственные дела приходилось откладывать до тех пор, пока Эпифан не возвращался, устав преследовать добычу.

Царь не слушал увещаний Аристомена. Если что-то шло вразрез с его желаниями, этот представитель династии Птолемеев мог быть таким же неумолимым и злопамятным, как и любой из его предшественников. И однажды наконец наступил день, когда Аристомен переполнил чашу царского терпения. В тот день Эпифан принимал греческое посольство. Был жаркий полдень, звучали длинные речи, и в самый разгар встречи царь уснул. Будучи человеком довольно импульсивным, Аристомен вышел вперед и потряс Эпифана за плечо, разбудив его. «Измена, измена», – стали бормотать обеспокоенные придворные, так как прикосновение к телу царя при дворе Птолемеев действительно приравнивалось к измене.

Эпифан посмотрел на преступника, отпустил послов и, охваченный гневом, удалился в свои комнаты. Там он стал раздумывать над тем, каким образом лучше наказать обидчика, а враги последнего воспользовались ситуацией и стали давать царю соответствующие советы. В итоге Аристомен разделил судьбу со всеми, кто переходил дорогу юному правителю, – платой за безрассудство престарелого регента стала его жизнь.

Поликрат оказался более осмотрительным человеком. Он уже давно стремился к тому, чтобы стать «серым кардиналом» при Эпифане, а благодаря гибели Аристомена это стало возможным. В общении с молодым царем хитрый грек стал вести себя так же, как некогда Сосибий – с его покойным родителем. Поликрат начинал восхищаться мудростью Эпифана, как только тот произносил хотя бы слово. Лесть сработала – уже через несколько месяцев Поликрат фактически стал правителем Египта. Однако его устремления были вполне бескорыстными – он хотел уничтожить пропасть, которая все шире разверзалась между правителем и его подданными. Египет был болен и нуждался в целителе. Поликрат обдумывал, какое лекарство следует дать пациенту. Казна была пуста, что не позволяло ему освободить население от уплаты податей или отменить монополии. Более безопасным и полезным с практической точки зрения решением могла стать борьба с некоторыми чиновничьими злоупотреблениями.

Постоянно раздавались громкие жалобы на неработающие ирригационные системы и призыв крестьян на общественные работы. Чиновники оставляли их без ответа, начиная со времени, когда на престол вошел Филопатор. То, что систему ирригации довели до такого состояния, было непростительно, ибо благосостояние народа целиком зависело от своевременного и достаточного орошения полей во время разливов Нила. Через 60 дней после первого подъема уровня воды в Ниле преграды, установленные в устьях каналов, отходивших от реки на восток и на запад, проламывались, и поток воды мог спокойно течь по каналу до тех пор, пока его путь не преграждала плотина. Когда местность вокруг

оказывалась под слоем воды, плотину ломали, и этот процесс повторялся до тех пор, пока вода в канале не достигала невысоких холмов, расположенных на границе долины реки. Позже все происходило наоборот: каналы блокировались, и вода оставалась только в небольших прудах, образующихся в конце каждого из них. В Дельте процесс выглядел таким же образом, за исключением того, что дренаж делался глубже, каналы – более широкими, а наводненная область ограничивалась пространством самой Дельты. В период наивысшего разлива Нила страна превращалась в обширное озеро, деревни были изолированы друг от друга, а перемещаться между ними можно было только с помощью лодок.

После сбора урожая каналы нужно было очистить от ила и выровнять их русло в тех местах, где оно изменилось во время разлива Нила. Заведовать обеими этими операциями должно было государство, но из-за лени чиновников или анархии, царившей в большинстве номов, власти пренебрегали выполнением своих обязанностей.

Не оплачивавшиеся общественные работы были не менее болезненной проблемой. Трудовая повинность существовала в Египте с глубокой древности, и, пока этим правом обладал царь, будучи наместником бога на земле, крестьяне охотно трудились. В правление Птолемея число лиц, которые могли пользоваться данной привилегией, расширилось. Сначала ее получили жрецы, потом чиновники, а крестьяне должны были обрабатывать поля первых и кормить вторых, не получая за это никакой платы.

Поликрат не особенно упорно добивался реализации своих идей. Возможно, подобно Эвергету, он решил, что проведение преобразований может оказаться слишком сложным, а может, как в свое время Сосибий, посчитал политику более интересным занятием. Он все чаще вспоминал о владениях в Азии, которых лишился Египет, и размышлял о том, как бы их вернуть. Поликрат не разделял веру своего покойного соправителя в бескорыстность римлян. Наоборот, он полагал, что об их намерениях явно свидетельствуют их действия в Македонии и отделении сирийских территорий в Малой Азии. После битвы при Магнезии (190 г. до н. э.) он с неодобрением отнесся к идее поздравить победителей или попросить римский сенат принять в подарок почти 330 килограммов золота и более 6,5 тонны серебра. Намеки Поликрата проигнорировали, а от подарка римляне отказались.

Львиную долю земель, отобранных римлянами у державы Селевкидов, получил Пергам, объединив Каппадокию, а Египту оставалось довольствоваться обладанием Кипром, который и так находился в его власти. Это стало огромным разочарованием. Но в Антиохии теперь правил Селевк IV, человек праздный и изнеженный, и Поликрат решил, что пришло время выступить против Сирии, не считаясь при этом с мнением римлян. Однако из этого ничего не вышло. Вместо того чтобы разорвать отношения с Римом, Египет стал заигрывать с силами в Греции, настроенными против римлян, а сам Эпифан, вместо того чтобы сражаться, продолжал охотиться. Это было ошибкой. Египет добился бы большего, вступив в союз с Македонией и Сирией и вместе выступив против общего врага. Возглавив подобное объединение, египетский царь Птолемей Эпифан мог бы обрести вечную славу, ведь он был смелым и умным, активным и здоровым, настоящим наглядным пособием для физиологов, которых необходимо избавить от убеждения о том, что ни одно из этих качеств не может быть свойственно человеку, родившемуся от союза брата и сестры, а эллинистический мир мог бы пойти по совершенно другому пути. И снова возможность была упущена. Ревность была слишком сильной, и государства, расположенные на побережье Эгейского моря, лишились своей независимости.

О правлении этого Птолемея нам почти ничего не известно, за исключением событий, происходивших, когда он был ребенком, и связанных с его браком. Ни один поэт не написал хвалебную оду в его честь, ни один историк не взял на себя труд рассказать потомкам о его достоинствах. Эпифан умер в 181 г. до н. э. на двадцать девятом году жизни, и мы ничего не знаем о причинах его смерти.

Глава 8

Птолемей Филометор 181–145 гг. до н. э.

Жители Египта не оспаривали ни необходимость назначения нового регента, ни право Клеопатры стать им. Будучи женой Эпифана, она сумела завоевать популярность, сохранившуюся и после того, как эта женщина стала вдовой. Пополнение в семье никак не появлялось, но через некоторое время Клеопатра исправила ситуацию, родив мужу одного за другим троих детей: двух мальчиков – Птолемея Филометора и Птолемея Эвергета – и девочку, названную в честь матери. Рождение второго сына воодушевило сторонников династии, поскольку заглаживало вину Филопатора за убийство прямых наследников и позволяло надеяться, что при жизни одного или даже двух поколений египетский трон будет занимать представитель династии Птолемеев мужского пола.

Многие греки и македоняне сомневались в дальновидности тех, кто решил передать бразды правления женщине, столь же своевольной, как и все представительницы ее пола, но Клеопатра очень быстро развеяла сомнения в своей способности править. Ответственность позволила ей мыслить более широко, а размышления расширили ее виды на будущее, и в период своего правления она сумела провести ряд преобразований, подойдя к данному вопросу с большой осмотрительностью. Теперь купить правосудие или получить благорасположение чиновников стало гораздо сложнее, и ситуация в Египте несколько изменилась. Во время регентства Клеопатры недовольные успокоились, а торговля снова стала развиваться. Она проводила простую политику. Регент решила закрыть брешь между властью и народом, сохранять баланс между интересами государства и правами отдельного человека и, наконец, наладить мирную жизнь с соседями. Для достижения этих целей Клеопатре не нужны были ни фавориты, ни советники, и она незамедлительно выслала из дворца Поликрата, бывшего доверенным лицом ее покойного супруга. Решение регента стало неприятным сюрпризом для этого хитроумного царедворца, искренне убежденного в том, что благодаря женщине, временно взявшей бразды правления в свои руки, его власть только увеличится. Но Клеопатра была непреклонна, и Поликрат исчез со страниц истории.

Избавившись от тяжелого бремени, Клеопатра пересмотрела свой план. Очевидно, она считала, что для «здания», которое она решила «построить», будет достаточно фундамента и надземной части. Первым должны были стать согласие внутри страны и мир за ее пределами, а второй – объединение всех жителей Египта и их превращение в единый народ. Эта идея была столь же стара, как и сама династия. Птолемей Сотер полагал, будто достигнуть единства поможет создание культа Сераписа, но Клеопатра придумала более тонкий ход. Она отбросила идею о превращении Александрии в плавильный котел, посчитав ее невыполнимой. Древнегреческая культура была прямой противоположностью египетской, и слова философа Александрида: «Между нами не может быть ничего общего» – находили отклик в сердцах всех македонян и греков.

Более перспективной в этом плане была хора, где греки и египтяне имели общие интересы, причем вторые играли в партнерских отношениях главную роль. Они должны были говорить на греческом языке, чтобы иметь возможность вести дела с чиновниками, но в остальном навязывали иноземцами свои правила игры. Это было вполне естественно, так как греки, жившие за пределами столицы, начинали считать Египет своей родиной. Они женились на египтянках, давали детям египетские имена, ели египетский хлеб из кукурузной муки, пили египетское пиво, сваренное из местного ячменя, клялись именами Зевса и Амона-Ра и поклонялись как Деметре, так и Исиде.

Для того чтобы упрочить эту связь, Клеопатра предложила египтянам занять земли по соседству с наделами бывших наемников и разрешила им передавать свои владения по наследству. Одновременно она присматривалась к разбросанным по стране еврейским общинам и устраивала на государственные должности, которые прежде занимали исключительно греки, египтян и сирийцев.

Разговоры о войне, доставшиеся по наследству от Поликрата, помешали Клеопатре выполнить задуманное. После вступления на престол слабохарактерного Селевка IV в Сирии начались беспорядки, и, посчитав обстановку вполне подходящей для того, чтобы отвоевать Келесирию, александрийцы стали требовать, чтобы Клеопатра начала военные действия. Но регент не поддавалась на уговоры. Она получила доходы от этой области в качестве приданого и не хотела рисковать своим состоянием и наследством собственных детей ради сомнительного предприятия. К тому же Клеопатре не нравилась сама идея войны, ведущейся под флагом мести, исход которой невозможно предугадать, а связанные с ней расходы и убытки – подсчитать.

Так или иначе, сохранять мир в ситуации, при которой в одном государстве страстно желают избавиться от воспоминаний о позорном поражении, а в другом – посрамляют собственного правителя за то, что он слишком боится воспользоваться представившейся возможностью, было крайне трудно. Когда Селевка закололи кинжалом, а его брат Антиох IV в 176 г. до н. э. захватил трон, не считаясь с правами законного наследника Деметрия Сотера, Клеопатра оказалась в еще более щекотливом положении.

Данное событие заставило регента поторопиться с коронацией юного Птолемея Филометора. В тот момент ему было всего 16 или 17 лет. Но его отец стал царем Египта, когда был еще младше, и Клеопатра полагала, что династия окажется в большей безопасности, если на трон сядет его законный наследник. Она знала, что ее брат Антиох IV амбициозен и обладает горячим нравом, и не была уверена в своей способности предотвратить войну. В итоге в 173 г. до н. э. Птолемей Филометор стал царем Египта. Обряд коронации проводился в соответствии с уже установившейся традицией. В Александрии телохранители с помощью криков избрали юношу своим царем, а в Мемфисе египетские жрецы подтвердили его право на престол. Затем в соответствии с египетским обычаем был заключен брак между молодым правителем и его сестрой Клеопатрой^[49].

Этот поступок стал последним политическим шагом Клеопатры, матери царя, – через несколько месяцев она скончалась. Она не внесла значительного вклада в сферу управления Египтом, но заслуживает того, чтобы наряду с Клеопатрой VII стать частью истории династии Птолемеев и чтобы ее запомнили как мудрую и великодушную правительницу и регента, сумевшего вдохнуть в династию царей Египта новую жизнь, даже несмотря на то, что ей так и не удалось претворить свои планы в реальность.

Трое детей Клеопатры оплакивали ее смерть. Юные царь и царица стали называть себя Филометорами, «Любящими мать», а в Птолемаиде, достойном детище первого из Птолемеев, в память о ней был построен прекрасный храм. Покойная царица вполне заслужила такую честь, ибо была верной женой и заботливой матерью, и Филометор взял от нее очень многое.

Он был эрудированным человеком и, возможно, даже интеллектуалом. Филометор поощрял науки с таким же рвением, как и первые Птолемеи. Благодаря его покровительству вновь возшла уже почти полностью закатившаяся звезда Мусейона. Это был период критического разбора и обсуждения текстов. Пионером в данной сфере стал Аристофан Византийский, примеру которого последовал его ученик Аристарх Самофракийский. Оба они были выдающимися учителями, но первый из них обладает большими претензиями на признание, так как, судя по всему, именно благодаря ему в произведениях древнегреческой литературы появились знаки ударения и пунктуации.

О работах Аристарха современники тоже высказывались более жестко, а соперники с презрением говорили, будто его ученики «жужжат по углам и интересуются только односложными словами». Но в конце концов Аристарх превзошел своих завистников, открыв школу грамматиков и критиков, просуществовавшую на протяжении нескольких столетий после их смерти. Однако ее деятельность оказалась безрезультатной – вместо того чтобы критически осмыслить то или иное произведение и определить его место в мировой литературе, последователи Аристарха довольствовались поиском грамматических ошибок и исправлением недостатков стихотворных размеров. Эрудиция оказалась губительной для этой

школы, и автор Книги Екклесиаста вполне мог иметь в виду александрийских грамматиков, когда писал, что «много читать – утомительно для тела».

Однако этот насмешливый комментарий не должен относиться к научной деятельности. Гиппарх Никейский стал первооткрывателем математической астрономии и сделал свои открытия именно в правление Филометора. Другие греки, в частности Эратосфен, определили положение некоторых неподвижных звезд, но Гиппарх включил их в каталог и более точно высчитал местоположение созвездий. Краеугольным камнем его вычислений стала тригонометрия, наука, созданная Гиппархом для достижения своих целей подобно тому, как за сто лет до этого Диофант усовершенствовал родственную ей алгебру. Меньшую значимость имели открытия Ктесибия, египтянина по происхождению, потратившего свой талант механика в основном на изготовление игрушек^[50]. Придворных, несомненно, очень забавляли механические птицы, способные свистеть, фигуры, которые могли ходить, и лодки, двигавшиеся по воле Ктесибия. Потомкам остается только жалеть, что этот искусный механик не нашел лучшего применения своим знаниям в сфере гидростатики.

Ко времени правления этого царя можно также отнести перевод (если не написание) Книги Екклесиаста и Книги Премудрости Иисуса, сына Сирахова. В первой описывается печальная обстановка, сложившаяся в Александрии в период, когда Птолемей Эпифан был ребенком. «Горе стране, где у власти дитя», – напыщенно пишет автор, шокированный увиденными им низостями, и его слова при этом имеют весьма язвительную окраску.

«А еще оглянулся я и увидел, сколько несправедливостей творится под солнцем, – пишет он в одном фрагменте текста, а в другом добавляет: – Где место суда, там царит беззаконие, и где место справедливости, там произвол». Если автор стремился найти в александрийской философии более возвышенные идеи, чем те, которые мог ему предложить иудаизм, то быстро разочаровался в этом поиске. Приносящий только расходы гедонизм и циничное идолопоклонство, широко распространенные в египетской столице, нравились ему гораздо меньше, чем фанатичный и догматичный иудаизм. Вероятно, в итоге он с облегчением вернулся к монотеизму своих отцов. По крайней мере, он призывает своих собратьев по вере: «Бойся бога и соблюдай его заповеди. Вот все, что требуется от человека». Другие евреи, жившие в тот же период, выступали в качестве скорее учителей, чем критиков, и также стремились познакомить всех желающих с достоинствами иудейской литературы. Одним из них был Аристокл, доказывавший, что греческие философы черпали вдохновение из Священного Писания. Другой автор решил переписать текст пророчеств сивилл таким образом, чтобы в них превозносилось величие иудейского учения.

По словам Иосифа Флавия, Клеопатра сделала одного из этих еврейских ученых, Аристокла, учителем своих детей, оставив при этом за собой право учить наследника престола искусству управления государством. Именно мать объяснила Филометору, что с римлянами следует поддерживать дружеские отношения, а с Сирией необходимо сохранять мир. Вероятно, Клеопатра умерла неожиданно. В противном случае она нашла бы какого-нибудь честного македонянина и сделала бы его советником своего сына. Но в реальности она бросила мальчика на произвол двух тунеядцев Евлея и Ленея, которые, вероятно, были внуками. Для того чтобы укрепить свое влияние, эти двое стали планировать нападение на Сирию. Данная идея пользовалась в народе популярностью, а александрийцы полагали, что подобный поход станет не чем иным, как приятным приключением. Военные считали его легкой прогулкой и, введенные в заблуждение энтузиазмом Евлея и Ленея, организовали на юге Палестины штаб-квартиру. Эти действия вполне можно было считать объявлением войны, и Антиох IV стал расценивать их именно таким образом.

Первым делом он присвоил доходы от Келесирии, заявив, что их получила его сестра, после смерти которой они должны перейти обратно в сирийскую казну. Нанесенный им удар оказался неожиданным, и каждый из двух правителей отправил в Рим посольство с целью пожаловаться на двуличие другого. Запутавшись в доводах и контраргументах, сенаторы решили потянуть время и приказали Марку Филиппу, считавшемуся специалистом по

территориям, расположенным на побережье Эгейского моря, разобрать спор. Подобное решение римлян ни к чему не обязывало.

Однако Антиох не стал ждать результатов. Он разбил египетские войска, а затем, двигаясь вслед за ними, пересек Синай, осадил Пелусий и предложил его защитникам сдать на определенных условиях. Они с радостью согласились. Раздосадованные тем, что противнику удалось с такой легкостью проникнуть на территорию Египта, солдаты не хотели сражаться, да и Евлей с Ленеем жаждали скорее вернуться в Александрию. Условия капитуляции были вполне терпимыми. Антиох потребовал, чтобы ему выдали юного царя, благодаря чему он хотел поставить перед римлянами весьма щепетильную проблему. Он решил изображать доброго дядюшку, пришедшего на помощь племяннику, оказавшемуся марионеткой в руках двух злокозненных дармоедов. В подобных условиях сенаторы не сумели бы отказать Антиоху в праве защищать юного Птолемея и встать на страже его трона.

Евлей и Леней разгадали намерения Антиоха и поняли, что их собираются сделать козлами отпущения, а Антиох будет считаться героем. Тайно покинув Пелусий, они вывезли из Александрии молодого Птолемея. В столице поднялась волна гнева. Шокированные захватом Пелусия горожане с негодованием обвинили Евлея и Ленея в предательстве и сдаче города. Для того чтобы успокоить людей, парочка заявила, что юный царь, испугавшись вида и звуков битвы, настоял на отступлении. Пытаясь придать своему рассказу достоверность, они убедили Филометора бежать на Самофракию, что якобы призвано было спасти династию. Как только царь с неохотой сел на корабль, его настиг вражеский отряд, который затем повез его в Пелусий. Там Антиох принял племянника с распростертыми объятиями, после чего, взяв его с собой, двинулся в сторону Мемфиса и занял этот город.

Оказавшись там, Антиох попытался убедить египетских жрецов в необходимости венчать его на царство. Ведь раз в Сирии он считался богом-Эпифаном, то в Египте он вполне мог быть сыном Амона-Ра. Но получить какие-либо почести в Мемфисе было непросто, и Антиоху пришлось довольствоваться изданием указов и воззваний, которые он подписывал просто как «царь Антиох», чеканкой монет со своим профилем и изображением орла, широко распространенным в тот период символом власти египетского царя. Имя Птолемея Филометора при этом не упоминалось. Выходка Антиоха вызвала крайнее раздражение в Египте и недовольство в Риме, и ему следовало бы проявить благоразумие и подумать о том, что провоцировать и жителей долины Нила, и римлян опасно.

Возможно, Антиох размышлял об этом, когда до его слуха дошли новости о том, что александрийцы избрали египетским царем Эвергета, младшего брата Филометора. Впав в ярость, он направился в Навкратис в надежде на то, что обидчики станут просить прощения за свою дерзость. Это было крайне маловероятно, так как Эвергет, юноша весьма высокомерный, уже приглашал на свою грядущую коронацию представителей соседних государств, хотя ему следовало убеждать александрийцев в необходимости защищать свою свободу. Корабли Антиоха, плывшие неподалеку от берега, встретили две плохо оснащенные триремы, которые тотчас же сдались противнику. Узнав об этом, добровольцы, разместившиеся на городских стенах Александрии, немедленно покинули свои посты. Вскоре стало ясно, что помешать осаде и разграблению столицы Египта могут только римляне, и Эвергет обратился к сенату с просьбой вмешаться.

Его послы опоздали. Антиох, взяв с собой Филометора, расположился лагерем в Навкратисе еще до того, как римляне узнали об опасности, и охваченный отчаянием Эвергет уговорил нескольких ахейцев и афинян, случайно оказавшихся в Александрии, убедить Антиоха отступить. Греки согласились и отправились в Навкратис. Но их старания были напрасны: Антиох прервал их на полуслове и предъявил ультиматум. Он заявил, что в Египте может быть только один законный царь и сам он, будучи его дядей, прибыл сюда, чтобы поддержать старшего из двух братьев. Говоря о доходах с Келесирии, Антиох заявил, что египтяне должны раз и навсегда понять: он не собирается от них отказываться. Однако, несмотря на эти смелые заявления, сирийский царь не был уверен в своих силах и испытывал

беспокойство. Он зашел слишком далеко, но в то же время был вынужден считаться с Римом. Оставаясь в Навкратисе, Антиох раздумывал, как ему поступить – двинуться дальше или уйти.

Когда он подошел к стенам столицы, его неуверенность усилилась. Сирийский царь не давал сигнал к штурму и не пытался начать долгую изнурительную осаду, в результате которой голодные александрийцы сдали бы город. В итоге появление послов с Родоса, призванных примирить противников, дало Антиоху повод для прекращения похода. Один из послов говорил о том вреде, который приносит война между соседями и родней, и о безрассудстве того, кто провоцирует Рим вмешаться. В конце концов Антиох закричал: «Хватит слов! Египет принадлежит старшему Птолемею. Если александрийцы готовы принять его, пусть так и скажут, и я буду доволен». Ответ был предсказуем. Жители столицы с радостью пожертвовали бы дюжиной избранных ими царей, чтобы избежать ужасов, связанных с осадой.

Однако после ухода Антиоха Египет оказался разделен на две части. Эвергет отказался лишаться царского статуса, а Филометор, вернувшийся в Мемфис, не мог заставить брата сделать это. В итоге на протяжении нескольких месяцев младший брат правил Нижним Египтом, а старший – Верхним. Александрия стала столицей первого, а Мемфис – второго. Так закончился едва начавшийся период возрождения Египта, а торговые отношения между столицей и хорой резко прервались. Основная проблема заключалась в Эвергете. Считая свое избрание окончательным и бесповоротным, он не хотел идти на компромиссы или принимать кем-то поставленные условия. Словом, он не собирался отказываться от трона, даже если это спасло бы Египет.

К счастью, в этот критический для династии Птолемеев момент одна из его представительниц, а именно супруга старшего из братьев Клеопатра II, держала себя в руках. Она была весьма проницательной девушкой, очень похожей внешне на мать, но унаследовавшей характер от Арсинои, сестры и жены Птолемея Филадельфа. Убедить братьев разделить трон было очень непросто, но Клеопатра упорствовала в этом до тех пор, пока не достигла своей цели. Она была совершенно беспристрастна, так как распря между братьями не влияла на ее положение. Кто бы из них ни победил, Клеопатра все равно будет сестрой правителя и царицей.

Таким образом, в 169–168 гг. до н. э. началось совместное правление, и все трое представителей династии Птолемеев, оказавшиеся у власти, ожесточенно спорили и ссорились на протяжении всех четырех лет, в течение которых оно продолжалось. В начале совместного царствования правители оставили свою взаимную ревность перед лицом угрозы нового нападения Антиоха, ставшего врагом для них обоих. Царь Сирии, не знавший о примирении братьев, посчитал момент весьма удачным для завоевания Египта. Отправив отряд солдат на захват Кипра, сам царь двинулся в сторону Ринокоруры (современный Эль-Ариш), где его встретили послы из Александрии.

Братья поблагодарили царя Сирии от имени богов-Филометоров за его прежние заслуги перед Египтом и поинтересовались, кем он хочет для них стать – союзником или противником. На это Антиох резко ответил, что боги-Филометоры могут рассчитывать на его дружбу только в том случае, если уступят Кипр, Пелусий и «все земли, граничащие с Пелусийским рукавом Нила». Наступил критический момент. Ахейский союз, содружество городов-государств Пелопоннеса, постоянно пользовавшийся поддержкой Птолемеев, отказал Египту в поддержке, а римляне никак не отреагировали на призывы о помощи.

Беспокойство еще больше возросло, когда противник, миновав Пелусий, снова оказался в опасной близости от Александрии. Жители столицы уже перестали надеяться на помощь, когда узнали, что римские сенаторы, шокированные появлением в Риме египетского посланника Тимофея и его товарищей, которые «в скорбной одежде, с опущенными бородами и волосами вступили... в курию, держа в руках масличные ветки»^[51] и молили оказать помощь Египту, отправили послами Попилия Лената и еще нескольких римлян и

«велели им идти сначала к Антиоху, потом к Птолемею и объявить: кто станет препятствовать заключению мира, тот римскому народу впредь не друг и не союзник»^[52].

Однако Попилий зря терял время, и александрийцев снова охватило отчаяние. Полагая, что египтяне подождут, пока он разберется со своими делами, этот высокопоставленный римлянин отправился не в Александрию, а на Делос, где располагалась римская военная база, созданная для ведения боевых действий в Македонии. Ситуация на данном фронте складывалась не очень удачно, и Попилий решил узнать причину этого. Определить ее было несложно. На Делосе царил беспорядок, и, пока полководцы и флотоводцы спорили, македонский флот стоял в море, ожидая возможности атаковать транспортные суда. По сути, это была блокада, и Попилий оказался в западне. Он сумел вернуться к выполнению своей изначальной миссии и отправиться в Египет только после сражения при Пидне (168 г. до н. э.). Но и теперь любопытство заставило его заглянуть на Родос, из-за чего на путешествии, которое должно было занять несколько дней, ушли месяцы.

Так или иначе, он добрался вовремя. Антиох узнал о вмешательстве сената и оставался в Элевсине, откуда были видны городские стены Александрии, не решаясь выступить. Высадившись на берег, Попилий не спешил. Этот высокомерный римлянин привык считать царей и князей непослушными детьми и собирался заставить Антиоха понять, что относит к данной категории и его. В результате римский посол сначала обменивался длинными приветствиями с царями и царицей и неспешно наслаждался столичными дворцами и храмами и только затем двинулся в Элевсин. Там его с нетерпением ждал Антиох. Мужчины обменялись жесткими взглядами. Антиох был вооружен до зубов и злился из-за задержки, а Попилий держал в руке только тонкую палку, был спокоен и вел себя надменно.

Царь Сирии сделал шаг вперед и протянул руку. Но Попилий не последовал его примеру. Спрятав руки в складках своей тоги, он попросил спутника передать царю указ сената. Антиох взглянул на дощечки и сказал, что должен посоветоваться со своими друзьями. Попилий улыбнулся, поднял палку и очертил ноги царя, а затем потребовал: «Дай мне ответ для сената, не выходя из этого круга!» Униженный Антиох какое-то время колебался, не желая подчиниться, но в то же время и не отваживаясь возражать, но затем угрюмо произнес: «Что почли за благо в сенате, то я и сделаю». Тогда Попилий наконец протянул ему свою руку^[53].

Однако миссия Попилия еще не была закончена. Вернувшись в Александрию, он прочитал юным царям целую лекцию о вреде вражды внутри семьи и посоветовал обоим думать не столько о личных целях, сколько об интересах всей страны. Затем, приплыв на Кипр, он велел войскам Антиоха покинуть остров и поспешил обратно в Рим. Сразу за ним следовали новые послы из Египта и Сирии. Антиох и правда очень хотел сохранить дружественные отношения с сенатом, ведь на кону было его собственное царство и он ужасно боялся повторить судьбу македонского царя Персея^[54]. Селевкидские послы говорили, что «мир царю показался милее любой победы, ибо этот мир угоден сенату, и он, Антиох, повинился приказам римских послов, как велениям богов»^[55]. Однако это простодушное объяснение не произвело на сенаторов никакого впечатления. Убежденные в том, что Египет и Сирия должны стать марионетками Рима, они просили передать Антиоху, что он поступил правильно, подчинившись воле сената, а египетским царям – сказать следующее: римляне рады слышать, что их действия помогли Птолемам.

Глава 9

Птолемей Филометор (продолжение)

Когда ему пересказали слова сенаторов, Эвергет ощутил разочарование, ведь вместо того, чтобы подтвердить его право занимать престол в результате избрания, римляне, судя по всему, с одобрением отнеслись к тому факту, что ему приходится делить трон с братом. Ситуация действительно оказалась довольно сложной. Между братьями не была разделена

политическая или территориальная ответственность, не существовало различий в одежде. Каждый из них ревниво держался за свои привилегии, носил на официальных мероприятиях наряд, характерный для правителя из династии Птолемеев, – македонскую хламиду, или плащ, и каусию, шляпу с широкими полями. На лбу каждого из братьев красовалась диадема, представляющая собой простую или небогато украшенную полоску металла, а в правой руке оба они держали по деревянному посоху, игравшему роль скипетра. К каждому из них обращались со словами «о царь» и отдавали воинскую честь. В подобных условиях против одного из правителей просто не мог не сформироваться заговор. К тому же у каждого из братьев были свои сторонники. Жители хоры поддерживали старшего, ставшего царем по праву первородства, а александрийцы – младшего, которого они сами избрали на царство.

Внезапно по столице стали ходить слухи о том, что Филометор задумал убийство брата. Некий полукровка по имени Петосарапис стал призывать людей свергнуть потенциального братоубийцу. Однажды утром городская чернь собралась на стадионе и стала требовать, чтобы цари вышли. Предполагалось, что младший из братьев выступит с обвинением, а старший на него ответит. Момент для соблюдения этикета был не очень удачный, и, быстро собравшись, братья вышли навстречу возбужденной толпе. Филометор с негодованием отрицал свою вину, а Эвергет запинаящимся голосом уверял, что ничего не знает о злокозненных замыслах брата.

Тотчас же кто-то заговорил о том, что Петосарапис сам хочет занять трон, и с криками: «Династия в опасности!» – люди отправились на поиски этого человека. Но он предусмотрительно покинул город и присоединился к толпе недовольных солдат, ждавших приказа, чтобы проникнуть во дворец и начать грабить. Филометор, добравшийся до Элевсина во главе отряда своих телохранителей, сумел поймать бунтовщиков. Петосарапису удалось бежать, и он направился в Верхний Египет, но в Панополе (современный Ахмим) Филометор сумел загнать его в угол, а заодно стер город с лица земли.

Пока Филометор был в Верхнем Египте, Эвергет смог упрочить собственное положение. Он заявил, что теперь боится за свою жизнь, и стал умолять сторонников защитить его от мстительного брата. Вскоре жители столицы стали прислушиваться к его словам. Они сами избрали его царем и не собирались изменять свое решение. Когда Филометор вернулся в Александрию и заметил обращенные на него мрачные взгляды горожан, он все понял. Двум царям не было места на египетском троне, и один из них – старший или младший – должен был навсегда исчезнуть. Вряд ли это открытие удивило Филометора. Он отбросил иллюзии, избавился от надежды смягчить безжалостное и ревнивое сердце Эвергета и даже усомнился в словах брата, заявлявшего, что ему ничего не известно о заговоре Петосараписа.

Перспективы были не самыми многообещающими. Филометор понимал, что события могут развиваться по одному из всего лишь двух сценариев. Он мог уехать в Мемфис или попросить римлян рассудить его с братом. Но ни один из этих вариантов не казался ему многообещающим. Если он выберет первый из них, в Египте начнется гражданская война, а отдав предпочтение второму, пошатнет престиж династии. После некоторых раздумий второе показалось исполненному добрых намерений Филометору наименьшим злом, и он решил отправиться в Рим.

Момент для этого был не особенно подходящим. Контроль над государствами, расположенными в бассейне Эгейского моря, по мнению сенаторов, имел как положительные, так и отрицательные стороны. Каждый взволнованный правитель одной из стран Малой Азии спешил рассказать им о своих бедствиях. В итоге в целях самозащиты римлянам пришлось издать указ о том, что «ни один царь не может ступить на землю Рима, если не получил приглашение».

Знавший об этом запрете Филометор собирался избежать его, прибыв на грузовом судне, и войти в Рим в сопровождении «одного евнуха и двух рабов». Но о том, кто на самом деле прибыл в Вечный город, кто-то намекнул, и Деметрий, царевич из династии Селевкидов, один из многочисленных заложников, живших в Риме по приказу сената, лишил Филометора его инкогнито. Теперь тайна перестала быть таковой, и сенаторы, расстроенные столь

негостеприимной встречей такого высокопоставленного гостя, предложили в качестве компенсации выслушать его.

Однако они были заняты другими, более важными делами, и, прежде чем Филометор сумел высказаться, прошло несколько месяцев. За все свои страдания он не получил ничего, кроме совета договориться с братом и обещания, что два римских посланника, собирающихся отправиться на побережье Эгейского моря, по дороге заглянут в Александрию. Иными словами, сенаторы не хотели поддерживать притязания какого-либо из братьев. Политика, проводившаяся римлянами, была направлена на ослабление, а не на укрепление восточных династий и царств, существование которых они пока допускали.

Осознав, что больше в Риме ничего не добьется, Филометор отправился на Кипр и оттуда наблюдал за тем, как александрийцы лишаются своих иллюзий. Процветания, о котором с такой уверенностью говорил Эвергет, они так и не дождались. Купцы не сумели восстановить торговые связи, сановников охватил ужас, когда начались многочисленные казни и конфискация имущества. В Александрии история всегда повторялась, и большинство горожан, искренне сожалевших о том, что они некогда оказали поддержку этому жестокому царевичу, называли его не иначе как Какергет – «Злодей». Разгорелся мятеж. Через какое-то время он утих, но затем вспыхнул с новой силой. Началась ожесточенная стычка между царскими телохранителями и толпой горожан, и Эвергет распрощался бы с жизнью, если бы в Александрию не прибыли двое римских посланников.

Римляне вникли в суть спора между братьями, прислушались к мнению александрийцев об обоих царях и, решив, что помирить их не удастся, присудили власть над Египтом старшему, а над Киренаикой – младшему. Преследуемый проклятиями горожан, последний отправился в свои новые владения, а Филометор перебрался с Кипра в Александрию. Однако злключения ничему не научили Эвергета. Едва прибыв в Киренаику, он стал умолять римлян прибавить к его владениям Кипр. Для этого он выбрал весьма удачный момент – сенаторы как раз знакомились с отчетом своих посланников и посчитали его пагубным для политики Рима в бассейне Эгейского моря. Ведь благодаря решению послов Египет снова стал единым государством под властью одного легитимного правителя.

На тот момент сенаторы не могли сделать ничего, кроме как велеть Филометору отдать Кипр брату, а двое сенаторов – Торкват и Мерула – должны были проследить за этим. «Без войны», – добавили сенаторы, но Эвергет пропустил это предупреждение мимо ушей. В сопровождении двух римлян он отправился в Грецию, где нанял отряд наемников, и, возглавив его, прибыл бы на Кипр, если бы не вмешались римские легаты. Поступив таким образом, он развязал бы войну, о недопустимости которой сенаторы высказались довольно ясно. После напоминания об этом помрачневший Эвергет отправился вместо Кипра в Ливию. В путешествии его сопровождал Мерула, в то время как Торкват, второй сенатор, двинулся в сторону Александрии.

Оказавшись в столице Египта, Торкват повел себя не как посол, а скорее как советник, говорил не как посланник, а скорее как философ. Он призвал Филометора быть с братом помягче, называл Кипр малозначимой для Египта территорией. Царь едва сдерживал улыбку, дивясь простодушию римлян, определенно не слышавших о том, что Александр Македонский называл данный остров ключом к Египту, и не знавших, что деньги в долину Нила в основном поставляются из монетных дворов Пафоса, Китиона и Саламина. Иными словами, без подкрепления в виде солдат и кораблей слова Торквата были пустым сотрясанием воздуха. Филометор торжествовал, но не столько из-за ошибки, допущенной братом, сколько из-за совершенной римлянами. Жители Египта поддержали в этом своего правителя, решив, будто трон наконец занял Птолемей, достойный своих предков.

Тем временем в Параитонионе, расположенном на побережье Ливии, Мерула с трудом сдерживал нетерпеливого Эвергета, порывавшегося тотчас же двинуться походом на Александрию. Он объяснял, что таким образом младший из сыновей Эпифана добьется лишь того, что римляне перестанут ему помогать. Однако затем, озадаченный отсутствием новостей от Торквата, он решил разобраться в ситуации самостоятельно. Мерула отправился

в Александрию, но не смог помочь сотоварищу выйти из тупика. Легаты размышляли, что им следует предпринять, но вскоре обитатели Киренаики позволили им решить эту проблему. Там началось восстание, и Эвергет отправился его подавлять. Эта история затянулась надолго – бунт распространялся, в конце концов затронув все города Пентаполя, и Эвергет потратил не один год на его усмирение.

Пока Эвергет был занят в Киренаике, Филометор счастливо проводил время в обществе преданной жены и других членов семьи. Превратности судьбы и разлука лишь упрочили связь между супругами. От этого союза родились четверо детей: два сына – Эвпатор и Неос Филопатор – и две дочери, обе названные Клеопатрами. Филометор в свободное время занимался их образованием. Однако обучение детей не было единственным его занятием. Этот Птолемей считал, что в первую очередь обязан блюсти интересы своих подданных, что их благосостояние должно быть первостепенной задачей каждого правителя.

Филометор был широко мыслящим человеком. Он не делал различий между богатыми и бедными, образованными и невежественными. На проблемы, связанные с управлением государством, он смотрел по-своему, а найдя решение одной из них, тотчас же претворял его в жизнь. Для этого царь время от времени объезжал Египет от моря до нильских порогов, выслушивал жалобы, разбирал конфликты. Он часто приезжал в Мемфис, причем порой не как глава государства, а с частными визитами. Во время таких путешествий на Филометора как из рога изобилия сыпались прошения, которые он, судя по всему, читал и достаивал каждое из них ответа. Авторами многих из этих обращений были многочисленные жрецы и прислужники, жившие в древней египетской столице. Нижестоящие могли многое сказать, чтобы дискредитировать вышестоящих, а последние направляли свое возмущение на антиграфеев, аналогов современных аудиторов, которых посылали в храмы для проверки счетов. Привычка последних взимать со жрецов необоснованно высокие подати в пользу государства сильно беспокоила священнослужителей.

Особенно четко это прослеживается по документам из Серапеума, в которых говорится как о самом храме, так и о многочисленных часовнях и святилищах, расположенных поблизости от него. Храмовый участок превратился в настоящий процветающий город, обитатели которого наживались на больных и здоровых, искренне верующих и вполне приземленных людях. Хромые и калеки надеялись исцелиться там благодаря божественному лекарю Имхотепу; деловые люди стремились получить совет от оракула, пользовавшегося в тот период большой популярностью; комиссионеры организовывали там свои конторы, ремесленники создавали мастерские, истолкователи ставили свои палатки. Услуги последних всегда пользовались большим спросом. Как правило, такой человек, обладавший способностью к убеждению, заявлял, будто он умеет толковать ответы оракулов (правда, получалось это довольно невразумительно) и сны (хотя и очень путано). Скромностью истолкователи при этом не отличались. «Я толкую сны, – написал на своей вывеске один из этих шарлатанов, – по приказу бога Удачи. Этот истолкователь – критянин».

Те, кто обратился с вопросом к оракулу, очень часто почти ничего не получали за свои труды. «Ты сам не говоришь ничего, кроме лжи», – писал некий Аполлоний, со злостью обращаясь к другу, добровольно поселившемуся в храме Сераписа. Очевидно, последний посоветовал приятелю обратиться к определенному оракулу, чем и вызвал его недовольство. «И твои боги тоже, – мрачно добавил Аполлоний, чтобы уколоть адресата еще сильнее. – Никогда, – заключил он, – не подниму я голову из-за стыда, который мы навлекли на себя, обманутые богами и верой в сны».

В многочисленных часовнях и святилищах жили катохи, или отшельники, люди, разочаровавшиеся в мирской жизни.

Некоторые из них, устав от семейной жизни, так прикипали к покою, царившему в святилище, что больше никогда не возвращались домой. Одним из них стал некий Гефестион, и его жена Исиада жаловалась (причем небезосновательно) на его поведение. Она чувствовала себя униженной. Даже не попрощавшись, ее муж ушел в Серапеум, а затем, не сказав ни слова, покинул святилище и исчез. Неудивительно, что Исиада чувствовала себя

обманутой. «Пока ты был дома, – писала она, надеясь, что ее мольба поможет разыскать мужа, – я испытывала нужду. Думая о твоём возвращении, я должна чувствовать облегчение. Но ты... ты никогда даже не думал о том, чтобы вернуться, ни взглянул даже на то, в каком бедственном положении мы находимся».

В Серапеуме жили и девушки, иеродулы, или служанки, которые должны были ежедневно совершать возлияния в честь того или иного бога или выполнять какую-то другую несложную работу. К их числу относились близнецы Таус и Фоес, оказавшиеся в тяжелой жизненной ситуации. Их отец бежал, а мать обладала далеко не самой хорошей репутацией. Защитника девушки нашли в лице Птолемея, сына Главка.

Во сне ему явился Тот, писец Осириса, предупредил о прибытии девушек в Мемфис и сказал: «Я поручаю этих близнецов тебе». Птолемей проснулся, упал на колени и стал молиться Исиде. «Приди ко мне, – вскричал он, – богиня богинь, жалься и услышь меня, защити близнецов, избавь меня, я стар, я знаю, что конец мой близок, но они станут женщинами, и если они осквернятся, то никогда не очистятся». Его беспокойство не было безосновательным, ведь несчастные иеродулы, оказавшись во власти алчных жрецов, нередко становились храмовыми проститутками.

Этот Птолемей, защищавший людей, попавших в безвыходную ситуацию, был настоящей занозой для жрецов, управлявших Серапеумом. Он умел приводить весомые доводы и имел привычку отечески заботиться о ближних, потерпевших от кого-то обиду, из-за чего вызвал неприязнь священнослужителей, для которых он был огромной помехой и которые, к своему несчастью, никак не могли от него избавиться. Он прекрасно знал свои права: катоба из Серапеума могла изгнать только смерть, а отправляться на тот свет Птолемей не собирался. К тому же он пользовался большой популярностью в немногочисленном сообществе отшельников, и спрос на его услуги был неизменно большим. Это было неудивительно: структура и слог его прошений вызывали восхищение и уважение даже у образованных священнослужителей, грехи и упущения которых он добросовестно записывал. О ситуации, в которой оказались жившие в Серапеуме близнецы, стало известно как раз из одного из его прошений, адресованного «царю Филометору, его сестре Клеопатре, богам-Филометорам».

Поначалу девушки разместились в небольшом храме, посвященном Исиде, где вели очень скромный образ жизни. Вознаграждение за их работу, несомненно, было совсем незначительным – в месяц они получали около четырех литров масла и могли рассчитывать на суточный паек хлеба. Но и работа была несложной – на рассвете и на закате девушки должны были совершать возлияния в честь Исиды, и за разговорами с посетителями время проходило незаметно. На протяжении нескольких первых месяцев все было хорошо, но затем случилось какое-то загадочное происшествие. Порция хлеба, которую получали девушки, уменьшилась вдвое, масла им тоже стали выдавать намного меньше, и близнецы были вынуждены обращаться за помощью к соседям или ложиться спать голодными.

Девушки обратились за помощью к посетившему их Птолемею, сыну Главка, и он, тронутый их печальным рассказом, написал царю обращение. Но его петиция так и не дошла до адресата. Филометор покинул Мемфис за день до этого, и Птолемей был вынужден ждать его возвращения. Со вторым письмом отшельнику повезло больше. Филометор прочитал обращение и приказал Асклепиаду, занимавшему должность эпистата и контролировавшему деятельность Серапеума, разобраться в ситуации. Для того чтобы выполнить царский приказ, Асклепиад передал петицию своему заместителю Сарапиону, а тот, в свою очередь, отдал ее главному счетоводу Дориону. Через несколько недель документы вернулись к эпистату. В ответ на запрос сверху сообщалось, что храмовые власти поступили неправильно и ущемили права близнецов.

Казалось бы, инцидент на этом можно было считать исчерпанным. Но те, кто так думает, плохо знакомы с особенностями работы бюрократической машины, существовавшей в эллинистическом Египте. Неприятности девушек только начинались. «Пакет» с документами теперь стал довольно пухлым и отправился в новое путешествие. Мемнид, отвечавший за припасы, обратил внимание на распоряжение эпистата решить проблему, и «дело» девушек

прошло через множество новых инстанций, пока не оказалось у Теона, отвечавшего за питание. К несчастью, этот египтянин не любил всех греков как таковых, и документы лежали на его столе мертвым грузом до тех пор, пока Мемнид не прислал ему напоминание, написанное в довольно резкой форме, и Теон не осмелился и дальше откладывать это дело.

Однако, не желая признавать, что именно он и его подчиненные виноваты в задержке, чиновник предложил близнецам компромисс. Прошлые обиды, по его мнению, должны оставаться в прошлом. Он предложил девушкам отказаться от притязаний на масло, которое им не выдали, и получать продукты в тех же количествах, что и прежде. Это было его окончательное предложение, и, когда близнецы незамедлительно отказались его принять, Теон, очевидно, решил умыть руки. В этом месте текст папируса, к несчастью, обрывается, и вряд ли мы когда-либо узнаем, кто победил – добродетельные близнецы или нечестивый Теон.

Простодушие Филометора заставило всех жителей страны полюбить его. Он, очевидно, был одним из немногих представителей династии Птолемеев, искренне интересовавшихся благосостоянием своих наиболее скромных подданных. Судя по надписям на стенах храмов, он был очень человечным правителем и пользовался большой популярностью в хоре. Так, после того, как царь посетил Ком-Омбо, «пехотинцы, всадники и другие солдаты, расквартированные в номе» вырезали на стенах храма надпись, содержащую «благодарность царю Птолемею, его сестре царице Клеопатре, богам-Филометорам» и богам – покровителям нома за проявленную в отношении них заботу. Добравшись до Первого порога Нила, Филометор осмотрел приграничные гарнизоны и посвятил храм Исиде и Серапису.

Этот представитель династии Птолемеев редко мог устоять против подобного соблазна. Он приказывал построить святилище везде, где останавливался во время своего путешествия вверх по течению реки. В Антеополе (Абу-Тиг) он посвятил храм Антею, в Ком-Омбо – Ароэрису и Суху, на острове Филэ – Хатхор-Афродите. Филометор не совершил кардинальных преобразований, но по крайней мере одинаково относился ко всем обитателям Египта – египтянам, грекам, азиатам и евреям.

Последние, очевидно, пользовались особым вниманием царя. Их предводители заняли его сторону во время конфликта с Эвергетом, а Филометор не относился к числу правителей, способных забыть о людях, которым они были так или иначе обязаны. Поэтому когда Хоний, сын иерусалимского первосвященника, живший в Египте на правах беженца, цитируя слова пророка Исаии о том, что «...жертвенник Господу будет посреди земли Египетской», обратился к царю с просьбой разрешить ему построить храм Яхве, Филометор повелел ему возвести святилище в Леонтополе, расположенном в Гелиопольском номе, где некогда поклонялись египетской богине Пашет.

Оказанная царем честь, вероятно, убедила живших в Александрии иудеев и самарян обратиться к Филометору с просьбой разрешить спор, уже давно расколовший общину надвое. Эта дискуссия, зародившаяся еще в древности, была связана с распоряжениями, которые некогда дал Моисей относительно местонахождения Храма. Они не могли договориться о том, где он должен быть построен – в Иерусалиме или на горе Гаризим. Участники спора выбрали из своих рядов человека, который изложил перед царем суть проблемы и доводы сторон, а правитель, его советники и «друзья» терпеливо заслушали его. Аргументы каждой из сторон основывались на библейском предании. Но из всего этого путаного рассказа ясно было только одно – то, что Храм простоял в Иерусалиме несколько столетий. Царь был человеком практичным, и этот довод его убедил. В итоге Филометор посчитал, что самаряне в этом споре проиграли, проявив при этом рассудительность, достойную Соломона.

Единственной проблемой, омрачавшей для Филометора этот спокойный период, стала безопасность Кипра. На остров претендовали двое: брат царя Эвергет, живший в Кирене, и правитель Сирии Деметрий. Первый из них представлял большую опасность, и, когда Филометор узнал, что его младший брат отправился в Рим, чтобы напомнить сенаторам об их обещании добавить Кипр к его владениям, беспокойство египетского царя еще больше

возросло. Эвергет без зазрения совести стал демонстрировать римлянам свое покрытое шрамами тело, делая вид, будто он чудом избежал гибели от рук подосланного Филометором убийцы, и умоляя предоставить ему на время легион солдат и эскадру кораблей, чтобы помочь взять контроль над островом. Но сенаторы дали Эвергету только свое благословение и предложили ему искать суда и солдат самостоятельно.

В итоге в 154 г. до н. э. он прибыл на остров, захватил наиболее крупные из расположенных на нем городов и назвался правителем Кипра. Но такая ситуация просуществовала недолго, так как Филометор не бездействовал. В сопровождении эскадры кораблей он высадился в Саламине, заблокировал брата в Лапитосе и заставил его сдаться. Если кто-то из династии Птолемеев и заслужил смерти, так это Эвергет, непримиримый враг Филометора. Но последний был человеком великодушным. Он простил брата, позволил ему вернуться в Кирену и пообещал ему руку своей дочери Клеопатры.

Воодушевленный успехом, Филометор решил наказать второго своего обидчика – Деметрия. Он никак не мог найти приемлемый повод для конфликта, когда цари Пергама и Каппадокии обратились к нему с просьбой поддержать притязания Александра Баласа, молодого и красивого искателя приключений, выдававшего себя за сына Антиоха IV и стремившегося занять царский престол. Эта просьба пришлась как нельзя кстати – Филометор получал возможность вернуть власть Птолемеев над Келесирией. Сблэзн был слишком велик, и царь не сумел удержаться.

Начало похода было весьма многообещающим. Египетский флот высадился в Птолемаиде (современный Акко). Жители Финикии тепло встретили Филометора, а Александр Балас намекал на награду. К тому же Деметрий не пользовался популярностью, и уставшие от этого своенравного и распутного правителя, охваченные гневом жители Антиохии, которым, как и александрийцам, была свойственна опасная привычка выбирать и менять царей, убили Деметрия. Оказавшись на троне, Александр Балас стал искать себе жену, способную упрочить его положение на престоле, и вспомнил про Египет. У правителя этой страны были две дочери брачного возраста, одна из которых определено была свободна^[56]. Начались переговоры, и Филометор, решивший, что это поможет ему завладеть Келесирией, дал свое согласие на брак.

Клеопатра, впоследствии известная как Тея, покинула Египет, и в 150 г. до н. э. между ней и Александром Баласом в Птолемаиде был заключен брак. Однако вопрос о Келесирии, столь беспокоивший Филометора, никто так и не поднял, и египетский царь, чувствуя себя обманутым, вернулся в Александрию с далеко не самыми теплыми воспоминаниями о посещении Птолемаиды. Правда, ему пришлось вскоре вернуться туда, на этот раз по просьбе новоиспеченного зятя. Деметрий II, юный сын убитого царя, решил вернуть трон, и Александр Балас, усомнившись в верности жителей Антиохии, обратился к Филометору за помощью.

Однако, оказавшись в Птолемаиде, правитель Египта едва не лишился жизни – убийца бросил в него метательный нож. Наемника поймали, и под пытками он сознался, что убийство Филометора ему заказал «визирь» Аммоний. Слова этого человека, несомненно, были правдивы. Аммоний, считавший опытного правителя Филометора более опасным врагом для Сирии, чем юный Деметрий, вполне мог захотеть избавиться от него. Царь Египта с негодованием потребовал выдачи «визиря», но Александр Балас категорически отказался сделать это. В итоге отношения между двумя правителями были непоправимо испорчены. Филометор приказал дочери приехать к нему в Птолемаиду, вступил в переговоры с прежним противником и перебрался в Антиохию.

Жители сирийской столицы не хотели защищать ни Александра Баласа, царя-самозванца, которого они презирали, ни Аммония, к которому они испытывали ненависть. Последний был жестоко убит, а первый разделит бы его судьбу, если бы не успел бежать в Киликию. Однако жители Антиохии устали от представителей династии Селевкидов. Они посчитали, что новый Деметрий вряд ли окажется лучше предыдущего, и захотели, чтобы ими правил иноземный царь. Их выбор пал на Филометора, но тот (здесь надо отдать ему должное)

сумел устоять перед соблазном. Он пришел к вполне разумному выводу: Келесирия – это одно дело, но сама Сирия – совершенно другое. Филометор понимал: если Египет и Сирия станут единым государством, римляне тотчас же вмешаются и посадят в каждую из этих стран по своему проконсулу.

В итоге Филометор созвал жителей Антиохии и поблагодарил их за оказанную ему честь. Но, полагая, что одной диадемы для одного царя вполне достаточно, он предложил им рассмотреть кандидатуру своего нового зятя Деметрия II. Царь Египта напомнил собравшимся, что, как все они уже успели узнать, именно ему он передал свою дочь Клеопатру, прежде бывшую женой Александра Баласа. Однако последний еще не сдался и стал продвигаться в сторону Антиохии. Филометор и Деметрий объединили силы и разбили лагерь на берегу реки Ойнопарас, где решили дожидаться противника. Сражение состоялось в 145 г. до н. э., и Филометор, сброшенный со своего боевого коня, погиб в этой битве на сорок первом году жизни.

Филометор был правителем, полным противоречий. Иногда он поступал чистосердечно, а порой был весьма коварен. Он был великодушным, а через какое-то время становился скаредным, и наоборот. Полибий так охарактеризовал этого представителя династии Птолемеев: «По словам одних, это был царь, достойный высокой похвалы; другие держались обратного мнения». Затем, возможно решив, что подобное описание может показаться несколько размытым, он с определенным скептицизмом добавил: «Он не отнял жизни ни у кого из своих друзей, каковы бы ни были против них обвинения». Подобной характеристики вряд ли заслуживает хотя бы один из остальных представителей этой династии.

Глава 10

Птолемей Эвергет II

169/168—163 гг. до н. э. – Египет

163—145 гг. до н. э. – Киренаика

145—116 гг. до н. э. – Египет

Сторонники Эвергета поспешили в Кирену, чтобы сообщить ему о гибели Филометора. Эта новость сильно обрадовала его, ведь он снова получил власть над Египтом. Ссылка не отрезвила и не смягчила этого человека, и он задумал отомстить своим обидчикам. Добраться до римлян Эвергет не мог, но разобраться с сестрой и ее сторонниками был вполне способен. Дела Клеопатры обстояли очень плохо. Как только Эвергет вошел в Александрию, ее ветреные жители стали выкрикивать его имя, а военные их поддержали. Но вскоре в городе воцарилась смерть, и воздух наполнился рыданиями и жалобами.

Толпа, взявшая на себя отмщение за Эвергета, ворвалась в еврейский квартал. Люди насильствовали и убивали местных жителей независимо от их пола и возраста до тех пор, пока улицы не стали красными от крови. Смотревший на все это с одобрением Эвергет вполне мог бы натравить своих бессердечных последователей на обитателей македонского квартала, если бы ссылка не научила его осторожности. Провоцировать македонян было опасно, и Эвергет, не уверенный в собственных силах, предпочел оставить их в покое. Он заявил, что готов забыть прошлое, и разрешил телохранителям отправиться в Мемфис, куда бежала Клеопатра. Это был весьма хитроумный ход. Женщина забрала с собой своего сына Неос Филопатора и незамужнюю дочь в надежде на то, что сумеет от их имени править Верхним Египтом. История повторилась – страна снова оказалась разделена, и на повторное воссоединение ее территории надежды было мало.

Былая привязанность Клеопатры к Эвергету давно превратилась в безразличие, а признание римлянами факта ее совместного с Филометором правления развило ее гордость. Сенаторы сделали очень красивый жест. Для того чтобы доставить удовольствие жене и сестре, Филометор, как правило, в письмах, отправлявшихся в Рим, подписывался не только своим, но и ее именем, и сенаторы тоже адресовали ответы «правителям Египта: царю

Птолемию и царице Клеопатре». Клеопатра даже удивилась тому, что Эвергет не воспользовался сложившейся ситуацией, ведь до того, как над юным Неос Филопатором будет проведен обряд коронации, она продолжала считаться царицей и единоличной правительницей Египта. Эвпатор, один из ее четверых детей, в соответствии с принятой в династии Птолемеев практикой в течение нескольких лет бывший соправителем своего отца, к тому времени, очевидно, уже умер^[57], вследствие чего младший из сыновей стал законным наследником престола. Старшая из двух девочек, рожденных в браке Клеопатры и Филометора, некогда обещанная в жены Эвергету, нашла более подходящую ей партию в лице правителя Сирии, а младшая, по решению матери, должна была выйти замуж за Неос Филопатора.

Эвергет прекрасно понимал все это и то, что либо ему удастся убедить или заставить сестру отказаться от претензий, либо придется на протяжении какого-то времени довольствоваться властью только над Александрией. Он решил, что убеждать Клеопатру бессмысленно. Аргументы на эту строптивую женщину не действовали, и Эвергет стал готовиться к применению силы. Вопросы моральности подобного поступка его не беспокоили, но он осознавал, какие риски может принести с собой война, и выжидал, не желая подвергаться опасности. Солдаты, расквартированные в Александрии, полностью поддерживали Эвергета, но два военачальника еврейского происхождения – Хоний и Досифей – сумели бежать и стали подкупать солдат Филометора, возвращавшихся из Сирии, чтобы те встали на сторону Клеопатры. Из-за нехватки денег Эвергет не мог помешать этому. Его сестра забрала с собой в Мемфис всю казну, а средства, полученные в результате конфискации чужого имущества, правитель раздал в качестве вознаграждения своим сторонникам.

Однако проблемы на этом не заканчивались. Из Птолемаиды, расположенной посередине между Мемфисом и Фивами, пришла неприятная для Эвергета новость о том, что все бывшие наемники, ставшие клерухами, и их сыновья готовы помочь царице. Это заставило Эвергета задуматься. Он понимал: если клерухи из Птолемаиды поддержат Клеопатру, то их товарищи, живущие в других номах, скорее всего, последуют их примеру. Вероятность данного события была очень велика. Все греческие и македонские наемники относились к Птолемаиде по-особому, ибо там в неизменном виде сохранились эллинистические установления и идеалы. Синкретизм не пользовался в этом городе большой популярностью. В других местах греки могли поклоняться Исиде или совершать подношения в храме бога-крокодила Петесуха, но в Птолемаиде они были беззаветно преданны Зевсу и Дионису.

Этот обнесенный стеной город удобно расположился на берегу Нила. В эпоху правления фараонов он считался священным, а в эллинистический период здесь отправлялся культ основателя династии Птолемеев. Благодаря своему расположению Птолемаида играла важную роль со стратегической и административной точек зрения. Город находился в Фиваиде – местности богатой, но беспокойной. В нем располагались военные штабы и крупные чиновничьи конторы, а за ее пределами стоял крупный гарнизон. Греческие поселенцы, или клерухи, устроились в Птолемаиде с большим комфортом. Местные земли не нужно было улучшать, труд был дешевым, а желающих работать оказалось много. Бывшие наемники жили здесь в свое удовольствие.

Диониса почитало большинство греков, а в Птолемаиде была собственная актерская труппа, музыканты, танцовщики, сочинители рапсодий и драматурги, трудившиеся во славу этого бога. После каждого представления местные власти выбирали награду для исполнителей. В нашем распоряжении имеются две стелы, в которых говорится о том, что однажды человек, носивший такое же имя, что и бог, и бывший, очевидно, драматургом, в качестве вознаграждения получил венок из плюща. Стоит ли удивляться тому, что один из жителей этого веселого города, отправившись по своим делам вверх по течению реки, воспользовался представившейся ему возможностью и задержался на острове Филэ, чтобы обратиться к почитавшейся там Исиде с просьбой защитить «милую Птолемаиду, нильскую святую, основанную Сотером».

Когда интерес к связанным с Дионисом развлечениям угасал, его место занимало оживление вокруг выборов в местные органы управления. Птолемиада была организована по образцу греческих городов-государств, и, соответственно, в ней было собственное буле, или совет, и экклесия, то есть народное собрание, принимавшие решения, выбиравшие магистратов и назначавшие эпонимных жрецов без оглядки на Александрию или Мемфис. Историк Истер, ученик Каллимаха, пользовавшийся в свое время большой популярностью, был настолько высокого мнения о Птолемиаде, что написал целое сочинение, посвященное истории этого города и состоящее из нескольких книг.

Тем временем в Риме страстные призывы Катона к тому, что «Карфаген должен быть разрушен», дали плоды, и в 146 г. до н. э. Сципион Эмилиан сровнял этого непримиримого врага римлян с землей. Теперь Карфаген стал римской провинцией, получившей гордое название Африка, и сенаторы задумались о том, как бы закрепить триумф, присоединив к ней Киренаику. Сенатор Минуций Терм отправился в Александрию, чтобы разузнать, как к этому отнесется Эвергет. Римлянин вел себя очень осторожно. Он заявил, что приехал в Египет из чистого любопытства, но, произнеся пару неосторожных слов, дал Эвергету понять, что тот может рассчитывать на поддержку сената в обмен на Киренаику. Однако царь, которого уже обвели вокруг пальца, обещав ему Кипр, почувствовал, что его пытаются загнать в новую ловушку. Эвергет поинтересовался, дадут ли римляне ему легион солдат, чтобы выгнать Клеопатру из Мемфиса. Минуций Терм не рискнул давать ему ответ на этот вопрос, и Эвергет был вынужден выбрать менее привлекательный для себя вариант – брак с сестрой.

Это предложение показалось Клеопатре весьма заманчивым. Жажда власти уже успела охватить ее, и ради сохранения своего положения женщина готова была пожертвовать всем остальным. Клеопатре казалось, будто жизнь проходит мимо. Приближался ее сороковой день рождения, а Неос Филопатору вскоре предстояло пройти обряд коронации. Женщина понимала, что после этого из царицы превратится в мать царя, и эта мысль была для нее невыносимой. В итоге после некоторого размышления она согласилась выйти замуж за Эвергета и вскоре после смерти старшего из братьев стала женой младшего. Во время короткого медового месяца молодожены путешествовали вверх по течению Нила, поражались величию Фив, восхищались великолепным храмом в Эдфу, строительство которого было начато первым Эвергетом и теперь приближалось к концу. Затем, вернувшись тем же маршрутом, новоявленные супруги воцарились в Мемфисе.

Этот союз вряд ли можно назвать счастливым, даже несмотря на то, что в результате него на свет появился наследник престола. Как только сомнения в беременности Клеопатры отпали, Эвергет убил своего племянника Неос Филопатора, чтобы расчистить путь к трону для собственного наследника. Никто не осмелился протестовать, и верховный жрец Мемфиса провел над убийцей обряд коронации, сделав его таким образом полноправным царем Египта.

Царь переехал в Александрию, где Клеопатру настигла Немезида. Она напрасно пожертвовала собой и никак не отреагировала на совершенное мужем преступление. Клеопатра стала царицей, но лишь номинально, ибо Эвергет не нуждался ни в ее советах, ни в ее обществе. В первом случае он считал, что единоличный правитель подходит для Египта гораздо лучше, чем двое, а во втором предпочитал компании женщины среднего возраста общество молоденьких девушек. Тогда его фавориткой была Ирина, родом из Киренаики, и он приказал убить полдюжины слуг, опрометчиво осмелившихся неуважительно отзываться о любовнице царя.

Однако Эвергет был ветреным человеком и в какой-то момент обратил внимание на незамужнюю дочь брата Клеопатру^[58]. Его привлекла влюбчивость девушки, и он стал зондировать почву. Клеопатра с удовольствием отвечала на ухаживания дяди, даже несмотря на то, что его с трудом можно было назвать объектом девичьих грез. Эвергет был тучен, а его лицо обрюзгло, из-за чего александрийские злые языки вполне обоснованно обозвали его Фисконом – «Пузом». Но это не остановило Клеопатру. Этот мужчина был омерзителен, но

оставался царем, а лишь немногие македонские царевны ждали от брака чего-то большего, чем общий трон. Девушка сообщила Эвергету, что будет принадлежать ему только при соблюдении им этого условия, и он согласился.

Услышав о браке, Клеопатра-мать пришла в ярость. Позабыв о собственном позоре, она назвала этот союз инцестом и со злостью в голосе стала напоминать Эвергету о том, что если в Египте будут править один царь и две царицы, то он станет посмешищем для всего остального мира. Но она истекала ядом напрасно. К тому времени брак уже был заключен, и Эвергет мог предложить старшей из Клеопатр только первенство в монаршем протоколе. В итоге около 143 г. до н. э. документы стали датироваться и подписываться тремя именами – «царя Птолемея, царицы Клеопатры-сестры и царицы Клеопатры-жены, богов Эвергетов».

Обеспокоенные сообщением Муниция Терма, сенаторы захотели больше узнать о ситуации в Египте. Во всех странах, расположенных в бассейне Эгейского моря, царили неразбериха и разногласия. Цари постоянно ссорились с царицами, а их подданные призывали чуму на обоих супругов. Сирия распалась надвое, Египет также был разделен, и в 136 г. до н. э. Сципион Эмилиан Африканский в сопровождении двух сенаторов и философа-стоика Посидония покинул Рим, чтобы «проинспектировать царства его союзников». Сначала высокопоставленный посол отправился в Александрию, где был тепло встречен Эвергетом.

Эти двое, обладавшие прямо противоположной конституцией и манерами, вместе представляли собой весьма странное зрелище. Гость выглядел важным и даже величавым, говорил лаконично и казался тем, кем и был на самом деле, – знаменитым военачальником. Хозяин самодовольно улыбался и был весьма словоохотлив. Невысокий и настолько тучный, что «самые длинные руки не могли объять его живот», он походил на клоуна. Еще большее впечатление производило различие в костюме. Сципион носил простую короткую тогу, в то время как на Эвергете были совершенно фантастический плащ, доходивший ему до лодыжек, и наряд с рукавами, закрывавшими запястья. Оба этих одеяния были сшиты из просвечивающей ткани, благодаря чему всем были видны недостатки его фигуры.

Считая, будто роскошь произведет на гостя должное впечатление, царь стал закатывать бесконечные пиршества, устраивать торжества, игры и театральные представления. Однако все эти усилия были потрачены впустую – Сципион считал подобные развлечения достойными лишь бесполезного царя и малозначимого народа. Такую же неприязнь у него вызывали дворцовые прихлебатели, следовавшие за ним по пятам, надеясь на знакомство со знаменитым разрушителем Карфагена. Храмы и другие здания произвели на римлянина более яркое впечатление, чем местное население. Их оформление было бесподобным; это был именно тот случай, когда искусство сумело дополнить сделанное природой. Неподалеку от берега над морем возвышался Фаросский маяк, блестящий в солнечном свете, а чуть глубже в сторону суши сверкали, отражая яркие лучи, темные воды озера Мареотис.

Побывав в Семе, Сципион полюбовался на золотой саркофаг Александра Македонского, полководца еще более выдающегося, чем он сам. Затем он задержался в храме Арсинои, чтобы поразмышлять о полной превратности жизни братолюбивой правительницы Египта. Будучи человеком образованным, он с нетерпением ждал посещения Мусейона и Александрийской библиотеки. Но, оказавшись там, Сципион был разочарован, так как залы первого и скамьи второй оказались пустыми. Испуганные объявлением людей вне закона и конфискациями, ученые и их ученики предпочли совершать духовные и научные поиски в других краях.

Обрадовавшись возможности сбежать от гостеприимного хозяина, Сципион отправился вверх по течению Нила, обращая по пути внимание на работу земледельцев и степень плодородия почвы. По его мнению, для счастья жителям Египта не доставало лишь грамотной системы управления – римлянин не нашел и следов этого неопределимого преимущества. Коррупционированные чиновники бездействовали, а жертвами их непрофессионализма становились крестьяне. Сципион доплыл только до Мемфиса. Фивы его не привлекали, ведь он был римлянином и не особенно интересовался прошлым. Прежде чем

отправиться на Кипр, Сципион посоветовал Эвергету исправить существовавшие в стране порядки, меньше думать о себе и больше – о народе и избавить административный аппарат от имевшихся в нем недостатков.

Если бы александрийцы осмелились, они дали бы своему правителю такой же совет. Они могли простить брак с сестрой, но не с ее дочерью, убийство претендента на престол, но не ребенка, бывшего его законным наследником. Новые запреты еще больше снизили популярность царя. Все еще испытывавший жажду крови, Эвергет не делал различий между друзьями и врагами, и горожане молили богов, чтобы те избавили их от этого виновного в кровосмешении деспота.

В какой-то момент стало казаться, будто призывы людей были услышаны. Говорили, что александриец Галаст, бежавший в Грецию, собирает наемников, чтобы поддержать притязания мальчика, объявленного законнорожденным сыном Филометора, а значит, являвшегося законным наследником престола. Однако набор продвигался крайне медленно. У Га-ласта не было денег, поэтому он мог предложить наемникам вознаграждение только в будущем, а обещаниям эти люди категорически не верили, что было очень досадно, ибо Эвергет не сумел бы защитить себя. Египетские солдаты восстали, отказываясь сражаться, если им не заплатят и не облегчат условия службы, а царь не мог или не хотел удовлетворить это требование. Положение становилось критическим, разъяренные солдаты уже собирались выступить против собственного ничтожного повелителя, но стратег Гиеракс заплатил необходимую сумму из собственных средств. Галаст и юный претендент на трон исчезли со страниц истории, и угроза миновала.

Так или иначе, Эвергет услышал это предупреждение и, будучи человеком, подверженным крайностям, изменил свои методы управления страной. Вспомнив совет Сципиона, он перестал объявлять людей вне закона и конфисковать их имущество. Узнав, что римляне признали независимость Иудеи, Эвергет перестал преследовать членов еврейской общины. Будучи человеком достаточно проникательным для того, чтобы читать между строк, он почувствовал, что вскоре будут приняты ответные меры. В Иудее появилась новая политическая сила – Маккавеи, и Эвергет опасался, как бы представители этого многочисленного рода не заинтересовались положением своих собратьев по религии, живущих в Египте.

Эти люди с легкостью могли влиять на правителя Египта, ибо для того, чтобы нарушить торговые связи между Александрией и Иерусалимом, приносящие значительную прибыль жителям первой, достаточно было лишь немного изменить отношение к взиманию таможенных пошлин. Эвергет написал об этом в Рим, умоляя сенат ради дружбы с Египтом вмешаться и уговорить Маккавеев, с которыми римляне были в дружественных отношениях, установить беспошлинную торговлю между Иерусалимом и Александрией. Одновременно он попросил еврейского первосвященника способствовать дальнейшему взаимопониманию между иерусалимским и александрийским синедрионами и предложил ему распространить информацию о том, что Мусейон и Александрийская библиотека готовы принять каждого еврейского автора.

В обоих этих заведениях, несомненно, было достаточно свободного места. Больше выдающиеся ученые не приезжали в Александрию, чтобы найти там себе учеников. Слава Мусейона угасала. Эвергет уменьшил расходы на него, и учителя вместе со своими учениками отправились жить в иные края. В Пергаме и других азиатских государствах их ждали куда более гостеприимные покровители, и Александрия так и не смогла восстановить свое прежнее превосходство в научном мире.

Таким образом, еврейские авторы, откликнувшиеся на приглашение Эвергета, получали от жизни в Александрии значительную пользу. Учение Платона придавало новые оттенки их сочинениям, обогащало сделанные ими переводы существующих священных книг. Христианская литература многое потеряла бы, лишившись Книги Премудрости Соломоновой, представляющей собой более возвышенное подражание Песни Соломона, или

истории Маккавеев – двух произведений, написанных александрийскими евреями в рассматриваемый нами период.

Так прошли первые годы этого тройного совместного правления. Царя беспокоило присутствие в столице, жители которой поочередно то добивались его расположения, то боялись его, двух ревнивых женщин. В правление царя и двух цариц процветание в Египте не наступило. По всей долине Нила разгорались беспорядки и мятежи, которые называли *amixia* – «дикостью». Продолжавший проводить политику, направленную на замирение народа, Эвергет издал ряд указов, в которых содержались обещания помилования, прощения долгов по налогам и т. д. Однако жители страны не желали слушать своего царя, и, вынужденный подавлять восстания, Эвергет снова взялся за оружие.

Особенно жестоко был подавлен мятеж в Фиваиде. Гермонт (современный Армант) и другие города были взяты приступом, а их население – перебито. Удовлетворив свою жажду крови в Верхнем Египте, Эвергет переключился на Нижний, в частности на Александрию. В итоге при звуке его имени люди стали морщиться, будто почувствовали какой-то очень неприятный запах. Последний акт насилия переполнил чашу терпения жителей столицы. Царь приказал собрать всех подростков, живших в городе, загнать их в гимнасий и поджечь его. Пораженные этой жестокостью, многочисленные отцы и братья поспешили к дворцу, возле которого стали кричать, требуя предать смерти человека, совершившего это ужасное преступление. Но во дворце никого не оказалось, и добраться до самого Эвергета людям не удалось – он успел сесть на корабль, направившийся в сторону Кипра. Вместе с ним на судно сели его жена Клеопатра III, пятеро их детей и юный Птолемей по прозвищу Мемфисский – сын царя, рожденный Клеопатрой II.

Оказавшись там, Эвергет в свободное время раздумывал над тем, как лучше отомстить. Он потребовал от Киренаики предоставить ему армию и отправил на Пелопоннес своих людей, которые должны были набрать наемников. В это время александрийцы, сумевшие вздохнуть свободно, размышляли над тем, кого следует выбрать новым царем. Законного наследника престола, если не считать детей, рожденных от Эвергета и находившихся на Кипре, в Египте не было, а из женщин, имевших право занять трон, оставалась только Клеопатра II.

Если бы не тот факт, что Клеопатра была женщиной, ее с радостью посадили бы на египетский трон. Жители Египта нередко с теплотой вспоминали супругу и соратницу Филометора, старшего из двух братьев, а александрийцы искренне сочувствовали этой женщине из-за того, что ей пришлось связаться с младшим из них. Клеопатра была слишком осмотрительной для того, чтобы настаивать на своих притязаниях, и терпеливо ждала решения александрийцев. В греческом мире существовало очень сильное предубеждение против женщин на троне.

Проблема, связанная с необходимостью согласования чувств с долгом, казалась неразрешимой, пока один изобретательный философ не предложил выдать царицу замуж за наместника Киренаики, внебрачного сына Эвергета. Данное решение не было идеальным, так как Клеопатра II, достигшая уже среднего возраста, вряд ли могла произвести на свет наследника, но оно позволяло выйти из тупика, а жители Египта вообще не были склонны думать о будущем. Однако дело завершилось, не успев начаться, – на этапе выяснения отношения сторон к этому браку. Новость о готовящемся союзе стала известна на Кипре, и Эвергет предотвратил возможность заключения этого брака со свойственной ему жестокостью. Этому злопамятному человеку ничего не стоило совершить еще одно преступление. Он вызвал сына на Кипр и убил его.

Услышав об этом, жители Александрии пришли в ужас. Они бросились уничтожать изваяния, установленные тщеславным Эвергетом на площадях города, обломки скинули в море и стали умолять Клеопатру занять престол. Возможно, согласиться на эти просьбы ее заставила глупость. В любом случае ей не следовало забывать о мстительности Эвергета. Приближался день ее рождения, и он пообещал сделать ей достойный подарок. В тот вечер во дворце проходил пир, в котором участвовало множество людей. Чуть позже к празднеству

присоединились иноземные послы, решившие пожелать царице счастья и долгой жизни. Едва они заняли свои места, как двое рабов положили у ног Клеопатры II коробку, присланную Эвергетом. Подарок, правда, оказался очень мрачным – в коробке лежали расчлененные останки сына царицы Птолемея Мемфисского. Видимо, именно так Эвергет представлял себе легенду об Осирисе.

Единоличное правление Клеопатры продлилось всего несколько месяцев. Она сдавалась под натиском возраста. Диадема оказалась слишком тяжела для ее головы, а рука, державшая царский жезл, дрожала. Ум женщины оставался острым, но желание использовать его пропало. Она перестала читать обращения и подписывать указы, и неразбериха, начавшаяся во дворце, быстро распространилась на весь административный аппарат. Царица называла себя Филометором Сотерой, или «Спасительницей», хотя подумать так о ней не могли даже самые преданные из ее сторонников. То тут, то там жрецы вырезали посвященные ей надписи, в которых она названа «царицей Клеопатрой, благодетельной богиней»; обрадованные отменой той или иной неприятной подати, люди хорошо отзывались о царице. Но надписи и уступки не могли остановить все нарастающую волну недовольства. Началась новая амиксия, а административный аппарат был слишком слаб для того, чтобы справиться с ней.

Тем временем Эвергет собирался вернуть себе власть над Египтом. Он тщательно подготовил почву для этого. С Кипра в Александрию проникли агенты и шпионы, которые должны были высмеивать людей, поставивших над собой женщину. Насмешки сработали, тем более что отчасти были справедливы, и воодушевленный этим Эвергет в 129 г. до н. э. прибыл обратно. Его войска подошли к городу, местный гарнизон, который Эвергету удалось застать врасплох, сдался, а Клеопатра II бежала в Сирию.

Там снова воцарились беспорядки. Победа, одержанная Филометором в 145 г. до н. э. в битве при реке Ойнопарас, не помогла. Сирия была расколота и захлебывалась в мятежах. В Селевкии Пиерии, столичном порте, правил Деметрий II, сын Деметрия I, а в самой столице Антиохии – Антиох VI, сын Александра Баласа. Однако, подобно своему отцу, Антиох не пользовался популярностью, и могущественный сановник Трифон, возглавивший восстание, провозгласил себя царем. В это время Деметрий II отправился на завоевание Парфии, поручив своей жене Клеопатре Тее, дочери египетского царя Филометора, сдерживать Трифона. Это была слишком трудная задача. Узнав, что армия Деметрия была наголову разбита, а сам он попал в плен, Антиох выдвинулся в сторону Селевкии, и Клеопатра скрылась в Птолемаиде (современный Акко).

Оказавшись там, Клеопатра обратилась за помощью к младшему брату мужа, которого также звали Антиохом. Он был готов выступить против любого, после того как удостоверится в верности своей невестки. Он поклялся, что выйдет против дюжины врагов, если она снабдит его деньгами и поддержкой египетского войска. Лучшим выходом из ситуации он считал брак, о чем стал активно намекать Клеопатре. Антиох умело настаивал на своем. Он говорил, что пребывание Деметрия в плену может затянуться, намекал, что его брат собирается жениться на парфянской царевне, и в конце концов возмущенная Клеопатра согласилась.

Этот союз оказался очень удачным с политической точки зрения. Жители Сирии признали юного Антиоха своим царем, а Рим не стал против этого возражать. Все шло хорошо до тех пор, пока в 130 г. до н. э. окрыленный Антиох не отправился в Месопотамию. В результате этого похода он погиб. Примерно тогда же Деметрий, которому удалось бежать из плена, вернулся домой. Однако Клеопатра отказалась воссоединиться с ним. Возможно, она оплакивала смерть Деметрия, но более вероятно то, что царица не собиралась делить трон с ничем не примечательной парфянской, на которой женился ее муж.

Клеопатра II, бежав из Египта, стала умолять дочь простить Деметрия. Этот совет она давала не столько из-за уважения к брачным клятвам, сколько в надежде на то, что благодарный Деметрий поможет ей вернуться в Египет. Но Тея отказалась воссоединиться с бывшим мужем, и тогда ее мать самостоятельно вступила с царем в переписку. Она

убеждала его, будто, руководствуясь своими же интересами, он должен вторгнуться в Египет; давала слово царицы, что жители долины Нила будут рады увидеть в ее защитнике истинного избавителя. Наживка, насаженная на крюк, была очень заманчивой, и Деметрий проглотил ее.

Он пересек Финикию и Синайский полуостров и предложил жителям Пелусия сдаться. Но Клеопатра обманула Деметрия – население Пелусия не собиралось вступать с ним в переговоры, а египтяне не хотели видеть своим спасителем человека, в жилах которого течет кровь Селевкидов. Ужасные новости из тыла еще больше усилили его беспокойство.

Жители Антиохии отправляли Эвергету письма, в которых содержались просьбы заменить их царя на любого другого по его выбору. Это польстило его тщеславию, и на протяжении недолгого времени он собирался предложить собственную кандидатуру. Однако, поразмыслив, Эвергет замешкался. Жители Антиохии были столь же непостоянными, как и обитатели Александрии, а сам царь стал слишком осторожным для того, чтобы самостоятельно засовывать голову в петлю. В итоге вместо него в Сирию отправился молодой александриец, которого выдали за младшего сына Александра Баласа, и жители Сирии приняли его.

Тем временем Деметрий спешил обратно, чтобы защитить свое наследие. Но он опоздал. Его изгоняли из одной крепости за другой, и в итоге он был вынужден бежать. Войти в Тир ему не позволили, и возле этого города в 126 г. до н. э. преследователи настигли и убили его. Следующей жертвой убийц стал самозванец, и царскую диадему надела Клеопатра Тея, назвавшаяся «царицей Клеопатрой, богиней множества». Данный эпитет, содержащий намек на ее бурную жизнь, очень подходил Клеопатре, столь же ревнивой и злопамятной, как и ее дядя Эвергет. Однако дни этой мстительной женщины были сочтены. Ее старший сын от Деметрия Селевк умер за то, что неосмотрительно называл себя царем, а младший лишь чудом избежал подобной судьбы. Он стал подозрительным и заставил мать выпить кубок вина, который она поднесла ему. Напиток был отравлен, и эта беспокойная женщина встретила свой конец.

Эвергет решил, что в Сирии его сестра Клеопатра II представляет бóльшую угрозу, чем в Египте, помирился с ней и в 124 г. до н. э. снова установил тройное совместное правление. Если верить надписям и рельефам, троица позабыла о своих разногласиях. В частности, на острове Кос была найдена стела, в которой говорится о том, что «царь Птолемей, царица Клеопатра-сестра и царица Клеопатра-жена удостоили Гиерона, учителя царского семейства, золотой диадемы и статуи». В Ком-Омбо был обнаружен рельеф с изображением брата, его жены и сестры, получающих дары от Хора. Возможно, с годами характер Эвергета смягчился, а может, его одолела непреодолимая страсть к графоманству.

Как и большинство авторов голубых кровей, египетский царь считал, будто его знания принесут пользу всему миру, и эта его уверенность оказалась гораздо более сильной, чем умение писать. Если Афиней действительно дословно процитировал написанное Эвергетом сочинение «Воспоминания», состоявшее из 24 объемных книг, представляющих собой сочетание пересказа его личного жизненного опыта и отрывочных сведений по естественной истории, то можно сделать вывод о весьма низком качестве данного литературного произведения. Так или иначе, оно вдохнуло в александрийскую культуру новую жизнь. Воодушевленные примером царя ученые снова стали стекаться в Александрийскую библиотеку и начали писать так активно, что царские торговцы не могли удовлетворить их потребность в папирусе, и Эвергету пришлось запретить вывоз данного материала за границу. Это вызвало отчаянный протест в Пергаме, но египетский царь проигнорировал жалобы соседей, так как не собирался удовлетворять их культурные потребности за счет своих собственных.

Этот представитель династии Птолемеев интересовался и географией. Во время написания своих «Воспоминаний» он поразился тому, насколько мало знает о мире, расположенном по другую сторону от Баб-эль-Мандебского пролива. Исследование простирающегося за ним океана завершилось морским путешествием Неарха от Инда до

Персидского залива, и до тех пор, пока в Александрию в надежде на покровительство царя не прибыл Евдокс Кизикский, первооткрыватель и мореплаватель, никто не осмеливался нарисовать полную картину этих вод. Он хотел найти морской путь в Индию, страну, добраться до которой, как прежде считалось, можно только через Евфрат и Персидский залив. Эвергета заинтересовала перспектива подобного приключения. Он снабдил Евдокса кораблями и дал ему свое благословение. Мореплаватель отправился в путь, миновал пролив и, вернувшись через некоторое время в Египет, клялся, что видел Индию. Его уверения представляются весьма сомнительными. Скорее всего, он в какой-то момент потерял терпение и перепутал эту страну с современным Сомалилендом.

Стремление к знаниям и покровительство ученым, очевидно, несколько изменили характер Эвергета (по крайней мере, привести другие объяснения этой загадочной перемены мы не можем). Своенравный деспот превратился в великодушного правителя, распутник – в добродетельного человека. С тех пор больше всего Эвергет беспокоился о благосостоянии своих подданных и об искоренении злоупотреблений чиновников. Этот старый сластолюбец испытывал новые ощущения, которыми явно наслаждался. Выполнить данную задачу Эвергету помогла унаследованная от предков склонность – каждый Птолемей считал себя выдающимся правителем, а Эвергет уважал семейные традиции.

Делая первый шаг в этом направлении, царь, несомненно, продемонстрировал свою хитрость. От имени «царя Птолемея, царицы Клеопатры-сестры и царицы Клеопатры-жены» он издал манифест, в котором призывал жителей Египта забыть прошлое. По сути, этот документ объявлял широкомасштабную амнистию – соправители прощали «своих подданных за ошибки, преступления, тех, кто был в чем-то обвинен и чье имущество было конфисковано, за исключением совершивших преднамеренное убийство и святотатство». Затем говорилось, что «те, кто прячется из-за кражи или правонарушений, могут вернуться домой и к своим занятиям, а их оставшееся имущество не должно быть продано».

Затем пришла очередь законопослушных жителей Египта. Им простили долги по налогам «зерном и деньгами», за торговлей, которую они вели, больше не следили таможенные чиновники – любители самоуправства, – и они больше не должны были платить таможенные пошлины при передвижении «от одного клочка земли к другому» сверх законных сборов – эта отвратительная государственная монополия была отменена. Храмы, в частности «святилища Исиды и кормовые площадки ибисов и соколов» в Арсиноитском номе, получили особые привилегии. Их долги простили, а о злоупотреблениях жрецов позабыли. «Никто, – говорится в этом документе, – ни под каким предлогом не должен уносить то, что принадлежит богам, или оказывать давление на надзирателей за священными доходами».

В какой-то момент Эвергета стали терзать серьезные сомнения в честности государственных чиновников. «Ни один чиновник, – напоминал он им, – не должен брать с земледельцев и налогоплательщиков ничего для блага «полиции» или представителей государства». Последним запрещалось забирать у земледельцев «царскую землю обманом и обрабатывать ее по своему выбору», заставлять их «работать на себя». Кроме того, они должны были получать от крестьян «гусей, птицу, вино и зерно за определенную плату». Данное предупреждение было сделано очень своевременно. За нарушение указа вышестоящие чины стали подвергать своих подчиненных серьезным наказаниям. «Ты ставишь себя в глупое положение, Дионисий, – писал один вельможа, – рискуя своей, а не моей шеей. Кажется, ты сошел с ума. Если тебе нравится быть пьяным, не думай о завтрашнем дне».

Управлять крестьянами, привыкшими к преувеличениям и интригам, было сложнее. В деревнях редко царил мир – каждый домовладелец вел войну со своим соседом. Страсти накалялись. Показной спор о праве на воду приводил к вражде, а та – к убийствам. Стражи порядка в приступе оптимизма оставили население самостоятельно разбираться со своими противоречиями, и деревни могли опустеть до вмешательства властей. Из-за недостатка тем для разговоров сплетничали в сельской местности редко. Когда людям надоедало говорить о ценах на сельскохозяйственную продукцию, они переходили к беседам о нечистоплотных

сборщиках податей и их представителей. Достаточно вспомнить эмоциональное письмо, в котором некий Артемидор, метко названный «ненавидимым богами», и его «коллега» Птолемей обвиняются в том, что они присвоили пять артабов зерна, предназначенных для выплаты подати.

Между человеком и государством шла беспощадная вражда, последствия которой были более чувствительными для первого, чем для второго. Несмотря на указы и упреки, местные власти при отсутствии законных оснований продолжали требовать от крестьян, чтобы те выполняли для них работу, и жители деревень, отказывавшие им в этом, дорого платили за свою неосмотрительность. Всеобщему осуждению, как обычно, подвергался несчастный комарх, аналог современного омды. «Ты определенно единственный человек, не реагирующий на наши настоятельные замечания, – писал одному комарху разъяренный Агафон. – Хотя мы писали тебе и отдавали приказы, ты не обращал на них внимания».

Возможно, этот выговор был заслуженным. Но зачастую чиновники нуждались в защите не в меньшей степени, чем крестьяне. Должности открыто продавались и покупались, и везунчики платили высокую цену за возможность защищать государство. Один деревенский комограмматевс, или писец, зафиксировал, сколько ему пришлось потратить. «За назначение, – обещал он своему начальнику, – я отдам в деревне 50 артабов пшеницы, 10 – чечевицы, 10 – гороха, 10 – смешанного зерна, и Дорион тоже отдаст 50 артабов пшеницы». Несмотря на то что этот человек и его собраты собирались впоследствии компенсировать свои расходы, плата за назначение была только первой из неприятностей, с которыми им пришлось столкнуться. «Как только что-нибудь соберешь, – резко писал представитель местных властей своему подчиненному, – ты не требуешь плату с других. Ты нерадив. Их обеспечение уже давно должно было оказаться здесь и быть продано». В описываемый нами период, как и в правление первого Эвергета, административный аппарат эллинистического Египта, несомненно, нуждался в чистке.

Жизнь горожан была более радостной. Они встречали знакомых в многочисленных сообществах, расплотившихся в хоре. Эти объединения имели скорее общественный, чем политический характер и представляли собой своего рода гильдии или прототипы профсоюзов, члены которых сочетали дела с развлечениями. Благодаря этому люди стали собираться вместе. Велась протоколы, тщательно записывались имена членов и присутствовавших на мероприятии гостей, а также перечислялись их развлечения. Некий Гермий и его друзья из Эль-Хибы (неподалеку от Бени-Суэйфа), возможно служившие возницами и руководившие конюхами, привыкли собираться в комнате для зерна или для упряжи одной из конюшен. Там компания, несомненно, веселилась, наслаждаясь вином (выдержанным мемфисским), игрой Гелланика на флейте и танцами мальчика, облаченного в женские одежды.

Подобные сообщества существовали благодаря взносам, а расходы на собрание делились между членами и гостями. В одном из текстов, сохранившихся до нашего времени, говорится, что для этого требовались три серебряные драхмы на человека, сумма вполне достаточная для слуг, ежемесячный доход которых вряд ли превышал пять драхм.

Наряду с такими «клубами» существовали многочисленные религиозные сообщества, руководили которыми миряне, взявшие на себя обязанности жрецов. Так, члены одного из подобных сообществ, существовавшего в Сиене (современный Асуан), поклонялись обожествленным Птолемаем; участники другого, жившие в Тапосирисе (Абусир), – Исиде и Осирису; третьего, функционировавшего в Арсиное (Эль-Фаюм), – богу-крокодилу Суху; четвертого, в Александрии, – богу Анубису.

Существование подобных «клубов» и сообществ подразумевает наличие в египетской хоре определенного стандарта образования. Справедливость этой гипотезы также доказывают тексты папирусов, написанные в тот период. Прежде чем быть зачисленными на государственную службу, молодые люди должны были пройти своего рода приемные испытания. Так, в одном из текстов, найденных в Тебтунисе, говорится об экзаменах по иератике и демотике, которые необходимо было сдать тем, кто собирался стать жрецом.

Женщина, написавшая другое письмо, поздравляет сына с тем, что он благодаря своему знанию демотики стал учителем в семье местного врача, предположительно египтянина.

Жившие в Египте обеспеченные греки посылали сыновей за границу, где последние должны были закончить свое обучение, или пользовались услугами местного гимназия, благодаря которому их дети могли получить домашнее образование. Гимназии, созданные государством и, вероятно, финансировавшиеся за его счет, несомненно, позволяли получить очень неплохое образование. Их руководители, гимнасиархи, пользовались большим уважением и носили почетный титул эпистата, а ученики, будущие эфебы, обычно были сыновьями клерухов, бывших наемников, и вместе со своими отцами в случае необходимости призывались на военную службу.

Этому примеру последовали и в других странах бассейна Эгейского моря. Правители некоторых государств в Малой Азии создали такие же школы в своих владениях, а более бедные города на островах и в Греции обратились к богатому египетскому царю с просьбой о денежной субсидии, которая позволила бы им тоже организовать гимназии. В свое время Птолемея Филадельфа буквально засыпали подобными просьбами, но его потомок предпочитал тратить деньги несколько иначе, и его страсть к эллинизму ограничивалась покровительством, не связанным с финансовыми затратами. Изменить принятое им решение не могло даже обещание установить в его честь статую на рыночной площади.

Иноземцы, попадавшие в Египет, почти ничего не знали о жизни египетского общества за пределами столицы. Лишь некоторые иностранцы проникали дальше Александрии, ибо царь, стыдившийся бедности своих подданных, противодействовал путешествиям вверх по течению Нила. Правда, настаивать на этом ему не всегда удавалось. В частности, когда Луций Муммий, «римский сенатор, занимавший высочайшее положение и пользовавшийся огромным уважением», пожелал посмотреть страну, правителю Египта пришлось избавиться от своих предрассудков.

В любом случае поездку Муммия ограничили посещением Арсиноитского нома, где располагались царские земельные владения, предназначенные для ушедших в отставку солдат и чиновников. Этот ном был единственным, в котором царские указы исполнялись без возражений. Эвергет и его сановники думали, что, побывав там, высокопоставленный римлянин сможет увидеть, насколько хорошо власть относится к своим подданным. В итоге Луций Муммий, за которым старательно следили и которого активно развлекали, отправился в Филадельфию. Он посетил загадочный лабиринт, покормил «лакомыми кусочками» священных крокодилов и заметил, с каким почтением местные жители относятся к этим неуклюжим чудовищам. Его, несомненно, поразила популярность бога-крокодила Петесуха. Только в одной деревне Муммию показали пять святилищ, построенных в честь этого божества.

Большим, чем развлечение высокопоставленных гостей, достижением стала реформа судебной системы. В сфере уголовного процесса власти Египта постарались уйти от устаревших драконовских процедур, сформировавшихся еще в период правления фараонов. Клятвопреступление, как и правонарушения, направленные против богов, больше не каралось смертью, а нарушение супружеской верности – тысячей ударов плетью как преступление против морали. Судебные функции были отделены от жреческих. Очевидно, изменился состав верховного суда, в котором прежде заседали жрецы из Гелиополя, Мемфиса и Фив. Их заменили более компетентные члены, способные отправлять правосудие, а в каждом конкретном номе место верховного жреца занял стратег, или управитель.

Развитие торговли также требовало радикальных изменений в гражданском процессе. Существующие виды судопроизводства уже не подходили для сообщества торговцев, и Эвергет безбоязненно отменил неясности, путавшие и судей, и участников судебного процесса. Отказавшись от традиций, он ввел судопроизводство, гарантировавшее объективное слушание дела как грекам, так и египтянам и по своему виду представлявшее собой прототип современных египетских смешанных судов. До этого оно не было единообразным. Споры

между греками или представителями иноземных и египетских общин рассматривали хрематисты, греческие судьи, в соответствии с греческим законодательством, а между египтянами – лаокриты, египетские судьи, которые руководствовались законами, составленными в храмах.

Однако с развитием в Египте торговли ситуация осложнилась. Договоры между греками и египтянами записывались как на греческом, так и демотикой, а при возникновении споров, связанных с трактовкой их положений, каждая из сторон обращалась к судье того же этнического происхождения. В целях устранения этого противоречия Эвергет приказал, чтобы дела, связанные с договорами, составленными на греческом языке, независимо от этнической принадлежности сторон рассматривались хрематистами, а с контрактами, записанными демотикой, – лаокритами. Это была очень грамотная реформа.

Неизбежным следствием инициированного царем преобразования административного аппарата стало увеличение числа писем и документов, которыми столичные чиновники обменивались со своими «коллегами» из номов. Все большее число людей осваивало грамоту, и общение в устной форме стало менее частым явлением. Подобно чиновникам, торговцы теперь начали вести переписку со своими доверенными лицами в хоре. В итоге стала очевидной необходимость улучшения почтового сообщения. Вероятно, к этому были приняты какие-то меры, так как, несмотря на увеличивавшееся число царских и официальных писем, их, очевидно, оперативно и регулярно доставляли из столицы в хору и наоборот.

В различных городах существовали почтовые учреждения, укомплектованные государством, в которых служили «почтальоны» и их охранники, и два раза в сутки отправлявшие и получавшие посылки и письма. В каждом из них велся журнал учета, где записывалось время прибытия и отправки почты, а также содержимое каждого отправления. Так, однажды в Гераклеополе «в первый час Феокрест отправил Динию три свитка из верхней области, два из которых предназначались царю Птолемею, а один – диойкету Аполлонию, и Диний передал их Гипполису». Через два дня из столицы прибыло более тяжелое отправление. Некий Никодем «отправил некоему Александру из нижней области свитки от царя Птолемея для Антиоха в Гераклеопольском номе, другие свитки адресованы Деметрию, ответственному за слонов в Фиваиде, Антиоху в Аполлонополе Магна, Теогену, который возит деньги, пекарю Зоилу и эконому Дионисию».

Сложная структура местных почтовых учреждений позволяет предположить, что они доставляли и отправляли не только официальные, но и (в определенных границах) частные письма. Ведь такому малозначительному городку, как Гераклеополь, вряд ли требовались услуги 44 «почтальонов». Царские письма доставляли на лошадях, частные – пешком, а посылки – с помощью верблюдов. При этом расходы государства в данной сфере были, очевидно, довольно скромными. Всадниками, перевозившими корреспонденцию, были молодые люди из хороших семей, сыновья клерухов, поклявшихся держать для нужд царя одну или двух лошадей. «Почтальонами» и их охранниками становились обычные крестьяне, которым за эту работу не платили. Данная система обходилась дешево и, очевидно, была довольно эффективной, что можно считать заслугой бюрократического аппарата Птолемеев, хотя она представляет собой всего лишь усовершенствованный вариант почтовой службы, существовавшей в Персии.

С годами Эвергет все больше хотел пользоваться популярностью в народе. Возможно, это его стремление было связано с желанием искоренить память о совершенных им в прошлом преступлениях и безрассудствах и таким образом войти в историю в качестве великодушного правителя, беспокоящегося о благосостоянии своих подданных. Для этого царь стал повторять действия и указы своего брата – призывать чиновников быть мягче с что-то нарушившими крестьянами и рекомендовать последним мирно уладить свои ссоры с представителями государства.

В эллинистическом Египте было достаточно случаев, подтверждающих обоснованность первого совета. Чиновникам всегда было свойственно самоуправство. На царский указ,

запрещавший «чиновникам, служащим царю, государству и храмам, арестовывать кого-либо из-за частного долга или ссоры», не обращали внимания. То же самое случилось и с документом, являвшимся его логическим продолжением и требовавшим, чтобы «подобных нарушителей приводили к магистрату».

С данным явлением был связан один из случаев законного недовольства. Речь идет о конфликте с участием жрецов и жителей острова Филэ, жаловавшихся на обязанность бесплатно предоставлять солдатам и чиновникам жилье и продукты питания. На острове действовал соответствующий закон, но в периоды, когда уровень воды в Ниле был низким, несчастные не понаслышке знакомились с голодом. Эвергет освободил жителей Филэ от этой обязанности, и благодарные жрецы установили в храме Исиды небольшой обелиск с вырезанным на нем текстом царского указа.

Эвергета интересовала древнеегипетская религия, причем, как и в случае с его предшественниками, этот интерес был довольно разносторонним. Он оказывал поддержку всем богам, за свой счет восстанавливал все пришедшие в упадок святилища и храмы, о чем свидетельствуют надписи, вырезанные в Карнаке, Мединет-Абу, Дейр-эль-Бахри, Дейр-эль-Медине, Эль-Кабе и других местах.

С особым пиететом царь относился к большому храму в Эдфу, строительство которого близилось к завершению. На его территории он велел возвести святилище Хора и заложить два массивных пилона, обрамляющих вход в большой зал. Строительство этого величественного храма, чисто египетского в плане, начатое первым Эвергетом на сто лет раньше и продолженное следующими Птолемеями, украшавшими его в зависимости от требований существовавшей в их время моды, теперь близилось к завершению. В нем не было ничего позаимствованного из греческой архитектуры. Сам храм и его убранство были спланированы в рамках традиций, заложенных в эпоху фараонов. Строители даже не пытались совместить два архитектурных стиля или две религиозные системы, столь непохожие друг на друга.

Вряд ли какой-то из Птолемеев пошел бы на эксперимент, который не одобрили бы консервативные египетские жрецы, пользовавшиеся непререкаемым авторитетом среди населения сельской местности, и представители царской династии были готовы дорого заплатить за расположение к себе священнослужителей. Результат того стоил, так как благодаря жрецам фигура царя считалась священной. Войдя в храм через пилоны, он пересекал большие двор и зал и останавливался на пороге святилища. Сопровождавшие его до сих пор жрецы отходили, чтобы совершать ставшие уже привычными для них ритуалы, а царь шел дальше, чтобы пообщаться с божеством напрямую.

Храм в Эдфу стоил потраченных на него средств, был действительно масштабным и достойным пожертвований Птолемеев, правивших позднее. Площадь его владений приближалась к поразительной цифре в 18 336 арур, или 50 квадратных километров, а его доходы ежегодно увеличивались благодаря поступлениям из царской казны, которые делались частично в виде денег и частично – в натуральной форме.

Однако в Александрию стали просачиваться не самые приятные слухи о храме, и Эвергет решил, что должен открыто обсудить их со жрецами. Он сказал, что священнослужители паразитируют на пастве и обогатились за счет храма, и стал укорять виновных в этом. По его словам, их жадность и злонамеренность стали притчей во языцех по всему Египту, а у храма была бы более хорошая репутация, если жрецы удержались бы от грабежей и злословия, умерили бы самодовольство и лучше помнили бы о своем призвании. Пророк храма и его помощники склонили головы, а Эвергет продолжил свои нотации. Он призвал священнослужителей избавиться от привычки лгать для достижения собственных целей, воздержаться от использования кощунственных слов и пустой похвалы. Эти упреки, очевидно, были оправданны, иначе Эвергет не приказал бы верховному жрецу вырезать текст своего предупреждения на стенах храма.

Надписи и рельефы не были способны удовлетворить амбиции Эвергета. В первую очередь он хотел посоперничать с предками, особенно со своим тезкой – первым

Эвергетом, – построить роскошное святилище и «поселить» в нем забытое или непопулярное древнеегипетское божество. Выполнить первую из этих двух задач он был не в силах. Эвергет не мог надеяться, что за оставшиеся годы жизни успеет возвести храм, который по своему размеру и великолепию будет достоин стоящего в Эдфу.

Найти в древнеегипетском пантеоне общенародного бога, не имевшего верных почитателей, царю тоже никак не удавалось, пока он не обнаружил подходящую кандидатуру в Мемфисе. Там эту проблему персам удалось решить благодаря обожествлению Имхотепа, визиря, врача и архитектора, представителя III династии древнеегипетских царей Джосера, и Аменхотепа, сына Хапу, выдающегося человека, жившего в период правления XVIII династии. Эвергет вышел из тупика таким же образом. Он воздал почести сыну Хапу и построил в его честь святилище в Фивах. Это была странная прихоть, но еще более удивительным оказалось то, что жрецы и миряне с удовольствием приняли нового бога в свой и без того раздутый пантеон.

Строительство этого святилища стало последним, что сделал Эвергет. Он скончался в 116 г. до н. э., на 69-м году жизни. Так или иначе, он был царем на протяжении 53 лет. Шесть из них он правил вместе со своим братом Филометором в Александрии, 18 – в Кирене, 29 – снова в Египте. В памяти потомков Эвергет остался самым жестоким и эгоистичным из всех Птолемеев, и, несмотря на перемены, произошедшие с ним в последние годы царствования, подобная характеристика не кажется субъективной.

Глава 11

Птолемей Сотер II Лафур

116–106 гг. до н. э.

Птолемей Александр I

106–88 гг. до н. э.

Птолемей Сотер II Лафур

88–80 гг. до н. э.

Птолемей Александр II

80 г. до н. э.

Начиная с этого момента ключевую роль в династии Птолемеев стали играть не столько мужчины, сколько женщины. Правителями оставались мужчины, но женщины стали оказывать на них заметное влияние. Первый камень в основу такого отхода от традиции заложила Клеопатра II, а третья женщина, носившая это имя, продолжила начатое своей предшественницей. Супруга царя, несомненно, с самого начала носила почетный титул базилиссы. Но он был пустым звуком до тех пор, пока Клеопатра II, претендовавшая на равенство в правах, не заставила сначала жителей Александрии, а затем и римлян признать факт ее совместного правления с мужем. Этим она сослужила династии плохую службу, ибо в последние годы жизни Клеопатра III занималась тем, что сеяла вражду между своими детьми.

Она была хорошей женой – закрывала глаза на измены мужа и разделила с ним все превратности судьбы. Их союз не был полностью лишен любви – Клеопатра III родила Эвергету пятерых детей: двух Птолемеев, старший из которых из официальных источников известен как Сотер II, а в народе получил прозвище Лафур, «Бараний горох», а младший – как Александр, и трех дочерей.

Двух девушек выдали замуж еще при жизни отца: старшую – за правителя Сирии Антиоха Грипа, а вторую, Клеопатру IV, – за ее брата Лафура, в то время как третья, Селена, впоследствии известная как Клеопатра V, оставалась незамужней. Детей царская чета учила

не столько любви, сколько повиновению, и их мать проследила за тем, чтобы они усвоили урок.

На протяжении первых лет пребывания в статусе царицы основные силы Клеопатры уходили на рождение детей. Но ее амбиции всего лишь дремали, и, когда ее муж уже был на смертном ложе, она убедила его назвать себя наследницей престола. Правда, с потерей Киренаики ее наследство уменьшилось. Когда Филометор еще находился на Кипре и простил Эвергета, последний, озлобленный, вернулся в свои владения и стал планировать месть. Он собирался отнять у потомков брата часть их наследства, завещав Киренаику Апиону, одному из своих многочисленных незаконнорожденных детей. Эвергет не отменил завещание, и никто не усомнился в правах Апиона. Царь вполне мог бы избавить себя от проблем, ведь дети брата умерли раньше его. Но в итоге он, по сути, ограбил собственных законнорожденных детей.

Эвергет завещал жене царство с одним весьма досадным для нее условием – женщина должна была сделать своим соправителем одного из сыновей. Но Клеопатра никак не могла сделать выбор. Она склонялась к кандидатуре Александра, своего младшего сына, так как опасалась, что не сможет заставить подчиниться сестру и жену Лафура, непослушное дитя, превратившееся в весьма властную молодую женщину. Клеопатра III понимала, что между ней и ее дочерью может разгореться ожесточенная борьба, и не собиралась повторять историю собственной жизни.

К несчастью, последнее слово оставалось за армией, а царица слишком хорошо знала приверженность солдат праву первородства для того, чтобы выступать против него. В итоге она, сделав хорошую мину при плохой игре, призвала Ла-фура, на тот момент являвшегося наместником Кипра, и назвала его своим соправителем. Это был очень себялюбивый молодой человек, с радостью сменивший наместничество на половину трона, но угодить его жене оказалось гораздо сложнее. Она стала оспаривать право матери на первенство и с пренебрежением говорила о принятии Клеопатрой III титула богини-спасительницы. По мнению молодой женщины, если кто-то из членов семьи и получал подобный титул, то это была жена царя, а не вдова его покойного предшественника. Появление в официальных надписях словосочетания «царица Клеопатра и царь Птолемей» еще больше усилило ее возмущение, ибо в них она не упоминалась, будто и не существовала.

Клеопатра IV стала требовать от мужа, чтобы он возмутился, но, занятый мыслями о собственных интересах, Ла-фур не стал вмешиваться. Он не стал разбираться в том, кому принадлежит первоочередность – его жене или матери. Мужчина собирался править единолично, а не вместе с матерью, и для него была очень выгодной ситуация, в которой женщины с головой погрязнут в спорах о первенстве. Клеопатра III поняла, о чем думает ее сын и соправитель, и прочитала ему целую лекцию о вреде разногласий в семье. Она напомнила о многочисленных бедствиях, которые пришлось пережить представителям царской фамилии из-за семейных раздоров, и посоветовала развестись с докучливой женщиной и жениться на своей младшей сестре Селене. Убедившись, что мать на данный момент сильнее, и совершенно не беспокоясь о том, кто станет его женой, раз он уже занял престол, Лафур в резкой форме приказал Клеопатре IV покинуть Египет.

Женщина не стала спорить, но, прибыв на Кипр, собрала войско и предложила свою руку и армию Кизикену, воевавшему тогда со своим двоюродным братом Грипом, восьмым из сирийских правителей по имени Антиох и мужем старшей сестры Клеопатры. Таким образом конфликт между двумя двоюродными братьями из династии Селевкидов превратился в противостояние между двумя сестрами из Египта. Потерпев поражение на поле боя, Кизикен и Клеопатра IV укрылись в Антиохии, а когда этот город капитулировал, женщина спряталась в храме Артемиды. Но он оказался плохим убежищем. Безжалостная сестра Клеопатры IV велела оттащить ее от алтаря и предать смерти. Через несколько месяцев за бывшей женой Лафура последовала и сама убийца. Она попала в плен к Грипу^[59] и была казнена – мужчина «принес ее в жертву манам своей жены». Так свою смерть встретили две из семи египетских Клеопатр, о которых потомки не могут сказать почти ничего хорошего.

Александрийцы никак не отреагировали на отъезд супруги Лафура, полагая, что, если царь предпочитает видеть в качестве жены не сестру, а мать, это его личное дело. Подданные просили от царственных супругов лишь одного – чтобы их совместная жизнь была мирной. Для того чтобы подкрепить эти ожидания, мать предложила сыну назваться Сотером II Филометором, исправить официальную титулатуру правителей на «царица Клеопатра, царь Птолемей, боги-Филометоры, и его дети» и отправить Александра на Кипр, где тот должен был занять место старшего брата.

Эти действия оказались бы более эффективными, если бы царица не отстранила Лафура от управления государством. На его советы и пожелания не обращали внимания, и подобное неуважение вызвало у царя острое негодование, что очень удивило его мать. Она решила, что ее глупый сын, очевидно, забыл про судьбу своей жены, и стала размышлять над тем, как заменить его Александром. Однако прежде Клеопатре было необходимо разобраться с делами, в том числе связанными с управлением государством.

Внимания царицы требовал и предприимчивый мореплаватель Евдокс Кизикский, снова прибывший в Александрию, чтобы предложить ей профинансировать еще одно плавание в Индийский океан. В результате первого, средства на которое мореплаватель получил от Эвергета, в Египет был доставлен ценный груз, состоявший из «ароматических веществ и драгоценных камней», и Евдокс обещал, что из второго путешествия он вернется с еще более дорогостоящими товарами. Соблазн был очень велик, и Клеопатра предоставила Евдоксу корабли и приказала ему привезти обратно больше драгоценных камней и меньше ароматических веществ. Но после того, как корабли прошли через Баб-эль-Мандебский пролив, им пришлось столкнуться с муссоном, и Евдокс решил сменить курс, чтобы сохранить суда от порывов этого ветра.

Недалеко от Сомалиленда мореплаватель нашел предмет, стоивший, по его мнению, всех драгоценных камней мира, – носовое украшение потерпевшего крушение финикийского судна, очевидно плававшего вокруг Африки. Благодаря этому Евдокс раз и навсегда решил для себя спорный вопрос о том, можно ли проплыть вокруг Африки, и, охваченный желанием стать первым, кто заявит об этом открытии, он поторопился вернуться, даже несмотря на то, что так и не успел погрузить на свои корабли ни драгоценных камней, ни ароматических веществ. В Александрии мореплавателя приняли холодно. Царица, которую совершенно не интересовала география, обвинила Евдокса в том, что он тайно продал груз, а когда этот честный искатель приключений с возмущением отверг все обвинения, его посадили в тюрьму. Там он провел несколько месяцев, после чего Клеопатра приказала ему возвращаться домой. Евдоксу только это и было нужно. В Кизике он нашел более просвещенного покровителя и, пройдя через Геркулесовы столбы, направился в Атлантический океан, чтобы обогнуть Африку на собственном корабле.

Тем временем Лафур, крайне обеспокоенный своим положением, вступил в тайную переписку с правителем Сирии. В кои-то веки в этом государстве ненадолго установился мир. Грив и Кизикен сумели достичь соглашения и разделили территорию страны: первый из них правил в самой Сирии, а второй – в Келесирии. Правда, разделение было не равноценным, и Кизикен периодически с жадностью поглядывал в сторону Палестины. Возможность захватить ее представилась ему, когда Иоанн Гиркан, первосвященник и царь, начал осаду города отступников в Самарии и его жители обратились к Кизикену с просьбой о помощи. Однако на Иудейских холмах Гиркан как противник значительно превосходил Кизикена. Он напал на врага из засады, заставил его начать спешное отступление и усилил блокаду Самарии.

Опечаленный поражением, Кизикен обратился за помощью к Лафуру, который тайно отправил из Александрии ему на помощь 6 тысяч наемников. Намерения Лафура были ясны – он собирался показать матери, что является правителем Египта. Узнав о поступке сына, Клеопатра пришла в ярость. Она оскорбилась бы, даже если Лафур отправил бы куда-то хотя бы одного солдата без ее разрешения, и боялась, что его действия разозлят египетских евреев, ведь он помог человеку, подвергающему их народ гонениям. Клеопатра нанесла

ответный удар, назначив двух видных александрийских евреев на высокопоставленные армейские должности и уверив Гиркана в том, что она также готова оказать ему поддержку.

Лафур ответил на вызов, начав чеканить собственные деньги, издавать собственные указы, и Клеопатра стала размышлять над новым ударом. Однажды утром двое евнухов из дворца вышли на городские улицы, где стали показывать кровоточащие раны и кричать, будто Лафур пытался убить свою мать царицу Клеопатру. Этот старый как мир метод, казалось, еще никогда не подводил. Возле дворца тотчас же собралась толпа, из которой начали доноситься выкрики: «Смерть матереубийце!» Обвинения были лживыми от начала и до конца, но Лафур, испугавшись шума, бежал на Кипр, и Клеопатра не стала ему мешать. В Александрии в качестве заложников остались его вторая жена Клеопатра Селена и их совместный ребенок. В это время младший сын царицы Александр уже был в Пелусии и ждал, когда она пригласит его присоединиться к себе.

Жители Египта не оспаривали права младшего сына занимать трон. К правящей династии вообще стали относиться с гораздо меньшим уважением – александрийцам надоели их постоянные междусобицы. Некогда они называли Эвергета «Пузом», а Александр получил от них не менее обидное прозвище – «Узурпатор». Но, как это часто бывает, негодование ограничилось словами.

Ответный удар вызвал только сплетни, и Клеопатра пожалела, что позволила Лафуру покинуть Египет живым. Для того чтобы исправить свою ошибку, царица отправила на Кипр войска, приказав им вернуть беглеца. Но она опоздала. Лафур вовремя узнал о ее плане и уплыл в Селевкию Пиерию. Кизикен, желавший отыграться за свое поражение от Гиркана, тепло принял Лафура, снабдил его деньгами и отправил обратно на Кипр – собирать наемников.

К тому времени Гиркан уже умер (в 104 г. до н. э.), и боевые действия начал Яннай, непримиримый враг Кизикена. Он хотел сначала завоевать Птолемаиду (Акко), и жители этого города обратились за помощью к Кизикену. Однако тот не рискнул покинуть Селевкию, и охваченные отчаянием обитатели Птолемаиды воззвали к Лафуру, пообещав ему в обмен на помощь власть над Сидоном и Кейсарией. Лафур не мешкал. Он решил, что с помощью наемников, набранных им для Кизикена, сможет разбить Яннай, занять Палестину и двинуться в сторону Египта, заставив таким образом свою мать заплатить за дурное отношение к нему.

Лафур высадился в Хайфе, пересек Изреельскую долину и вынудил Яннай снять осаду. Однако этим он ничего не достиг: жители Птолемаиды, решив, что лучше ими будет править еврей, чем они станут рабами Птолемея, отказались впустить Лафура в город. Подавленный и разочарованный, он стал переписываться одновременно с Яннаем и его врагами – жителями Газы. Умный Яннай, осознав, что солдаты Лафура служат за деньги, предложил за их услуги 400 талантов. Это была солидная сумма, и Лафур принял ее так же, как она была предложена, – он разорвал отношения с жителями Газы и начал осаждать Птолемаиду. Еще до выплаты денег Яннай пожалел о своей опрометчивости, ведь избавиться от Лафура можно было и за гораздо меньшую плату – заключив союз с его матерью.

Клеопатра с радостью приняла это предложение и, отправив на Кос своих внуков и царские драгоценности, мобилизовала сухопутные и морские военные силы. Но корабли с солдатами задержались, и Лафур успел узнать о предательстве Яннай. Осознав опасность, он переключился на предателя, вошел в Галилею, одним субботним утром взял приступом город Асохис, захватил в плен 10 тысяч человек и двинулся в сторону второй крепости – Сепфориса. Он уже собирался начать приступ, когда шпионы сообщили ему, что на другом берегу реки Иордан расположился вместе со своим войском Яннай. На поле боя Лафур представлял собой более серьезную угрозу, чем на троне. Он отошел от Сепфориса, пересек Иордан и бросился на врага, совершив ратный подвиг, сделавший его владыкой Палестины.

Из евреев, которые могли бы рассказать о поражении, не выжил почти никто. Но война еще не закончилась. Рядом с побережьем Финикии стояла мощная египетская эскадра, которой командовал брат Лафура Александр, а служивший его матери военачальник Хелкия,

еврей по происхождению, двигался на север. Лафур вышел навстречу последнему, за чем последовало сражение на границе между Палестиной и Египтом, так и не решившее исход конфликта. Потери египтян были очень велики, среди погибших оказался сам Хелкия. Клеопатра спешно стала собирать новые силы, а осторожный Лафур отошел в Газу. Птолемаида капитулировала, но ситуация изменилась, и победитель Янная оказался заблокированным в Газе.

Клеопатра делала все возможное для того, чтобы вытеснить Лафура из Палестины. Она заставила Грива взяться за оружие, отправила ему сговорчивую Селену, которая должна была стать его женой, усилила свои войска на Синае и потребовала, чтобы они вытеснили Лафура из Газы. Поход закончился моральной победой Клеопатры. Лафур вернулся на Кипр, а Янная поклялся служить египетской царице. Палестина стала казаться ей военным трофеем, получить который можно, просто попросив. Новый военный советник Клеопатры Анания спас евреев от унижения, намекнув, что аннексия Палестины отвратит от царицы его собратьев по вере, живущих в Египте, и предложил своей госпоже подумать, заслуживает ли захват Иерусалима того, чтобы заплатить за него столь высокую цену.

Этот поход стал последним крупным предприятием Клеопатры III. Она умерла в 101 г. до н. э. в возрасте примерно шестьдесят лет. Если верить Юстину, то царица, та, «которая согнала даже свою мать с ее брачного ложа, которая двух своих дочерей превратила во вдов, выдавая их замуж то за одного, то за другого брата, та, которая против одного сына, отправленного в изгнание, вела войну, а другому сыну, отняв у него власть, готовила гибель»^[60], пала жертвой собственного сына Александра. Характеристика, данная ей в его сочинении, получилась довольно мрачной (возможно, даже чересчур), но в целом справедливой. Для того чтобы обрести власть не только над телами, но и над душами мужчин, она объявила себя живым воплощением Исиды, божественной матерью, богиней-спасительницей, Осирисом-Эвергетом, звездой победы. Эта Клеопатра не внесла вклад в управление самим Египтом, упустив или не сумев правильно использовать многие из появлявшихся у нее возможностей. В памяти потомков она всегда останется самой беспринципной представительницей династии.

Не уверенный в том, на чьей стороне окажется общественное мнение, Александр держался в тени до тех пор, пока не прекратились пересуды. Правда, ему не следовало беспокоиться – судьба членов царской династии теперь мало интересовала жителей Египта. Цари и царицы появлялись и исчезали, оставляя после себя только память о своем избрании и смещении с престола, побегах и убийствах, и разница между двумя сыновьями Клеопатры III была невелика. Старший поднялся с оружием против собственной родины, а младший убил свою мать. В Египте должен был править царь, но населению страны было безразлично, кто им станет – Лафур или Александр.

Второй из этих двоих подсуелился и занял трон. Он решил, что, женившись на дочери брата Беренике, сможет заставить людей забыть о совершенном им преступлении, если назовет себя и свою супругу богами-Филометорами. Самоуверенность Александра поразило жителей столицы, и они дали ему новое прозвище – «Прыщ», которое он, несомненно, заслужил, ибо страдал излишней полнотой, а его лицо было покрыто пятнами и угрями. Еще в возрасте до 40 лет «он даже оправиться сам не мог, не опираясь на двух попутчиков»^[61]. В Александрии любили посудачить и о его выходках. Во время пиршеств, несмотря на свою тучность, царь «соскакивал босиком с высокого ложа и плясал живее завязанных танцоров». Александр воистину был правителем, обладавшим чувством собственного достоинства.

Циничное безразличие Александра к потере Киренаики после смерти Апиона (97 г. до н. э.), унаследовавшего ее от своего отца Эвергета, поразило египетских греков. Бездетный Апион передал Киренаику в наследство Риму, предав таким образом эллинизм и все его традиции, и жители Египта ждали, что этот поступок вызовет негодование царя. Но Александр не прислушался к разговорам горожан. Единственным, что его действительно интересовало, были развлечения, и занимался он исключительно их поиском. Погруженный

в это, он пожертвовал бы всем Египтом, если бы римляне гарантировали ему пожизненное право на престол.

Не меньшую печаль в сердцах греков вызвала новость о том, что население Киренаики с радостью встретило перемены. Связь с Птолемями этим людям никогда не нравилась, и они готовы были сменить египетского царя на римский сенат. В Александрии воцарилось мрачное отчаяние; усилилось подозрение, что римляне собираются уничтожить эллинизм в бассейне Эгейского моря, бывшее на протяжении жизни нескольких поколений подсознательным. Теперь ни одно эллинистическое государство или город не чувствовали себя в безопасности – Рим мог дотянуть свою лапу до каждого из них. Сможет ли Египет избежать судьбы, которая настигла Македонию и Киренаику и грозила Понту и Сирии? Жители Александрии не могли отрицать, что такой исход событий вполне вероятен.

Царь не обращал внимания на косые взгляды и едва слышные проклятия. Поглощенный поиском удовольствий, он не занимался государственными делами и общался только с прихлебателями и льстецами. Он становился все менее популярным, все жители Египта морщились, когда слышали, как кто-то произносит его имя. Винить в своих несчастьях Александр должен был только себя. Он редко выходил за пределы дворца, никогда не посещал хору и игнорировал местное жречество. Это оказалось большой ошибкой, так как жрецы Верхнего Египта перешли на сторону противников династии Птолемеев.

Воспользовавшись бездействием Александра, чиновники усилили давление на религиозные объединения и крестьян, трудившихся на храмовых землях. Отдельные сообщества, несомненно, были довольно лакомыми кусками. Благодаря жертвоприношениям нескольких Птолемеев и вкладу верующих некоторые из них стали весьма богатыми.

Для всеобщего недовольства имелись и другие причины. В конце концов, устав от глупого царя, позволившего множиться мятежам, однажды утром александрийцы предложили Александру сделать выбор: или он сам отрекается от престола, или его свергают. Вместо ответа он прокрался в Сирию и набрал там войско, во главе которого затем вернулся в столицу. Чтобы заплатить наемникам, он похитил из Семы золотой саркофаг с останками своего великого тезки, и разъяренные александрийцы схватились за оружие. Александр вскоре потерпел поражение и, покинутый наемниками, бежал в Малую Азию. Вдогонку за ним была отправлена египетская эскадра, но бывший царь сумел опередить своих преследователей и скрыться. Оказавшись в Ликии, он решил отомстить за нанесенную ему обиду, набрал новое войско и отплыл в сторону Кипра. Но на этот раз александрийцы не допустили ошибку. У побережья острова Александра и его солдат ждала многочисленная и хорошо вооруженная флотилия. Разгорелась битва, в которой бывший египетский царь лишился жизни.

Избрание нового царя не вызвало особого интереса у жителей Египта. Несмотря на потрясение, обусловленное неумелым правлением Александра, население страны не было готово к замене формы правления с монархической на демократическую или олигархическую. Ни одна из них не подходила для такого космополитического города, как Александрия, не говоря уже о египетской хоре, обитатели которой привыкли к тому, что ими правит единоличный царь, персона которого считается божественной.

Единственным кандидатом на престол снова оказался Ла-фур, продолжавший изнемогать на Кипре. Более того, стали ходить слухи, будто ссылка смягчила характер этого представителя династии Птолемеев. В итоге в 88 г. до н. э. Лафур вернулся, и, забыв прошлое, жители Александрии приветствовали его и называли «Потином», «Желанным». Сложившуюся ситуацию сложно было назвать благоприятной. Теплившееся то тут, то там недовольство переросло в восстание, а жрецы стали призывать свою паству не повиноваться царю. Связи между Александрией и остальным Египтом были разорваны, эпистратегу (главе стратегов) Фиваиды с трудом удавалось удержать власть в своих руках. Из-за слухов ситуация стала казаться намного более тяжелой, чем была на самом деле.

Тот самый эпистратег по имени Платон направлялся из Птолемаиды (современная Эль-Манша), где жил, в Латополь (Эсна), когда услышал отчаянный призыв

немногочисленных жителей Патириса, располагавшегося на середине пути из Фив в Латополь, сохранивших верность царю. Он приказал отправиться туда Нехтирису, посоветовав ему «быть начеку, сохранять спокойствие и намекать, что вслед за ним едет сам эпистратег», что должно было заставить жителей Патириса выполнять приказы последнего. Таким образом, ситуация внезапно стала критической. Платон знал: если жители Патириса, бывшего ключевым пунктом, присоединятся к восстанию, Фиваида будет потеряна. Теперь все зависело от жрецов, которым Платон направил отдельное письмо. «Вы хорошо поступите, – писал он, – если присоединитесь к Нехтирису, чтобы уберечь Патирис для нашего господина. Если вы будете хранить верность, то получите соответствующее вознаграждение от вышестоящих». Фиванские жрецы колебались, и, когда пришло лето, ситуация еще больше ухудшилась. Платон сумел удержать Патирис, но Фивы, Абидос и другие города перешли на сторону восставших.

Лафур проявил решимость. Он перебрался в Мемфис и отправил в Верхний Египет карательный отряд. Вскоре Платон сообщил радостную новость. «Филоксемий, мой брат, – обратился он к жрецам из Патириса, – написал мне, чтобы сказать, что Величайший Бог Царь Сотер приехал в Мемфис и что Гиеракс назначен во главе весьма большого войска покорять Фиваиду. Я решил передать эти вести вам, чтобы они поддержали вашу храбрость». Прежде чем Гиеракс завершил свою миссию, а Платон вернул контроль над Фиваидой, прошло три года. За это время состоялось не одно ожесточенное сражение и не один город был взят приступом, прежде чем власти сумели добраться до предводителей мятежа. Это было проще, чем может показаться, ибо так или иначе чиновники эллинистического Египта обладали относительно точным описанием каждого крестьянина, жившего в стране.

Словесное описание, ставшее крайне подробным, воистину превратилось в разновидность изобразительного искусства. Так, отмечали, высокий человек или низкий. Если он был высоким, указывали, худой он или более массивный; если низким – то средним или совсем невысоким. Описывался цвет его лица – медовый, смуглый или светлый, то какой он – румяный или бледный, указывалась форма его лица – круглая или овальная, то какие у него щеки – пухлые или впалые. Нос мог быть вздернутым, широким, прямым или с горбинкой; глаза – карими, синими, серыми или светлыми, выпученными либо запавшими. Вероятно, ни одна сделка не могла быть заключена прежде, чем было сделано подробное описание каждой из сторон. «Терус, дочь Нахттет-хумисуса, около 50 лет, со светлой кожей и круглым лицом, невысокая, с прямым носом и шрамом над бровью, вместе с ее телохранителем Гераклидом, персом примерно 45 лет, со светлой кожей, невысоким, кривоногим, с редкой растительностью на лице, купила...»

В эллинистическом Египте избежать правосудия могли очень немногие преступники.

Удостоверившись в том, что Гиеракс усмирил Фиваиду, Лафур вернулся в Александрию. Там его охватило отчаяние, вызванное чувством одиночества. Он был царем без царицы и очень нуждался в женщине, способной сесть рядом с ним на троне. С годами страсть потеряла свою привлекательность, а распущенность – обаяние. Теперь правителю нужен был скорее товарищ, чем любовница. Заполнить образовавшийся вакуум было нелегко. У Лафура не было двоюродной сестры из династии Селевкидов, а единственной девушкой брачного возраста, в жилах которой текла кровь Птолемеев, являлась его собственная дочь Береника. Однако о заключении с ней брака не могло быть и речи. Какими свободными ни были бы нравы того времени, общественное мнение не приняло бы брачный союз между отцом и дочерью.

Проблема казалась неразрешимой, пока некие «друзья» царя не предложили сделать Беренику его супругой без проведения брачного обряда. Эта идея звучала разумно, и александрийцы с радостью согласились на компромисс, веря, что заботливый отец и послушная дочь будут ссориться меньше, чем властная мать и ее бессердечный сын. В итоге Береника, уехавшая вместе со своим мужем Александром I в Ликийю, вернулась в Египет, причем очень вовремя – Александрию посетил высокопоставленный гость из Рима. С этого момента история Египта стала неотделима от римской.

Начиная с 100 г. до н. э. Рим противостоял угрозе социальной революции, способной уничтожить единство Республики. В ходе этой борьбы были отринуты многие идеалы и правила, и ставший уже привычным лозунг *virtus et pietas*^[62] потерял свое значение. Старый порядок уступал место новому. Власть, которой прежде обладали исключительно представители аристократии, перешла к «капиталистам»^[63] и «спекулянтам», каждый из которых отчаянно стремился извлечь пользу из завоевания Римом иноземных территорий. К ним примкнули обедневшие патриции, испытывавшие нужду свободные люди и предприимчивые лихоимцы. Все они искали одно и то же. Популяры, радикальные республиканские элементы, вели себя не лучше. Будучи первоначально партией патриотов, они стали все больше опираться на продажный и озлобленный «пролетариат»^[64]. Все это происходило до тех пор, пока трезвомыслящие люди не занялись поиском человека, способного восстановить порядок.

Их выбор пал на Мария, плебей по рождению и убежденного противника аристократии. Но его идеи оказались слишком радикальными. Тогда оптиматы, сплотившись, отправили Мария во временную отставку и сделали ставку на Суллу. Из-за начавшейся Союзнической войны, конфликта, вызванного отказом в предоставлении права римского гражданства, соперничество временно ослабло. Когда на кону оказалась Республика, двое соперников стали сражаться за ее сохранение бок о бок. Но передышка оказалась недолгой. В Азии вот-вот должна была начаться война, и Марий с Суллой стали соперничать за право командовать римским войском. Второй был моложе и сильнее. Он вступил во главе армии в Рим, изгнал оттуда соперника и в 87 г. до н. э. во главе 30-тысячного войска, состоявшего из пехоты и конницы, пересек Адриатическое море.

Противником Суллы был царь Понта Митридат, опасный враг Рима, флот которого состоял из 400 кораблей, а численность войска достигала нескольких сотен тысяч. Война началась не очень удачно для римлян. Разбросанные по Азии легионы были повержены, их предводитель попал в плен, а ликующий Митридат объявил об избиении всех римлян, находившихся на территории его владений. Тем временем к противнику примкнули Македония и Греция, и Сулла приступил к осаде Афин. Она оказалась достаточно жестокой, но Сулла не мог позволить себе вести себя как порядочный человек. Для строительства осадных машин он приказал вырубить рощи Академии, «самого богатого деревьями пригорода», и Ликея.

Однако победить ему не удалось. Сулле были нужны корабли, которые позволили бы ему наладить пути коммуникации с Римом. Для этого он отправил Луция Лукулла к правителям, сохранившим дружественные отношения с Республикой, у которых тот должен был выпросить, занять на время или даже украсть суда. Лукулл отправился в свое опасное путешествие в самый разгар зимы. Он прорвался через вражескую блокаду, добрался до Крита, но, миновав его, двинулся в сторону Кирены. Там он остановился на неделю или две, чтобы отдохнуть и набраться сил. Затем, двигаясь вдоль побережья Ливии, Лукулл направился в Александрию. Ему очень повезло – избежав встречи с пиратской эскадрой, он благополучно добрался до порта.

Лафур стремился сохранить дружественные отношения как с Суллой, так и с Митридатом и искренне надеялся, что высокопоставленный гость примет во внимание его замешательство, которое, несомненно, было очевидным. Египетский царь понимал, что, дав Сулле корабли, превратится во врага Митридата, а отказавшись, оскорбит уже Суллу. Простодушный Лукулл не понял этих сомнений. Он полагал, что Лафур вполне может по-дружески снабдить римского военачальника кораблями и солдатами, и беспокоился лишь из-за численности и уровня подготовки последних.

Возможно, Лукулла по вполне понятным причинам обманул теплый прием, устроенный ему Лафуrom. Еще до входа в порт его встретило несколько египетских трирем, которые сопроводили его к царскому причалу. Когда гость сошел на сушу, его встретил сам царь, обнявший его, поселивший в роскошных покоях и давший в его честь богатый пир. Придворные договорились, что все вместе станут развлекать этого образованного и

предприимчивого патриция и его секретаря, философа Антиоха из Аскалона, ученика Филона из Лариссы, руководившего афинской Академией.

Ученик и учитель разошлись во мнении касательно правильности и ложности различных аспектов учения Платона, и, пока Лукулл, находясь во дворце, намекал царю на цель своего приезда, Антиох в Мусейоне рассуждал о недостатках платоновской философии. Там философ нашел более благодарную публику, чем та, к которой обращался его работодатель. Во дворце ситуация складывалась неутешительно. Ла-фур никак не мог решить, какое из двух зол – ярость Суллы или месть Митридата – окажется меньшим, и тянул время, проявляя при этом всю осторожность, на какую только был способен. Дни проходили один за другим, а Лукулл ни на шаг не приближался к цели своей миссии. Когда он заговаривал о кораблях, Лафур с легкостью менял тему беседы, и в какой-то момент римлянину это надоело. В более подходящий момент Лукулл, к тому времени уже признанный любитель чувственных наслаждений, с удовольствием поговорил бы о яствах и вине, но в сложившихся обстоятельствах он не мог позволить себе терять время.

Однажды вечером римлянин прямо спросил царя, предоставит ли тот корабли Сулле. Вынужденный принять решение, Лафур признался, что не собирался их давать, но для того, чтобы подсластить пилюлю, предложил Лукуллу 80 серебряных талантов, сумму, равную потраченной римлянином на поездку. Гость, нуждавшийся в судах, а не в деньгах, отверг подарок. Он отказался бы и от великолепного изумруда с изображением царя, подарка, врученного Лафуром ему лично, но не осмелился сделать это, так как подобный шаг оскорбил бы дарителя, и Лукуллу пришлось подавить в себе угрызения совести.

Лафур, человек для нас малопонятный, ведь ни один панегирист не вознес ему хвалу, но в то же время не нашлось недоброжелателя, который написал бы о его глупых поступках, скончался в 80 г. до н. э. Если не считать подавления восстания в Фиваиде и отказа помогать римлянам в войне с Митридатом, то можно говорить о том, что в памяти потомков не сохранились сведения о каких-либо выдающихся успехах, достигнутых этим Птолемеем после того, как он взшел на престол во второй раз. Тем не менее некоторые жрецы, а именно священнослужители «с гор Сиены», увековечившие поездку царя на остров Элефантина, и жрецы из Эдфу, записавшие его благодеяния, добросовестно чтили его память.

Лафур завещал трон своей дочери и супруге, женщине благочестивой и пользовавшейся в народе значительной популярностью. Александрийцы не оспаривали ее право на наследство, но при одном условии – она должна была как можно быстрее найти себе супруга. Единственным кандидатом на роль мужа был ее юный двоюродный брат – сын, рожденный от Птолемея Александра неизвестной женщиной. Его жизнь была довольно изменчивой. В младенчестве он жил в Александрии, в детстве – на острове Кос, но в 88 г. до н. э. Митридат увез его в столицу своего царства город Пергам. Впоследствии юный Александр сумел бежать из этого своеобразного плена. Он отправился по морю в Рим и обратился к Сулле с просьбой о защите.

Этот шаг оказался довольно разумным. Война с Митридатом закончилась, Марий умер, а Сулла стал владыкой всего римского мира. Угодливые сенаторы наделили его полномочиями диктатора, а затем его стали называть Феликсом («Счастливым») или любимцем Венеры. Вокруг Суллы собралась разношерстная группа развращенных патрициев, плебеев и правителей малоазиатских государств, надеявшихся получить выгоду от его покровительства. Одним из них стал юный Александр, хотя в данном случае следует учесть тот факт, что он был жертвой собственной мачехи, отобравшей у него египетскую корону.

Сулла выслушал юношу и нашел его недовольство вполне обоснованным. Римлянин готов был помочь молодому клиенту, тем более что имел зуб на Египет. Сулла не забыл об отказе Лафура предоставить корабли и не простил его. Диктатор предложил заставить царицу заплатить за упрямство отца. Юный Александр должен был стать орудием в руках Суллы, марионеточным правителем, с радостью готовым плясать под дудку своего

покровителя. В итоге римлянин дал Александру свое благословение и приказал ему свергнуть царицу любым удобным для него способом.

Едва прибыв в Александрию, юноша услышал о планах александрийцев женить его на царице, чтобы таким образом соблюсти традицию. С довольно мрачным видом он согласился на этот брак. Почти сразу после завершения обряда он пожалел о своей слабости. Он был молод и не готов к женитьбе, особенно на женщине, возраст которой приближался к среднему. В итоге Александр стал раздумывать над тем, как бы ему избавиться от этого бремени.

Ни один из женихов, в жилах которых текла кровь Птолемеев, не испытывал угрызений совести, когда речь заходила о подобных вопросах, и этот юноша не стал исключением. В учебный план, разработанный Митридатом, входил такой предмет, как убийство членов семьи, и молодой клиент Рима с готовностью воспользовался полученными знаниями. Однако Александрия не была Пергамом, и, когда горожане слышали о том, что Александр II убил Беренику, которую они так любили, их охватил ужас. Они решили совершить возмездие, получившееся довольно жестоким. Телохранители царя в сопровождении толпы возвались в его апартаменты, схватили убийцу, притащили юношу, несмотря на его сопротивление и крики, в гимнасий и убили. Так погиб Александр II, успевший процарствовать в Египте всего лишь 20 дней.

Глава 12

Птолемей Неос Дионис, более известный как

Авлет

80–51 гг. до н. э.

Хорошая память никогда не была отличительной особенностью александрийцев, и, увлеченные таким захватывающим занятием, как поиск нового правителя, они забыли о трагическом убийстве царицы. У них было мало времени. Ходили слухи, будто муж Береники завещал Египет римскому сенату, что на престол претендует представитель династии Селевкидов. Александрийцы были готовы принять в качестве царя любого из Птолемеев, рожденного как в законном браке, так и вне его, лишь бы Египет не стал частью Республики или не оказался бы во власти иноземца.

Горожане вспомнили о потомках Птолемея Лафура от неизвестной наложницы, нашедших убежище в Понте. Правитель этого государства Митридат, имевший склонность к авантюрам, очевидно, с готовностью принял отставную любовницу Лафура и ее незаконнорожденных детей, вполне здраво полагая, что каждый внебрачный ребенок правителя является потенциальным царем. Поэтому, когда в Понт прибыло приглашение, Митридат сердечно попрощался со своими гостями и отправил их в Египет через Сирию, а македонская община с почтением приняла это небольшое семейство, состоявшее из двух Птолемеев и двух Клеопатр.

За македонянами последовали другие общины. Старшего сына приветствовали как будущего царя, а младшему передали власть над Кипром. Жители Египта хотели, чтобы первый в соответствии с традицией женился на своей сестре Три-фене. Невеста тотчас же отказалась от имени, данного ей при рождении, и стала именоваться Клеопатрой. Соответственно, супруги называли себя «Братом и сестрой, отцелюбивыми богами». Наиболее циничные александрийцы улыбались, когда слышали этот эпитет. По их мнению, для нового царя больше подходило другое прозвище – Нот, «Незаконнорожденный», которое использовалось в самых широких кругах до тех пор, пока александрийцы не заметили его любовь к игре на флейте и не прозвали его Авлетом, то есть «Флейтистом».

Как бы то ни было, жители столицы, избавившиеся по крайней мере от одной угрозы, чувствовали себя более свободными. Ни один из представителей династии Селевкидов теперь не мог захватить власть в Египте, а в Риме к избранию Авлета должны были

отнестись вполне благопрятно. К несчастью, никаких вестей от сената не поступало, и александрийцы медлили с проведением обряда коронации. Молодой царь беспокоился меньше своих подданных до тех пор, пока его учитель Херемон не объяснил ему, насколько важно заручиться поддержкой Рима. Отныне между Римом и Египтом сложились такие отношения, при которых право Птолемея занимать престол, прежде зависевшее от капризных жителей Александрии, теперь было обусловлено поддержкой сената. В конце своего наставления Херемон описал римское общество, нарисовав при этом довольно мрачную картину. Добродетель и патриотизм остались в прошлом, все римляне стали продажными, установления рушились. Философ призвал своего ученика помнить, что проблему, с которой не сможет справиться дипломатия, поможет решить подкуп. Он считал, что цена, конечно, высока, но Египет достаточно богат для того, чтобы ее заплатить.

Однако Херемон ввел царя в заблуждение – Египет обладал меньшими ресурсами, чем полагал философ. Доходы уменьшались, а расходы росли. Еще большую угрозу представляло то, что способность жителей страны платить подати достигла дна. На протяжении нескольких лет вклад Кипра в египетскую казну был незначительным, а Киренаика больше не платила дань. Митридат забрал украшения, увезенные на Кос третьей из Клеопатр, а римляне прибрали к рукам деньги, хранившиеся в Тире. Одновременно снижалась прибыль от царских монополий, а доходов от золотых рудников в Нубии и на побережье Красного моря едва хватало для покрытия затрат.

Проблемы государства отразились на торговле. «Банкиры» и люди, имевшие деньги, стали с большой осторожностью относиться к вложению средств в различные предприятия. Некоторые виды ремесла, такие, например, как производство льна, угасали, а беднейшие слои населения Александрии стали испытывать муки голода. Крестьяне, не уверенные в рынке сбыта, перестали отправлять в город продукты питания, и в Александрии начался бы голод, если бы не умелые действия царских советников. Положение спас царский указ, в котором говорилось: «Ни один из номов выше Мемфиса, занимающихся выращиванием пшеницы и бобов, не должны вести дела в Нижней стране или в Фиваиде с помощью обмана. Все продукты должны быть посланы в Александрию, а тот, кто нарушит этот указ, будет предан смерти»^[65].

Таким образом, до того, как восстановится торговля, выполнить совет Херемона было невозможно, и не по годам мудрый Птолемей Авлет решил пойти другим путем. Он стал жаловаться на то, что обряд коронации не проводится, и спрашивать, какое отношение к этому ритуалу имеет Рим. «Разве я не сын Птолемея? Разве не прибыл я в Египет по приглашению его обитателей? Тогда к чему эта задержка?» – спрашивал он у своих советников, а за пределами дворца ходили слухи, в которых точь-в-точь повторялись эти его слова.

Речи царя, не прошедшего ритуал коронации, задели тщеславие александрийцев, и они стали требовать, чтобы обряд был проведен как можно быстрее. Советники подчинились, но поставили единственное условие – коронация должна была проводиться тайно. Они попросили верховного жреца из Мемфиса прибыть в Александрию и провести обряд в столице. Это было отступление от традиции, но Па-шер-эн-Птах, бывший тогда верховным жрецом, не возражал. На данную должность его назначил Птолемей Лафур, и он хотел отдать долг, короновав сына своего покровителя и назвав его «царем Верхнего и Нижнего Египта, Владыкой Обеих Земель, Отцелюбивым и Сестролюбивым богом, новым Осирисом», причем там, где ему скажут. Из-за своей угодливости он ничего не потерял, тем более что в конце ритуала царь назначил его царским пророком и щедро вознаграждал за труды, связанные с приездом в Александрию. Подобный способ вложения денег оказался довольно выгодным, так как позднее Па-шер-эн-Птах организовал царю в Мемфисе достойную его встречу.

На берегах реки собрались толпы народа – люди хотели посмотреть на то, как царь вместе со своей сестрой и женой Клеопатрой «плавает вверх и вниз по течению на своем корабле, чтобы посмотреть на окружающее с обеих сторон», а несколько сановников в

Мемфисе наблюдали за тем, как верховный жрец «водружает Белую корону на царский лоб». Таким образом Па-шер-эн-Птах решил задобрить своего бога Птаха.

Довольный Авлет продолжил свое путешествие. В укрощенной Фиваиде его встречали столь же гостеприимно. Это было вполне естественно, так как юный Авлет оказался человеком довольно сговорчивым, по крайней мере если кто-то не нарушал его волю или не беспокоил его. Люди встречали бы нового царя менее радушно, если бы знали, что он думает не о благосостоянии своих подданных, а о том, как бы выжать из них как можно больше денег.

Авлет увидел, насколько плодородна египетская почва, и решил, будто в Александрии его обманули. По его мнению, крестьяне вовсе не были задавлены чрезмерными податями; наоборот, они платили слишком мало. Он решил, что его ввели в заблуждение и насчет рудников в Нубии. Возможно, царь лучше разобрался бы в ситуации, если бы отправился в трудное путешествие, чтобы посмотреть на них. Однако в Сиене он повернул обратно на север и так и не узнал правду. Копи были почти полностью выработаны, добывать золото стало невозможно. В итоге рудники, в эпоху правления фараонов обеспечивавшие огромные доходы, превратились в поселение для каторжников, заполненное преступниками и политическими заключенными, которых держали вместе независимо от возраста и пола и вынуждали трудиться до самой смерти.

Несмотря на все это, Авлет, считавший, что его подданные могут платить больше податей, не был полностью не прав. Наиболее примечательной чертой эллинистического Египта являлась способность его хозяйства восстанавливаться после периодов войн и восстаний. Мир, установившийся на короткое время внутри страны и за ее пределами, был способен воодушевить как крестьян, так и торговцев, а непродолжительное междуцарствие с войнами и восстаниями – ввергнуть их в отчаяние. В итоге процветание постоянно сменялось кризисом, а оптимизм – пессимизмом. В правление Авлета жители Египта ощутили на своей шкуре обе эти крайности.

В начале царствования этого представителя династии Птолемеев благодаря нескольким высоким разливам Нила крестьяне получили хороший урожай. Возросшая потребность в товарах улучшила благосостояние ремесленников, и переполненные надеждой люди заговорили о наступлении золотого века. В это поверил и царь, по приказу которого были созданы новые монополии и повышены подати. Жители Египта смогли бы вынести на плечах обе эти ноши, если бы жадный Авлет не урезал расходы на общественно значимые сферы, что было весьма недальновидно.

Это был очень опасный эксперимент, ставивший под угрозу будущее, что жители Египта осознали очень скоро. Одной из сфер, расходы на которую были урезаны, стала ирригация. Помимо нее пострадали оборона страны и монетная чеканка. Все три способа экономии средств оказались весьма сомнительными, ибо преобладание Египта в торговле зависело от наличия избыточного количества зерна, которое можно было продать в другие страны, мощного флота, необходимого для сопровождения транспортных судов, и факта приема в государствах, расположенных в бассейне Эгейского моря, египетской монеты по номинальной стоимости. Теперь же это преобладание оказалось под угрозой. За ирригационными системами перестали следить, вследствие чего уменьшились урожаи. Корабли, не способные выйти в море из-за нехватки моряков и припасов, стояли на якоре. Вес египетской тетрадрахмы из-за постоянного снижения ее ценности достиг трети от эталонного, и иноземные менялы перестали принимать монеты, отчеканенные в Александрии.

Несмотря на все это, царский двор жил на широкую ногу. Там царили разврат и распущенность, а правила бал нахлебники, платившие за дорогие яства уподоблением царя Дионису. В этом мирке трезвость считалась преступлением, а пьянство – добродетелью. Такой вывод, к своему стыду, сделал престарелый ученый по имени Деметрий. Обвиненный в трезвости во время празднества в честь Диониса, он реабилитировался, представ на

следующий вечер перед всеми в женской одежде. При этом Деметрий, совершенно пьяный, подпрыгивал в такт звукам, издаваемым цимбалами.

Последствия всего этого оказались почти столь же отвратительными. Приняв скрепя сердце повышение податей, александрийцы стали поносить царя за то, что тот тратит государственные доходы на собственные развлечения. Стали даже ходить разговоры, будто страна нуждается в новом правителе, которые прекратились, как только стало известно, что в Рим прибыли двое представителей династии Селевкидов, заявлявших о своих правах на египетский престол, ссылаясь на происхождение от Эвергета II.

Эти слухи привели жителей столицы в замешательство. Оба претендента были законнорожденными сыновьями Клеопатры Селены и Антиоха Грива и обладали неоспоримыми правами на престол. Александрийцы стали опасаться, что могут стать свидетелями того, как египетский трон займет представитель династии Селевкидов. Однако им не следовало переживать из-за этого. Если Рим и вмешивался в дела Египта, то ради римского проконсула, а не сирийского царевича, причем именно тогда Красс делал все возможное, чтобы получить эту должность. Однако если двое представителей династии Селевкидов ничего за свои труды не получили, то Авлет, по крайней мере, пришел в себя.

Царь вспомнил совет своего учителя Херемона и подумал, что должен лично защитить свои интересы в сенате, но затем, поразмыслив, он решил остаться дома. Ничто не нравилось александрийцам так, как низвержение старых правителей и выбор новых, и Авлет, знавший, что не пользуется особой любовью в народе, решил не рисковать. Соответственно, ему нужно было найти того, кто смог бы защитить его интересы. В Риме было достаточно подобных людей, готовых сделать все ради туго набитого кошелька, и, несмотря на свое расточительство, Авлет вполне мог удовлетворить их жажду.

Однако ему так и не удалось ничего добиться в Риме. Взятки не приносили ничего, кроме малопонятной помощи и еще более туманных обещаний. В конце концов, разочаровавшись в политиках, Авлет вспомнил о солдатах, и тут выбор за него сделала сама судьба. В 67 г. до н. э. на Восток прибыл Помпей, которому было поручено очистить Средиземное море от киликийских пиратов. Это назначение свидетельствовало о высочайшем доверии к нему со стороны всего римского народа, ценившего его и как солдата, и как политика. Помпей разбил марианцев в Киликии и в Африке, одержал победу над Серторием в Испании, а в Италии подавил восстание Спартака. Став консулом, он вернул трибунам полномочия, которыми они обладали издревле, и позволил представителем средних слоев населения участвовать в отправлении правосудия.

Теперь он должен был продемонстрировать свои способности в новой для себя сфере деятельности – поддержании порядка на море. Пиратство оказывало крайне негативное влияние на снабжение Рима продовольствием, а беспорядки, последовавшие за Первой Митридатовой войной, вдохнули в него новую жизнь. Участие в финансировании пиратства принимали нечистые на руку дельцы, надеявшиеся увеличить за счет этого свои доходы, а людей благородного происхождения становиться пиратами заставляла жажда приключений. Численность маленького поначалу пиратского флота со временем достигла тысячи кораблей, и каждый небольшой залив или гавань от Боспора до Киренаики стал прибежищем пиратов.

Пираты «работали» группами, выдвигаясь из Коракесиона в Киликии, ставшего их главным портом. Их налеты стали нескончаемой темой для разговоров по всему бассейну Эгейского моря, и мирные капитаны судов предпочитали оставаться в порту, а не подвергаться в море риску стать жертвой пиратов. Эти люди привыкли к опасностям, которые сулило Средиземное море, – его волнам и неблагоприятным ветрам. Но при виде пиратского судна с их «вызолоченными кормовыми мачтами, пурпурными занавесами и оправленными в серебро веслами» они испытывали ужас, причем небезосновательно, ведь каждый из капитанов, заметивших пиратский корабль, знал, что его судьба предрешена. Пираты не брали пленных. Они погружали корабельную лестницу в морскую воду и, пожелав пленникам счастливого пути, заставляли их спускаться, а затем плыть или тонуть.

Для того чтобы уничтожить этих морских вредителей, Помпей собрал флот, состоявший из 500 судов, разделил его на 13 эскадр и стал систематически очищать Средиземноморье от пиратов. Затем он отправился в Киликию, где высадился на берег, осадил Коракесион и захватил его. Помпей сумел завершить свою миссию через три месяца. Киликийские пираты больше не появлялись в Эгейском и Средиземном морях, а сам римлянин выступил против Митридата.

Новость о том, что в море снова безопасно, обрадовала жителей Александрии, почти прекративших перевозить товары морским путем. Купцы не желали платить «банкирам» огромные суммы за страховку, предпочитая, чтобы их зерно гнило на берегу. Владельцы судов также не жаждали рисковать и не выходили в море, опасаясь пиратов, из-за чего их корабли стояли без дела в порту.

К такому чудовищному состоянию дел привела ошибочная государственная политика, направленная на экономию средств. Египетский флот, численность которого сократилась до нескольких плохо снабженных, в том числе командами, трирем, больше не мог защищать торговцев, плававших в открытом море, и даже тех, кто осмеливался лишь на перевозку своих товаров вдоль берега. Данную политику можно назвать очень глупой, так как Египет стал идеальной мишенью для пиратских капитанов, которые могли спокойно вытягивать свои корабли на его безлюдные песчаные пляжи, не опасаясь при этом того, что кто-то может их побеспокоить, и оставаться там, ожидая новостей об очередном караване торговых судов. Затем они выходили в море, хватали добычу и возвращались с ней в Киликию.

Меньший энтузиазм вызвала новость о том, что сенаторы расширили полномочия Помпея на всю Азию, и горожане задумались, ограничится ли этот выдающийся римлянин, преследовавший Митридата сначала до Евфрата, а затем в обратном направлении вплоть до Черного моря, вторжением в Малую Азию. Вскоре они узнали ответ на этот вопрос. Оставив Митридата выбирать между голодом и капитуляцией, Помпей двинулся в сторону Дамаска, решив, что, вторгнувшись в Аравию, закрепит свою победу.

Египет получил долгожданную возможность, и из Александрии в Сирию отправились послы, которые должны были передать Помпею добрые пожелания и уговорить его принять в дар «венец стоимостью в четыре тысячи золотых монет». Помпей, считавший себя равным царю, принял подарок, поблагодарил посланников за теплые слова и выразил надежду на то, что впоследствии сможет увидеться с Птолемеем. Меньшее удовольствие ему доставило «золотое кольцо стоимостью в пятьсот талантов», подаренное Аристубулом, сражавшимся в тот период со своим братом Гирканом за власть над Иудеей. Этот подарок походил на взятку. Помпей мог разграбить ту или иную местность или принять что-то в знак уважения от правящего царя, но продаваться малозначительным князькам он считал ниже своего достоинства.

Правда, обстоятельства все равно вынудили римлянина вмешаться в дела Иудеи. Помпей не мог перейти Иордан до прекращения разгоревшегося там конфликта и вызвал обоих братьев в Дамаск. Ни один из них не сумел добиться какого бы то ни было значительного успеха в ходе этой войны, а прибытие группы старейшин, заявивших, будто Иудее не нужно другого правителя, кроме «первосвященника бога, которому они поклоняются», привело Помпея в некоторое замешательство. Вместо того чтобы вынести решение, он приказал всем участникам конфликта отложить спор до тех пор, пока он сам не прибудет в Иерусалим. Гиркан и старейшины согласились с этим предложением, но Аристубул проявил открытое неповиновение и укрылся в Иерусалиме. Помпей, не относившийся к числу римлян, готовых терпеть оскорбление, тотчас же двинулся в сторону этого города. Иерусалим был прекрасно укреплен – его невозможно было захватить без стенобитных орудий или вынудить сдаться после долгой осады без конницы. Первые можно было раздобыть в Тире, но Помпей никак не мог придумать, откуда взять вторую, пока Авлет не предоставил ему 8 тысяч всадников. Помпей не забыл об этом дружеском жесте и вернул Авлету долг, когда тому понадобилась помощь. Иерусалим пал. Аристубул шел в триумфальной процессии Помпея, а Иудея и Сирия стали римскими провинциями.

Тем временем над Птолемеем Авлетом нависла угроза – он мог лишиться трона. Жители Египта не простили ему ни повышения податей, ни помощи римлянам. Это мало значило для царя, гордившегося тем, что он сумел стать союзником римлян. В итоге Авлет не обращал ни малейшего внимания на злые взгляды, сверлившие его спину, и приглушенные ругательства, доносившиеся до его слуха. Если бы царь больше знал о мире, в котором жил, он не допустил бы подобной ошибки.

Римляне, оказавшиеся не менее чувствительными, чем александрийцы, открыто возмущались, слыша, с каким презрением Помпей отзывается о границах своих полномочий, не распространявшихся на Сирию, Палестину и Аравию, а Цезарь, Лукулл, Красс и Цицерон не собирались закреплять триумф своего соперника. Для того чтобы проверить Помпея, Цезарь предложил назначить в Италии уполномоченного, который бы обладал властью в том же объеме, что и Помпей в Азии, но потерпел неудачу и был вынужден отправиться в Испанию.

В 60 г. до н. э. он вернулся и выяснил, что Помпей, удивленный всеобщим нежеланием признавать его достижения, все еще находится в Риме. Разразилась назревавшая все это время буря. Сенаторы по наущению Красса и Цицерона отказались ратифицировать указы, изданные Помпеем вне Рима, и предоставлять землю его легионерам, в то время как Лукулл, которого он сменил в Азии, и Красс, всегда его недолюбливавший, обвинили его в разграблении захваченных территорий. Более осторожный Цезарь опасался так сильно обострять соперничество. В итоге он предложил Помпею заключить союз, к которому присоединился поддавшийся уговорам Цезаря Красс. Таким образом возник так называемый первый триумvirат, войдя в который Помпей пообещал обеспечить Цезарю избрание на должность консула, Цезарь – убедить сенаторов принять азиатские постановления Помпея, а Красс должен был получить финансовую поддержку от обеспеченных римлян. Птолемеему Авлету, все еще ждавшему, что сенат подтвердит его право на престол, этот союз не сулил ничего хорошего. Теперь вместо одного римлянина он был вынужден вести дела сразу с тремя.

Авлет понимал, что теперь ему придется все начинать заново, и опять задумался над сложившейся ситуацией. Бесстыдный египетский царь осознал, что звезда Помпея заходит, а Цезарева, наоборот, поднимается, и решил обратиться со своей просьбой к последнему. Никогда прежде деньги не играли такую важную роль при принятии римлянами решений, как в тот период. Честный человек, не имевший состояния, мог получить только такое место, занимая которое ему удавалось находиться на грани нищеты, и никто не знал это лучше, чем Цезарь. Он одалживал огромные суммы, тратил деньги без оглядки и в конце концов оказался в весьма затруднительном положении. Когда он стал пропретором Испании, ситуация несколько улучшилась, но он все еще располагал весьма ограниченными средствами, и ростовщики опасались идти ему навстречу.

Затруднительное положение, в котором оказался Цезарь, было на руку Авлету, начавшему осторожно выяснять, сколько будет стоить покровительство этого римлянина. Оказалось, что заплатить нужно 6 тысяч талантов, и, взрогнув при виде этой суммы, Авлет все-таки расстался с ней. Но слово Цезаря стоило столько же, сколько его долговая расписка. Убедившись в платежеспособности своего клиента, он убедил сенаторов признать Авлета царем Египта, «союзником и другом римского народа». Едва ли этот титул стоил суммы, заплаченной правителем Египта. Птолемей вполне мог быть «союзником» римлян, если тем понадобится его помощь, но «другом» – никогда, и Авлет понял это очень быстро.

Через несколько месяцев недавно избранный трибуном Публий Клодий стал выступать за захват Кипра, пытаясь таким довольно неприглядным способом снискать народную любовь. Вряд ли Республика, к тому времени владевшая Албанией, Македонией, Грецией, Испанией, Киреной, Понтом, Арменией, Сирией, Иудеей и Аравией, нуждалась в захвате территории, принадлежавшей человеку, недавно объявленному ее «союзником и другом». Однако Клодий стремился и к достижению личных целей – этот безжалостный и злопамятный человек жаждал уничтожить всех, кто посмел перейти ему дорогу. Первыми двумя его

жертвами стали Цицерон и Катон Младший, обвинившие его в распутстве, а затем наступила очередь Авлета, опрометчиво отказавшегося выкупить его у киликийских пиратов. Первой целью для мести Клодия стал Цицерон. Покинутый Цезарем, он бежал в Грецию, и Клодий переключился на Катона и Птолемея.

По приказу сенаторов Катон с тяжелым сердцем отправился захватывать Кипр, и Клодий надеялся, что выполнение этого задания навсегда избавит его от болтовни недруга о добродетели. Римляне остановились на Родосе в надежде, что им удастся убедить наместника Кипра, младшего брата Авлета, подчиниться решению Республики в обмен на обещание предоставить ему пожизненное право занимать должность верховного жреца в Пафосе. Несчастный Птолемей с негодованием отверг это предложение и, предпочтя смерть позору, принял яд. Сбитые с толку из-за гибели своего правителя жители Кипра не оказали римлянам сопротивления, и Катон конфисковал «горы поистине царской утвари и украшений – чаши, столы, драгоценные камни, пурпур, которые надо было продать и обратить в деньги»^[66]. Будучи человеком крайне порядочным, он не извлек из этого личную выгоду. Катон следил за продажей всех этих сокровищ, записывал имена покупателей, проверял счета по сделкам. К несчастью, книги со счетами и их копии погибли в море, и по возвращении в Рим Катон был вынужден убеждать сенаторов в том, что он не приложил руку к их исчезновению, чтобы скрыть свое участие в разграблении острова.

Когда стало известно о действиях Катона, недовольство, и без того бродившее среди александрийцев, выплеснулось с новой силой. Жители столицы стали винить Авлета в потере Кипра и в резкой форме требовать, чтобы он покинул Египет. Царь не стал заставлять горожан повторять свои требования дважды и в 58 г. до н. э. сел на корабль, направлявшийся в Рим, оставив жену и пятерых детей в качестве заложников. Когда судно вышло из бухты, Авлет приказал направить его к Родосу, где находился Катон, в надежде, что этот добродетельный человек проявит к нему, «союзнику и другу римского народа», сострадание и поддержит его. Но его ожидания не сбылись. Катон холодно посоветовал царю возвращаться в Александрию, пересмотреть свой образ жизни и больше не плести интриги в Риме.

Однако свой совет Катон давал напрасно. Авлет понадеялся на помощь Цезаря и отправился в Рим, но опоздал. Цезарь сражался в Галлии, а его сторонники не хотели вмешиваться в дела Египта. Авлет понимал, что ситуация не предвещает ему ничего хорошего, и, если бы не поддержка Помпея и Рабирия Постума, занимавшегося денежными спекуляциями, он перестал бы надеяться, что сумеет вернуть свой трон. Ко всем проблемам Авлета добавилась еще одна: в Италию прибыли сто влиятельных граждан Александрии, которые должны были сообщить сенаторам о низвержении Авлета и восхождении на престол его старшей дочери Береники. Но до Рима они так и не добрались – по пути на них напала банда головорезов, нанятых Авлетом, и лишь немногие из них выжили и смогли рассказать о случившемся. Цицерон, непреклонный ревнитель законов, не сомневался в причастности Авлета к этому убийству. «Золото он взял, – писал он одному из своих многочисленных адресатов, – как вы утверждаете, для передачи рабам Луция Лукция, чтобы они убили александрийца Диона, жившего тогда у Лукция». Затем он добавил: «Великое преступление – злоумышлять против послов»^[67]. Но римляне так и не сумели прийти к единому мнению по этому поводу.

Многие сенаторы, шокированные услышанным, осудили преступление и стали призывать к тому, чтобы его организатор был арестован и наказан. Другие, получившие деньги от Авлета, утверждали, что римляне ничего не могут сделать, ведь их связывает обещание помогать своему «союзнику и другу». Сенаторы в смятении обратились к Сивиллиным книгам, где нашли стих, имевший отношение к проблеме. «Если царь Египта придет с просьбой о помощи, – говорилось в них, – не отказывайте ему в дружбе, но и не давайте ему многое». В сложившейся ситуации предсказание не было очень полезно, и между сенаторами разразился ожесточенный спор о том, как следует понимать слово «дружба». Одни заявляли, будто оно обязывает римлян помочь Авлету вернуть себе египетский трон, другие – что оно

подразумевает всего лишь необходимость развлекать незваного и нежеланного гостя на протяжении как можно более короткого промежутка времени.

Когда сенаторы склонились к первому из этих двух вариантов, им пришлось столкнуться с новой проблемой, заключавшейся в том, кто должен выполнить данное задание. За право взяться за него боролись Помпей и Красс, об ожесточенности соперничества которых свидетельствует факт привлечения к суду Милона, приверженца первого из них. Бывший обвинителем Клодий, поддерживавший Красса, противника Помпея, подлил масла в тлевшие угли. «Кто морит вас голодом?» – спрашивал он у толпы, и слушатели кричали в ответ: «Помпей!» «Кто хочет отправиться в Египет?» – продолжил интересоваться он, и люди отвечали: «Помпей!» «Кого мы пошлем?» – задал он свой последний вопрос, и в ответ раздался рев: «Красса!»

Цезарь, успевший забыть о Египте и делах его царя, отправился в Галлию, где услышал о соперничестве, угрожавшем дальнейшему существованию триумvirата. В 56 г. до н. э. он созвал в Лукке собрание, в ходе которого триумvиры должны были решить, каким станет их будущее. Помпей и Красс отказались во время него от своей вражды и личных планов относительно Египта, а также решили назначить ответственным за возвращение египетскому царю его трона проконсула Сирии Авла Габиния, причем эту услугу они хотели оказать Авлету не даром, а за плату, которую участники триумvirата собирались разделить между собой. Красс должен был, пока Габиний будет занят в Египте, предпринять поход в Парфию, Помпей – оставаться в Риме, а Цезарь – вернуться в Галлию.

Однако едва собрание закончилось, Помпей замешкался. Предложение Цезаря игнорировать решения сената по египетскому вопросу было весьма рискованным, и Помпей понимал, что, если поход окажется неудачным, именно он станет козлом отпущения. С таким же сомнением он относился к выбору кандидатуры Авла Габиния. Проконсул Киликии Лентул Спинтер был человеком более осторожным, и Цицерон по просьбе Помпея стал аккуратно расспрашивать его, чтобы прощупать почву. «Ты, правящий Киликией и Кипром, в состоянии выяснить, что ты можешь сделать и чего достигнуть, – писал он Лентулу Спинтеру, – если положение вещей даст тебе возможность держать в своей власти Александрию и Египет, то дело достоинства – твоего и нашей власти, – чтобы ты, поместив царя в Птолемаиде или в каком-нибудь другом близлежащем месте, отправился в Александрию с флотом и войском с тем, чтобы после того, как ты восстановишь там мир и расположишь войско, Птолемей возвратился в свое царство. Таким образом царь и будет восстановлен тобой, как сенат и решил вначале, и будет возвращен без участия войска, как, по словам благочестивых людей, угодно Сивилле»^[68]. Но Спинтер отказался от данного плана.

Авлет, знавший об этой задержке, в отчаянии отправился в Эфес, где собирался поговорить с Габинием, в то время как жители Александрии, хорошо осведомленные о передвижениях своего бывшего царя, торопили Беренику, заявляя, что она должна опередить отца и найти себе мужа, способного защитить ее права на престол. Найти подходящего жениха было непросто. Выйти за брата Береника не могла, так как старший из них был еще грудным ребенком, и царским «друзьям» оставалось лишь предложить ей одного из двоих внуков Селены Клеопатры и правителя Сирии Антиоха Грива. Однако это предложение вызвало яростное негодование. «Неужели все зашло так далеко, – ворчали униженные александрийцы, – что египетской царице приходится искать себе мужа в римской провинции?»

Брак все же был бы заключен, если бы не вмешательство Авла Габиния. Этот проконсул, не перестававший ожесточенно спорить с отцом Береники по поводу стоимости своих услуг, не хотел допустить появления союза, способного помешать возвращению его клиента на египетский престол, и наотрез отказался выпускать жениха из Сирии.

Тем временем жители Александрии нашли другого кандидата в мужья своей царицы. Им оказался некий Селевк, хваставшийся малопонятными родственными связями с Селевкидами. Его внешность была настолько невыразительной, а речь – грубой, что уже

через несколько часов после прибытия в Египет его окрестили «торговцем соленой рыбой». «Медовый месяц» продлился всего неделю. Заметив отвращение, которое Береника испытывала к мужу, а возможно, и по ее приказу дворцовые стражи задушили его. Это преступление только еще больше разожгло костер беспокойства.

Ходили слухи, будто отец Береники Птолемей Авлет прибыл в Сирию, а Габиний собирает свои легионы. В итоге «друзья», отчаявшись найти кандидата царского происхождения, пригласили в Александрию Архелая, сына Архелая, выдающегося полководца, служившего Митридату.

Это был союз двух энергичных молодых правителей, охваченных желанием возродить в государстве порядок, пошатнувшийся из-за скандалов и разногласий. Пока Архелай восстанавливал флот и проводил преобразования в армии, Береника делала все, чтобы снискать доверие людей, отвернувшихся от трона из-за чрезмерных поборов и неправильного управления государством. Она восстанавливала отношения со жрецами, отремонтировала за государственный счет несколько храмов, а другие наделила правом служить убежищами, считавшимся очень большой, особой привилегией, которой цари редко удостоивали кого-либо. Решив нарушить данную традицию, Береника стала активно даровать это право храмам, и благодарные жрецы, признав заслуги царицы, начали призывать свою паству сплотиться вокруг нее. «Из убежищ, – напоминал жителям Египта Эвергет, – никто не может быть уведен силой», и наделение малозначительных храмов правом становиться убежищами вызывало сильное недовольство у местных стражей порядка.

Это, несомненно, заставляло их сталкиваться с определенными трудностями, ибо схватить скрывающегося нарушителя, сумевшего добраться до храма раньше своих преследователей, можно было, лишь убедив его, будто шумиха улеглась. Как правило, подобные уловки срабатывали. У стражей порядка были свои соглядатаи в храмах, а снаружи они могли выставить охрану, и первый шаг за пределы храма, сделанный недалеким беглецом, как правило, становился последним. «Следи за ними, – писал один «полицейский» своему агенту в Серапеуме. – И если эти люди выйдут, дай мне знать, и я прибуду к тебе. В качестве награды ты получишь три таланта и к тому же сделаешь нам одолжение».

В самый последний момент Габиний замешкался. Для того чтобы покинуть свою провинцию или ввязаться в войну, проконсул должен был получить разрешение сената, и Габиний вполне справедливо полагал, что сенаторы не простят его за нападение на Египет. В то же время этот поход сулил весьма неплохие перспективы. Авлет обещал ему, что, как только займет трон, заплатит 1 тысячу талантов. В итоге Габиний не смог противостоять соблазну и отдал своим солдатам приказ выступать. Передовой отряд возглавил командовавший конницей Марк Антоний, сам Габиний двигался вслед за ним во главе пехоты, а Авлет неторопливо ехал в конце.

Пелусий пал, Александрия сдалась, и в 55 г. до н. э. Авлет снова вошел в столицу. Он не помиловал ни Беренику, ни ее мужа, встретивших смерть в тюрьме. Так закончилось столь многообещающее поначалу правление царицы. Запуганные солдатами Габиния, которому в основном служили лютые галлы и германцы, жители Александрии не оказали сопротивления и даже палец о палец не ударили, чтобы спасти своих царя и царицу. «Всегда готовые проявить мужество и высказывать свои мысли, – язвительно писал Дион Кассий, – во время войны с ее ужасами александрийцы совершенно бесполезны». Их поведение на протяжении всего эллинистического периода, несомненно, подтверждает справедливость этих слов.

Оставив в Александрии Луция Лициния и два легиона, которые должны были защищать царя от его подданных, приведенный в замешательство новостью о том, что по Риму носятся слухи о его смелой выходке, Габиний вернулся в Сирию. Ехать проконсулу пришлось с пустыми руками, ибо Авлет так и не заплатил ему обещанных денег, попросив отсрочку, на которую Габиний неохотно согласился, решив, что будет лучше, если он останется в хороших отношениях со своим должником, тем более что последний вполне мог добыть необходимую сумму из александрийской казны. Большую угрозу для себя Габиний видел в

своих собратьях римлянах. Он сумел отвести от себя обвинение в измене, но был признан виновным в получении взяток и оштрафован на 10 тысяч талантов, несмотря на заверения Авлета о том, что Габиний ничего не получил от него за свою помощь.

Уверенные в своей добродетели сенаторы облизали губы и стали искать новую жертву. Они понимали, что не сумеют бросить тень на Помпея и Красса, даже несмотря на то, что те не смогли избежать участия в скандале, – слишком могущественными были эти двое. Более легкой добычей оказался Рабирий Постум, ссужавший деньги Авлету, когда тот находился в Италии. Но добраться до него тоже оказалось непросто – Постум отправился в Александрию в надежде вернуть свои деньги, и разочарованным сенаторам пришлось оставить его в покое.

Кстати, Постум, несмотря на все свои старания и тяготы, связанные с путешествием, почти ничего не получил. Поклявшись, что у него нет средств, чтобы заплатить по долгам, Авлет предложил Рабирию в качестве компенсации должность диоикета, и римлянин быстро понял, что может вернуть потраченное за счет жителей Египта. Он рьяно взялся за дело, но оказался слишком жадным. Непосильные поборы вызвали недовольство, и Авлет, обрадованный тем, что нашелся такой замечательный повод избавиться от Рабирия, приказал бросить его в тюрьму. Царь с удовольствием казнил бы своего беспокойного кредитора, ведь мертвым не свойственно болтать, но опасался, что римляне призовут его к ответу за это преступление. Поэтому Авлет избавился от Рабирия более изящно. Он приказал оставить заднюю дверь тюрьмы открытой, и совершенно голый Рабирий, постоянно опасавшийся за свою жизнь, потащился обратно в Италию.

Там он, как и Габиний до этого, предстал перед судом. Он был обвинен в том, что занял оплачиваемую должность в Египте без разрешения сената. Римляне были довольны назначенным наказанием – по их мнению, перебежчик не заслуживал милосердия. Однако благодаря вмешательству Помпея Габиний сумел избежать кары, и это вызвало настоящий шок у Цицерона. «Ты скажешь: «А как ты переносишь это?» Клянусь тебе, прекрасно... – писал он своему другу Аттику, а затем добавил: – Мы утратили... не только сок и кровь, но также цвет и вид прежнего государства»^[69].

Более мелкие кредиторы Авлета, наученные горьким опытом Габиния и Рабирия, не стали настаивать на возврате своих денег, и бесчестный царь Египта быстро забыл о них. Этот плохой правитель и непорядочный человек умер, как и жил, – он так и не исправился, и о нем никто не плакал. Так или иначе, в последние годы жизни он пытался вычеркнуть из истории свои преступления и безрассудства, повелев жрецам увековечить на стенах храмов свое имя и хронике правления.

На острове Филэ поспешили исполнить этот приказ и вырезать на одном из множества храмовых пилонов рельеф, на котором этот представитель династии Птолемеев находится под защитой богов и убивает своих противников. Данная картина была полностью вымышленной, ибо Авлет ни разу за свою жизнь не взял в руки оружие под влиянием гнева.

Только в самом конце жизни царь задумался о будущем своих пятерых детей. Их перспективы не выглядели мрачными только в одном случае – если Республика сумеет обеспечить переход власти, и Авлет решил обратиться с этой просьбой к римскому народу. Лежа на смертном одре, он продиктовал завещание, сохранность которого попросил обеспечить сенаторов. Умиравший правитель четко выразил свою волю: после его смерти Египтом должны были совместно править его дочь Клеопатра, седьмая из представительниц династии Птолемеев, носивших это имя, и сын Птолемей, которым следовало стать супругами. Римских сенаторов Авлет просил благословить будущий союз. Эти слова стали для него последними – Птолемей Авлет умер в 51 г. до н. э.

Глава 13

Клеопатра

51–30 гг. до н. э.

На трон воссела Клеопатра, седьмая представительница династии Птолемеев, носившая это имя. Это была властная девушка восемнадцати или девятнадцати лет от роду, не терпевшая, когда ей дают советы или противоречат. Вся ее жизнь – готовый сюжет для любовного романа, а царствование было полно приключений. И хотя она не была ни достойной царицей, ни благочестивой женщиной, эти недостатки были вызваны не только ее безрассудством, но и обстоятельствами, сложившимися в тот период. Интерес потомков к личности Клеопатры частично обусловлен ее драматичными отношениями с двумя выдающимися римлянами, а отчасти – тем, что сначала Плутарх, а после него Шекспир решили увековечить память о ней.

Ее внешность и личные качества в источниках почти не описываются. Плутарх отмечает ее образованность и способность к языкам, Кассий – ее «потрясающую красоту». Но мы не знаем, насколько глубокими были ее знания и то, какой она была – высокой или миниатюрной, темноволосой или белокурой. До нашего времени не сохранилось ни одного достоверного изображения этой царицы^[70], но, взглянув на изображения на монетах того периода, мы можем предположить, что, восхваляя красоту Клеопатры, Дион несколько преувеличивал. Верхняя часть лица изображенной на них женщины выглядит привлекательной, но нижняя, с чувственными губами и выступающим волевым подбородком, заставляет усомниться в ее красоте. Как бы то ни было, она, очевидно, была весьма привлекательной и интересной женщиной. В противном случае Клеопатра просто не смогла бы завоевать любовь двух таких непостоянных мужчин, как Юлий Цезарь и Марк Антоний, и удержать их.

Начало правления молодой царицы было не очень обнадеживающим. Едва ее отец обрел вечный покой, как она поссорилась с Потинном, которого Авлет по возвращении из Рима сделал фактическим правителем Египта. Тут Клеопатра допустила просчет. Она была всего лишь неопытной девушкой, а Потин – хитроумным греком, которому беспрекословно подчинялись главнокомандующий Ахилла и Феодот, философ, пользовавшийся большим уважением у александрийских народных масс.

Клеопатра призывала Потина как можно быстрее решить ее судьбу и настаивала на том, что должна править единолично до тех пор, пока ее маленький брат Птолемей, который, согласно завещанию Авлета, должен был стать ее соправителем, не повзрослеет достаточно для того, чтобы разделить с ней трон. Потин высмеял девушку, по невежеству своему решившую позабыть о предубеждении против женщины на престоле. Он не сомневался в необходимости того, что страной до совершеннолетия наследника мужского пола должен править регент, только видел в этой роли себя и предложил Клеопатре присоединиться к исполнению обязанностей по управлению государством, но под его чутким руководством. Эта дерзость лишь усугубила ситуацию, и, к несчастью, третьей стороны, способного разрешить конфликт, не нашлось.

Для эллинистического Египта все еще был характерен философский подход к власти и государству, сформулированный в период правления фараонов. Египет продолжал считаться «землей царя», а население страны – его покорными слугами. В подобной системе не было места представительным органам. В Александрии не было ни буле, ни даже экклесии – государственного совета и народного собрания, характерных для каждого, даже самого маленького греческого города-государства. Цари периодически объявляли о своей воле, издавая манифесты и указы, но обсуждать эти решения и сомневаться в мудрости принявшего их правителя было запрещено. Местных чиновников назначал царь, а заместителями становились его «друзья». Сложилась крайне странная и нестандартная ситуация: жители города, построенного греками для самих себя, могли выразить свое мнение только во время восстаний.

Александрия вновь оказалась на грани беспорядков. Возмущенные неразберихой во дворце люди стали просить царицу и регента прийти к согласию или уступить место тем, кто сумеет его достигнуть. Ни Клеопатра, ни Потин не нашли в себе смелости, достаточной для того, чтобы пренебречь этим предупреждением, и заключили негласное соглашение о

разделе власти. Клеопатра взяла на себя отношения с другими государствами, а Потин занялся делами внутри страны.

Однако мир просуществовал недолго. Обоим правителям было нужно время, чтобы собраться с силами: Потин с помощью Ахиллы обеспечивал себе поддержку армии, а Клеопатра пыталась наладить отношения с Помпеем, хранившим завещание ее отца. Отсрочка оказалась полезна Клеопатре и по другой причине – она сумела понять причины многих событий, происходивших в прошлом и прежде казавшихся ей непонятными. Царица осознала, почему ее отец оказался в ссылке и зачем искал покровительства римлян. Теперь она знала, что с помощью Помпея сможет избавиться от Потина, а потом сделать брата своим мужем или отказаться от союза с ним.

Однако в ходе реализации своих планов Клеопатра столкнулась с проблемой, связанной с римскими солдатами, находившимися в Александрии, а именно с тем, что новый проконсул Сирии Бибул отозвал гарнизон. Данная новость стала неприятной неожиданностью для расквартированных в городе легионеров, которые уже успели обеспечить себе общество женщин, готовых скрасить их одинокую жизнь на чужбине, из-за чего уровень дисциплины заметно упал. Двое сыновей Бибула прибыли в Александрию, чтобы переправить гарнизон в Сирию, и увидели, насколько плачевная ситуация сложилась в лагере. Они зачитали указ Бибула и приказали солдатам выдвигаться, но никто не повиновался, а стоявшие в строю солдаты поклялись, что и шагу не ступят ради любого из проконсулов. Молодые люди обратились к командиру, но тот, как и его подчиненные, не стремился покинуть Египет и посоветовал братьям возвращаться в Сирию. Но они вместо этого неосмотрительно высмеяли легионеров, обвинив их в трусости, и таким образом нанесли им оскорбление, стоившее сыновьям Бибула жизни. Полдюжины свирепых галлов покинули строй и убили молодых людей прямо на месте.

Во время всех этих событий солдаты ни разу не вспомнили о Клеопатре, что оказалось ошибкой. Бибул был другом Помпея, и царица поняла: ей подвернулась возможность доказать, что и она стремится наладить с ним дружеские отношения. Она приказала арестовать убийц, заковать их в кандалы и отправить к Бибулу. Но это несвоевременное вмешательство ей не помогло. Наоборот, римские солдаты стали считать ее своим врагом, а благодарности от Помпея она так и не дождалась. Тем не менее Клеопатра проявила настойчивость и подарила Помпею эскадру из 60 трирем, довольно большое количество зерна и крупную сумму денег. Александрийцы, следившие за отплытием кораблей, не скрывали своего негодования. Сторонники Потина тут же начали сердито ворчать: «Что нам, египтянам, до соперничества между римлянами?» В ответ те, кто поддерживал царицу, шепотом замечали: «Неужели Птолемеи никогда не поймут, что римляне – самые неблагодарные из всех покровителей?»

Конечно, никто не мог предугадать исход соперничества между Помпеем и Цезарем, превратившегося в настоящий конфликт. Эти двое стоили друг друга: если Цезаря, находившегося в Галлии, поддерживала армия, закаленная в продолжавшихся 10 лет боях, то оставшийся в Риме Помпей мог рассчитывать на помощь аристократии и богатых римлян. Если последние могли бы действовать по-своему, они бы назвали Помпея своим единоличным правителем, но общественное мнение еще не было готово к такой резкой смене политической обстановки. Люди еще помнили о диктатуре Суллы и ее последствиях и не хотели повторения этого опыта. Поэтому сторонникам Помпея оставалось довольствоваться его избранием единоличным консулом и наделением его полномочиями верховного главнокомандующего как на суше, так и на море.

Это пошатнуло и без того неустойчивый мир между соперниками, и сенаторы все же решились поднять вопрос о переговорах. Однако было слишком поздно: Цезарь уже перешел через Альпы и двигался в сторону Рима. Услышав эту новость, сенаторы стали поспешно действовать. Они провозгласили Цезаря врагом Республики, а Помпея – ее защитником. Последний стал подсчитывать свои силы, оказавшиеся довольно ограниченными. Восемь из десяти подчиненных ему легионов находились в Испании, а для того, чтобы сразиться с

Цезарем в Италии, их требовалось как минимум шесть. При этом времени для призыва новых новобранцев, не говоря уже о поиске кораблей и людей для них, у Помпея не было, и он задумался о Греции и Малой Азии. Там он мог набрать войско и создать флот, а затем пересечь Адриатическое море и отвоевать Италию. Он поспешно покинул Рим, в то время как Цезарь, переправившись через Рубикон, отправился в погоню. Но он слишком поздно добрался до Брундизия – благодаря попутному ветру Помпей уже миновал половину пути в Грецию.

Цезарь, который мог последовать за ним из-за отсутствия кораблей, покинул Испанию со словами: «Я отправился в Испанию, где сражался с войском без предводителя, а затем двинулся на Восток, чтобы противостоять военачальнику без армии». Это убеждение оказалось ошибочным: заняв Эпир, Помпей стал собирать войско, казавшееся более многочисленным, чем любая армия, которую его противник мог перевезти через Адриатическое море. Хуже обстояли дела с созданием флота. В Либурнии, современной Хорватии, было множество быстроходных судов с небольшой осадкой, но более крупногабаритные корабли Помпею предстояло искать в бассейне Эгейского моря. В итоге его тесть Сципион и сын Гней Помпей отправились туда, чтобы позаимствовать или нанять боевые корабли. Найдя несколько судов в Тире и на Родосе, посланники Помпея добрались до Александрии. Если за 50 лет до этого Лукулл, отправившийся с путешествием с аналогичной целью, вернулся домой ни с чем, то родственникам Помпея повезло больше. Может, все дело было в привлекательной внешности и изысканных манерах Гнея, поразивших воображение Клеопатры, или в велеречивых комплиментах Сципиона, усладивших ее слух, но так или иначе в Эпир отправились около 60 кораблей с 500 моряками-галатами на борту.

Потин не мог не воспользоваться подвернувшейся ему возможностью и призвал своих союзников Ахиллу и Феодота, которые стали уговаривать его нанести удар и поклялись, что помогут. Но слухи о заговоре достигли дворца, и Клеопатра велела своим телохранителям быть наготове. Однако ни один из них не повинился этому приказу. Потин оказался человеком предусмотрительным, и дворцовая стража выполняла только его указания. В итоге Клеопатре оставалось лишь спастись бегством, и она направилась в Фиваиду. Наместник этой области помог ей бежать в Сирию через Аравию. Там из представителей различных племен, бандитов, беглых рабов и римлян-изгнанников она набрала весьма разношерстное войско, которое через несколько недель уже двигалось в сторону Египта. Но о ее планах очень быстро стало известно, и в Пелусии ей преградил путь юный Птолемей, считавшийся ее соправителем. На протяжении какого-то времени ничего не происходило, так как ни брат, ни сестра не хотели вступать в открытый конфликт и каждый из них был уверен, что другой вот-вот отступит.

Тем временем на противоположном побережье Средиземного моря началась схватка между Помпеем и Цезарем. Закрепив свою власть в Испании и добившись избрания консулом, последний в сопровождении передового отряда пересек Адриатическое море и, оказавшись в Эпире, с нетерпением ждал прибытия своих основных сил. Армия задерживалась, что позволило Помпею укрепиться в Диррахии, современном Дурресе. Цезарь осадил крепость, но взять ее ему не удалось, и его положение стало довольно шатким. Он не чувствовал себя уверенно на море, из-за чего потерял связь с Римом, а узнав, что Помпей ждет подкрепление, Цезарь был вынужден пересмотреть стратегию и отойти от Диррахии. Он выдвинулся на юг, надеясь перехватить подкрепление противника, но потерпел неудачу, и, объединившись со Сципионом, Помпей вступил с ним в битву при Фарсале, состоявшуюся 9 августа 48 г. до н. э.

Это довольно сумбурное сражение завершилось победой качества над количеством, гениальности над посредственностью. Настоящий героизм в тот день проявили солдаты десятого легиона, сумевшие противостоять двум ожесточенным атакам конницы и, изменив ситуацию, грозившую Цезарю поражением, помочь ему одержать победу. Новобранцы, приведенные Помпеем из Азии, дрогнули и бежали. Сам он, осознав, что потерпел

поражение, также спешно покинул поле боя. Остановившись в Амфиполе, он провел военный совет, во время которого друзья убедили его еще раз попытаться противостоять Цезарю, но на этот раз в Македонии. Однако у него не хватило на это моральных сил, и он заявил о своем предпочтении встретить противника в Азии, предварительно набрав в Киликию новую армию, что было весьма самонадеянно. С помощью этой уловки он пытался отгородиться от Цезаря Средиземным морем. Помпей собирался сделать остановку на Лесбосе, чтобы забрать свою жену Корнелию и сына Секста, но не приказывал бросать якорь до тех пор, пока не решил, что за ним никто не гонится.

Помпей снова задумался о будущем. Он больше не рассуждал о наборе новой армии и флота. Вместо этого Помпей стремился найти такое убежище, на которое Цезарь не осмелится покуситься. Его соратники, испытывавшие такое же слабое, как и их предводитель, желание сражаться, согласились с этим, и предметом для спора стало лишь то, какой регион выбрать. Мнения разделились. Некоторые высказывались за Нумидию, другие выступали за Сирию, а несколько человек даже предложили направиться в негостеприимную Парфию. Мысли о Сирии развеивали печаль Помпея, некогда бывшего там проконсулом и считавшего, что там его ждет более теплый, чем где бы то ни было, прием. Это заблуждение привело к весьма печальным последствиям. Жители Антиохии, столицы Сирии, отказались впустить его в город, и Помпей скрепя сердце был вынужден отправиться в Египет. Еще в море, решив, что, явившись в страну пирамид нищим беглецом, не способным даже обеспечить себе охрану, он унизит свое достоинство, Помпей велел сменить курс и направил корабль к Кипру. Местный ростовщик с готовностью ссудил ему деньги, а симпатизировавший ему наместник одолжил отряд солдат, и Помпей направился в Александрию в полной уверенности в том, что дети Птолемея Авлета оплатят ему за гостеприимство, некогда оказанное их отцу в Риме.

К огромному разочарованию Помпея, порт оказался закрыт. У входа в гавань на якоре стоял сторожевой корабль, капитан которого заявил, что, прежде чем сойти на землю, римлянин должен получить разрешение царя. «Где Птолемей?» – спросил беглец. Когда ему ответили, что царь находится в Пелусии, Помпей испытал огромное разочарование и был вынужден снова выйти в море.

Тем временем новость о бегстве Помпея после поражения в битве при Фарсале достигла Пелусии, и в крепости начался военный совет, участники которого ожесточенно спорили о том, как следует поступить с беглецом – позволить ему ступить на египетскую землю или приказывать искать себе убежище в другом месте. Из всех собравшихся только мемфисский верховный жрец Акорей утверждал, что им следует выполнить священный долг и принять гостя. Когда корабли Помпея оказались в зоне видимости, жрец как раз, вскочив на ноги, доказывал необходимость помочь бывшему консулу.

Внезапно раздался крик: «Неужели мы примем Помпея, в то время как весь остальной мир отвергает его?», и расстроенный Акорей спешно сел на свое место. Потин ответил на этот вопрос: «Пусть ищет себе другое убежище». Но параллельно в его голове зрел гораздо более зловещий план. Потин понимал, что после битвы при Фарсале звезда Помпея закатилась, а Цезарь, наоборот, оказался в зените славы, и благоразумнее всего было заслужить признательность победителя, покончив с его противником. Он шепотом пересказал свою идею на ухо царю, и юный Птолемей кивнул в знак одобрения.

Военный совет закончился. Ахилла и Луций Септимий, бывший трибун в легионах Габиния, оставленных в Александрии, добровольно вызвались стать палачами. Они сели в простую рыбацкую лодку, пришвартовались к триreme и заявили, что Помпей – желанный гость для Египта. Римлянин замешкался – льстивые слова посланцев в сочетании со странным судном, на котором они приплыли, вызвали у него подозрение, но Ахилла заявил, будто причиной столь недостойной высокопоставленного гостя встречи является мелководье. Помпей со вздохом пересел в лодку. Сядясь рядом с Ахиллой, он полушепотом произнес строку из сочинения Софокла:

Когда к тирану в дом войдет свободный муж,
Он в тот же самый миг рабом становится^[71].

Корнелию, готовившуюся последовать за супругом, Помпей попросил подождать и посмотреть, что произойдет с ним, когда он окажется на берегу. Это были последние слова, с которыми он обратился к оставшимся на корабле. Приказав гребцам взяться за весла, Ахилла направил лодку к берегу. Воцарилась тишина. Никто из сидевших в лодке не говорил и даже не шевелился. Септимий вытянулся, как на военном построении, и Помпей понял, что его спутник был легионером. Присмотревшись к нему повнимательнее, бывший консул тихо промолвил: «Если я не ошибаюсь, то узнаю моего старого соратника»^[72], и Септимий кивнул. Помпей снова вздохнул и, достав из рукава текст своего обращения к Птолемею, стал его читать. Увидев, что его спутник занят, Септимий вынул свой меч и нажал пальцем на кончик лезвия, проверяя его остроту.

Лодка подошла к берегу, и Помпей поднялся, чтобы сойти с нее, а затем увидел, как блестит на солнечном свете металл. Он задержал дыхание и закрыл глаза, а Септимий ударил его мечом, целясь в сердце. Убийца промахнулся, но Помпей, потерявший сознание, упал на скамьи для гребцов. Затем подлый Ахилла сделал шаг вперед и стал бить Помпея мечом до тех пор, пока тот не испустил дух. Сойдя на берег, убийца нанизал голову Помпея на копьё и с победным видом показал ее царю, а обезглавленное тело гребцы сбросили в воду. Там волны мотали его до тех пор, пока вольноотпущенник Филипп и старый легионер Корд, тайно пришедшие на берег после наступления темноты, не сложили небольшой костер и не сожгли останки. Так настал конец Помпея, прозванного Великим, которого «так долго сопровождала удача, покинувшая его в единственный миг, когда ему был нанесен смертельный удар».

Через несколько дней в Александрию прибыл Цезарь. После битвы при Фарсале он опередил свою пехоту и поспешно направился верхом в Сест, город на берегу Геллеспонта. Там он остановился в ожидании своих легионов. Но они были слишком далеко, и, охваченный нетерпением, Цезарь вместе с сопровождавшими его людьми пересек пролив в хлипких береговых шлюпках. Где-то на середине пути он решил, будто его ждет неминуемая гибель. К лодкам приближалась эскадра вражеских кораблей, и Цезарь мог быть захвачен в плен. Но ему сопутствовала особая удача, и вместо того, чтобы предать Цезаря, капитан стал просить у него прощения и передал свои триремы в его распоряжение. Оказавшись на острове Родос, Цезарь узнал, что Помпей собирался укрыться в Египте, и направился в Александрию. Через три дня его корабль вошел в порт, и Феодот, захватив с собой голову Помпея и его перстень с печатью, поспешил подняться на борт, чтобы поприветствовать победителя в сражении при Фарсале.

Слушая рассказ Феодота, Цезарь был мрачен. Смерть такого благородного человека, как Помпей, искренне его опечалила, а сопровождавшее ее вероломство заставило содрогнуться. Взяв себе перстень, он приказал с почестями похоронить голову Помпея в храме Немезиды и потребовал, чтобы Феодот рассказал ему о детях Птолемея Авлета. Только тогда Цезарь узнал о ссоре брата и сестры, о вмешательстве в нее Потина, поддержавшего мальчика, о бегстве Клеопатры из Александрии и о том, что она собрала войско, во главе которого подошла к Пелусию.

Слова Феодота заинтересовали, но в то же время весьма озадачили Цезаря. С одной стороны, ему следовало срочно возвращаться в Рим, а с другой – будучи консулом, он должен был помирить детей Авлета, оставленных отцом на попечение Республики, прежде чем покинуть Египет. Цезарь учитывал еще один факт. Некогда он согласился вернуть Птолемея Авлета на трон в обмен на значительную сумму денег, которую, впрочем, так и не увидел. Цезарь полагал, что дети Птолемея поступят очень благородно, если почтят память своего отца, исполнив данное им обещание.

Первыми с корабля сошли ликторы консула. Жители Александрии с удивлением взирали на фасции, неотъемлемый атрибут всех, кто относился к этой категории. За ними следовали

одна или две когорты италийских солдат, внешность и манера поведения которых заметно отличались от свойственных неотесанным германцам и галатам, служившим по призыву Габинию. В конце процессии шел сам Цезарь. Ликторы расчищали путь в толпе зевак, и в конце концов Цезарь зашел на территорию дворца. Казалось, будто все кругом вымерло, – в здании не оставалось никого, кроме Арсиной, ее совсем маленького брата и нескольких слуг. Цезарь не стал покушаться на их частную жизнь и, заметив красивый павильон, разместился там. Затем он приказал Феодоту отправиться в Пелусий и сообщить царю и его сестре о том, что Цезарю необходимо, чтобы они прибыли в Александрию.

Для того чтобы скоротать время в ожидании приезда брата и сестры, Цезарь стал осматривать город. С тех пор как за шестьдесят лет до этого Александрию посетил Сципион Африканский, она еще больше разрослась и разбогатела. Число храмов и общественных зданий заметно увеличилось, как и численность населения, ставшего еще более разношерстным. Казалось, будто жители каждого района говорят на языке, отличном от использовавшегося их соседями. Официальным языком оставался греческий, на нем же велись деловые переговоры и составлялись документы, но чаще всего в городе слышалась египетская речь. Цезарь неспешно прогуливался по оживленным городским улицам. Та искренность, с которой этот высокий и красивый человек приветствовал прохожих, и его изысканные манеры не могли не вызывать у окружающих уважение и восхищение. Одевался он очень скромно – в тогу, по краю которой шла полоса пурпурного цвета, олицетворявшая его принадлежность к сословию всадников, неплотно подпоясанную на талии. Единственным украшением, которое он носил, был перстень с изображением Венеры Победоносной, символизировавший его принадлежность к патрициям.

В городе не было закоулка, а в порту – причала, который Цезарь не изучил бы. Он часами стоял у кромки воды, наблюдая за тем, как на корабли грузят зерно. Этот нехитрый процесс заставлял его задуматься о Республике и о снабжении ее населения продовольствием, вопросе, занимавшем умы консулов и сенаторов на протяжении жизни более чем одного поколения. С каждым годом проблема становилась все более сложной, а ее решение – труднодостижимым. Разоренная продолжительной гражданской войной Италия больше не могла кормить своих жителей. Земля становилась все менее пригодной для обработки, а урожай, полученного крестьянами, едва хватало на удовлетворение их собственных потребностей. В Риме голод удавалось сдерживать благодаря дорогостоящим закупкам зерна и его бесплатной раздаче богатыми государственными служащими. Но так не могло продолжаться вечно. Римляне нуждались в более решительных мерах. Такой практичный человек, как Цезарь, понимал, что решением проблемы может стать расширение территории, а именно присоединение к Республике новых земель, где в изобилии растет зерно, а такая богатейшая житница, как Египет, подходит для этого как нельзя лучше.

Покинув причал, Цезарь мог бы направиться в Мусейон и библиотеку. В первом из этих двух знаменитых зданий он мог бы обсудить проблемы философии и истории, а во втором – поделиться своим мнением о том или ином тексте. Он был достаточно образован для того, чтобы говорить на одном языке с учеными и давать писателям воодушевлявшие их советы; умел говорить и писать изящно и непредвзято. «Кого из ораторов, занимающихся исключительно ораторским искусством, вы предпочтете Цезарю?» – спрашивал Корнелий Непот своих читателей. Сам Цезарь давал честолюбивым писателям следующий совет: «Избегайте странного и незнакомого мира так же, как вы избегаете скалу». Однако дискуссии с учеными были пустой тратой времени – на протяжении многих лет Мусейон не породил уникальных мыслителей или писателей, а второсортные философы Цезаря не интересовали.

Возможно, для философии и наук просто наступило неподходящее время, и Цезарь предпочитал бродить по храмам и городским общественным зданиям, наслаждаясь воздушной изысканностью одних и великолепием других. К числу последних относилось прекрасное святилище Сераписа, расположенное в квартале Ракотис. Стоя на незначительном расстоянии от храма, Цезарь с любопытством разглядывал многочисленную

толпу людей, пришедших, чтобы принять участие в обряде поклонения божеству, казавшемся римлянину довольно необычным. Верховный жрец, встав лицом к толпе, одной рукой разбрызгивал воду, а в другой, протянутой вперед, держал чашу, в которой горело пламя. Вода и огонь символизировали реку и солнце, силы, участвовавшие в процессе творения. В такие моменты Цезаря охватывало острое желание узнать о загадочном Египте как можно больше, проплыть по Нилу от устья до истоков, очутиться в лесах Эфиопии. Но эти мысли быстро исчезали: близилась зима, и, выполнив свои обязанности консула, Цезарь должен был вернуться в Рим.

Римлянин стал испытывать некоторое беспокойство. Ни от юного царя, ни от его сестры вестей не было, а Феодот так и не вернулся из Пелусия. К тому же Цезарь знал о недовольстве, разгоравшемся в Александрии. Слишком часто его ликторам приходилось расталкивать людей, чтобы расчистить ему путь. Легионеры, которые вели себя очень тихо, повсюду вынуждены были сталкиваться в лучшем случае с оскорблениями, да и сам Цезарь нередко испытывал на себе нежелание местных жителей проявлять в отношении него учтивость. Предчувствуя недоброе, он удвоил свою охрану и вызвал подкрепление из Малой Азии. Это было весьма благоразумно, ибо жители Александрии все больше ожесточались и уже открыто спрашивали, сколько им еще придется кормить незваных гостей. Они полагали, что у любого гостеприимства должны быть границы, за которые Цезарь в любой момент мог переступить.

Еще большее недовольство вызвало то, как римский консул обошелся с эскадрой кораблей, которые Клеопатра одолжила Помпею. Услышав, что его услуги больше не понадобятся, адмирал с радостью отправился домой, но по возвращении узнал, что его корабли, по сути, стали военным трофеем. Всем, кто находился на борту, велели сойти на берег, а на борт опустевших судов поднялись легионеры, охранявшие гавань, которые пришвартовали их к триремам самого Цезаря. «Измена», – все громче бормотали рассерженные открывшимся им зрелищем жители Александрии.

Юный царь, неспешно передвигавшийся в сторону столицы в сопровождении Потина, наконец прибыл в Александрию, где Цезарь мягко пожурил его, прочитав нотацию. Консул говорил о вреде семейных ссор и о своем желании рассудить брата и сестру, а затем недвусмысленно спросил Птолемея о том, почему Клеопатра не прибыла в столицу вместе с ним. Юноша, приведенный вопросами Цезаря в замешательство, приказал Потину ответить на них, и консул с неприязнью взглянул на грека. Цезарь пожаловался на то, что его солдаты получили подпорченное долгоносиком зерно и прогорклое масло, напомнил Потину про обязательства Птолемея Авлета, которые, по его словам, в Египте не чтят, и снова задал вопрос о том, почему Клеопатра не прибыла в столицу вместе с братом. Мрачный Потин ответил, что у него есть другие дела, помимо выдачи продовольствия, что прежде, чем выплачивать долги покойного царя, он должен все тщательно проверить и что он не отвечает за поступки Клеопатры. Другими словами, было件нятно, что Потин не собирается гарантировать царице безопасность. Цезарь, не желавший что-либо решать до разговора с Клеопатрой, запретил Потину покидать Александрию.

Тем временем Клеопатра, не зная о решении Цезаря, раздумывала над тем, как ей следует поступить. Верный слуга сообщил ей о прибытии римского консула, а шпион в Пелусии – о том, что ее брат отправился в столицу. Женщина понимала, что проиграет, если не предстанет перед Цезарем лично и не изложит ему свою версию событий, и решила положиться на его милость. С помощью своего верного управляющего Аполлодора она сумела незаметно проскользнуть мимо собственных и вражеских сторожевых отрядов и сесть в лодку. Это предприятие было очень опасным, но все прошло успешно. Стояла благоприятная погода, дул попутный ветер, и через двадцать часов лодка оказалась у входа в порт. Аполлодор дождался темноты, а затем подвел суденышко как можно ближе к территории дворца.

Теперь следовало придумать, как проникнуть сквозь ворота. Аполлодор решил эту проблему, завернув Клеопатру в тяжелый ковер, который затем он перекинул через плечо.

Он постучал в первые ворота. Навстречу Аполлодору вышел заспанный страж, потребовавший, чтобы незнакомец изложил цель своего прихода. «Подарок Цезарю», – не задумываясь ответил мужчина и был впущен во дворец. Остальное было делом техники. Любезный слуга проводил его к павильону, и, войдя внутрь, Аполлодор положил свою ношу к ногам Цезаря.

Все это предприятие просто не могло закончиться иначе. Мужчина был влюбчивым, а девушка – беспринципной. Цезарь поддержал Клеопатру, а она стала его любовницей. Узнав об этом, александрийцы вздрогнули от стыда. «Как, – спрашивали себя они, – дело дошло до того, что царице Египта, чтобы защитить свои права, пришлось стать любовницей римского консула?» Разъяренная толпа собралась в Брухионе, а во дворце Потин уговаривал Птолемея обвинить сестру в распутстве. Юноша стал поспешно одеваться, но в это время его посетил посланник от Цезаря, требовавшего, чтобы царь встретился с ним.

Римлянин стал мягко уговаривать Птолемея уладить разногласия с сестрой, но лишь впустую сотрясал воздух. Услышав раздающийся снаружи шум, мальчик выбежал в большой двор. Но он опоздал – от толпы его отделяли два ряда римских солдат. Птолемей растерялся и остановился, а затем сорвал с головы царскую диадему и закричал, что не собирается делить трон с обесчестившей себя сестрой. За этим последовали одобрительные крики и аплодисменты, услышав которые во двор вышел сам Цезарь, неся в руках копию завещания Птолемея Авлета^[73]. Приказав людям замолчать, он зачитал весь текст. Затем, разогнув свиток, он объявил свое решение: юноша и его сестра должны стать мужем и женой и совместно править Египтом, а Рим готов подтвердить свое дружеское расположение к представителям династии Птолемеев, передав Кипр во власть двух младших детей Авлета. Когда Цезарь замолчал, в толпе раздались громкие одобрительные возгласы. Жители Египта все еще оплакивали потерю острова и злились из-за его захвата римлянами. Теперь Кипр чудесным образом возвращался под власть Египта, и люди провожали Цезаря, возвращавшегося во дворец, громкими аплодисментами.

В стенах дворца все обстояло совершенно иначе. Масло и вода сочетались гораздо лучше, чем двое детей Авлета, и брат с сестрой то и дело бросали друг на друга недобрые взгляды. Цезарь не обратил внимания на их дурное настроение – он уже озвучил свое решение, и молодым людям предстояло в тот же день пожениться. Вечером они обменялись традиционными брачными клятвами. На египетский трон бок о бок сели Клеопатра и ее брат Птолемей, четырнадцатый правитель из династии потомков Сотера, носивший это имя. Это зрелище не могло не опечалить Потина, рискнувшего жизнью и состоянием ради того, чтобы мальчик правил страной единолично. Он понимал, что теперь может лишиться и того и другого. Все зависело от армии, еще остававшейся в Пелусии, и Потин приказал Ахилле, командовавшему войском, как можно быстрее прийти на помощь.

Возможно, Цезарь был не настолько сильно влюблен в Клеопатру, как она, еще не имевшая большого опыта в подобных делах, полагала. Она была далеко не первой его любовницей, и римский консул не собирался ради нее задерживаться в Египте. Более того, Цезарь понимал, что должен торопиться, если хочет без происшествий переправить своих солдат в Италию, и начал готовиться к отъезду. Но, узнав о приближении к столице Ахиллы, он отложил приготовления. Консул понимал: прежде чем покинуть Египет, ему придется разбить противника.

Цезарь стал оценивать свои возможности. Два брата и младшая из дочерей Авлета Арсиноя находились в безопасности, Клеопатра тоже была рядом с ним и могла дать несколько ценных советов. Но эти преимущества перечеркивались нехваткой военных ресурсов. В гарнизоне насчитывалось не более 4 тысяч солдат и офицеров, а подкрепление, запрошенное Цезарем из Азии, еще не прибыло. Враг обладал значительным численным превосходством. Ахилла командовал армией численностью в 20 тысяч человек, а Потин призывал жителей Александрии вооружаться. Этим последний подписал себе смертный приговор – его арестовали, бросили в тюрьму и задушили по приказу Клеопатры.

Данное преступление возмутило горожан и вынудило их на ответные действия. Толпа ворвалась в квартал, где находился дворец, сломала заграждения, установленные на подступах к зданию, и попыталась прорваться через сторожевые отряды Цезаря, но столкнулась с сопротивлением. Заграждения были восстановлены, и люди, возможно, успокоились бы, если бы в город не вошел Ахилла. Он разработал весьма хитрый план, в соответствии с которым римский лагерь предполагалось окружить с суши, а эскадру египетских кораблей, стоявшую в порту, взять врасплох, тем самым заблокировав противника со стороны моря.

Однако Цезарь предусмотрел подобный вариант развития событий, убрал охрану и велел поджечь корабли. Огонь перекинулся на гавань, и вскоре запылали зернохранилища, лавки и общественные здания. Сами они, сложенные из камня, с крышами, покрытыми черепицей, в той или иной степени могли противостоять пожару, но находившиеся в них запасы и предметы, в частности свитки, хранившиеся в библиотеке, погибли в пламени.

Под прикрытием дыма Арсиноя бежала в лагерь Ахиллы. Там ее приняли с распростертыми объятиями, ведь царь стал пленником Цезаря, и египетскому военачальнику тоже требовался козырь в виде представителя династии Птолемеев. Но радовался он недолго – Арсиноя оказалась плохой помощницей. Будучи типичной представительницей своего рода, она тотчас же почувствовала вкус к власти, стала отменять приказы Ахиллы и пропускать мимо ушей его советы. Заподозрив его в предательстве, она заменила его своим воспитателем Ганимедом, который попытался заставить противника сдаться, оставив его без воды. Этот план провалился, но Цезарь был вынужден с обидой смотреть на то, как корабли с подкреплением из Азии проплывают мимо порта.

Консул вышел в море, чтобы лично вернуть конвой, но вынужден был с боем прорываться к своим судам. Когда его корабли оказались к западу от бухты, на них напала вражеская эскадра, и триремы Цезаря приготовились к бою. Нападение было отбито, конвой благополучно добрался до Александрии, и воодушевленный успехом Цезарь захватил Фарос, очистил гептастаций (плотину) от его защитников и приказал запрудить вход в него. В это время Ганимед нанес ответный удар. Рабочие, которых нападение застало врасплох, бросились в море, а сопровождавшие их солдаты спешно отступили. Сотни людей утонули, да и сам Цезарь чудом избежал гибели.

Это достижение стало для Ганимеда последним. Уставшие от насаждавшейся им железной дисциплины александрийцы страстно возжаждали мира. Если бы Клеопатра согласилась освободить Птолемея, то честь всех участников конфликта не была бы запятнана, а сам он благополучно завершился бы. С этой целью к Цезарю отправилось посольство, сообщившее, что население города «готово повиноваться всем приказам царя и что если по его воле они должны будут перейти под покровительство Цезаря и заключить с ним дружественный союз, то населению нечего будет бояться, и тем будут устранены препятствия для сдачи»^[74]. Это было очень заманчивое предложение, и Цезарь призвал мальчика напомнить своим подданным об их долге. Совет оказался тщетным. Птолемея не интересовали его подданные, и он поклялся, что не прекратит войну, пока не погибнет сам или не заставит Клеопатру исчезнуть со страниц истории.

Однако конец приближался. Царь Пергама Митридат спешил на помощь Цезарю, а правитель Палестины Ирод расчистил для него Митридата. Юный Птолемей отправился на берег Нила, собираясь разбить Митридата, и Цезарь тотчас же последовал за ним. Обогнув озеро Мареотис, он присоединился к Митридату, и их объединенные силы атаковали египетское войско. Вытесненный с поля боя, Птолемей сел в лодку, но та затонула, и царь погиб.

По запруженным народом улицам Александрии прошла процессия, состоявшая из жрецов, несших изображения египетских божеств, а Цезарь, вернувшийся с поля боя, отправился во дворец, где его ждала Клеопатра. Там Цезарь простил врагов и правонарушителей и передал Клеопатре, своей фаворитке, поддерживавшей его в тревожные минуты, власть над Египтом. Таким образом царица смогла удовлетворить свои амбиции –

благодаря молодости и привлекательности, уму и безрассудству она смогла вернуть трон, утерянный, как ей казалось всего за пару месяцев до этого, навсегда. Воспоминания о связи с Цезарем, о торопливых объятиях и обещаниях, которые они шептали друг другу на ухо, приводили девушку в волнение, разжигали в ней уверенность в своей женской привлекательности и делали еще более тщеславной правительницей.

Казалось, теперь роман с Цезарем должен был остаться только в воспоминаниях Клеопатры. Страсти улеглись, но амбиции остались. Ее старший брат был мертв, но оставался еще младший, и теперь Клеопатра понимала, что жители Александрии не покорятся власти женщины при наличии наследника престола мужского пола. Поэтому женщина не хотела отпускать Цезаря до тех пор, пока тот не пообещает приставить к ней охрану. Но все ее намеки были бесполезны.

Цезарь не знал, что происходит в Италии, и не хотел лишаться хотя бы одного из своих немногочисленных легионов. Клеопатра решила сменить тактику и стала уговаривать возлюбленного остаться в Египте. Она полагала, что, если он согласится жениться на ней, все уладится – Египет станет частью Рима, а она будет править обоими государствами. Надеяться на это было более чем наивно. Хотя Цезарь и заводил интрижки с другими женщинами, он всегда возвращался к своей жене Кальпурнии. Для того чтобы заставить Клеопатру отказаться от амбициозных планов, он предложил ей выйти замуж за брата, что позволило бы ей обеспечить свое право на престол.

Однако Клеопатра обнаружила, что беременна, и пораженный этой новостью Цезарь стал относиться к ней с еще большей нежностью. Возможно, именно этим была обусловлена поездка по Нилу, идея которой также вполне могла принадлежать Цезарю. Эта река постоянно будоражила умы римлян. Сципион и другие его сородичи не могли сопротивляться ее притягательной силе, и Цезарь, человек крайне любознательный, не сумел устоять перед соблазном проследовать вверх по ее течению. О ее истоке ничего не было известно, и даже Акорея, престарелый мемфисский верховный жрец, считавшийся признанным авторитетом, говорил, что ничего о нем не знает. Он утверждал:

И даже не смеют

Басен слагать об истоке твоём; повсюду, где видят, —
Ищут тебя^[75].

Разрешить эту загадку пытались Сезострис, колесницу которого «влачили царские выи», Камбиз, прозванный «безумным», и Александр, «высший из всех царей», но это им не удалось, и Акорея предсказал, что их последователей ждет такая же судьба. Тем не менее Цезарь страстно желал отправиться в это путешествие.

Такая возможность ему вскоре представилась, ибо Клеопатра подвизалась сопровождать нового быка Бухиса, считавшегося в Верхнем Египте священным, которого должны были перевезти из Фив в Гермонт (современный Армант). Ни у нее, ни у Цезаря не было причин отказаться от этой поездки. Трон находился в безопасности, и Клеопатра была уверена в том, что в Верхнем Египте ее ждет теплая встреча. Цезарь, в свою очередь, решил: если он вернется в Рим на месяц или два позже, это ничего не изменит. Аппиан сообщает, что «Цезарь отправился вверх по течению Нила в сопровождении 400 кораблей, чтобы изучить страну в обществе Клеопатры, от которого он получал большое удовольствие». Вполне вероятно, что энтузиазм жителей Фиваиды удивил Цезаря. Но объяснить этот факт довольно просто. Обитатели столицы и население Верхнего Египта с отвращением относились друг к другу, и представитель династии Птолемеев, не пользовавшийся популярностью в первой, мог быть уверен, что во втором его ожидает теплый прием.

Так или иначе, царица высадилась в Дендере, совершила обряд жертвоприношения в храме Хатхор, восстановленном ее отцом, а затем направилась в Фивы. Там ее ждал новый бык Бухис, который «ходит на четырех ногах, олицетворение Монту, бога войны и покровителя Фив». Животное посадили в священную ладью Амона, затем двинувшуюся в

сопровождении кораблей с царицей и жрецами на борту вверх по течению. В Гермонте Клеопатра присутствовала при проведении обряда возрождения Бухиса, сделала подношения и объявила о своем намерении построить храм на месте, где некогда поклонялись выдающимся представителям XII и XIX династий.

Глава 14 Клеопатра (продолжение)

По возвращении в Александрию Цезарь снова стал испытывать опасения, мучившие его прежде. Он решил, что не останется в Египте и не позволит Клеопатре помешать своему отъезду. Царица, в свою очередь, не хотела навредить будущему ребенку и не собиралась отправляться в Рим до его рождения. В самый разгар лета она произвела на свет сына, которого назвала Цезарем. Пораженные ее самоуверенностью, александрийцы прозвали мальчика Цезарионом, и это уменьшительное имя стало использоваться чаще, чем полное. Верховный жрец Гермонта объявил его сыном Амона-Ра, воплотившегося в Цезаре, а в столице стали чеканить деньги с изображением царицы в образе Афродиты и мальчика в виде Эроса.

Подобная родословная вызвала у жителей Египта крайнее удивление. «Когда это, – спрашивали они, – египетский бог и греческая богиня успели заключить брак?» Многие задавались вопросом о том, как поступят александрийцы – назовут этого маленького незаконнорожденного ребенка наследником престола или дождутся появления на свет законного потомка, рожденного от брака двух представителей династии Птолемеев. Пока римские легионы стояли неподалеку от дворца, ответить на этот вопрос было несложно, а когда Клеопатра объявила о своем намерении посетить Рим, у жителей Египта пропали последние сомнения в правильности данного ответа.

Однако Цезарь уговорил любовницу ненадолго остаться в Египте. С победы в битве при Фарсале прошли двенадцать драгоценных месяцев, и он не мог наверстать упущенное. Вера в то, что Цезарь сможет управлять Римом из Египта, оказалась беспочвенной. Из-за войны и наступления зимы пути сообщения с Италией были нарушены, и в Риме об осаде и отношениях Цезаря с Клеопатрой стало известно только в апреле 47 г. до н. э. Оставленный им в Риме вместо себя Антоний сумел представить обе эти новости в лучшем свете, преувеличив масштабы победы и приуменьшив значение любовной интрижки. Но сенаторы все равно пришли в замешательство и очень тепло встретили Цезаря, когда тот осенью того же года прибыл в Рим.

Политическая обстановка, как и военная, была не столь многообещающей. Верность легионеров, вернувшихся из Греции, вызывала сомнения. Офицеры громко требовали, чтобы им предоставили земельные участки, а простые солдаты – выплаты долгов. Цезарь побеседовал с зачинщиками. «Без сомнения, квириты, – холодно сказал он, – ваши слова справедливы. Вы, конечно, устали и страдаете из-за ранений, и теперь я больше не могу использовать вас». Потрясенные этим упреком, солдаты прекратили возмущаться и молча отправились вслед за Цезарем в Африку. Там, в Нумидии, Сципион и Катон, бежавшие с поля боя при Фарсале, предпринимали последние попытки продолжить дело Помпея. Но они не были ровней Цезарю. Совершив ряд искусных маневров, он победил своих врагов в битве при Тапсе, а Сципион и Катон покончили с собой.

В Риме победитель был удостоен почестей, а его шальная выходка в Египте была предана забвению. Цезарь получил целых четыре триумфа в честь своих подвигов в Галлии, Египте, Понте и Нумидии. В триумфальной процессии угрюмо шли обвешанные цепями правители и военачальники, среди которых были вождь арвернов Верцингеториг и египетская царевна Арсиноя. Процессия, посвященная Египту, была самой пышной из всех четырех и пользовалась наибольшей популярностью. Зрители с удивлением глазели на изображение битвы на берегу Нила, с улыбкой смотрели на гротескные статуи Потина и Ахиллы и

сочувствовали несчастной Арсиное. «Слишком молодая, чтобы идти в триумфальной процессии», – думали женщины. «Слишком красивая для этого», – вторили им мужчины.

Мы не знаем, стала ли Клеопатра свидетельницей унижения Арсиной. Если тогда она находилась в Риме, то ни за что не лишила бы себя подобного зрелища. Клеопатра настолько ненавидела Арсиною, что с радостью убила бы ее. Совершить это преступление было несложно. Цицерон мог бы посокрушаться по этому поводу, но римлянам редко было дело до военнопленных. Вероятно, Цезарь встал между двумя сестрами, и Клеопатре пришлось отложить свою месть до тех пор, пока у нее не появится менее совестливый любовник.

Осенью 46 г. до н. э. царица точно находилась в Риме, где, к огорчению его прекрасной жены, жила вместе с Цезарем в красивой вилле на противоположном берегу Тибра. Другие дамы были менее обходительны и, насмешливо поднимая бровь, когда она проходила мимо них, презрительно называли египетскую царицу шлюхой. Их сердитые взгляды забавляли Клеопатру, которой нравилось считать себя женщиной, способной выбить почву из-под ног женатого Цезаря.

Кстати, в то время в Риме не особенно чтили священное таинство брака. Мужчины спокойно бросали своих жен и вступали в повторные брачные союзы. «Если бы мы могли обойтись без жен, о квириды, – говорил за 50 лет до этого оратор Метелл Нумидийский, – то все мы избегали бы этой напасти, но поскольку природа так распорядилась, что и с ними не вполне удобно, и без них жить никак нельзя, то следует заботиться скорее о постоянном благе, чем о кратком удовольствии»^[76]. Но римляне редко следовали этому совету – последним, к чему стремился молодой патриций, были именно постоянные отношения.

Если друзей женского пола у Клеопатры было немного, то их братья и мужья в обилии стекались на виллу. При этом египетскую царицу интересовали совершенно разные люди – богатый аристократ мог сидеть бок о бок с нищим ученым мужем. Возможно, первого на виллу привело любопытство, но Клеопатра пользовалась славой (несомненно, преувеличенной) женщины высокообразованной, которая, вполне вероятно, стала причиной визита к ней утонченного писателя Цицерона и модного в то время историка Азиния Полли-она. За ними по пятам следовал молодой поэт, жаждавший избавиться от оков, в которые стихосложение заключили Энний и Плавт, – только начинавший писать стихи подражатель Вергилию, Горацию или Катуллу.

Вероятно, Цицерон посещал виллу чаще остальных. Ему были свойственны неудержимая тяга к знаниям и стремление пролить свет на позабытые древние тексты, и он надеялся найти в египетской царице родственную душу. Но Клеопатра разочаровала его. Она не могла или не хотела сосредоточиться, а бесконечные речи Цицерона, очевидно, ее утомляли. Она пообещала Цицерону, что из Александрии доставят ряд текстов, которые он хотел изучить, но ничего для этого не сделала, чем его сильно оскорбила. «Царицу я ненавижу, – признался он в письме своему другу Аттику, – что я по праву так поступаю, знает Аммоний, поручитель за ее обещания, которые имели отношение к науке и соответствовали моему достоинству, так что я осмелился бы сказать о них даже на народной сходке»^[77]. И Аттик, вероятно, разделял его мнение.

Однако тяжелый характер Цицерона для Клеопатры ничего не значил. Цезарь все еще оставался ее любовником и рассказывал ей о своих планах. Он не таясь рассказывал ей о своем желании сочетать республиканскую идеологию с имперской, создать такую систему управления, которая, с одной стороны, окажется достаточно стабильной для того, чтобы противостоять последствиям войны, а с другой – сможет сохранять справедливое равновесие между притязаниями богатых и бедных. В момент, казавшийся Клеопатре наиболее подходящим, она перебивала его и принималась рассказывать о собственных амбициях. Она напоминала своему возлюбленному о том, что путь, пройденный цивилизацией в своем развитии, пролегал через Восток, совпав при этом с маршрутом, пройденным Александром Македонским. Цезарь, по ее мнению, должен был извлечь из этого урок и романизировать Азию и Африку подобно тому, как Птолемеи эллинизировали Египет с помощью создания

поселений клерухов, захватить Парфию и таким образом создать на Востоке великую державу.

Об этих разговорах стало известно, и по Риму начали ходить слухи о том, что Цезарь собирается перенести столицу в Александрию, жениться на египтянке и признать рожденного ею ребенка. Несомненно, Клеопатра хотела именно этого. Но Цезарь не хотел разводиться с Кальпурнией, а значит, все подобные разговоры были беспочвенными. Однако люди продолжали перешептываться, а когда Цезарь приказал поместить в родовое святилище статую своей любовницы, названную им Венерой Прародительницей, разразился настоящий скандал.

Цезарь терял свою популярность и по другим причинам. Его поход в Испанию, направленный против сыновей Помпея, и приготовления к захвату Парфии вызвали недовольство в рядах республиканцев, не желавших, чтобы Рим ввязывался в новые опасные предприятия. Сенаторам же будущее казалось довольно мрачным. Эти люди предпочли бы гибель двенадцати цезарей низвержению Республики. В итоге образовался заговор, оставшийся незамеченным Цезарем, ставшим жертвой загадочной болезни. Его ум помрачился, он стал капризен, и даже Клеопатра лишилась возможности оказывать на него влияние. В такие моменты на него не действовали ни сила, ни уговоры, и царица перестала пытаться воздействовать на своего любовника. Возможно, она больше не испытывала к нему прежней страсти или не могла простить его за постоянные измены. Еще большее замешательство вызвала странная мегаломания, внезапно охватившая Цезаря и настораживавшая как его друзей, так и врагов.

От его прежней скромности не осталось ни следа – он с удовольствием слушал льстивые речи и привечал нахлебников. Антоний, любивший пускать пыль в глаза, еще больше раздувал тщеславие Цезаря. «Рим дает ее тебе через меня!» – воскликнул начальник конницы, надев на голову Цезаря диадему. Когда сенаторы увидели, что он не сопротивляется, они были поражены^[78]. Стали распространяться слухи об угрозе, нависшей над Республикой. Требеллий решил посоветоваться с Кассием. К ним присоединились Марк и Децим Бруты. Вместе они пришли к выводу, что ради сохранения Республики Цезарь должен умереть.

Приближались мартовские иды, накануне которых Цезарь ужинал с Лепидом. «Скажи мне, какая смерть лучше для человека», – спросил он приглашенного на пир Децима Брута. Вероломный Брут замешкался, и Цезарь ответил за него, сказав, что лучшая смерть – неожиданная. На следующее утро (15 марта 44 г. до н. э.) убийцы поджидали Цезаря возле здания сената. Один из них схватил его за тогу, а второй ударил ножом в сердце, и Цезарь повернулся к своим противникам. Их оказалось слишком много, и, получив 23 ранения, он замертво упал у подножия статуи Помпея. В то время как одни требовали отомстить за Цезаря, другие призывали к миру в Республике. Голоса последних звучали громче: собравшись, сенаторы простили его убийц. Это собрание позволило Цицерону, всегда умевшему приспособиться к изменившейся обстановке, написать очередную длинную речь.

Клеопатра спешно покинула Рим, и большинство жителей Вечного города порадовались избавлению от нее. Цицерон выразил собственное и, возможно, всеобщее мнение, говоря о том, что не может спокойно вспоминать о высокомерии, проявленном царицей, когда она жила на вилле Цезаря. Жизнь Клеопатры тогда, несомненно, висела на волоске. Она понимала, что сенаторы, сумевшие простить людей, совершивших одно преступление, закроют глаза и на другое, и знала, как к ней относятся римляне. Ее изваяние уже вытащили из родового святилища Цезаря и разбили, а увидев ее на улице, люди кричали ей вслед насмешки и освистывали ее.

Царица не ждала от друзей покойного Цезаря помощи, а от его врагов – сострадания. Языки развязались, и люди свободно заговорили о том, что она подбивала Цезаря объявить себя царем. У нее не оставалось иллюзий. Клеопатра отдала Цезарю свою женскую честь и репутацию царицы, но эта жертва оказалась напрасной, ибо получила она за это всего лишь ничего не значащее звание «союзника и друга римского народа». Цезарь не упомянул ее в

завещании и не порекомендовал своим наследникам защищать ее. Клеопатра понимала: если они отзовут из Египта оставленные там римские легионы, то александрийцы смогут с легкостью низвергнуть ее. Эта мысль настолько ужасала ее, что она вернулась в Александрию уже через месяц после гибели Цезаря.

В Египте царил голод, и его жители не обрадовались возвращению своей царицы, но и не отвергали ее. Воды Нила несколько лет подряд разливались недостаточно, и многие участки земли перестали давать урожай. От голода страдало практически все население Египта, за исключением тех мест, где дальновидные стратеги в первые неурожайные годы успели заполнить местные зернохранилища. Одним из них был Каллимах, благородный наместник Фиваиды, о чем свидетельствует стела, установленная «жрецами великого бога Амона-Ра, старейшинами и остальными» с целью увековечения его достижений. Это, несомненно, был исключительный человек, честный и щедрый. Он «позаботился о Фивах, когда они оказались в беде во время голода, и добровольно помог всей стране». Но чиновники, работавшие в других местностях, оказались более беспечными, и Клеопатра попыталась исправить сложившуюся ситуацию. Она заложила свои драгоценности, скупив все зерно, которое смогла, и бесплатно раздавала его своим подданным.

Недовольство вызывало и введение новой подати – на ведение войны. Текст устанавливавшего его декрета был составлен небрежно, и бесчестные чиновники воспользовались этим, чтобы обмануть простых налогоплательщиков. Ноша стала невыносимой, и в адрес дворца было направлено огромное множество жалоб. Клеопатра добросовестно прочитала все обращения и ответила на каждое из них. Жизнь в Риме обошлась ей очень дорого, и она не могла отменить налог. Но царица не собиралась позволять чиновникам незаконно обогащаться за счет данной подати. Порядок подачи царю обращений в период правления Птолемеев был хорошо отработан. За устными жалобами следовала немедленная реакция, а письменные обращения, требовавшие переработки или трактовки уже изданных указов, приводили к принятию решений, которые затем применялись на всей территории Египта. Так, под влиянием жалобы из Бубастийского нома была издана простагма, или декрет, предписывавшая сборщикам податей не отступать от требований закона при сборе налога на ведение войны. «Да будет так, и пусть мой указ будет обнародован в соответствии с обычаем» – так выглядел конец текста декрета Клеопатры. На протяжении последующих тяжелых лет люди не забыли о том, что она раздавала зерно и защищала интересы простых налогоплательщиков.

Удостоверившись в своей популярности, Клеопатра задумалась о престолонаследии. Пока были живы ее младшая сестра Арсиноя и брат, которого также звали Птолемеем, права любимого сына Клеопатры на престол выглядели весьма сомнительно. Царица стала включать его имя наряду со своим в тексты указов и декретов, полагая, что благодаря этому жители Египта привыкнут к мысли о том, что сын Цезаря является наиболее вероятным наследником трона, и после ее смерти назовут его своим царем. Но чем дольше она думала об этом, тем сильнее убеждала себя в том, что Арсиноя и Птолемей станут оспаривать права Цезариона на престол, и все ближе подходила к мысли о необходимости уничтожить соперников своего сына. Маленький брат Клеопатры внезапно исчез, и теперь между Цезарионом и египетским престолом стояла только Арсиноя. Царица получала расплывчатые сведения о том, что ее сестра находится в Азии, и сильно жалела, что, будучи в Риме, не смогла уговорить Цезаря на время отойти от своих моральных принципов. Теперь же ей ничего не оставалось, кроме как выжидать и надеяться, что рано или поздно удача повернется к ней лицом.

Тем временем в Риме о Цезаре постепенно забывали. Сенаторы простили его убийц и перераспределили провинции между его друзьями и недоброжелателями. Антоний получил в управление Македонию, Марк Брут – Киренаику, Децим Брут – Цизальпийскую Галлию, а Кассий – Сирию. Последние двое отправились в свои владения, Марк Брут предпочел посетить Афины, а Антоний остался в Риме, решив дожидаться прибытия из Греции Октавиана, внучатого племянника и наследника Цезаря.

Между этими двумя людьми, пожилым сластолюбцем и аскетичным юношей, сложились непростые отношения. Каждый из них жаждал отомстить за убийство Цезаря и настаивал, что именно он должен стать орудием возмездия. В конце концов их отношения испортились окончательно. Антоний пересек Альпы, а Октавиан стал его преследовать. Но первому удалось объединиться с Лепидом, и Октавиан понял, что не сумеет справиться с ними обоими. Все трое вернулись в Рим, где Октавиану пришлось договариваться со своими противниками. В результате этих переговоров был образован триумvirат. Антоний и Октавиан собирались разбить Брута в Греции и Кассия в Сирии, а Лепида оставили в Риме.

Поход в Грецию пришлось отложить – сначала триумвирам пришлось зачищать Рим от своих противников. Для этого они устроили жестокие проскрипции. Весь город превратился в бойню. Для того чтобы спасти собственные шкуры, жены предавали мужей, матери – сыновей, рабы – своих хозяев. Утолив жажду крови, Антоний и Октавиан пересекли Адриатическое море, выдвинулись к Эпиру и осенью 42 г. до н. э. разбили Брута в битве при Филиппах. Это сражение оказалось решающим – Кассий погиб на поле боя, а Брут совершил самоубийство. Не случайно Гораций, служивший центурионом на стороне побежденных, сокрушался:

С тобой, Филиппы, бегство поспешное
я вынес, кинув щит не по-ратному...^[79]

Октавиан и Антоний снова разделили сферы влияния. Отныне первый должен был управлять Западом, а второй – Востоком. Октавиан вернулся в Рим, а Антоний, испытывавший симпатию к обитателям Греции и преклонявшийся перед ее культурой, задержался там. Он засвидетельствовал глубочайшее почтение афинянам и объявил, что собирается за собственный счет восстановить разрушенные святилища, находившиеся в этом городе. Но потребность в деньгах заставила его пересечь Геллеспонт, и он обосновался в Малой Азии, где занялся разграблением городов и целых областей.

Ему повсеместно отдавали почести, достойные царя. Правители и их наследники торопились засвидетельствовать герою сражения при Филиппах свое почтение. Антоний обожал лесть, но еще бóльшую радость ему доставляли подарки, которые приносили с собой гости. Он всегда вел расточительный образ жизни и постоянно был должен ростовщикам, с готовностью ссужавшим ему деньги, но при этом никогда своевременно не расплачивался со своими солдатами. Перед битвой при Филиппах Антоний обещал, что каждый выживший получит в награду 5 тысяч драхм, но ни один из них не получил от него денег.

Этот человек был скорее тактиком, чем стратегом. На поле боя он проявил себя как храбрый и решительный военачальник. Антоний был солдатом, а не управленцем, поэтому в зале заседаний он, с одной стороны, вел себя пассивно, а с другой – был несдержан, находился во власти предрассудков и прихотей. Государственные дела ему претили. Антоний готов был отложить принятие того или иного решения, если благодаря этому ему удавалось сесть за пиршественный стол, откуда можно было наблюдать за скоморохами или танцовщицами либо слушать непристойности, доносившиеся из уст комедианта. Тем не менее солдаты и женщины его обожали. В Эфесе Антоний задержался надолго. Во время прогулок по городу его сопровождали девушки, одетые вакханками, и мальчишки, изображавшие фавнов. Все они громко кричали: «Дорогу Дионису, дарующему радость!» Антоний клялся, что еще никогда его так тепло не встречали. Однако эта клятва не помешала ему потребовать, чтобы горожане в течение двенадцати месяцев выплатили ему подати за десять лет, а когда местный философ Гибрей прямо заявил: «Если ты можешь взыскать подать дважды в течение одного года, ты, верно, можешь сотворить нам и два лета, и две осени»^[80], Антоний лишь рассмеялся.

Покинув Эфес, он остановился в Тарсе, месте последнего упокоения Сарданапала, на гробнице которого была вырезана хвастливая надпись: «Сарданапал построил Тарс за один день». Этот прекрасный город, стоявший на берегах реки Кидн, породил сразу нескольких

стихотворцев и философов. Боэций^[81], бывший одним из них, сочинил в честь гостя поэму, за что Антоний назначил его руководителем гимназия. Успех вскружил Боэцию голову: уверенный в заступничестве своего покровителя, он стал воровать провизию, предназначенную для учеников. Когда Антоний обвинил его в совершении этого преступления, поэт воскликнул: «Гомер восхвалял Ахилла и Агамемнона, а я – тебя, о Антоний!» Римлянин улыбнулся и ответил: «Да, но Гомер никогда не крал у несчастного Ахилла масло».

Египет против воли его правительницы также оказался вовлечен в борьбу, завершившуюся битвой при Филиппах. Уже в самом начале конфликта стало понятно, что соблюдать нейтралитет не удастся, и Клеопатре пришлось задуматься о выборе между Антонием, тогда оставшимся в Италии, и Кассием, находившимся в Сирии. Но за царицу его сделала сама судьба. В Александрию прибыл Аллиен, трибун, служивший Антонию. Он выступил со страстной речью перед легионерами, оставленными в Египте Цезарем, и убедил три легиона тотчас же отправиться на помощь Долабелле, назначенному по настоянию Антония наместником в Азии. Он также сумел убедить Клеопатру в необходимости предоставить эскадру кораблей, способных прикрыть Антония при пересечении Адриатического моря. Мешкать было нельзя, и, как только легионеры покинули Александрию, египетские суда двинулись в сторону Брундизия.

Однако оба этих начинания провалились. В Палестине легионеры угодили в ловушку, расставленную Кассием, и, проявив трусость, сдались, а египетские корабли попали у побережья Пелопоннеса в шторм, из-за чего вынуждены были вернуться в Александрию. Решив, что лучше всего в сложившейся ситуации сохранять тишину, Клеопатра не стала ничего объяснять Антонию и не поздравила его с победой в битве при Филиппах. По мнению переполненного гордостью римлянина, каждое умолчание было преступным, и он вызвал царицу в Тарс, где она должна была ответить за свое пренебрежительное отношение.

Клеопатра не торопилась отвечать на смутившее ее приглашение. Сначала обстоятельства вынудили ее выбирать между Антонием и Октавианом, с одной стороны, и Брутом и Кассием – с другой. Теперь же, судя по всему, царице предстояло сделать новый выбор, но уже между двумя римлянами – Антонием и Октавианом. Клеопатра понимала: с одной стороны, если она примет приглашение и отправится в Тарс, последний может неправильно истолковать этот ее поступок; с другой – не откликнувшись на призыв, она оскорбит Антония. Принять решение оказалось очень сложно. Антония царица едва знала, а Октавиана никогда не видела, тем не менее она слишком хорошо была знакома с обычаями римлян и понимала: два таких выдающихся человека, как Антоний и Октавиан, не сумеют мирно сосуществовать друг с другом на протяжении длительного времени. Однако Клеопатра никак не могла определить, на кого из них ей следует сделать ставку.

Царица все еще пребывала в раздумьях, когда из Тарса прибыл историк Деллий, который должен был напомнить ей о том, что терпение Антония не безгранично. Это был скорее намек, чем угроза, но Клеопатра прекрасно поняла подтекст, скрывавшийся за словами Деллия: если она не отправится в Тарс, чтобы принести Антонию свои извинения, тот запросто может свергнуть ее с египетского престола. Здравый смысл подсказывал царице, что у нее нет выбора. Она понимала, что Антоний сокрушит ее, как некогда Брута, она станет военным трофеем и отправится в Италию, где станет частью триумфального шествия. Эта мысль ее беспокоила, и Деллий воспользовался этой своей маленькой победой.

Обходительный и благовоспитанный ученый дал Антонию блестящую характеристику. Он описал его как добродушного и чувствительного человека и предложил Клеопатре очаровать его. Он заявил, что она должна стать для этого римского Зевса Герой, и царица посчитала его предложение вполне приемлемым. Это было довольно рискованное предприятие, ибо, если царице не удалось бы завоевать расположение Антония, она потеряла бы все. Но в ее жилах текла македонская кровь, а ни одна македонянка еще не пасовала перед лицом опасности. Для того чтобы уменьшить риск, она попросила Деллия сообщить своему господину о том, что она принимает приглашение.

В результате произошла встреча Антония и Клеопатры, предопределившая дальнейшую судьбу их обоих. Одним солнечным утром 41 г. до н. э. эскадра египетских кораблей подошла к устью Кидна, и в реку заплыла царская ладья. На корме, покрытой золотым навесом, возлежала Клеопатра в образе Афродиты. Вокруг нее стояли с опахалами мальчишки, изображавшие эротов. Членами команды оказались юные девы, одетые nereидами. Они сворачивали пурпурные паруса и склонялись над посеребренными веслами, причем их движения сопровождалось звуками флейт и арф. С рулем управлялись кормчие, изображавшие трех граций.

Ладья величественно продвигалась по реке, сопровождаемая криками людей, вышедших полюбоваться этим удивительным зрелищем: «Вот она, Афродита, прибывшая на встречу с нашим Дионисом». Желание горожан хотя бы одним глазком взглянуть на египетскую царицу было так велико, что Антоний, выслушивавший жалобщиков и просителей на базарной площади, в конце концов остался в полном одиночестве. Решив, что встречать Клеопатру на берегу ниже его достоинства, он послал человека, который должен был передать, что этим вечером ей следует явиться к нему на пир. Услышав ответ царицы, римлянин был поражен – она заявила, что предпочла бы, чтобы он сам прибыл к ней на ужин.

Этот вечер, скорее всего, запомнился Антонию надолго. Его ввели в роскошный шатер, увешанный драпировками пурпурного цвета, а еду подавали на золотых блюдах, инкрустированных драгоценными камнями. Завязался интересный разговор, угощение оказалось превосходным, и Антоний осознал, что никогда прежде не устаивался такой пышной встречи. Он не смог заставить себя требовать объяснений от настолько прекрасной и гостеприимной хозяйки, сама Клеопатра также не стала оправдываться. Она вела себя как подобает настоящей царице, а с Антонием общалась так, будто он был ее любимым полководцем. Это пиршество стало первым в целой череде, и, как бы Антоний ни старался, он так и не сумел устроить нечто подобное.

Деллий оказался прав. Клеопатре удалось одержать в Тарсе победу, и теперь Антоний чувствовал себя несчастным, когда был лишен ее общества. Эта многоопытная женщина знала, как поймать мужчину на крючок и держать его там. Она могла привлечь любого: в зависимости от ситуации Клеопатра была властной или покорной, страстной или отвлеченной, демонстрировала ум или простодушие. Влюбившегося в нее до безумия Антония она попросила только об одном: ее сестра Арсиноя должна была умереть. Бежав из Рима, та укрылась в Милете, в храме Артемиды. Солдаты Антония выволокли ее из храма и убили. Она была последней из выживших детей Авлета, каждого из которых ждал ужасный конец: Беренику смерть подстерегла в тюрьме, старшего из Птолемеев – на поле боя, Арсиною – возле храма, а младший Птолемей был отравлен, как только Клеопатра вернулась из Рима. Таким образом царица смогла расчистить путь к трону для Цезариона, рожденного ею от Цезаря, единственного человека, которого она, очевидно, искренне любила.

Дни шли своей чередой. Лето сменилось осенью, и Антоний с печалью в голосе заговорил о том, что должен покинуть Клеопатру. До начала зимы он собирался отправиться в поход на Пальмиру. Клеопатра не пыталась переубедить Антония. Она пожелала ему успеха во время похода и пообещала, что зиму проведет в Александрии.

Вспомнив об излишней чувствительности этого человека, не раз становившейся предметом для разговоров римлян и вызывавшей настоящее отчаяние в душе его жены Фульвии, можно легко понять, почему он воспылал к Клеопатре такой сильной страстью. Но объяснить причину, заставившую царицу испытывать к нему влечение, гораздо сложнее. Ей была несвойственна влюбчивость, а в источниках нет сведений о ее многочисленных любовных похождениях. Возможно, страсть царицы была вызвана истинно женской гордостью за то, что она стала предметом восхищения человека, о подвигах которого было известно всем, кто жил на огромной территории от Тибра до Евфрата. Может, все дело было в амбициях Клеопатры, разбуженных снова появившимися в ее голове мыслями о римско-египетской державе во главе с Антонием, покорно выполняющим ее волю. Какой бы

ни была причина этой любви, мы можем быть уверены в том, что, начиная с данного момента, Клеопатра связала с Антонием всю свою дальнейшую жизнь. Во время борьбы между Октавианом и Антонием, которую Клеопатра предвидела, она опрометчиво решила разделить с последним его судьбу.

Антоний, который еще никогда прежде не был так привязан ни к одной из своих любовниц, стремился как можно быстрее покинуть Пальмиру и воссоединиться с Клеопатрой в Александрии. Столица Египта привлекала скептически настроенного, но в то же время праздного проконсула. Александрийцы хвастались своим многочисленным пантеоном, но втайне подшучивали над Исидой и Зевсом. «Не упоминай при мне богов на людях, – однажды сказал другу Стильпон. – А наедине я скажу тебе, что о них думаю»^[82], и жители Александрии до сих пор придерживались этого совета. Но в других случаях они не умолкали. Тишина этому шумному городу была незнакома – каждый говорил так громко, как только мог, но никто никого не слушал. Довольно частым явлением были скандалы. Для начала ссоры или превращения пиршества, для участия в котором собрались весьма уважаемые люди, в оргию было достаточно одного неосторожного слова. Никогда прежде к целомудрию не относились столь пренебрежительно, а порок не пользовался такой популярностью. В каждом храме жило несколько проституток, а в театре во время перерывов зрители пересказывали друг другу последние скабрезные новости.

В этом городе, лишенном души и совести, Антоний чувствовал себя как рыба в воде. Александрийцы отнеслись к этому римлянину намного лучше, чем к Цезарю, чувство собственного достоинства которого раздражало тщеславных горожан. К тому же Антоний находился в Египте как гость, в то время как Цезаря в страну пирамид никто не звал. Жители столицы теперь спокойнее относились к выходкам Клеопатры, решив, что, раз уж ей вздумалось завести роман с римлянином, то пусть он хотя бы передвигается по городу без сопровождения ликторов и легионеров. Простота в обращении, свойственная Антонию, нравилась александрийцам. Он сменил тогу на греческое одеяние и надел на ноги аттические сандалии, которые носили афинские и александрийские жрецы.

Жители Александрии с одобрением наблюдали за тем, как Антоний вел себя в первые дни по прибытии в Александрию. Оказавшись в Мусейоне, он выбирал себе самое скромное место и внимательно вслушивался в споры между учителями и учениками. Говорил он только тогда, когда хотел кого-то похвалить, а не сделать замечание, как некогда поступал Цезарь. Но на самом деле науки его совершенно не интересовали – Антоний делал вид, будто внимательно слушает ученых мужей, чтобы доставить удовольствие своей любовнице. Скромность Антония вызывала на устах Клеопатры улыбку и, возможно, заставляла ее испытывать к нему еще большую симпатию.

Несмотря на это, царица стала придумывать для своего возлюбленного, привыкшего получать от жизни удовольствие, всевозможные развлечения. Она устраивала выезды на природу и всевозможные путешествия или, забыв о своем царском достоинстве, отправлялась вместе с Антонием к озеру Мареотис или в Каноп, где они принимали участие в празднествах, скрашивавших жизнь александрийцев. В Каноп они добирались на лодке. На середине пути Антоний и Клеопатра останавливались, чтобы посмотреть на проходившую мимо них толпу. Подобная прогулка не могла не доставить удовольствие людям, имевшим деньги и свободное время. Мимо шествовали мальчики и девочки, певшие и танцевавшие под звуки флейт, а их родители ели и пили до тех пор, пока их желудки не начинали молить о пощаде.

Затем Клеопатра вела своего спутника в Зефирий, расположенный в верхней точке мыса. Там, у самого моря, стояло святилище, построенное флотоводцем Каллимахом за два столетия до этого в честь второй Арсиной, сестры и жены Птолемея Филадельфа, отождествленной с греческой богиней Афродитой. Храм пользовался большой популярностью среди александрийских женщин – молодые девушки по меньшей мере раз в год отправлялись в путь, чтобы посетить его. Многие из них оставляли на алтаре Арсиной

различные подношения. Одна впечатлительная девушка по имени Селена оставила там наутилуса^[83], и этот дар был воспет Каллимахом:

Я – обомшелый моллюск, Зеферита, в святилище новом,
Первый Селены дар в храм, о Киприда, тебе.
Плыл я в волнах, ракушка, и ветер соленый далеко
Путь мне держать помогал, в кожицу-парус толкал.

Оттуда пара отправлялась к величественному храму Сераписа, отождествленного греками с богом целительства Асклепием. Судя по сохранившимся до нашего времени надписям, считалось, что, проведя в нем ночь, человек исцелялся от всех болезней. Наиболее щедрые «пациенты» оставляли в храме подношения в знак благодарности божеству. Так поступила и Каллистион, дочь Клития, подарив храму «двадцатифитильный светильник», также удостоившийся упоминания в сочинении Каллимаха. Обращаясь к тем, кто посетит храм в будущем, поэт написал:

Ты ж невольно воскликнешь,
Видя сиянье мое: «Геспер, когда ты упал?»

В другие дни Клеопатра устраивала поездку к озеру Мареотис, на живописном берегу которого, окаймленном зарослями папируса и нежными кувшинками с чашевидными листьями, царица устраивала пикники. Гости высаживались на одном из многочисленных островов, возвышавшихся над поверхностью озера, где они могли болтать часами, или заводили лодку в прибрежные заросли и дремали там до тех пор, пока солнце не начинало клониться к закату, предупреждая их о том, что пора выбираться на берег.

Затем Клеопатра повелевала возвращаться во дворец, а слегка пьяный Антоний вскакивал на ноги, требовал принести ему носилки и приказывал рабам доставить его на «веселую улицу» – в пользовавшуюся дурной славой часть города, где во множестве встречались харчевни, питейные заведения и бордели. За ним следовали другие гости, с которыми он пил до наступления следующего дня. Подобные вечеринки оказывались очень шумными: хозяева и гости в один голос проклинали слуг и поваров и нещадно колотили несчастных прислуживавших им рабов.

Глава 15 Клеопатра (продолжение)

Трудно поверить, что Клеопатра участвовала в этих ночных пиршествах. Во-первых, у нее были дети от Антония, во-вторых, они не забавляли ее. Разгульная жизнь никогда не была главным пороком этой женщины, имевшей (как проклятие или как благословение) мужское честолюбие. Антонию Александрия казалась маленьким раем. Он чувствовал себя богом, и его соратники поощряли эту веру, воздвигая статуи в его честь. Некий Афродитий, гордо называвший себя «пара-ситом» («нахлебником»), посвятил подобный памятник «Антонию Великому, неподражаемому, своему богу и благодетелю». Только новость о том, что парфянская армия во главе с Лабиемом, римским отступником, продвинулась в Сирию, вынудила его покинуть этот приятный город.

Ситуация оказалась более опасной, чем полагал Антоний: на подходе к Тиру он узнал, что Лабием приближается к побережью, и торопливо отплыл в Эфес. Там его ждали письма, содержавшие неприятные известия. Его брат Люций, оставшийся в Италии и подстрекаемый Фульвией, бросил вызов Октавиану, потерпел неудачу и вынужден был сдаться. Это уже было плохо: еще хуже оказались новости о том, что Фульвия, спасаясь вместе с их с

Антонием общими детьми от гнева Октавиана, прибыла в Афины, где ожидала того, что он присоединится к ней.

Антоний отправился в Грецию, будучи не в духе. Сам он пока не ссорился с Октавианом и не был намерен конфликтовать с ним, чтобы угодить жене или брату. Он презрительно относился к Фульвии, подозревая, что причиной всех этих несчастий стала именно она. Догадка была, вероятно, точна. В Риме много сплетничали о его связи с Клеопатрой, а Фульвия была не из числа женщин, способных простить скандал. В Афины пришли и другие вести. Как сообщалось, Октавиан играл нечестно, выдворяя приверженцев Антония из Италии, прощая врагов Цезаря, интригуя с Секстом Помпеем, общим врагом триумvirата. Разгневанная Фульвия призвала мужа потребовать объяснений.

В итоге Антоний отплыл осенью 40 г. до н. э. в Брундизий, чтобы захватить его, а Октавиан поспешил ему навстречу. Оба завидовали и злились друг на друга, и, казалось, только сражение может разрешить ситуацию. Но солдаты возмутились, и, отбросив свою враждебность, два главных героя разделили территорию державы заново. Теперь граница проходила по Иллирии. Антонию отошли все земли к востоку от нее, Октавиану – к западу, в то время как Лепид остался в Африке. Между тем, пока Секст Помпей был вооружен, Италия находилась в опасности вторжения, а существование триумvirата – под угрозой, и Октавиан обратился к Антонию за помощью. Последний не стремился предоставлять ее и даже подумывал позволить своему «коллеге» принять главный удар Секста Помпея на себя, когда пришла весть, что Фульвия мертва. Октавиан тут же предложил Антонию жениться на своей сводной сестре Октавии, отметив, что это скрепит триумvirат и в то же время обеспечит вдовца женой, а молодую вдову – мужем. Однако, пока беспокойный Секст блокировал итальянское побережье, речи о мире быть не могло, и Октавиан предложил врагу сделку, обещая Сексту бесспорную власть над Сицилией в обмен на мир. Находившийся в Путеоли Секст неохотно согласился на переговоры.

Переговоры затянулись, и прежде чем Антоний и его невеста смогли покинуть Рим и отплыть в Грецию, прошло двенадцать месяцев. Октавия была образованной и красивой молодой женщиной, без сомнения, удачной партией после взрывной Фульвии, уже достигшей среднего возраста. В Афинах новобрачные счастливо провели зиму 39/38 г. до н. э. Вначале они жили скромно. Октавия совершенствовала свой греческий, Антоний реорганизовал свои владения в Азии, собирал новобранцев и создавал новый флот. На практике реорганизация в Азии ограничилась перепланировкой территории и заменой правивших династий новыми. Но Антоний сумел настолько увеличить свои военные и военно-морские ресурсы, что весной у него было 24 легиона и 300 военных кораблей.

Параллельно римлянин изображал интерес к образованию, заявлял о своей любви к культуре. В частности, он принял должность гимнасиарха, покровительствовал всем школам философии. Афиняне были польщены, а Антоний пользовался достаточно большой популярностью, пока не объявил о своем желании называться новым Дионисом, мотивируя это тем, что так его называют жители Азии. Афиняне вопросительно изогнули бровь. «Серьезен ли Антоний в этом стремлении? – спрашивал один гражданин другого. – Неужели он ожидает, что образованная Греция будет следовать примеру варварской Азии?» Но Антоний не слышал вопроса: до наступления лета он выступил в поход, чтобы помочь своему легату Вентидию у Геллеспонта. Какое-то время у Вентидия все шло хорошо. Он победил Лабиена и его парфянскую армию и выдвинулся, чтобы раздавить союзника Лабиена Антиоха Коммагенского. Но в Самосате он встретил отпор, и Антонию пришлось прийти на помощь. Город был хорошо укреплен, и осада затянулась, пока Антоний, отчаявшись добиться успеха, не позволил его жителям откупиться от себя суммой в 300 талантов.

Вернувшись в Афины, Антоний продолжал размышлять над тем, как наказать Парфию, а затем получил от Октавиана призыв о помощи. Он колебался, раздумывая над тем, как следует поступить – оказать помощь или проигнорировать эту просьбу. Предыдущей осенью Антоний уже ответил на подобную мольбу, тотчас же отправившись в Брундизий, но,

прибыв туда, узнал, что Октавиан не соблюдает договоренности. Неудача задела его, и, если бы не Октавия, Антоний и теперь остался бы в Греции. Ее мольбы одержали верх: в Таренте двое мужчин встретились, продлили триумvirат на новый пятилетний период и объявили войну Сексту Помпею. Антоний закрепил договор, одолжив Октавиану 120 кораблей в обмен на четыре легиона. Корабли были переданы, но, когда Антоний покидал Италию, он обладал лишь обещанием, что легионеры последуют за ним. Он оставил Октавию на Корфу, а сам летом 37 г. до н. э. добрался до Сирии.

Привыкшая к династическим бракам Клеопатра не чувствовала себя униженной или разгневанной, узнав о союзе Антония с Октавией: она предположила, что он был продиктован вопросами государственной важности, и не жаловалась. Когда-то, будучи в Александрии, она подумывала о том, чтобы предложить этому римлянину свою руку. Но это ни к чему не привело из-за очевидного нежелания Антония отказываться от Фульвии или противостоять римским предрассудкам относительно брака с иностранкой. Так что Клеопатра отпустила его, возможно даже не произнеся ни слова о браке, и в последующие годы занималась воспитанием близнецов, названных Александром и Селеной, которых она ему родила.

На царицу навалились и другие заботы. Ей следовало восстановить свое личное богатство, а также армию и флот. Теперь Египет был достаточно состоятелен для того, чтобы позволить себе и то и другое. Голодные годы опять прошли, сменившись периодом процветания. В Риме стали пользоваться популярностью произведения искусства и всяческие безделушки, и александрийские ремесленники начали извлекать выгоду из этого спроса. Всегда славившийся своими ремесленными изделиями Египет теперь экспортировал их в огромных количествах.

Правда, скульптура еще больше пошла на спад. Традиция слишком укоренилась, чтобы ее менять, и александрийские скульпторы этого периода, не способные придумать что-то новое и в еще большей степени не умевшие реализовать задуманное, не могли с ней порвать. Их стремление гармонизировать древнеегипетские и греческие идеалы порождало только нечто низменное и неблагородное. Живопись также находилась в упадке. Антифил, завистливый современник Апеллеса, Елена, уроженка Александрии, и, возможно, Филоксен из Эритреи, который приобрел известность своей мозаикой, изображавшей Александра Македонского в битве при Иссе, не имели последователей, а художники, жившие в правление поздних представителей династии Птолемеев, использовали свой талант, чтобы создавать интерьеры домов и делать портреты своих заказчиков. Последние имели двойную цель: при жизни они украшали одну из комнат в доме клиента, а после смерти помещались на его мумию. Иначе ситуация обстоит с огранкой и гравировкой драгоценных камней, изготовлением колец и побрякушек, чеканкой чаш и бокалов – всем, чем жаждет обладать богатый клиент, имеющий хороший вкус. Александрийские мастера могли работать с любым материалом – золотом, серебром, другими металлами, хрусталем, стеклом и обсидианом.

Клеопатра не сумела воспользоваться этим преимуществом, и ее монеты не выдерживают сравнения с отчеканенными в правление предшествующих Птолемеев. Эскиз оказался неудачным, а сами они не производили должного впечатления. На них царица была изображена в образе Афродиты, держа на руках младенца Цезариона, олицетворявшего Эроса. Возможно, таким образом она пыталась намекнуть, что ее сын от Цезаря – следующий в очереди на трон.

Царица не могла (да и, возможно, не хотела) помешать появившейся в правление второго представителя династии Птолемея практике использования медной монеты на внутреннем рынке и серебряной – в операциях, связанных с экспортом. Кроме того, она была не в состоянии избавиться от сформулированного ее предшественником ложного убеждения в том, что снижение реальной стоимости монет является быстрым путем к обогащению. Ее серебряные монеты были изготовлены из сплава трех металлов, а стоимость медных монет составляла всего 1/480 от сильно обесценившегося серебра.

Однако денежная чеканка и другие скучные государственные проблемы редко интересуют правителей, чей ум прикован к расширению своих владений. Помимо увеличения числа «царских родственников», «начальников дворцовой стражи», «друзей престола» и других придворных, а также присуждения этих почетных званий без разбора грекам, италийцам, персам, сирийцам и египтянам, вследствие чего дворец превратился в некий аналог Вавилонской башни, Клеопатра не вмешивалась в управление государством.

Из Сирии Антоний написал Клеопатре, умоляя ее присоединиться к нему. Ему были необходимы ее сочувствие и помощь. Но ее реакция озадачила его: вместо любезной царицы, которую он знал в Тарсе и Александрии, ему ответила холодная женщина, равнодушная к его приключениям. Она не упрекала его, не просила никаких объяснений. Размышления укрепили ее убежденность в том, что в Риме не смогутечно уживаться две такие беспокойные личности, как Антоний и Октавиан, и, снова взвесив шансы каждого, она не изменила своего решения поддержать первого. Но окончательный выбор зависел от того, готов ли Антоний принять ее как равноправного партнера, и он понял ее намек. Если ему действительно требовалась помощь Клеопатры, то она готова была стать его женой; в противном случае она оставляла за собой право пересмотреть свою стратегию.

Этот ультиматум загнал Антония в тупик. Он понимал: отрекшись от Октавии, он станет врагом Октавиана; женившись на Клеопатре без официального развода с Октавией, он превратится в двоеженца, а значит, совершит деяние, считавшееся в соответствии с римским правом преступлением. Но он был не из тех, кто долго колеблется. Клеопатра ждала его в Сирии, Октавия – в Италии, а Антоний всегда предпочитал женщин, находившихся рядом. Возможно, он поставил только одно условие: церемония должна была проводиться в соответствии с египетским ритуалом. С помощью этой лазейки он надеялся избежать ответственности за совершенное им преступление. Клеопатра не возражала. Антоний был готов выполнить поставленные ею условия, и Клеопатру мало заботило, что думают или говорят об этом в Риме. Ей было достаточно того, что на Востоке брак будет считаться совершенно легитимным. Всегда стремившаяся к расширению подвластных ей территорий, она с нетерпением ждала щедрого свадебного подарка, обещанного Антонием, – после свадьбы ей должны были перейти Сицилия, Келесирия, Кипр, Трансиордания и Иерихон.

Церемония состоялась зимой 37/36 г. до н. э. Медовый месяц продлился недолго: Клеопатра захотела посетить свои новые владения, а Антоний готовился к предстоящей кампании в Парфии. Весной он отправился к Евфрату. Клеопатра сопровождала его до Зеугмы, а затем повернула назад: она снова ждала ребенка и решила вернуться в Александрию. Но сначала она намеревалась посетить Иерихон и Трансиорданию, бывшие ценными источниками дохода, но расположенные слишком далеко для того, чтобы получать с них прибыль напрямую – находясь в Александрии. Поэтому Клеопатра решила сдать внаем битумные месторождения второй правителю Набатейского царства Малиху, а бальзаминовые и пальмовые плантации первой – иерусалимскому царю Ироду. Договориться с последним было непросто. Но Клеопатра умела постоять за себя в присутствии любого правителя, независимо от того, кем он был – иудеем или язычником, и, возможно, те 200 талантов, которые он в конце концов предложил, а она приняла, были справедливой арендной платой.

Ситуация в Парфии грозила катастрофой. Антоний слишком спешил: он потерял осадные машины еще в начале кампании, а армянский царь Артавазд, бывший его союзником, бежал. Чем дальше продвигались римские легионы, тем с большими трудностями они вынуждены были сталкиваться. За каждый метр земли им приходилось упорно бороться. Лучники и конница врага крепко держали фланги и тыл; голод и болезни проредили ряды. Антоний с неохотой отдал сигнал к отступлению, вскоре едва не переросшему в поражение. Весь этот ужас закончился только в Финикии. Там выжившие нашли убежище от преследования, а Клеопатра встретила Антония с обмундированием и деньгами.

Римлянин потерял половину своей армии, но не надежду – несчастье никогда не повергало Антония в уныние. Он призвал новых новобранцев и заговорил о кровавой мести.

Клеопатра напрасно убеждала супруга, что его настоящим врагом является Октавиан, что Рим возложит на него ответственность за обернувшийся катастрофой парфянский поход. Антоний не слушал ее. Он согласился лишь провести лето в Александрии и оставался в Египте до тех пор, пока не услышал, что Октавия с подкреплением и припасами прибыла в Афины. У Клеопатры появилась возможность одержать победу над этой женщиной. Она была согласна отпустить Антония, чтобы он исправил ситуацию в Парфии, но не хотела, чтобы он встречался в Греции с Октавией. В итоге в Афины прибыло лишь письмо от Антония с требованием вернуться в Рим. Клеопатра оказывала на него более сильное, чем Октавия, влияние.

Антоний пересмотрел свою стратегию: он решил проникнуть в Парфию с севера, с территории Армении, а не с запада. Но он не смог даже покинуть пределы первого из этих двух государств. Когда он собирался выступить в Парфию, его настигло злое послание из Александрии. Римляне отреклись от него и, несмотря на завоевание Армении, осудили, назвав врагом Республики. Эта новость оказалась неожиданной, но Антоний не сомневался в ее подлинности. Октавиан вряд ли мог проявить к нему милость, да и беспечный Антоний не хотел от бывшего союзника милосердия и не рассчитывал на него. Антоний решил, что, если этот юнец желает войны, ему нужно только попросить. Тем не менее новость произвела на Антония впечатление, и он прервал поход и вернулся в Александрию, чтобы подготовиться к предстоящему конфликту.

В город римлянин снова вошел в октябре 34 г. до н. э. Клеопатра ждала супруга у Солнечных ворот, и пара прошла по улицам в гимнасий, заполненный зрителями. Там Антоний и Клеопатра сели на два золотых трона, установленные на серебряной платформе. Ниже стояли еще два трона, на которых разместились Цезарион и старшие дети Антония и Клеопатры. За спинами царской четы стояли несчастный армянский царь Артавазд и его офицеры, ставшие военнопленными.

Глашатай призвал зрителей к тишине, и Антоний отчетливо зачитал свое завещание. Публика, склонив головы, слушала его слова о том, как он планирует разделить египетскую державу. Клеопатре и Цезариону, становившемуся ее соправителем, отошли Египет, Кипр и Келесирия; Александру, старшему сыну Антония, прозванному Гелиосом, – Армения, Мидия и Парфия (когда последняя будет завоевана). Младшему сыну, последнему из их с Клеопатрой совместных детей, названному Птолемеем Филадельфом, достались Финикия, Сирия и Киликия, а дочь Селена в качестве приданого получала Ливию и Киренаику. Он назвал обоих мальчиков царями царей и велел им выразить почтение матери. Дети, старший и младший, одетые в парфянское и македонское одеяния соответственно, увенчали свои головы диадемами, встали с тронов и поклонились. Глашатай снова потребовал тишины. Затем Антоний призвал жителей Александрии засвидетельствовать, что Клеопатра – законная жена Цезаря, а Цезарион как их законнорожденный сын – наследник египетского престола.

Римляне, уже оскорбленные новостями о двоеженстве Антония, еще больше возмутились, услышав о разделе территории, завоеванной во имя Республики. Язвительные письма Октавиана не сгладили ситуацию. Он обвинил Антония в том, что тот бросил Октавию, является любовником восточной женщины, пытается приобщиться к достижениям Цезаря. В своем ответе Антоний был краток: он написал, что Клеопатра – его жена, а не любовница, и напомнил, что все еще ждет четырех легионов, обещанных Октавианом в Та-ренте. Вслед за этим он предложил сенату одобрить его действия и решения, обязуясь сложить с себя полномочия триумвира, если Октавиан также сделает это. Возможно, бывшие тогда консулами Соссий и Агенобарб, оба сторонники Антония, не посмели зачитать письмо сенату, и, конечно, им наверняка было трудно защищать союз Антония с Клеопатрой, но так или иначе его содержание стало известно, и италийцы осознали, что наступил момент, когда каждому нужно выбирать между Октавианом и Антонием. Понимая это, Соссий и Агенобарб (а с ними и некоторые сенаторы) присоединились к Антонию в Эфесе.

Теперь ничто не могло предотвратить войну, и пребывавшие летом 33 г. до н. э. в Эфесе Антоний и Клеопатра не скрывали своих намерений. Для того чтобы обеспечить средства на ведение войны, а именно флот из 200 кораблей, военную казну в 20 тысяч талантов и запас зерна на двенадцать месяцев, у египтян отобрали почти все. Антоний предвкушал грядущую борьбу за превосходство, а Клеопатра была настолько уверена в успехе, что предваряла теперь каждое решение заявлением «так же верно, как и то, что я буду вершить правосудие на Капитолийском холме». На этот раз она заблуждалась. Возможно, Рим был слишком маленьким, чтобы вместить и Антония и Октавиана, но ее вера в то, что звезда последнего погаснет первой, была необоснованной. Царица не учла того, что италийцы давно и всем сердцем ненавидели ее.

В Эфесе Клеопатра вела себя так, будто уже была царицей Италии. Она заменила дворцовую стражу легионерами и приказала написать свое имя на их щитах, говорила о штаб-квартире армии как о «дворце», а об Антонии – как о своем главнокомандующем. Ее тщеславие было настолько велико, что она поручила художникам изобразить Антония и себя в образе Осириса и Исиды, а скульпторам – в виде Диониса и Селены. Подобные вещи льстили тщеславию правителей Египта. Авлет утверждал, что он – воплощение Диониса, Клеопатра считала себя олицетворением Селены, даровавшей процветание в жизни и покой после смерти.

Во время выходов на улицы она возлежала на носилках, перед ней шли евнухи, которых римляне считали несчастнейшими людьми, в то время как Антоний почтительно ступал в паре шагов позади. Азия для этой женщины была военным трофеем, и она относилась к ней соответственно. Она обобрала сокровищницу, отправила из Пергама в Александрию многие бесценные рукописи и произведения искусства. Ее высокомерие разозлило и сенаторов, которые бежали из Рима. «Неужели эта испорченная женщина вообразила, будто свободные по рождению римляне преклонят перед ней колени?» – возмущались они. Сенаторы послали Соссия и Агенобарба к Антонию с просьбой отправить Клеопатру обратно в Египет. Тот был недоволен, но дал обещание. Однако Клеопатра крутила им, как хотела, и Антоний тотчас же нарушил слово.

Весной 32 г. до н. э. римлянин прибыл на Самос, где затем провел лето. Клеопатра приехала вместе с ним, и он не собирался провоцировать Октавиана на крайности. Завоевание Малой Азии не превратило его в восточного человека, как и брак с Клеопатрой не сделал его египтянином. Антоний родился римлянином, коим и собирался умереть.

Антоний развлекался на Самосе, не задумываясь о будущем. Жизнь на острове ничем не отличалась от той, которую супруги вели в Эфесе или в Александрии: одно пышное торжество сменялось другим. Это был не самый удачный способ подготовки к войне, и, прежде чем Антоний отплыл со смутным намерением отправиться в поход на Италию, лето сменилось осенью. Но у Корфу он узнал о наличии вражеских кораблей в Адриатике и направился в Афины. Антоний больше не был тем решительным солдатом, который участвовал в битве при Филиппах или даже в сражении в Парфии. Он достиг среднего возраста, и привычка потакать своим слабостям оставила след как на его теле, так и на разуме.

В Риме подозревали нечто подобное, так как уже меньше чем через неделю некие важные сенаторы, покинувшие Антония, вернулись в столицу, чтобы предложить свои услуги Октавиану. Этими людьми был Планк, который сообщил о дерзких распоряжениях Антония относительно своего погребения, и Кальвизий, громче всех кричавший о подобоострастном подчинении Антония Клеопатре. В их обвинениях была доля истины. Жизнь в Афинах ничем не отличалась от той, что пара вела в Эфесе и на Самосе, а поведение Антония и Клеопатры шокировало почтенных людей. Царица приказала установить свою статую в образе Селены на Акрополе, а Антоний публично отрекся от Октавии. Это объявление произвело сенсацию в Риме, и, заполучив копию завещания Антония у весталок, которым его доверил Планк, Октавиан зачитал выдержки из данного документа пришедшему в ужас сенату. «Когда я умру, – писал Антоний, – пусть меня пронесут в триумфальной процессии через форум, а

мое тело сожгут в Александрии рядом с Клеопатрой»^[84]. Некоторые сенаторы стали требовать смерти Антония, другие, более снисходительные, жалели его, считая, что он лишился рассудка. В итоге Октавиан со свойственной ему осторожностью принял компромиссное решение, объявив войну только Клеопатре.

Затем он пригласил Антония прибыть в Италию для разрешения разногласий и пообещал обеспечить бывшему союзнику безопасный морской путь. Это предложение Антонию пришлось по душе. Тогда ссора стала бы личной, и Антоний готов был подчеркнуть, что не хочет ничего, кроме как наказать своего дерзкого «коллегу». Он отплыл бы тотчас же, если бы не осознал, что обещанный Октавианом безопасный путь, очевидно, не предназначался для Клеопатры. Эта мысль заставила его задуматься. Антоний понимал, что ему придется объяснить свой уход, и даже если жена одобрит его намерения, он опасался плыть один – настолько Антоний привык прислушиваться к ее советам.

В то же время Антоний был достаточно умен для того, чтобы понимать: присутствие Клеопатры может погубить все предприятие. Он знал, как относятся к ней римляне, считавшие ее злой женщиной, поклоняющейся ложным богам, соблазнительницей благородных римлян; он догадывался, что ее повторное появление на итальянской земле равнозначно получению Октавианом дюжины легионов. Все это и многое другое, должно быть, промелькнуло в голове Антония, когда он подыскивал слова, чтобы объяснить свое замешательство, как вдруг Клеопатра, словно читая его мысли, предложила дважды подумать, прежде чем отправляться в путь. «Разве Октавиан, обещающий безопасный проход, не тот же лживый человек, который должен был предоставить тебе четыре легиона в обмен на эскадру кораблей? – спрашивала она. – Раз уж он нарушил слово тогда, какова вероятность, что он сдержит его теперь? Скорее всего, он предложил этот безопасный проход, только чтобы убедить тебя посадить свои войска на корабли, а сам собирается напасть на них посреди океана, сжечь суда и утопить всех находящихся на борту». Это положило бы конец мечте Антония о победе, и, возможно, Клеопатра также намекнула на то, что подобная неосмотрительность станет толчком к разрыву отношений. Она пообещала: если Антоний будет настаивать на том, чтобы принять приглашение Октавиана, то она заберет свои корабли и вернется с ними в Египет.

Это был еще один ультиматум Клеопатры, положивший конец спору и похожий на поставленный ею в Эфесе, и Антоний больше не заговаривал о поездке в Италию. Но слова Клеопатры имели двойной смысл. Бесконечные переезды и остановки, вечные торжества утомили ее гораздо сильнее, чем подозревал Антоний. Жизнь в Эфесе показалась Клеопатре весьма приятной, время, проведенное в Афинах, доставило ей чуть меньше удовольствия, но она была поглощена страстным желанием вернуться в Александрию. Мнения простых людей редко влияли на ее точку зрения, но в Греции она вынуждена была признать, что друзья Антония относятся к ней с крайней неприязнью. Ее высокомерные притязания на власть унижали также правителей Азии, которые воевали вместе с Антонием, а постоянное вмешательство в планирование и осуществление военных походов оскорбляло его военных советников. Возможно, у ее капризов имелись и физиологические причины. Ей вскоре должно было исполниться 40 лет, а это очень опасный период в жизни женщины, когда причуды заменяют размышления, а сомнения – решительность.

Возможно, это предположение может частично служить объяснением позиции, которую занимала Клеопатра в течение недель, предшествовавших битве при Акциуме. В сочинениях античных авторов об этом ничего не сказано, но, возможно, тогда Клеопатра хотела вернуться в Александрию и увести с собой Антония. Выполнить эту задачу было сложно. Антоний оставался солдатом и считал дезертирство перед лицом врага отвратительным преступлением. Тем не менее, судя по тому, чем все закончилось, Клеопатра, должно быть, мягко, но решительно настаивала на своем, упрекая мужа в трусости и недалекости.

Царица планировала стратегический отход. Часть армии должна была остаться в Греции для решения жизненно важных вопросов гарнизона, а флот – в водах Эпира, чтобы прикрывать береговую линию, тогда как основному контингенту войск следовало вновь

пересечь Геллеспонт и занять Сирию. Кроме того, Клеопатра предполагала, что по возвращении в Александрию Антоний сможет спокойно подумать о завоевании Парфии. Захватив Парфию, он распространит свою власть на весь Восток и, опираясь на столь обширные ресурсы, сможет с уверенностью в победе атаковать Октавиана в Италии. Возможно, она сделала подобное предложение, и Антоний в общих чертах его принял. Воспоминания о недавней катастрофе в Парфии, очевидно, были еще свежими, и перспектива стереть их с помощью нового похода подкрепила доводы Клеопатры.

Однако Антоний обещал лишь рассмотреть это предложение и все еще не принял решение, когда сообщения о том, что Октавиан сосредотачивает войска и транспорт у Брундизия, чтобы пересечь Адриатику, вынудили его переместить свою штаб-квартиру из Афин в Патры и поторопиться с возвращением сил из Малой Азии. Некоторые из них были слишком далеко, чтобы услышать призыв вовремя, другие задержались в пути. Тем не менее он мог рассчитывать на грозную армию, собранную со всех уголков азиатских владений, устрашающие, хоть и разнородные силы, возможно состоявшие из 100-тысячных конницы и пехоты, мощь которых была бы больше, если бы Антоний не оставил позади себя столько легионов. Четыре или пять из них потребовались для защиты гарнизона между Египтом и Киренаикой, в Сирии остались еще три, в Малой Азии – еще полдюжины. Подобное прискорбно неправильное использование людей можно объяснить, только предположив, что Антоний больше думал о безопасности путей сообщения с Египтом, чем о захвате Италии.

Его морская стратегия не была более разумной. У него были все основания полагать, что его флот превосходит любой, собранный Октавианом. Но вместо того, чтобы держать корабли в море в целях предотвращения объединения эскадры противника, базировавшейся на Коркире (Корфу), и вражеских кораблей, охранявших армию Октавиана в Адриатике, он безрассудно позволил своему адмиралу укрыться в заливе Арта, закрытой гавани в Эпире. Там флоту, несомненно, не грозило нападение; с другой стороны, поскольку в открытое море можно было попасть только через узкий пролив, предприимчивый враг вполне был способен нейтрализовать корабли.

Агриппа, флотоводец Октавиана, находившийся на Коркире, более четко понимал, как использовать флот. На протяжении зимы 32/31 г. до н. э. он патрулировал побережье и следил за врагом, стоящим в Арте. В течение этих месяцев ни одно судно не попало в залив и не было выпущено из него, и блокада была настолько плотной, что весной Октавиан незаметно проскользнул по морю, высадив войска и спокойно занял возвышенность к северу от залива. Одновременно Агриппа поднял весь свой флот, и задуманное Октавианом объединение войск, в котором сомневалась Клеопатра, завершилось прежде, чем Антоний, попусту тративший время в Патрах, успел опомниться.

Это подвергало опасности находящийся в Арте флот, и Антоний ускорил создание группировки войск на суше. Он крайне нуждался в солдатах, поскольку с помощью кораблей вряд ли было возможно что-то предпринять, а некоторые из них вообще не могли выйти в море. Во время долгой зимы дисциплина на борту сильно ухудшилась. Экипажи дезертировали полным составом, суда нуждались в капитальном ремонте, запасов не хватало. Агриппа, с другой стороны, хорошо служил своему господину. Он держал корабли в боевой готовности, а офицеры и экипажи страстно желали ударить по врагу. Но Октавиан был осторожен. Море оставалось его единственным путем сообщения с Италией, и он, опасаясь возможности лишиться этого пути, оставил инициативу врагу.

Такова была ситуация, когда Антоний и Клеопатра, прибыв на линию фронта, разбили лагерь на мысе Аксиум на южном берегу пролива, соединяющего море и залив. Первая цель Антония была вполне очевидна. Пока враг располагался на дальней стороне пролива, безопасность стоящего на якоре в заливе флота находилась под угрозой, и, как только Антоний почувствовал в себе достаточно сил для того, чтобы выбить Октавиана с занимаемой им позиции, он пересек пролив и напал на своего противника. Но последний был к этому готов. Он укрепил свой лагерь, и, хотя передовые оборонительные сооружения были

снесены, оборона выстояла. Короче говоря, нападение потерпело неудачу, и Антоний в отчаянии отступил к мысу Аксиум.

Это была серьезная ошибка, причиной которой стали стратегические просчеты, допущенные Антонием. Как продемонстрировали его действия во время Парфянской кампании, он был второразрядным командиром, склонным колебаться, когда необходима решительность, и действовать, когда требуется выждать. Его мужество было неоспоримо, а вот лидерские качества вызвали сомнения. Как только его флот вошел в залив Арта, он должен был обезопасить оба берега ведущего в него пролива и не подпустить врага. Жажда удовольствий стала для Антония фатальной, уничтожив его военный инстинкт. Два лета в Эфесе и на Самосе и зима в Афинах были потрачены впустую на легкомысленные развлечения, и теперь ему предстояло понести тяжелую расплату за эту глупость.

Антоний был виноват и в выборе для расположения лагеря мыса Аксиум. В летние месяцы это было неподходящее место для многочисленного войска. Данная местность была опасной, лишенной растительности, там быстро распространялась малярия; провизия заканчивалась, и люди рассеялись, чтобы избежать голода. Октавиану приходилось не лучше: его войска на берегу также испытывали нехватку продовольствия, а экипажи судов в море были утомлены непрерывным патрулированием.

Ситуация фактически заходила в тупик; очевидно, нужно было что-то предпринять, чтобы положить этому конец. Возможно, именно тогда Клеопатра снова заговорила о том, что было бы мудро отозвать армию и поставить флоту задачу продолжать сдерживать Октавиана. Превосходящие числом и размером корабли Антония в худшем случае должны были суметь выполнить эту задачу, а в лучшем – уничтожить противника в ходе морского сражения. Аргумент был весомым, и, побежденный настойчивостью Клеопатры, Антоний сдался. На военном совете он объявил, что намерен дать бой врагу в море. «Я решил, – воскликнул он, – начать с кораблей, которые значительно превосходят вражеские, так что после победы мы сможем одолеть и их пехоту».

Повисла тишина. «Должно быть, Антоний, военачальник, никогда в жизни не участвовавший в морском сражении, выжил из ума. Или это решение приняла его злополучная супруга, царица Египта?» – думал каждый присутствовавший на совете римлянин, и Агенобарб дерзко спросил, должна ли победа быть принесена в жертву прихоти женщины. Он призвал Антония вспомнить Филиппы и довериться доблести своих легионов. Антоний не удостоил его ответом. Он холодно отдал приказы и, распустив военный совет, ушел в лагерь. Агенобарб больше ничего не сказал и той же ночью переметнулся к врагу.

Подозрение Агенобарба было в чем-то верным, в чем-то – нет. Антоний был неопытен в военно-морском деле, так что, вероятно, именно Клеопатра несла ответственность за решение сражаться в море. Для нее это был, без сомнения, единственный способ бежать из Эпира и увезти с собой Антония. Ее план был прост. Выйдя из залива Арта позади больших кораблей Антония, египетская эскадра должна была отклониться от курса, как только начнется битва. Затем, будучи уже далеко, эскадре следовало остановиться, взять на борт Антония и лечь на курс к Африке. Возможно, царица не раскрыла подробности Антонию. Клеопатра даже могла раздувать в его сердце надежду на победу в морском сражении, но решение она приняла, и оно было окончательным.

Сомневаясь до последнего, Антоний осмотрел свой флот. Тот, безусловно, требовал внимания. Многие корабли, простоявшие так долго на якоре, стали непригодными, другие не могли выйти в море из-за нехватки гребцов. Болезни и дезертирство также посеяли панику среди экипажей. Казалось бы, уже иссякшая энергия Антония вернулась к нему под влиянием необходимости. Он действовал решительно: сжег треть флота, а боевой состав переместил на уцелевшие корабли, отправил на них 20 тысяч легионеров для участия в морском сражении и приказал командирам демонтировать мачты и оставить паруса на берегу.

На рассвете 2 сентября 31 г. до н. э. флот Антония, покинув причалы, вышел в море и построился в линию. За ним, ведомая Клеопатрой, следовала египетская эскадра, состоявшая

из более быстрых легковооруженных кораблей, которые по сигналу царицы ушли на левый фланг, где располагались бронированные корабли. На другой стороне ожидали атаки построенные в боевой порядок корабли Октавиана. Но битва все не начиналась. Сложные в управлении и маневрировании из-за размера и такелажа, огромные корабли Антония медленно разворачивались в линию, и, заметив неразбериху, Октавиан дал своему центру сигнал вступить в бой с врагом.

К линии фронта сразу же бросился рой либурнских галер. Они группировались по две, по три вокруг бронированных кораблей, разбивая в щепки весла своих жертв. Обремененные боевыми машинами и переполненные солдатами гиганты не могли избавиться от своих мелких противников и, следовательно, оказались в невыгодном положении, когда сражение стало общим. Это была битва до победного конца. Пощады не просили и не давали: корабль шел на дно, а победитель направлял свое судно к следующей жертве. Не имея легких судов, капитаны Антония рассчитывали на египетские корабли, и, когда битва была в разгаре, они с тревогой искали своего союзника, но тщетно – эскадра Клеопатры обошла дружеские и вражеские фланги и, оказавшись вне досягаемости, легла в дрейф.

Несведущий в морском деле Антоний оставил управление флотом подчиненным. Он сопровождал корабли в море и затем занял позицию в левом крыле, где можно было наблюдать за ходом битвы. На душе у него было беспокойно, и надежда, что Клеопатра в последний момент смилостивится, исчезла, когда он заметил, что ее корабли уходят в открытое море. Итак, настал момент, когда надо было сделать выбор между долгом и бесчестьем, и он выбрал второе. Десятью годами ранее Антоний беззаботно покинул Клеопатру и отправился в Брундизий, но теперь он не мог поступить так же. Через минуту Антоний уже направлялся к египетским кораблям, стоявшим неподалеку на веслах, покачиваясь на небольших волнах. Его приняли на борт, подняли паруса и взяли курс на Африку. Клеопатра снова одержала победу.

Три дня и ночи Антоний сидел на носу флагмана, охваченный раскаянием, которое настигает всех дезертиров. Там он оставался глух и нем ко всем вокруг, пока служанка, коснувшись его плеча, не передала ему сообщение от царицы. Но Антоний только отмахнулся от посланницы, и женщина ушла. Второй девушке повезло больше: Антоний поднялся и, пошатываясь, пошел по корме в большую каюту, где сидела Клеопатра, разговаривавшая с дамами. Она приветствовала Антония, как будто ничего не случилось. Царица заставляла его есть и пить, постоянно говорила об их совместных планах в Египте, о победе, которую он одержит в Парфии в ближайшее лето. Тем не менее угрюмость Антония не ослабла, и проникновенные слова были потрачены впустую. Царица посоветовала ему высадиться в Паретонии. Там находился легион, во главе которого Антоний мог войти в Александрию как победитель.

Муж прислушался к совету Клеопатры и, пересев на другой корабль, покинул царицу, которой теперь предстояло самостоятельно высаживаться на берег в Александрии. Избавившись от унылого супруга, Клеопатра отправила вперед посыльное судно, чтобы объявить о своем возвращении в Египет после славной победы над Римом. Это была приятная новость, и александрийцы устремились в гавань, чтобы поздравить Клеопатру. Для того чтобы усилить иллюзию, прежде чем входить в порт, корабли были украшены гирляндами, а гребцы под звуки флейт скандировали победные песни.

Тем временем Антоний благополучно высадился в нескольких километрах от Паретонии и отправил в гарнизон посланников с вестью. Прием был обескураживающим: командир не поверил рассказу о победе и посоветовал Антонию снова сесть на корабль, если тот хочет спасти свою жизнь. Пребывание в Ливии ничего не дало, и безутешный Антоний воссоединился с Клеопатрой в Александрии. В городе больше не царил радость. До жителей столицы дошли правдивые слухи, и они поняли, что эта хваленая победа на самом деле является катастрофическим поражением. Люди собирались группами, размышляя о судьбе, которая их ждет, если Октавиан в погоне за Клеопатрой высадится в Египте. Александрийцы понимали, что тогда им придется отвечать за грехи своей царицы и заплатить за ее страсть к

Антонию. Озвучивать такие мысли даже шепотом было весьма опрометчиво. Клеопатра с удовольствием наказывала тех, кто посмел говорить об этом. Для того чтобы обречь человека на смерть, достаточно было одного подозрения, и невинные страдали вместе с виноватыми. Людей бросали в тюрьму и душили без какого-либо суда; их имущество государство изымало и продавало, ибо деньги были очень нужны для укрепления армии и увеличения флота.

Теперь в Александрию стекались надежные новости. Стало известно, что морской бой у Аксиума закончился уничтожением флота Антония и разгромом его армии. По слухам, Октавиан карал в Малой Азии царей и князей, которые помогали его врагу, и Клеопатра испугалась, как бы Октавиан не захватил Сирию. От Антиохии до Пелусия было недалеко, а значит, Клеопатре могла угрожать опасность. Она понимала, что, если Пелусий падет, ей придется покинуть Александрию. Женщине была известна судьба многих правительниц, которые не смогли защитить свои владения, и она изучила способы и средства, которые могли бы помочь ей избежать подобной участи. Одним из мест, где она могла укрыться, была Испания, а другим – Аравия. В Испанию Клеопатра отправила агентов, которые должны были подготовить почву. Через Суэцкий перешеек перетащили достаточное количество кораблей, чтобы перевезти ее по Красному морю. Одновременно царица спешно отправила все имевшиеся в ее распоряжении войска в Пелусий и, чтобы поднять боевой дух в гарнизоне, послала на линию фронта своего любимого Цезариона.

Антоний не помогал и не мешал супруге. Его решительность исчезла, в голове было пусто. В гавани на скалистом островке он нашел себе убежище, где и сидел целыми днями, ни с кем не общаясь и подражая Тимону Афинскому, чью эпитафию написал неподражаемый Каллимах: «Здесь лежит Тимон, ненавидящий людей; не мешкай, прохожий! Прокляни меня, если хочешь, но уходи скорее. Это все, о чем я прошу».

Конечно, все новости, что доходили теперь до Александрии, было удручающими. Говорили, что Октавиан приближается к Сирии, получая дань от государств и областей, которые Антоний освободил и сделал богатыми. Тем временем Клеопатра сохраняла присутствие духа, хотя развеять тоску Антония ей не удалось, как и тогда, когда они бежали после битвы при Аксиуме. Но она смеялась над его серьезным лицом, просила его веселиться, пока жизнь продолжается, и призывала присоединиться к кругу, который называла «союзом смертников».

В глубине души Клеопатра была уверена в будущем не больше, чем Антоний, но не могла решиться спасаться бегством. Она подумала, что неплохим выходом из ситуации может стать смерть, и начала изучать действие на организм человека ядов, чтобы обнаружить наиболее быстрые и наименее болезненные из них. По крайней мере в одном своем решении царица была полностью уверена: она не собиралась участвовать в триумфальном шествии римлян и позорно умереть в римской тюрьме. Возможно, именно в этот момент она подумала о том, чтобы очаровать Октавиана, как некогда Цезаря и Антония, и, может, именно эта мысль заставила ее просить Октавиана занять египетский трон. Октавиан, находившийся в тот момент в Тире, ответил на письмо Клеопатры. Он принял ее дары, но намекнул, что лучшим залогом для его благосклонности станет смерть Антония. Последний узнал о переписке и, последовав примеру супруги, также написал Октавиану, заявив о своей готовности оставить все должности, прося лишь разрешения жить как простой римский гражданин. Октавиан не снизошел до ответа, и по его молчанию Антоний понял, что обречен.

Два города готовились к осаде: Пелусий был окружен, гарнизон Паретония выдвинулся к Александрии. Эта новость заставила Антония оживиться. Во главе горстки солдат, все еще верных ему, он отправился на выручку, чтобы подавить угрозу с запада, но было уже слишком поздно. Пелусий пал, а Октавиан, совершивший быстрый марш-бросок, оказался недалеко от Александрии. На обратном пути Антоний столкнулся с авангардом противника, захватившим ипподром, и его конницей, расположившейся в Брухии. Ожесточенная контратака заставила последнюю переместиться к расположению пехоты, и битва была

назначена на следующий день. Но возможности Антония были исчерпаны: сначала его корабли, а затем и конница перешли к врагу, и он покинул поле сражения.

Конец был близок. Антоний сидел в своих апартаментах, ожидая вестей от Клеопатры, но их не было до наступления темноты, когда, шатаясь, в помещение вошел посланник и воскликнул, что царица мертва. Стыдясь того, что он жив и вынужден слышать подобную новость, Антоний поклялся умереть. Но эта весть была ложной. Намек Октавиана не выходил у нее из головы, и, чтобы спасти свою жизнь, Клеопатра сфабриковала послание. Антоний рассеянно ослабил свои доспехи и, всхлипнув: «Ах, Клеопатра, я скоро буду с тобой»^[85], приказал своему верному вольноотпущеннику Эроту убить его. Но тот не мог хладнокровно убить хозяина, которого так любил. Он вытащил кинжал, замахнулся для удара, а затем, быстро повернувшись, воткнул острие себе в грудь. «Спасибо, Эрот, – пробормотал Антоний, когда тот замертво упал лицом вниз, – за то, что учишь меня, как быть, раз уже сам не можешь исполнить, что требуется». Но его собственный удар оказался неточным, и он упал, завалившись назад, призывая положить конец его страданиям.

Новость о произошедшем Клеопатре, укрывшейся в крепости, примыкавшей к храму Исиды, принес слуга, и ее охватило раскаяние. Тело Антония принесли к ее убежищу и с помощью служанок втащили внутрь через окно. Когда он умер, царица стояла на коленях рядом с ним, целуя его окровавленные руки.

В отличие от Цезаря, который плакал, когда ему рассказали о том, как умер Помпей, хладнокровный Октавиан выслушал новость о смерти Антония сдержанно. Ситуация складывалась для него вполне удачно, так как теперь он мог уделить внимание Клеопатре. Он думал о драгоценностях, хранившихся в крепости, и, считая ниже своего достоинства штурмовать эту маленькую твердыню, прибегнул к хитрости.

Пока один солдат отвлекал царицу разговором, стоя у окна, второй влез через другое. «Клеопатра, несчастная, ты попалась!» – вскрикнула служанка, чтобы предупредить свою хозяйку, и протянула кинжал, которым Клеопатра могла бы заколоть себя. Но римлянин выхватил у нее из рук оружие. «Клеопатра, – мягко сказал он, – ты несправедлива и к самой себе, и к Цезарю».

Как бы то ни было, крепость оказалась во власти Октавиана, хранившиеся там сокровища были переписаны и вывезены, а позже Октавиан сам пришел к царице, обещал пощадить ее детей и разрешил похоронить Антония. Его речь была мягкой, но сердце – жестким, и он не сдержал слова. Он убил Цезариона, бежавшего из Пелусия и схваченного на пути в Эфиопию, и Антилла, сына Фульвии, который присоединился к своему отцу Антонию в Александрии. «Слишком много Цезарей – это не очень хорошо», – цинично сказал философ Арий, секретарь Октавиана, и тот понял его слова.

Горькие слезы навернулись на глаза Клеопатры, когда она воздавала последние почести останкам Антония. Положив венок на могилу, она всхлипнула: «Ах, Антоний, больше никаких приношений ты не должен ожидать от меня! Но если боги, среди которых ты сейчас, что-то могут сделать, пусть не позволят вести меня в триумфальном шествии к твоему стыду, а спрячут и похоронят меня здесь с тобой».

Царица больше не хотела жить. Вернувшись домой, она приняла ванну, поужинала и написала свое последнее письмо, которое было адресовано Октавиану. В нем Клеопатра попросила, чтобы после смерти ее похоронили рядом с Антонием. Ей принесли корзину инжира: под плодами лежала, свернувшись, кобра – смертельно ядовитая змея. Клеопатра поймала ее за шею и прижала к вене на груди. Яд сработал: обессиленно опустившись на ложе, царица спокойно умерла. Между тем Октавиан прочитал письмо и, предвидя намерения Клеопатры, предупредил охрану и приказал начальнику стражи следить за пленницей. Но было слишком поздно. Распахнув дверь комнаты, он увидел царицу, распростертую на отделанной золотом кровати, и Ираду, служанку, лежащую у ног хозяйки. Он тронул пальцем запястье Клеопатры. Оно было холодным: царица, вне всякого сомнения, была мертва.

Он повернулся к Хармион, второй служанке. «Удачный выбор вашей госпожи?» – сердито спросил он. «Превосходный, – тихо ответила Хармион, поправляя диадему, украшавшую волосы Клеопатры, – достойный потомка многих царей». Это были последние слова Хармион: мгновением позже она тоже была мертва.

Так 29 августа 30 г. до н. э. на тридцать девятом году жизни умерла Клеопатра, доблестная царица, выдающаяся женщина, последняя из рода царей и цариц, больше знаменитых своей мужественностью, чем добродетелью. Но, судя о ней, нам следует учитывать приметы того времени, и с этой точки зрения Птолемеи выгодно отличаются от своих соседей. Это был порочный век: убийство было обычным делом при каждом дворе, мания величия – качеством характера каждого правителя, взяточничество – непреодолимой проблемой любого бюрократического аппарата. Конечно, Птолемеи эксплуатировали своих подданных без всякого сожаления, воевали без всякого повода, но делали это с большей осмотрительностью, чем другие правители. Шепот недовольства приводил к быстрому устранению несправедливости, намек на восстание заставлял египетских царей мчаться домой, оставив военные действия. К чести Птолемеев, также стоит сказать, что, несмотря на неограниченную власть, они умудрялись передавать право на престол от одного другому на протяжении трех веков, что было беспрецедентным явлением в истории Египта. Это достижение, несомненно, являлось следствием постоянной заботы о жречестве. Теократия представляет собой самую древнюю форму правления в Египте, и, следуя примеру фараонов, Птолемеи прозорливо покровительствовали жрецам.

Время от времени превратности судьбы настигали кого-нибудь из Птолемеев, чье неудачное правление или образ жизни возмущали народ. Но личность царя была священной, и преступник всегда успевал ускользнуть на Кипр или в Сирию, где терпеливо ждал, когда его позовут обратно. Ожидание никогда не было напрасным. Память была коротка, гнев остывал: с преступлениями изгнанника смиряться и радовались его возвращению в Египет. Подданные Птолемеев были очень снисходительны. Женщины, происходившие из этой династии, были более осмотрительны: их имена, за исключением третьей и седьмой Клеопатр, не запятнаны какими-либо преступлениями или любовными связями. Все же, не имея возможностей мужчин, они обычно играли унижительную роль: однажды выйдя замуж, тут же расторгали брак по приказу отца или брата.

Зараженный общей навязчивой идеей, Птолемей Сотер полагался на династический брак с целью укрепления своей власти. Эта опора оказалась шаткой, и его преемники следовали примеру фараонов, женившихся на сестрах, традиционному и популярному в Древнем Египте обычаю. Менее понятной была внешняя политика, которую проводили Птолемеи в первой половине эллинистической эпохи. Ее краеугольным камнем было вмешательство в конфликт между Македонией и Грецией, и этой политики они придерживались до тех пор, пока Рим не бросил губительный взгляд на Восток. Конец приближался медленно, но был неизбежным. Македония, Греция, Малая Азия, Сирия и, наконец, Египет перешли под власть Рима.

Так перестала существовать династия Птолемеев, род, который когда-то мог похвастать званием «союзника и друга римского народа». Перед нами весьма прискорбный пример неустойчивости власти монарха.

Генеалогическая таблица Птолемеев

Правитель, его дети		Жены (мужья)
<i>Птолемей (сын Лага) Сотер</i> , род. в 367 г. до н. э., сатрап с 323 г. до н. э., царь 305—285 гг. до н. э., ум. в 283 г. до н. э.		1. Артакама, дочь Артабаза, 324 г. до н. э.
		2. Эвридика, дочь Антипатра, ок. 321 г. до н. э.
		3. Береника I, вдова македонянина Филиппа, до 316 г. до н. э.
Дети:		
от Эвридики:	от Береники:	
1) Птолемей Керавн, царь Македонии в 281—280 гг. до н. э.	1) Арсиноя II, род. до 315 г. до н. э.	1. Фракийский царь Лисимах 2. Птолемей Филадельф (брат)
2) Птолемаида, жена Деметрия Полиоркета	2) Филотера	
3) Лисандра I, жена Агафокла, сына фракийского царя Лисимаха	3) Птолемей Филадельф	
	4) Аргей	
<i>Птолемей Филадельф</i> , род. в 309 г. до н. э., царь 285—247 гг. до н. э.		1. Арсиноя I, дочь фракийского царя Лисимаха
		2. Арсиноя II Филадельфия, сестра, ок. 278 г. до н. э., ум. в 269 г. до н. э.

Правитель, его дети	Жены (мужья)
Дети:	
от Арсинои I	
1) Птолемей Эвергет I	
2) Лисимах, убит в 221 г. до н. э. по приказу Птолемея Филопатора	
3) Береника, жена Антиоха II, ок. 252 г. до н. э., убита в 246 г. до н. э. по приказу сирийской царицы Лаодики	
<i>Птолемей Эвергет I</i> , род. ок. 277 г. до н. э., царь в 247—221 гг. до н. э.	Береника II, дочь наместника Кирены Магаса, ок. 247 г. до н. э., убита в 221 г. до н. э. по приказу Птолемея Филопатора
Дети:	
1) Береника, ум. в марте 238 г. до н. э.	
2) Птолемей Филопатор, род. ок. 244 г. до н. э.	
3) Маг, убит в 221 г. до н. э. по приказу Птолемея Филопатора	
4) Арсиноя III	
<i>Птолемей Филопатор</i> , род. ок. 244 г. до н. э., царь в 221—203 гг. до н. э.	Арсиноя (сестра), ок. 211 г. до н. э., убита в 204 г. до н. э.
Ребенок:	
Птолемей Эпифан, род. в 209 г. до н. э.	
<i>Птолемей Эпифан</i> , род. в 209 г. до н. э., царь в 209—181 гг. до н. э.	Клеопатра I, дочь сирийского царя Антиоха III, 193/192 г. до н. э., ум. ок. 172 г. до н. э.
Дети:	
1) Птолемей Филометор, род. ок. 186 г. до н. э.	
2) Птолемей Эвергет II, род. ок. 185 г. до н. э.	
3) Клеопатра II, род. до 181 г. до н. э.	
<i>Птолемей Филометор</i> , род. ок. 186 г. до н. э., царь в 181—145 гг. до н. э.	Клеопатра II (сестра), ок. 172 г. до н. э., ум. ок. 118 г. до н. э.
Дети:	
1) Птолемей Эвпатор, умер рано	

Правитель, его дети			Жены (мужья)
2) Клеопатра Тея			Сирийские цари: 1. Александр Балас 2. Деметрий Никатор 3. Антиох VII
3) Клеопатра III, жена Эвергета II (дяди), 143 г. до н. э., правила самостоятельно на протяжении нескольких месяцев в 116 г. до н. э.			
4) Птолемей Неос Филопатор, убит по приказу Эвергета II			
<i>Птолемей Эвергет II</i> , род. ок. 185 г. до н. э., царь: 169/168 гг. до н. э. — Египет; 163—145 гг. до н. э. — Киренаика; 145—116 гг. до н. э. — Египет (за исключением нескольких месяцев в 130/129 г. до н. э.)			1. Клеопатра II (сестра), 145 г. до н. э. 2. Клеопатра III (племянница), ок. 143 г. до н. э., ум. в 101 г. до н. э.
Дети:			
от неизвестной женщины:	от Клеопатры II	от Клеопатры III	
Птолемей Апион, царь Киренаики, 116—96 гг. до н. э.	Птолемей Мемфисский, род. в 144 г. до н. э., убит по приказу Эвергета II	1) Птолемей Сотер II, род. ок. 142 г. до н. э.	
		2) Трифена, жена Антиоха VIII Грива, убита в 111 г. до н. э.	
		3) Клеопатра IV, убита в 112 г. до н. э.	1. Птолемей Сотер II (брат) до 115 г. до н. э. 2. Антиох IX Кизикен, 115 г. до н. э.
		4) Птолемей Александр I	
		5) Клеопатра V Селена	1. Птолемей Сотер II (брат), до 112/111 г. до н. э. 2. Антиох VIII Грив, до 102 г. до н. э. 3. Антиох IX Кизикен, 96 г. до н. э. 4. Антиох Евсеб, 95 г. до н. э.

Правитель, его дети		Жены (мужья)
<i>Клеопатра II</i> , род. до 181 г. до н. э., правила единолично в 130/129 г. до н. э., о ее детях см. выше		1. Птолемей Филометор (брат), 172 г. до н. э.
		2. Птолемей Эвергет (брат), 145 г. до н. э.
<i>Клеопатра III</i> , была соправительницей, о ее детях см. выше		
<i>Птолемей Сотер II Лафур</i> , род. ок. 142 г. до н. э., царь: 116—106 гг. до н. э. — Египет; 106—88 гг. до н. э. — Кипр; 88—80 гг. до н. э. — Египет		1. Клеопатра IV (сестра), до 115 г. до н. э.
		2. Клеопатра V Селена (сестра), до 112/111 г. до н. э.
Дети:		
От неизвестной женщины:	От Клеопатры IV или Клеопатры V Селены:	
1) Птолемей, царь Кипра, 80—58 гг. до н. э.	(Клеопатра) Береника III, уби-та в 80 г. до н. э. по приказу Александра II	1. Птолемей Алек-сандр I (дядя) 2. Птолемей Алек-сандр II (двоюрод-ный брат)
2) Птолемей Неос Дионис		
3) Клеопатра VI Трифена		
4) Клеопатра		
<i>Птолемей Александр I</i> , род. после 142 г. до н. э., царь: 114—108 гг. до н. э. — Кипр; 108—88 гг. до н. э. — Египет Погиб в морском бою в 88 г. до н. э.		1. (Неизвестно)
		2. (Клеопатра) Береника III, племянница
Ребенок:		
От неизвестной женщины:		
Птолемей Александр II, род. ок. 106 г. до н. э.		
<i>Птолемей Александр II</i> , род. ок. 106 г. до н. э., царь в 80 г. до н. э. на протяжении 19 дней		(Клеопатра) Бере-ника III, двоюрод-ная сестра
<i>Птолемей Неос Дионис Авлет</i> , царь: 80—58 гг. до н. э. — Египет; (58—55 гг. до н. э. — в ссылке); 55—51 гг. до н. э. — Египет		Клеопатра Трифе-на (сестра)
Дети:		
1) Береника IV, убита по приказу Птолемея Неос Диониса Авлета в 55 г. до н. э.		1. Селевк Цибиосакт

Правитель, его дети		Жены (мужья)
2) Клеопатра VII, род. в 69 г. до н. э.		1. Птолемей (брат), 48 г. до н. э.
		2. Птолемей (брат), 47 г. до н. э.
3) Арсиноя, род. между 68 и 65 гг. до н. э., убита по приказу Антония в 41 г. до н. э.		
4) Птолемей, род. ок. 61 г. до н. э.		
5) Птолемей, род. в 59 г. до н. э.		
Птолемей, род. ок. 61 г. до н. э., царь в 51—48 гг. до н. э.		Клеопатра VII (сестра)
Птолемей, род. ок. 59 г. до н. э., царь в 48—44 гг. до н. э.		
Клеопатра VII, род. в 69 г. до н. э., правила в 51—30 гг. до н. э.		Марк Антоний 37/36 г. до н. э.
Дети:		
от Юлия Цезаря:	от Марка Антония:	
Птолемей Цезарион, род. в 47 г. до н. э., убит в 30 г. до н. э.	1) Александр Гелиос и Клеопатра Селена, род. в 40 г. до н. э.	
	2) Птолемей Филадельф, род. ок. 35 г. до н. э.	

Примечания

1

Геллеспонт – древнее название пролива Дарданеллы. (*Примеч. пер.*)

2

Здесь имеется в виду этническое объединение лиц, находящихся за пределами родины и пользующихся административной и религиозной автономией. (*Примеч. пер.*)

3

Келесирия – плодородная равнина, простирающаяся между двумя хребтами гор в Ливане. На западе она граничит с Финикией, а на юге – с Палестиной. (*Примеч. пер.*)

4

Пентаполь – объединение из пяти городов, созданное по территориальному или институциональному признаку исходя из их торговых, политических или военных интересов. (*Примеч. пер.*)

5

Мы точно не знаем, когда именно был заключен этот брачный союз. Некоторые историки, такие как Белох и Тарн, предположили, что в 316–315 гг. до н. э. Береника была любовницей Птолемея, а их свадьба состоялась гораздо позже. *(Примеч. авт.)*

6

Перевод здесь сделан дословный, однако стоит отметить, что банков в нашем нынешнем понимании в древности не было. В Греции, которую автор упоминает ниже, существовали менялы, занимавшиеся обменом одних монет на другие (что-то вроде современного обмена валюты). Они же (а также ростовщики) могли брать деньги на хранение и давать их в долг под определенный процент. *(Примеч. пер.)*

7

Данный фрагмент «Золотого осла» приведен в переводе М. Кузмина. *(Примеч. пер.)*

8

В настоящее время на его месте стоит так называемая колонна Помпея. *(Примеч. авт.)*

9

Иосиф Флавий так описывает это событие: «Он же овладел хитростью и обманным образом также и Иерусалимом, а именно, вступив в город в субботу под предлогом принести жертву, он не встретил со стороны иудеев ни малейшего к тому препятствия (они нисколько не предполагали в нем врага) и, вследствие того, что они ничего не подозревали и проводили этот день в беззаботном веселье, без труда овладел городом и стал жестоко править над ним» (Иудейские древности. XII,1). *(Примеч. пер.)*

10

Мы не знаем, когда именно это произошло. П. Жуге предполагает, что Кассандр совершил данное преступление в период между 311 и 309 гг. до н. э. *(Примеч. авт.)*

11

Эта цитата из «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха приводится в переводе С. П. Маркиша. *(Примеч. пер.)*

12

Современники называли его просто «Птолемеем, сыном Птолемея». Прозвище Филадельф принадлежит скорее его сестре и второй жене Арсиное II. *(Примеч. авт.)*

13

Для того чтобы избежать путаницы, историки обычно называют Арсиною, являвшуюся супругой Лисимаха, Арсиной II, а ее падчерицу, ставшую первой женой Филадельфа, Арсиной I. (*Примеч. авт.*)

14

Данные цитаты из Идиллии XV Феокрита приведены в переводе М. Е. Грабарь-Пассек.

15

В русскоязычном переводе этой идиллии данные слова принадлежат Праксиное, которая высказала соседу еще многое о том, что они с подругой родом из Коринфа (выходцы из этого города основали Сиракузы, откуда, судя по всему, и приехали дамы) и, будучи дорянками, не подчиняются никому, кроме царя. (*Примеч. пер.*)

16

В переводе идиллии на русский язык эти слова принадлежат опять же Праксиное. Следует также отметить, что разговор между двумя кумушками разворачивался, судя по переводу М. Е. Грабарь-Пассек, в несколько иной последовательности, чем та, в которой автор данной книги приводит цитаты из идиллии. (*Примеч. пер.*)

17

Рельеф на северной стене Большого гипостильного зала в Карнаке, на котором этот фараон изображен получающим поздравления от подданных на берегу канала. (*Примеч. авт.*)

18

Русскоязычный перевод текста этой стелы выглядит несколько иначе: «Я перс из Персии... Египет завоевал, постановил этот канал прорыть из реки по названию Пирава [то есть Нил], которая в Египте течет, до моря, которое из Персии идет. Затем этот канал был прорыт так, как я постановил, и корабли пошли по этому каналу из Египта в Персию так, как моя воля была». Таким образом, Дарий I завершил работы по строительству канала, начатые Нехо (*Авдиев В. И. История Древнего Востока. М., 1970. С. 493–494. (Примеч. пер.)*)

19

Птолемей Филадельф, соответственно, занимался обновлением этого канала, который, очевидно, не обслуживался со времени правления Дария и мог быть занесен илом и т. п. (*Примеч. пер.*)

20

Маис, то есть кукурузу, в Египте не выращивали. Основными культурами были упомянутые автором ячмень и пшеница. (*Примеч. пер.*)

21

Конторы Аполлония, располагавшиеся в Файюме и занимавшиеся регистрацией того, что было связано с его личным предприятием, каждые десять дней тратили по 60 свитков папируса. *(Примеч. авт.)*

22

Апомойра характерна в первую очередь для греко-римского Египта. Сначала она шла в пользу храмов, а затем, после 265–264 гг. до н. э., стала собираться деньгами в царскую казну для поддержания культа Арсиной. *(Примеч. пер.)*

23

Перевод Ю. Голубец.

24

Перевод Н. Чистяковой.

25

Перевод Н. Т. Голинкевич.

26

Нам доподлинно неизвестно, обучался ли Арат в Александрии. Его лучший труд, очевидно, был написан в Македонии. *(Примеч. авт.)*

27

Страбон. География. XVII. I–II. Пер. Г. А. Стратановского. (Примеч. пер.)

28

Согласно другой, более распространенной версии, Береника сама приказала убить своего мужа, но сохранила матери жизнь, хотя имя последней в источниках после описания этой истории не упоминается. *(Примеч. пер.)*

29

Герусия – это совет старейшин, существовавший по большей части в олигархических государствах. Таким образом, вероятно, в данном случае автор использует этот термин не совсем правильно. *(Примеч. пер.)*

30

До нашего времени это стихотворение не сохранилось, и нам оно известно только в переложении Катулла. (*Примеч. авт.*)

31

В настоящее время она хранится в Британском музее. (*Примеч. авт.*)

32

Здесь и далее слово «хора» используется вместо применяемого автором термина «провинция», так как последний более характерен для истории Рима и имеет несколько иное значение – подвластные ему территории, находившиеся за пределами Апеннинского полуострова, которыми управляли римские наместники. Понятие «хора», в свою очередь, присутствует в источниках, посвященных истории греко-римского Египта, и обозначает сельскую местность и поселения, не имевшие самоуправления (в отличие от трех расположенных на территории Египта полисов). В то же время автор использует термин «провинция», который мы заменили понятием «хора», более широко – это территория всего государства, за исключением столицы. (*Примеч. пер.*)

33

Эту надпись в VI в. н. э. скопировал Козьма, индийский купец, впоследствии ставший египетским монахом. (*Примеч. авт.*)

34

Дословно этот термин можно перевести как «пятиборец», то есть современники отмечали его достижения в совершенно разных областях знаний. В прозвище «бета» также нет ничего оскорбительного – оно, по мнению ряда исследователей, подразумевает, что Эратосфен считался вторым Платоном. Другие ученые полагают, что, называя его вторым, современники хотели подчеркнуть превосходство авторов, живших в глубоком прошлом. (*Примеч. пер.*)

35

Страбон. География. I. II, 15. Перевод Г. А. Стратановского.

36

Автор приводит не совсем точный пересказ пассажа из «Иудейских древностей» Иосифа Флавия. Иосиф, о котором идет речь, сам вызвался отправиться в Египет и укорял дядю за жадность и нежелание поддержать народ во время, когда тому угрожает опасность. Иосиф нашел царя, которому посланец, вернувшийся из Иерусалима, успел рассказать о его праведности, честности и прочих достоинствах, в Мемфисе, а затем, снискав расположение Птолемея, перебрался вместе с ним в Александрию. На торгах присутствовал сам царь. Дальше ситуация развивалась следующим образом: «За откуп податей со всей Келесирии, Финикии, Иудеи и Самарии было предложено до восьми тысяч талантов. Тогда выступил Иосиф, стал укорять откупщиков за то, что они предлагают за подати столь ничтожную сумму, и сам предложил внести двойную сумму... Царь принял такое предложение с

удовольствием и распорядился предоставить откуп податей Иосифу, как лицу, дававшему значительно большую сумму за них. Когда же царь спросил его, каких поручителей он может представить за себя, тот отвечал очень тонко: «Я представлю вам людей прекрасных и безупречных, которым вы вполне поверите». На вопрос же царя, кто эти люди, юноша ответил: «Царь! Поручителями тебе я назову самого тебя и супругу твою, каждого в равной половинной части». Птолемей рассмеялся и предоставил ему откуп податей без поручительства» (*Иосиф Флавий*. Иудейские древности. XII, 4. 3–4. Пер. Г. Генкеля). Таким образом, Иосиф, с одной стороны, отвел угрозу от родного народа, а с другой – получил весьма прибыльное занятие – собирать подати с сородичей и соседей от имени египетского царя. (*Примеч. пер.*)

37

Здесь и далее перевод «Инструкции эконому» приведен по изданию: *Хрестоматия по истории Древнего мира* / Под ред. В. В. Струве. Т. II. М., 1951. С. 271–274. (*Примеч. пер.*)

38

Здесь и далее приведены цитаты из «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха (Клеомен, 54). Пер. С. П. Маркиша.

39

По словам Плутарха, этот Никагор был врагом Клеомена, не простившим ему долг за проданное, но не оплаченное поместье, но притворявшимся его другом. Никагор пересказал остроу Клеомена Сосибия, а тот уже попросил его написать письмо, где «говорилось, что Клеомен решил, если получит от царя триеры и воинов, захватить Кирену». (*Примеч. пер.*)

40

Агема – элитные воинские части. (*Примеч. пер.*)

41

Первая из этих двух точек зрения в настоящее время является преобладающей, хотя устройство трирем до сих пор остается спорным. (*Примеч. пер.*)

42

Точнее, «Любящий отца». (*Примеч. пер.*)

43

Этот сюжет, как и рассказ о поездке Филопатора в Иерусалим, приведен по довольно сомнительному описанию, содержащемуся в так называемой Третьей книге Маккавейской. Однако мы не можем считать его полностью вымышленным. Каждый из этих сюжетов может основываться на преданиях, имеющих историческую подоплеку. Вместе с тем Иосиф Флавий (Против Апиона. II, 5) утверждает, что приказ об избииении евреев был отдан вторым Эвергетом. Вполне вероятно, что и сам Филопатор, и его внук Эвергет придумали один и тот

же способ для совершения своей мести. (*Примеч. авт.*)

44

Нам неизвестно, когда именно произошло это событие. (*Примеч. авт.*)

45

Эта история пересказана Афинеем: *Афиней*. Пир мудрецов. VII, 2. Пер. Н. Т. Голинкевич.

46

Здесь и далее цитируется сочинение Полибия: *Полибий*. Всеобщая история. XV, 26. Пер. Ф. С. Мищенко.

47

Камень с вырезанным на нем текстом Розеттского декрета хранится в Британском музее. Его в 1799 г. обнаружил французский офицер артиллерии. (*Примеч. авт.*)

48

Ее принято называть Клеопатрой I. (*Примеч. авт.*)

49

Ее принято называть Клеопатрой II. (*Примеч. авт.*)

50

Автор несколько недооценивает Ктесибия и его вклад в науку. Дело в том, что данный ученый заложил основы пневматики, гидравлики и теории сжатого воздуха; изобрел, помимо всего прочего, поршневой насос для поднятия воды из колодцев. (*Примеч. пер.*)

51

Тит Ливий. История Рима от основания города. XLIV, 19. 7. Пер. О. Л. Левинской.

52

Там же, 14.

53

Эта встреча описана в: *Тит Ливий*. История Рима от основания города. XLV, 12. (*Примеч. пер.*)

54

Македонский царь Персей шел перед триумфальной колесницей Эмилия Павла. (*Примеч. авт.*)

55

Тит Ливий. История Рима от основания города. XLV, 13. 1.

56

Мы не знаем, какая из двух девушек – старшая, уже обрученная со своим дядей Эвергетом, или младшая – в итоге вышла замуж за Александра Баласа. (*Примеч. авт.*)

57

Нам неизвестно, какое место занимал Эвпатор в истории династии Птолемеев. В одних источниках он назван старшим братом Филометора, а в других – его сыном, пережившим отца всего на несколько месяцев. Причиной возникновения подобных различий может быть неаккуратное составление текстов, в одних из которых имя Эвпатора стоит перед именем Филометора, а в других – после него. (*Примеч. авт.*)

58

Ее принято называть Клеопатрой III. (*Примеч. авт.*)

59

Здесь допущена неточность. Естественно, женщина попала в плен к Кизикену (Антиоху Кизикскому), супругу убитой ею Клеопатры IV. (*Примеч. пер.*)

60

Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога «История Филиппа». XXXIX, 4. 6. Пер. А. А. Деконского, М. И. Рижского.

61

Эта и следующая цитата проводятся по: *Афиней*. Пир мудрецов, 73. Пер. Н. Т. Голинкевич.

62

Virtus – это добродетель в широком смысле; *pietas* – набожность, почтение к богам государства (*лат.*).

63

Здесь дан дословный перевод, однако следует отметить, что данный термин является неудачным в отношении истории Древнего Рима. Автор имеет в виду, скорее всего, людей, возможно не способных похвастаться своим происхождением, но с помощью, например, торговли сумевших заработать значительные деньги. (*Примеч. пер.*)

64

Данный термин также является не очень удачным. Скорее всего, автор имеет в виду наемных работников и представителей аналогичных категорий населения.

65

Указ издан в 79 г. до н. э. (*Примеч. авт.*)

66

Плутарх. Катон, 36. Пер. С. П. Маркиша.

67

Цицерон. Речь в защиту Марка Целия Руфа. XXI, 51. Пер. В. О. Горенштейна. Целия обвиняли, помимо всего прочего, в избииении александрийских послов и попытке отравления главы посольства, того самого Диона, для чего он якобы подкупил рабов Луция Лукреция, у которого тот жил. Далее Цицерон, отвергая все эти обвинения, прямо заявляет: «Ведь тот, кто это сделал, либо не боится кары, либо даже все признает; ведь он царь» (X, 23), имея в виду Птолемея Авлета. (*Примеч. пер.*)

68

Письмо Марка Туллия Цицерона Публию Корнелию Лентулу Спинтеру (Fam., I. 7). Пер. В. О. Горенштейна.

69

Письмо Att. IV, 8. Пер. В. О. Горенштейна.

70

Теперь считается, что голова, хранящаяся в Британском музее и являющаяся иллюстрацией ко многим изданиям, представляет собой изображение жительницы Сирии. (*Примеч. авт.*)

71

Плутарх. Помпей, 78. Пер. Г. А. Стратановского.

72

Плутарх. Помпей, 79.

73

Оригинал завещания находился в Риме, а копия хранилась в Александрии. (*Примеч. авт.*)

74

Неизвестный автор. Александрийская война, 23. Пер. М. М. Покровского.

75

Лукан. Фарсалия, или Поэма о гражданской войне. X. 282–284. Пер. Л. Е. Остроумова.

76

Авл Геллий. Аттические ночи. IX, 6. 2. Пер. А. Тыжова. Авл Гелий ошибочно приписывает текст этой речи Квинту Цецилию Метеллу Ну-мидийскому. На самом деле он принадлежит его дяде – Квинту Цецилию Метеллу Македонскому. (Примеч. пер.)

77

Письмо Цицерона Титу Помпонию Аттику (Att. XV, 15). Пер. В. О. Горенштейна.

78

По словам Плутарха, Цезарь несколько раз отверг диадему, предложенную ему Антонием (*Плутарх. Антоний, 12*). Хотя вопрос о том, жаждал ли он диадемы и, соответственно, царского титула, остается спорным. (*Примеч. пер.*)

79

Пер. В. Брюсова.

80

Плутарх. Антоний, 24. Пер. С. П. Маркиша.

81

Не очень понятно, о каком Боэции идет речь. Наиболее известный обладатель этого имени жил в конце V – начале VI в. до н. э. (*Примеч. пер.*)

82

В русском переводе сочинения Диогена Лаэртского «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» эта цитата выглядит несколько иначе. На вопрос о том, чувствуют ли боги радость от поклонений и молитв, Сильпон ответил: «Глупый ты человек, такие

вопросы задают не на улице, а с глазу на глаз!» (II, 11). Пер. М. Л. Гаспарова. (*Примеч. пер.*)

83

Наутилусы, или кораблики, – род головоногих моллюсков. (*Примеч. пер.*)

84

В русскоязычном переводе этот фрагмент из «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха выглядит следующим образом: «Антоний завещал, чтобы его тело, если он умрет в Риме, пронесли в погребальном шествии через форум, а затем отправили в Александрию, к Клеопатре» (Антоний, 58). Пер. С. П. Маркиша. (*Примеч. пер.*)

85

В русскоязычном переводе этот фрагмент из сочинения Плутарха выглядит следующим образом: «Ах, Клеопатра, не разлука с тобою меня сокрушает, ибо скоро я буду в том же месте, где ты, но как мог я, великий полководец, позволить женщине превзойти меня решимостью» (Антоний, 76). Пер. С. П. Маркиша. (*Примеч. пер.*)